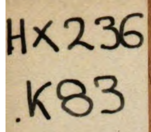

Princeton University Library
32101 059621845

HX236
.K83

VET TES EN
NOV TAM TVM
Dei
Sub Numine
Viget

Коллонтай

А. Коллонтай.

По рабочей Европѣ.

Силуэты и эскизы.

(Изъ записной книжки лектора).

ИЗДАНІЕ М. И. СЕМЕНОВА
С.-Петербургъ. 1912.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

СОДЕРЖАНІЕ.

Германія.

ПФАЛЬЦЪ.

		стр.
I.	Практическое знакомство съ партійнымъ аппаратомъ.	1
II.	Открытое собраніе въ фабричномъ Людвигсхафенѣ .	8
III.	Въ партійной кнейпѣ	11
IV.	Среди рабочихъ химическаго производства	15
V.	Германія прошлаго и будущаго (Шпейеръ)	19
VI.	Ландау	26
VII.	Мои хозяева	33
VIII.	Въ портняжной мастерской	37
IX.	Партійный комитетъ и забастовка въ Z	42
X.	Фермеры Пфальца	46
XI.	На станціи	51

ГЕССЕНЪ-ДАРМШТАДТСКІЙ.

I.	„Красный Оффенбахъ“ и русскіе кожевники	53
II.	Рѣшеніе комитета	58
III.	На лекціи „передвижныхъ курсовъ“	60
IV.	Открытое собраніе въ Оффенбахѣ	62
V.	Бесѣда съ редакторомъ-ревизіонистомъ	64
VI.	Изъ психологіи лектора	68
VII.	Юный табачникъ	70
VIII.	Въ поселкѣ табачной фабрики	73

Англія.

I.	„Зеленая Англія“	78
II.	У мистрисъ Монтефіоре	80
III.	Вечеръ въ честь пріѣзжихъ агитаторовъ	86

стр.
IV. Митингъ „A. S. S.“ 89
V. Интервьюерши 95
VI. Лондонскіе контрасты 96
VII. На митингѣ организованныхъ работницъ 101
VIII. Типы бездомныхъ 107
IX. Суфражетки за работой 112
X. Завтракъ у Хайндмана 116
XI. Среди соотечественниковъ 121
XII. Совѣщаніе юніона металлистовъ 123
XIII. Первое мая 126

Саксонія.

ПО ГОРОДАМЪ.

I. Вечеръ взносовъ (Zahlabend) въ Дрезденѣ 135
II. Стачка на угольно-брикетномъ заводѣ 142
III. У соотечественницы 146
IV. Мейссенъ 153
V. Дискуссіонный вечеръ для женщинъ (Leseabend) . . 158
VI. Хемницъ. Въ „Геверкшафтсхаузѣ“ 164
VII. Проблемы пола въ рабочей средѣ 168
VIII. Въ танцлокалѣ 178
IX. Нѣмецкая гризетка 185

Саксонія.

ПО ДЕРЕВНЯМЪ И МѢСТЕЧКАМЪ.

I. Въ деревнѣ Боквицъ 190
II. Возлѣ бумажной фабрики 196
III. Бабуся 199
IV. За кружкой пива 202
V. Одинъ „изъ прежнихъ“ 208
VI. Въ поселкѣ цвѣточницъ 212
VII. Въ глухомъ углу 216
VIII. Бурное собраніе 221
IX. Вербовка членовъ 224
X. Идеалистъ 228
XI. Промышленное гнѣздо 231
XII. Мѣстные типы („Карменъ“) 235

стр.
XIII. Дѣтская экскурсія 241
XIV. Умирающій городъ 244
XV. Женская долюшка 250

Данія.

I. Копенгагенъ 254
II. На женской конференціи 258
III. Митингъ соціалистокъ 260
IV. Конфликты 262
V. На открытіи международнаго конгресса 267
VI. „Нашъ день“ 269
VII. Народные митинги 272
VIII. Товарищескій ужинъ 275
IX. Типы и встрѣчи 280
X. Собраніе молодежи 286
XI. Прощальный вечеръ въ городской ратушѣ 289

Швеція.

I. Собраніе въ народномъ паркѣ 293
II. Осмотръ Мальмэ 298
III. У фру Даніельсонъ 303
IV. На прощальномъ обѣдѣ 306

ПРИМѢЧАНІЕ АВТОРА.

Отсутствіе возможности продержать лично корректуру повлекло за собою тотъ прискорбный фактъ, что въ текстъ книги вкрались опечатки и неточности перевода. Прошу исправить ихъ при чтеніи слѣдующимъ образомъ:

Стр.	Строка сверху.	Строка снизу.	СТОИТЪ:	НАДО:
4	—	1	„Hallo" (Ура!)	„Hallo" (Галло).
13	—	3	à part	à parte.
38	1	—	Matilda	Matilde
39	22	—	кроткое тѣло	крѣпкое тѣло.
54	16	—	Правленіе	Центральный комитетъ партіи.
55	—	11	грязные конкуренты	злостные конкуренты.
69	—	2	факты „освѣщены"	факты „освѣжены" въ памяти.
82	въ примѣч.		„Общество борьбы за избирательное право всѣхъ взрослыхъ"	„Союзъ борьбы за избирательное право для совершеннолѣтнихъ".
83	17	—	англійскій „гротъ"	англійскій „home".
98	—	7	гонорности"	чопорности".
124	19—20	—	5 шилл. въ недѣлю. Семейнымъ—8 шил. И на эти 8 шил.	15 шил. въ недѣлю. Семейнымъ—18 шил. И на эти 18 шил.
129	13	—	„Clerion"	„Clarion".
171	—	8	она здѣсь не хозяйка	не она здѣсь хозяйка.
192	1	—	Blasewitz	Bockwitz.
193	—	10	Blasewitz	Bockwitz.
201	5	—	уже на ея шеѣ	уже давно на ея шеѣ.
209	—	11	я и тогда	и я тогда.
218	6	—	романъ Лаевица	романъ Ласвица.
225	въ примѣч.		„Равенство"—названіе газеты	„Равенство"—женскій партійный журналъ.
233	—	6	моральной силы съѣздовъ	моральной силы союзовъ.
259	15	—	„политически - безжалостнымъ"	„политически-безграмотнымъ".
266	10	—	Мистриссъ Деснардъ	Мистриссъ Деспардъ.
269	3	—	торжественности молитвы	торжественности момента.
271	9	—	Кантштадтъ	Канштадтъ.
282	10	—	Я—радакторъ	Я—редакторъ.

ГЕРМАНІЯ.

I. ПФАЛЬЦЪ.

I. Знакомство съ мѣстнымъ «партійнымъ аппаратомъ».

Мое первое выступленіе передъ нѣмецкой рабочей публикой назначено въ Людвигсхафенѣ.

Городъ характерный-фабричный. Носится густая копоть; цѣлый лѣсъ фабричныхъ трубъ; скучныя, однородныя сѣрыя улицы, отсутствіе зелени, магазины, набитые дешевкой, озабоченные пѣшеходы, громыхающія фуры, несмолкаемый звонъ трамвайныхъ колокольчиковъ... Даже Рейнъ у береговъ казарменнаго Людвигсхафена тускнѣетъ и лѣниво катитъ свои помутнѣвшія волны.

А на томъ берегу—оживленный, нарядный, торговый Маннгеймъ, съ иголочки чистый, распланированный на равные квадратики, такъ что названіе улицъ легко замѣняется сочетаніемъ буквъ азбуки. Нарядные торговые дома, шумныя кафе, виллы стиля-модернъ... Какой контрастъ съ тусклымъ, закопченнымъ Людвигсхафеномъ!

Накрапываетъ дождикъ; отъ осѣдающей копоти мутнѣютъ лужи и темнѣютъ ручейки, стекающіе съ панелей... Прохожу мимо пустыря; взрыхленная, темная почва безъ признака оживляющей зелени. Изъ раскрытыхъ пустыхъ черныхъ оконъ глядитъ гнетущая тоска сѣрой, однородной жизни, полной глу-

хихъ. неотвязныхъ заботъ. Что-то темное ложится на душу, пригнетаетъ, томитъ...

На пустырѣ странно безшумно играютъ дѣти. Среди нихъ на кривыхъ ножкахъ, безпомощно ковыляетъ малышъ 2—3 лѣтъ, спотыкается, падаетъ, но не плачетъ. Какъ будто и онъ уже позналъ всю тщету облегчающихъ жалобъ, всю безцѣльность взыванія къ чужой помощи... И отъ этихъ расползающихся по пустырю дѣтей, медлительныхъ въ движеніяхъ, безшумныхъ, еще нуднѣе на душѣ.

Вотъ и «партійный домъ». Главное зданіе занято типографіей и экспедиціей Пфальцской газеты. Во дворѣ—редакція и различныя партійныя бюро.

Стучусь въ редакцію.

— «Войдите».

За столомъ крупная фигура самого редактора. Торопливо строчитъ. Нѣсколько изумленный, недоумѣвающій взглядъ.

— «Вы желаете?..»

Объясняю, кто я. Сразу появляется привѣтливая улыбка, и мнѣ любезно предложенъ стулъ.

— «Прекрасно, что вы такъ пунктуально прибыли. Ваше первое выступленіе назначено на завтра, въ Людвигсхафенѣ. Затѣмъ... Вы писали, что располагаете тремя недѣлями? Расписаніе составлено, — вы объѣздите фабричныя мѣстечки Пфальца. Плата, по покрытіи расходовъ на проѣздъ, по 20 мар. за выступленіе. Собственно, обыкновенно, мы платимъ меньше, 10—15 м., но ввиду исключительныхъ обстоятельствъ,— Вы своего рода «приманка» — комитетъ рѣшилъ ассигновать повышенный гонораръ».

Улыбается, разглядывая меня не безъ любопытства.

— «Не лучше ли относительно дальнѣйшихъ моихъ выступленій сговориться уже послѣ того, какъ я проведу первое собраніе? Я еще никогда публично не говорила по-нѣмецки; опасаюсь, удовлетворю ли?»

Лицо редактора сразу принимаетъ озабоченное выраженіе; высоко поднимаются его рѣдкія, свѣтлыя брови.

— «Да, конечно, это было бы всего цѣлесообразнѣе. Но мы не могли пригласить васъ на одно выступленіе,—это слишкомъ дорого бы обошлось. Маршрутъ вашъ составленъ и отпечатанъ. Поглядите».

Онъ протягиваетъ мнѣ Пфальцскую газету, гдѣ крупными буквами сообщается о моемъ турнэ. . .

. . . .

Овладѣваетъ невольное смущеніе; а вдругъ не удовлетворю?

— «Будемъ разсчитывать, что удовлетворите. Вы же свободно владѣете языкомъ. Эти русскіе—у нихъ необычайный талантъ къ языкамъ, вѣроятно потому, что ихъ собственный языкъ такой трудный»...

Стереотипная фраза, намозолившая уши за табльдотами. Краткая бесѣда на тему сравнительнаго языковѣдѣнія, и редакторъ встаетъ.

Аудіенція кончена.

— «Теперь я васъ поведу къ областному партійному секретарю—надо васъ представить».

Спускаемся во второй этажъ.

— «Онъ, какъ и я,—бывшій металлистъ. Дѣловая голова, прекрасный ораторъ и вообще подаетъ большія надежды», поясняетъ на ходу редакторъ. Навстрѣчу намъ встаетъ высокій, худой мужчина лѣтъ 27-ми. Сухое, нѣсколько жесткое выраженіе сжатыхъ губъ странно контрастируетъ съ ласковыми, мягкими голубыми глазами.

Редакторъ по всей формѣ представляетъ меня.

Партійный секретарь строго офиціаленъ и сухъ. Ведемъ бесѣду стоя.

— «Мы признательны, что вы согласились поработать въ нашемъ округѣ. Имѣйте, однако, въ виду: за послѣднее время здѣсь довольно сильно ощу-

щается увлеченіе анархизмомъ, особенно среди молодой публики; попрошу васъ поэтому обратить спеціальное вниманіе на этотъ вопросъ и остановиться на немъ поподробнѣе въ вашихъ рѣчахъ».

— «Постараюсь. Въ какой же формѣ сказывается у васъ анархизмъ? Есть организаціи?»

— «Пафъ! организаціи... Нѣтъ, такъ далеко дѣло разумѣется не зашло, мы бы не допустили, но молодежь настроена критически. Осуждаетъ «улиточный шагъ» нашего движенія, склонна къ безтолковымъ стачкамъ, не санкціонированнымъ союзами, кричитъ о безцѣльности работы въ коммунальномъ самоуправленіи... Однимъ словомъ, много крику, шуму и «критицизма»...

— «Во многомъ они не такъ неправы, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда», вставляетъ редакторъ.

— «И въ томъ, что Genosse G. благодаря ихъ крику не прошелъ въ городское самоуправленіе?» запальчиво перебиваетъ секретарь.

— «Ну, конечно, они нѣсколько преувеличиваютъ, переходятъ границу»... примирительно замѣчаетъ редакторъ.

— «Переходятъ границу! Еще бы не переходили границы, когда мы изъ-за нихъ теряемъ голоса. Нѣтъ, любезнѣйшій товарищъ К., политика не игра и не поприще для «романтическихъ» экспериментовъ, а трезвое, практическое дѣло; это слѣдуетъ помнить тѣмъ, кто во главѣ движенія,—вотъ, что я вамъ скажу»...

Редакторъ явно задѣтъ... Очевидно за этимъ случайно вспыхнувшимъ споромъ скрывается обычное разногласіе двухъ партійныхъ направленій. Голоса повышаются; обрывочные факты, имена, ядовитые намеки... Я—забыта.

«Hallo! (Ура!) Да они всѣ тутъ! а я весь домъ обѣ-

галъ», вкатывается маленькій, плотный человѣкъ въ коричневой альпійской курткѣ. Увидя меня — осѣкается.

Споръ умолкаетъ. Снова офиціальный тонъ.

— «Это—агитаторша, русская, которую мы выписали, чтобы предложить объѣздить Пфальцъ.—Нашъ кассиръ».

— «Добро пожаловать!.. Такъ. Значитъ, хотите посѣтить нашъ Пфальцъ? О, Пфальцъ великолѣпенъ, несравнимъ, особенно сейчасъ весною. И вино... Вы думаете Рейнское лучше? Ошибка! Заблужденіе! Невѣжество!.. Наше вино—лучшее въ мірѣ... Что? Думаете патріотизмъ? Ха-ха!.. Вотъ такъ многіе говорятъ. Но только пока не попробуютъ. Конечно, если вы всякую безвкусную поддѣлку будете принимать за Пфальцское вино... Но, я васъ угощу настоящимъ... Завтра, послѣ вашей рѣчи... Идетъ?» Его глаза весело поблескиваютъ и вся его подвижная, шумная особа нарушаетъ торжественность дѣловаго пріема.

Партійный секретарь возстанавливаетъ прерванную дѣловитость.

— «Попрошу васъ въ каждомъ городѣ передъ собраніемъ переговорить съ мѣстными представителями организаціи, чтобы знать на какіе пункты обратить особое вниманіе, ознакомиться нѣсколько съ запросами населенія... Гдѣ вы будете говорить?»

Протягиваю газету.

Слѣдуетъ рядъ бѣглыхъ указаній: Грюнстадтъ—почти деревня, много организованныхъ фермеровъ, Ландау — ремесленный городъ, Цвейбрюккенъ — фабричное мѣстечко.

— «А какъ велико число организованныхъ въ самомъ Людвигсхафенѣ?»

Фабричное населеніе достигаетъ почти 50-ти тысячъ, профессіонально организовано свыше 6000, въ партіи состоятъ около 1800.

— «1873 человѣка» быстро вставляетъ кассиръ.

— «Только-то?»

— «Развѣ это мало? Это — 12% организованныхъ... Мы здѣсь работаемъ всего 20 лѣтъ. Къ тому же, соціалистовъ разумѣется больше, чѣмъ значится по партійнымъ спискамъ. Большинство организованныхъ въ союзы—наши. Но въ партію не входятъ по понятной причинѣ: не подъ силу нести бремя двойныхъ взносовъ».

— «Не двойныхъ, а тройныхъ», поправляетъ кассиръ, «вы забываете еще страховые взносы. Извольте-ка платить 2 — 3 м. въ союзъ ежемѣсячно, 40 пф. въ партійную кассу, выписывать партійную газету, дѣлать взносъ при открытыхъ собраніяхъ... Это не каждый бюджетъ выдержитъ...

— «А женщинъ? Много въ мѣстной организаціи женщинъ?»

— «Въ нашемъ округѣ движеніе пока слабо. Переживаемъ переходную стадію, послѣ новаго закона о собраніяхъ. Дѣлаемъ, что возможно...»

Чувствую, что пора уходить.

Условливаемся, когда за мной зайдутъ завтра, чтобы вести на собраніе.

На улицѣ, при мысли о близкомъ выступленіи передъ незнакомой публикой, да еще на чужомъ языкѣ охватываетъ непріятное волненіе!... Скорѣй бы прошелъ завтрашній день...

Теперь отыскать русскаго рабочаго,—къ нему есть «дѣло» — и домой, въ казенно-скучный номеръ. Дождь прекратился, но сѣрая мгла виситъ надъ городомъ. Шагаю по пустыннымъ, сѣрымъ улицамъ. Снова группа ребятишекъ; гоняютъ волчки по тротуару, молча, сосредоточено. Личики не по дѣтски серьезны, ни безсвязнаго дѣтскаго лепета, ни безпричиннаго смѣха... Жизнь уже и ихъ придавила...

На душѣ—нудно; сосетъ обезкураживающее созна-

ніе: что смогу сдѣлать, что смогу «дать» своей работой?

Вотъ и жилище моего русскаго знакомаго-незнакомца. Типичная нѣмецкая «бюргерская» обстановка: деревянная кровать подъ высоко взбитыми перинами, диванъ и столъ, покрытые вязанными салфетками, неизбѣжная этажерка съ безвкусными бездѣлушками, раковинами, искусственными цвѣтами... Чистота образцовая. На коврѣ ни пылинки, страшно ступить на лоснящійся полъ. Въ такой комнатѣ у насъ въ Россіи охотно поселился бы любой мелкій чиновникъ, не то, что студентъ; здѣсь живетъ рабочій красильной фабрики, получающій 3 м, 50 пф. въ день...

Его самого нѣтъ дома, но хозяйка уговариваетъ обождать: сейчасъ обѣденный перерывъ, «господинъ З.» долженъ съ минуты на минуту вернуться...

Не проходитъ и десяти минутъ, какъ онъ дѣйствительно является. Увидалъ меня—растерялся; онъ въ блузѣ, съ немытыми руками, прямо изъ мастерской. Условливаемся, когда и гдѣ повидаться, и я ухожу. По дорогѣ вспоминаю, что для реферата нужна послѣдняя книга Каутскаго «Христіанство и Соціализмъ». Сворачиваю къ партійному дому. Можетъ быть еще не разошлись изъ редакціи?

Стучусь. Недовольный голосъ редактора.

— «Кто тамъ? Войдите»...

Изумленное и не совсѣмъ любезное лицо.

Тороплюсь изложить свою просьбу.

— «Каутскаго? «Христіанство и Соціализмъ»? Нѣтъ, сколько я помню ея въ редакціи не имѣется. Давно вышла?»

— «Мѣсяца три, четыре тому назадъ...»

— «Да, да... Помню, слышалъ... Нѣтъ у насъ ея не найдете. Спросите въ книжномъ магазинѣ... Или вотъ еще что: нѣтъ ли ея у товарища - соредактора? У него прекрасная библіотека»...

Пріотворяетъ дверь въ сосѣднюю комнату.

— «Мой соредакторъ». Навстрѣчу намъ подымается представительный баварецъ; одѣтъ тщательно, почти щеголевато. «Докторъ Н., ein Akademiker» *). Редакторъ похлопываетъ по плечу «akademiker'a» и кажется гордится своимъ помощникомъ.

Но и у «академика» книги Каутскаго не оказывается. Онъ даже нѣсколько смущенъ,—будто не слышалъ о ней. Извиняюсь и ухожу, тоже смущенная. Партійная редакція, а не слѣдитъ за своей литературой; какъ же это такъ?

II. Открытое собраніе въ фабричномъ Лидвигсхафенѣ.

Огромный залъ съ хорами, человѣкъ на 800, переполненъ. Публика—рабочая; большинство пріодѣлось къ собранію, но мелькаютъ и синія блузы. Стоитъ равномѣрный гулъ сотенъ голосовъ. Покрывая говоръ, несутся однообразные выкрики келльнеровъ: «Schnitt Münchner». «Ein Pfälzer». «Zwei dunkle».

На эстрадѣ, за столомъ весь президіумъ уже въ сборѣ. Знакомятъ съ тучнымъ, немолодымъ господиномъ—членомъ мѣстнаго ландтага.

— «Референтка въ первый разъ будетъ говорить по нѣмецки», какъ бы заранѣе извиняется за меня редакторъ.

Членъ ландтага киваетъ, глядитъ пытливо, недовѣрчиво. Въ президіумѣ вообще ощущается безпокойство; со мной—сдержанно офиціальны, будто боятся «въ кредитъ» оказать любезность. Перешептываются.

Мое волненіе растетъ. Что, если «не удовлетворю»? Разглядываю залъ, ищу въ немъ поддержки. Публика

*) Академикъ—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ.

бесѣдуетъ, пьетъ пиво, ждетъ терпѣливо, равнодушно... Ищу женщинъ. Ихъ много. Но на лицахъ не вижу «сочувствія», ободряющаго интереса; глядятъ либо съ чисто-женскимъ любопытствомъ, въ которомъ всегда скрывается доля «злорадства», на «новую», либо холодно-безразлично. Какъ будто въ этой залѣ никто ничего отъ меня не ждетъ... Сбоку, за отдѣльнымъ столомъ,—полицейскій чинъ съ лихо закрученными усами.

— «Это потому, что мы въ плакатѣ написали, что вы—русская», поясняетъ редакторъ: «послѣ новаго закона 1908 года полиція на наши собранія не ходитъ. Совѣтую вамъ все же сегодня быть осторожнѣе, не переходить границъ, чтобы не было непріятностей ни вамъ, ни намъ.

Обѣщаю «не переходить границъ»... Сердце бьется мучительно. Будетъ ли когда нибудь конецъ этой пыткѣ ожиданія? Завидую всѣмъ, кому сегодня не надо говорить. Въ головѣ ощущенье странной пустоты, будто не осталось ни одной мысли. Какъ будто не помню даже: какая сегодня тема рѣчи?

Встаетъ предсѣдатель, членъ ландтага. Ему принадлежитъ вступительное слово.

Вслушиваюсь. По мѣрѣ того, какъ его рѣчь затягивается, въ настроеніи совершается знакомая перемѣна: волненіе и страхъ изчезаютъ безслѣдно, уступая мѣсто лихорадочной «жаждѣ слова». Какъ длинно, мертво говоритъ членъ ландтага, и все же его слушаютъ внимательно, съ интересомъ. Настороженное ухо ловитъ неудачный оборотъ, неподходящее выраженіе; публика этого не слышитъ, не замѣчаетъ—она вся вниманіе. Скорѣй, скорѣй бы моя очередь...

«Предоставляю слово сегодняшней референткѣ, нашему русскому товарищу К.»...

Я у рампы. Кафедра стѣсняетъ; не могу говорить,

когда эта деревянная стѣнка отдѣляетъ отъ слушателей. Ближе, ближе къ нимъ...

— «Genosse und Genossinnen»... (Товарищи!)

Первыя фразы брошены въ залъ, но голова еще туманна, мысли не льются плавнымъ, размѣреннымъ потокомъ, онѣ скачутъ, перебиваются... Мѣшаетъ чужой языкъ. И только неожиданный взрывъ благодарныхъ апплодисментовъ возвращаетъ полное самообладаніе. Теперь ужъ не голосъ хозяинъ надо мною, теперь уже я могу имъ модулировать. Въ головѣ идетъ особая нервная работа: мысли, образы, сравненія возникаютъ съ фантастической быстротой; слѣдишь лишь за тѣмъ, чтобы не упустить нити основныхъ мыслей, спѣшно лихорадочно разматываешь клубокъ своей рѣчи.

Публика настороженa. Громкіе «Pfuirufe»—знакъ порицанія по адресу тѣхъ, кто пользуется необезпеченнымъ положеніемъ работницы и толкаетъ ее на путь проституціи,—прерываютъ мою рѣчь. «Sehr richtig», несется изъ залы въ томъ мѣстѣ, гдѣ проводится паралель между политикой Пруссіи и Россіи. Добродушный смѣхъ отмѣчаетъ, что мой анекдотъ «усвоенъ»... Теперь поднять бы настроеніе, выше, торжественнѣе... Кажется, что эти сотни глазъ, устремленныхъ на меня, ждутъ отъ меня «вѣщаго» слова, ждутъ «чуда», чуда избавленія отъ ига сѣраго, безпросвѣтнаго существованія... Гдѣ, гдѣ найти это «вѣщее» слово?

Послѣднія фразы брошены въ залъ и подхвачены отзывчиво. Предсѣдатель, редакторъ, кассиръ жмутъ руку.

— «Не сказать, что вы въ первый разъ публично говорите на нѣмецкомъ языкѣ».

Они не щедры на похвалы, но лица улыбаются. Успокоились,—«не подвела»... Предсѣдатель говоритъ заключительное слово; репортеръ партійной газеты

проситъ конспектъ рѣчи. Какія то незнакомыя лица обступаютъ, разспрашиваютъ о Россіи...

Когда мы проходимъ мимо полицейскаго чина, онъ останавливаетъ предсѣдателя.

— «Что? Какая нибудь непріятность?»

— «Напротивъ, господинъ «полицейскій коммиссаръ» очень удивленъ, гдѣ вы успѣли выучиться по нѣмецки? Да, у васъ русскихъ необыкновенный талантъ къ языкамъ», вздыхаетъ предсѣдатель.

Но я «стойко» молчу, не поддаюсь и не поддерживаю излюбленной темы «сравнительнаго языковѣдѣнія».

У входа меня ловятъ соотечественники.

— «Вы давно изъ Россіи?»—«Я васъ слышала въ Москвѣ».

— «Вы знаете, товарищъ В. былъ здѣсь, читалъ рефератъ и разсказывалъ, что...» Слѣдуетъ потокъ послѣднихъ «новостей» колоніи и мелкихъ сплетенъ. Нѣмецкіе товарищи нетерпѣливо машутъ руками—мы идемъ въ кнейпу пить пфальцское вино.

— «А все таки ваша рѣчь была мало революціонна.. Вы говорили въ нѣмецкомъ духѣ... Мы вами недовольны», кричитъ вслѣдъ маленькій черненькій соотечественникъ и тутъ же прибавляетъ: Завтра я къ вамъ зайду. Есть дѣло».

III. Въ партійной кнейпѣ.

Въ партійной «кнейпѣ», скромномъ, накуренномъ трактирчикѣ, сидятъ за пивомъ мѣстные организованные рабочіе. Молодежи мало, все больше солидные Familienvater'ы. Потягиваютъ пиво, изрѣдка переговариваются. Въ глубинѣ залы щелкаютъ билліардные

шары. Весь президіумъ на лицо. Усаживаемся за круглый столъ, посреди залы. Насъ провожаютъ взгляды полные любопытства, но кланяются издали, къ намъ не подходятъ. Возлѣ нашего стола суетится лишь хозяинъ кнейпы; самъ приноситъ вино, разставляетъ зеленые бокалы... Знакомятъ «съ женами» редактора, предсѣдателя, кассира, «академика». Безцвѣтныя лица, затянутыя въ жестокіе корсеты, пестрыя шляпы, пестрыя блузочки—явное намѣреніе «принарядиться». Разсматриваютъ меня съ любопытствомъ.

Пробую втянуть въ разговоръ.

-- «Что дѣлается здѣсь въ области охраны материнства?»

— «Охрана материнства?» Безпомощно переглядываются, ищутъ поддержки у мужей. «Артуръ! ты долженъ это знать...»

— «Вы развѣ не работаете въ организаціи?»

— «Гдѣ мнѣ! у насъ четверо дѣтей... Сегодня и то опоздала на вашъ рефератъ: у меня была «grosse Wäsche»... Но я еще никогда не видала русской женщины, поэтому и пришла.

— «Oh je! не видали «русской»! мнѣ онѣ поперекъ горла стали», изумляется жена кассира, «у насъ онѣ постоянно толкутся... Надоѣли. Unsaubere Menschen... Окурки на полъ бросаютъ, прійдутъ разсядутся, какъ у себя дома. А одинъ разъ, впустила я русскаго, когда мужа не было дома; непремѣнно его дождаться хотѣлъ... Не сидѣть же мнѣ съ нимъ? Пошла я въ кухню, а онъ въ это время открылъ шкафъ»...

— «Анна!» рѣзкій окликъ кассира, «и глупа же ты однако»...

Жена смущенно умолкаетъ.

Разговоръ вертится на пустякахъ. Пробую перевести на «политическія темы», на предстоящіе въ округѣ выборы, но вижу, что сейчасъ это «не къ

мѣсту». Компанія рѣшила «веселиться». Кассиръ пускаетъ шуточки, остритъ; «жены» поощряютъ его громкими взрывами смѣха, мужья посмѣиваются въ свои стаканы.

— «Отчего вы не пьете? Развѣ вино не чудесное? Послѣ него на десять лѣтъ молодѣешь», пристаетъ кассиръ.

— «Голова заболитъ? Пустяки. Голова болитъ только отъ плохого, дешеваго вина, а за этотъ стаканъ я 75 пф. заплатилъ; отъ такого вина голова только свѣжѣе дѣлается»...

Послѣ третьяго бокала у него самого глаза дѣлаются масляннными и шутки принимаютъ весьма двусмысленный характеръ.

Разспрашиваю сосѣда, академика, объ условіяхъ труда въ данной мѣстности. Сосѣдъ охотно вступаетъ въ бесѣду; онъ держится чуть-чуть въ сторонѣ отъ остальныхъ и кажется щеголяетъ своими бонтонными манерами.

Узнаю, что въ Людвигсгафенѣ сконцентрированы крупнѣйшія красильныя и химическія фабрики Германіи. Отрасль весьма доходная для предпринимателей и весьма плачевная для продавцовъ рабочей силы. Ежегодно сотни рабочихъ умираютъ отъ отравленія. Водянка почти неизбѣжное послѣдствіе, профессіональная болѣзнь, такъ сказать... Много несчастныхъ случаевъ, вслѣдствіе ряда санитарно-техническихъ упущеній, и далеко не всѣ потерпѣвшіе получаютъ вознагражденіе,—трудно подвести подъ соотвѣтствующіе параграфы. Ведется агитація за 9 ч. рабочій день, но во многихъ случаяхъ и 8 ч. является слишкомъ продолжительнымъ...

Слушаю съ интересомъ. Бесѣда наша принимаетъ характеръ à part.

— «Хотите я васъ проведу на одинъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ химическихъ заводовъ?»

— «Конечно хочу». Уславливаемся относительно дня. И вдругъ замѣчаю: злые, несчастные, ревнивые глаза «жены», пятна на щекахъ...

Господи, какая глупость!

Минута колебанія, досады... Отклоняю предложеніе. Жена вздыхаетъ облегченно.

Мы уже у выхода, когда сталкиваемся съ областнымъ партійнымъ секретаремъ. Онъ только что вернулся съ дѣловой поѣздки.

— «Подождите, не расходитесь, надо кое-о-чемъ потолковать». Отъ него такъ и вѣетъ дѣловой энергіей. «Они согласны при перебаллотировкѣ поддержать нашего кандидата... Больше того, готовы даже не выставлять своего, если мы обяжемся въ третьемъ округѣ при перебаллотировкѣ подать голоса за д-ра Б.»

Дѣло идетъ о замѣщеніи двухъ кандидатовъ въ Рейхстагъ и о соглашеніи съ свободомыслящими.

Сообщеніе секретаря сразу нарушаетъ благодушное отдохновеніе. Подымаются шумные протесты. Образуются два лагеря: за соглашеніе секретарь и членъ ландтага, на сторонѣ «непримиримыхъ» редакторъ и кассиръ. Сидѣвшіе за другими столами рабочіе побросали свое пиво и обступили спорящихъ. Стѣнка, отдѣлявшая «рядовыхъ» отъ партійныхъ генераловъ, пала, исчезла; задѣтъ живой, всѣхъ одинаково волнующій вопросъ. На завтра рѣшаютъ созвать экстренное собраніе.

Меня провожаютъ до дому академикъ съ женой. Академикъ презираетъ «ревизіонистовъ» и осуждаетъ поведеніе секретаря.

— «Я всегда противился избранію его на этотъ постъ. Въ профессіональномъ движеніи малый былъ на своемъ мѣстѣ.

Но въ патріи—это дѣло другое. Здѣсь мало одной практической сметки, здѣсь необходима теоретическая подготовка, ширина кругозора... Эти господа профес-

сіоналисты только и дѣлаютъ, что своей политикой «сегодняшняго дня» вносятъ «ядъ» ревизіонизма въ движеніе... Нѣтъ, чтобы стоять во главѣ партійнаго движенія надо прежде всего быть человѣкомъ съ теоретическимъ образованіемъ, а эти самоучки...

— «Да, да», мой мужъ былъ бы гораздо больше на мѣстѣ въ роли партійнаго секретаря», выдаетъ «секретъ» непріязни къ «самоучкамъ» наивная супруга.

— «Ну этого я не говорю», спѣшитъ загладить ея неловкость академикъ. «Я настаиваю на одномъ: партійному функціонеру необходима теоретическая подготовка. Помилуйте, эти господа «практическіе политики» никогда ничего не читаютъ... Спросите ихъ, читали ли они Маркса? Сомнѣваюсь... Питаются однѣми газетными статейками, рѣдко, если перелистаютъ «Neue Zeit»... Это недопустимо».

Вспоминаю, что и самъ «господинъ академикъ» не очень-то слѣдитъ за партійными новинками, хочется «коварно» напомнить о книгѣ Каутскаго... Но мы уже у подъѣзда моей гостинницы. Прощаемся, и спѣшу въ свой номеръ.

IV. Среди рабочихъ химическаго производства.

Фабричное мѣстечко Р.—конечный пунктъ электрическаго трамвая. Меня провожаетъ на собраніе «самъ» секретарь. Онъ весь полонъ заботой о предстоящихъ выборахъ. Произойдетъ или не произойдетъ соглашеніе со свободомыслящими? Споримъ.

«Вы не считаетесь съ жизнью. Нельзя же закрывать глазъ на положеніе вещей... Наши шансы вовсе не такъ велики, какъ вы воображаете... Если мы

откажемся отъ соглашенія, голоса разобьются, и пройдетъ католикъ. Каждое наше пораженіе стоитъ намъ гораздо больше того, чѣмъ думаютъ теоретики. Оно роняетъ престижъ партіи, вѣру въ ея силу... Мы до сихъ поръ не можемъ оправиться отъ пораженія 1907 г. Всѣ тѣ колеблющіеся элементы, которые послѣ побѣды заявляютъ себя нашими стронниками, отшатываются и уходятъ. Надо же съ этимъ считаться!»

— «Но, выставляя общаго кандидата, вы себѣ затрудняете агитацію. Классовыя разграниченія»...

Онъ нетерпѣливо перебиваетъ.

— «Хороша была бы наша позиція, еслибъ отъ формальнаго соглашенія могло бы поколебаться классовое самосознаніе... Не намъ заботиться о раздуваніи классовой розни; объ этомъ въ достаточной мѣрѣ хлопочетъ сама капиталистическая дѣйствительность. Я самъ пролетарій, испилъ эту чашу до дна и знаю, по опыту, что не агитаціонныя рѣчи, а сама жизнь толкнула меня на путь борьбы...»

Мастерски рисуетъ картину эксплуатаціи въ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ самъ провелъ свою юность.

Мы пріѣхали. Одноэтажный бѣлый домъ, казарменнаго вида—единственный залъ мѣстечка. Кругомъ бѣлые, низкіе дома-избы; пыльная, безлюдная, широкая, скучная улица... Падаютъ сумерки.

Залъ еще пустъ. Тоскливо сиротѣютъ пустыя скамейки и столы. Только возлѣ пивного прилавка толпится небольшая группа мужчинъ.

Секретарь глядитъ виновато.

— «Это все погода виною... Весна, теплый вечеръ, къ тому же воскресный день... Будь дождь—залъ былъ бы набитъ, а теперь каждому хочется «ins Freie», въ поля, на просторъ»...

Медленно, будто нехотя, наполняется залъ. Все лица солиднаго возраста, много стариковъ. Женщинъ мало. Молодежь—исключеніе. Странно тихо, безжиз-

ненно въ этой большой, полутемной, полу-пустой залѣ... Пришедшіе сидятъ молча, апатично попивая свое пиво, понуривъ голову... Быть можетъ дремлютъ?..

— «Жалкій, забитый нуждою народъ... Въ мѣстечкахъ всегда хуже, чѣмъ въ большихъ центрахъ. Условія работы тяжелѣе, плата голодная... Туго поддаются движенію».

— «Отчего тутъ все старики? гдѣ молодежь?»

— «Старики? Вы думаете это старики? Это профессія ихъ такъ старитъ,—въ 40 лѣтъ выглядятъ дряхлыми старцами... Вредная профессія. Тутъ все рабочіе химическихъ фабрикъ. Другихъ жителей въ Р. почти и не встрѣтишь. Поглядите на эту женщину: ей не больше 20 лѣтъ, а на видъ какова?»

Изсине-блѣдный цвѣтъ лица, вздутыя вѣки, сгорбленная спина и уродливо торчащій животъ...

Рѣчь свою секретарь начинаетъ съ упрека, стыдитъ отсутствующихъ: пропустили «рѣдкій случай» послушать «изъ устъ русской» о томъ, что творится въ этой своеобразной, непонятной странѣ, съ ея «ужасами», и ея героями... Говоритъ живо, образно. Картины и живыя сравненія—знакомыя аудиторіи, выхваченныя изъ жизни. Слушаю и забываю, что сейчасъ—очередь за мною. Сегодня—ни волненія, ни желанія говорить. Еслибъ можно было отказаться!..

Но секретарь кончилъ. Мнѣ предоставлено слово. Говорю вяло, дѣлаю усиліе «воодушевиться», пробую «искусственный пафосъ» и перехожу на дѣловой тонъ. Слушаютъ внимательно, но холодно. «Тока» между мною и слушателями не устанавливается. На душѣ смутно, скверно...

. . . .

У самой двери—пустой трамвай. Садимся.

— «Мы хотимъ васъ поблагодарить, Genossin... Мы оба васъ слушали. Любопытно, какъ люди въ

другихъ странахъ живутъ»—вагоноважатый и кондукторъ оба жмутъ руку, улыбаются.

— «Это наши, партійные», поясняетъ секретарь. «Теперь у насъ много трамвайнаго персонажа въ группѣ».

— «Ну, какой тамъ много!.. Десятка съ два наберется... А безъ насъ—дѣлу крышка! Все—мы... Вотъ и у васъ въ Россіи: еслибъ трамваи не забастовали—не было бы и всеобщей забастовки».

— «Въ Россіи забастовку провели желѣзно-дорожные служащіе», поправляетъ секретарь.

— «Ну все равно! Безъ насъ тоже дѣла не сдѣлаете... Только народъ у насъ больно запуганный, въ ежовыхъ рукавицахъ держитъ насъ администрація... Чуть-что, и за бортъ... А вы думаете наше положеніе лучше, чѣмъ фабричнаго? Конечно, плата выше, но проживи-ка съ семьей на 105 м. въ мѣсяцъ?

Служба собачья.... Вотъ они, вагоновожатые, бастовать вздумали, требовали отмѣны платы по числу километровъ... Ничего не получилось! Сила пока не на нашей сторонѣ... Но мы еще поборемся, мы еще имъ покажемъ»...

Публика набирается въ вагонъ и кондукторъ идетъ на свое мѣсто. Съ площадки онъ продолжаетъ улыбаться намъ, будто мы всѣ «сообщники» и знаемъ что-то «свое», недоступное публикѣ...

Покачиваясь плавно и равномѣрно скользитъ трамвай вдоль бѣлаго шоссе, обсаженнаго деревьями. Вечеръ тепелъ и мягокъ. Мелькаютъ поля, луга, виллы съ садами... Вдали, отражая полный, яркій, мѣсяцъ, серебрится сказочный Рейнъ... Доносится запахъ цвѣтущихъ вишенъ и абрикосовъ... Хочется въ тишину, хочется пошептаться съ природой, углубиться въ нѣжно-зеленѣющій лѣсокъ... Понятно теперь, почему залъ былъ пустой... О городѣ непріятно вспоминать, но огни его быстро приближаются, растутъ. Пахнетъ бензиномъ, коксомъ, назойливо звонятъ трамваи,

громыхаютъ тяжелыя фуры... Вьется длинной вереницей фланирующая по улицамъ воскресная публика. Надрываются граммофоны въ душныхъ кнейпахъ... Мы—въ Людвигсхафенѣ.

V. Германія прошлаго и будущаго (Шпейеръ).

— «Сегодня вамъ предстоитъ интересное выступленіе, Шпейеръ—«красное гнѣздо». Народъ сознательный, организованный», поясняетъ секретарь снова провожающій меня на собраніе. «Но мы пріѣхали рано и потому еще успѣемъ осмотрѣть городъ. Шпейеръ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ этой мѣстности». Съ широкаго современнаго бульвара, съ его идеальной чистотой, съ изящными ново-стильными виллами, сворачиваемъ въ узенькія, средневѣковыя улицы.

Живописные домики, сбѣжавшіе съ полотенъ средневѣковаго живописца: остроконечныя крыши выдающіеся вторые и третьи этажи, причудливо разбросанныя по фасаду оконца, пестрыя украшенія на стѣнахъ, изображенія святыхъ въ нишахъ... Улицы извиваются, сплетаются, путаются, образуютъ тупики... Неожиданно разступаются картинные домики, и на широкой площади встрѣчаетъ насъ главная достопримѣчательность Шпейера—Соборъ 1003 года.

Архитектура тяжелая,—простыя, массивныя формы,—поражаетъ грандіозностью размѣровъ; это не зданіе, а цѣлый городокъ башенъ, переходовъ, пристроекъ вокругъ главнаго корпуса. Спускаемся въ нижнюю, наиболѣе древнюю церковь. Оббитыя, кривыя, неудобныя каменныя ступени; слабо мерцаютъ огоньки передъ пестрыми святыми въ нишахъ... Корридоръ су-

живается; нависаютъ изрытыя временемъ каменныя глыбы. Обступаетъ мракъ и тишина, трудно дышать въ затхло-сыромъ воздухѣ подземелья...

— «Осторожно—здѣсь поворотъ».

Во тьмѣ обрисовываются неясные контуры низкихъ, причудливыхъ, тяжелыхъ сводовъ. Строгими рядами бѣлѣютъ саркофаги: епископъ въ остроконечной тіарѣ, рыцарь въ доспѣхахъ, герцогиня съ молитвенно-сложенными тонкими длинными пальцами... Алтари украшены цвѣтами, лентами; колеблется, мерцаетъ пламя свѣчей...

За рѣшетками, въ темнотѣ глубокаго свода, могила двухъ Габсбурговъ, братьевъ, что закололи другъ друга на поединкѣ. Разбираю: 1164 годъ.

— «А вотъ и могила жены Фридриха Барбароссы», показываетъ секретарь. «Старикъ, по народному повѣрью, до сихъ поръ сидитъ въ подземельѣ и ждетъ, когда родной народъ позоветъ его снова... Пожалуй не дождется теперь; испортили ему дѣло наши «соци»... Подымаемся въ верхнюю церковь. Гулко звучатъ наши шаги по каменнымъ плитамъ. Заходящее солнце пестрыми узорами, прорываясь сквозь цвѣтныя окна, ложится на полъ, избитый, истоптанный ногами десятковъ поколѣній молящихся. Высоко убѣгаютъ къ небу стрѣльчатые своды... Какая особая тишина въ этихъ старыхъ храмахъ, будто воздухъ еще весь напоенъ тяжелыми вздохами «чающихъ», «вѣрующихъ»... Говоримъ невольнымъ шопотомъ.

Входная дверь распахивается. Шелестя одеждами, вливается темный потокъ монахинь; картинно колышутся бѣлыя покрывала, мягко падаютъ складки ихъ черныхъ одеждъ... За ними—нѣсколько старушекъ и юныхъ дѣвицъ... И снова властвуетъ беззвучный покой. Торжественная мелодія въ минорномъ тонѣ разрываетъ тишину. Передъ алтаремъ, неспѣшно, въ картинной одеждѣ, движется свѣтлый силуэтъ слу-

жителя церкви. Зажигаются свѣчи... Тухнутъ послѣдніе красные лучи солнца, быстро падаютъ сумерки... Шелестятъ четками монахини, торжественно распространяется, заполняетъ купола, убѣгаетъ въ раскрытыя окна тягучая минорная мелодія органа... На душѣ непривычно торжественно, почти молитвенно. Мой спутникъ молча глядитъ въ высь куполовъ, и на его некрасивомъ, суховато-жесткомъ лицѣ появляется дѣтски-мечтательное выраженіе. Власть прошлаго окутала насъ своими чарами...

— «Теперь пора». Мой спутникъ встаетъ. Я не сразу соображаю, въ чемъ дѣло? Ахъ, да! сейчасъ мое собраніе. Чуть дрогнуло сердце... Хмѣль прошлаго не сразу спадаетъ, въ ушахъ еще звучатъ торжественные звуки органа. Пахнетъ увядающими цвѣтами на алтаряхъ... И сразу изъ глубины вѣковъ—въ пульсирующую жизнь настоящаго, нѣтъ, вѣрнѣе,—«грядущаго» будущаго...

Залъ большой, въ два свѣта, весь полонъ. За неимѣніемъ мѣста вынесены столы; сидятъ тѣсными рядами. На этотъ разъ много юныхъ лицъ, оживленныхъ, полныхъ любопытнаго ожиданія. Впереди—старцы; славныя германскія лица, длинные волосы; опираются на палочки, переговариваются, ждутъ... Женщины сидятъ отдѣльно, какъ въ прежнихъ храмахъ.

Предсѣдатель сѣдой старичекъ, съ ласковой снисходительностью хлопаетъ по плечу.

«На этой эстрадѣ много разъ говорилъ unser Alte (нашъ старикъ) (т. е. В. Либкнехтъ), и Эрхартъ, и Ауэръ... Всѣ ушли, всѣ ушли... Все меньше насъ, стариковъ. Вмѣстѣ переживали законъ о соціалистахъ... Энгельса—лично зналъ. Въ Англію къ нему ѣздилъ. А нашъ Августъ»...

— «Gennosse L. (Товарищъ)! Пора начинать», дѣловито перебиваетъ секретарь.

Въ залѣ повышенная атмосфера живого интереса, сочувствія. Лица внимательныя, безъ «скепсиса». Охватываетъ лихорадочное нетерпѣніе. Кровь бьется въ вискахъ, холодныя струйки колющей дрожью пробѣгаютъ по рукамъ. Сегодня «удастся»...

Предсѣдатель-старичекъ говоритъ вступительное слово о Россіи. Голосъ слабый, рѣчь посредственная, но много въ ней тепла, и публика довольна. Только бы не обмануть ожиданій... Стараюсь запомнить совѣты секретаря: говорить популярнѣе, конкретнѣе, не бояться «упрощать» свою мысль, не бояться «банальныхъ», обще-извѣстныхъ истинъ... «Помните всегда, что на такихъ, открытыхъ собраніяхъ многіе впервые слышатъ соціалиста; они должны прежде всего узнать наши основы».

Уже съ первыхъ словъ чувствую, что «токъ» между мною и слушателями установился. И уже не знаешь: сама ли говоришь, или это они, эти внимательныя лица, диктуютъ мысли, образы, картины? Странная легкость во всемъ существѣ; помимо сознанія находишь нужныя интонаціи, жесты... Гипнозъ! Толпа внизу и я на эстрадѣ—одно неразрывное цѣлое. Созвучіе полнѣе, сліяніе совершеннѣе... И вдругъ что-то обрывается. Кругомъ шелестъ, движеніе, кашель... «Токъ» прекратился... На лицахъ бродятъ «чужія» мысли, «свои» заботы, «свои» думы...

Ушли, вырвались... Обрываешь начатую мысль, «не прочувствованную», запутанно-сложную, и бросаешь живое, понятное, близкое аудиторіи слово. И снова въ единый клубокъ собрана толпа, и крѣпко держишь нить вниманія...

Не упустить бы!..

Вверхъ и внизъ, вверхъ и внизъ... Идетъ трудный, волнующій «поединокъ»... Еще одно, послѣднее усиліе... Уже не чувствуешь себя отдѣльно отъ аудиторіи, «хмѣль» собственной рѣчи опьяняетъ, и несешься

впередъ, къ концу рѣчи, съ непонятной стремительностью... Звенятъ и замираютъ послѣднія слова..

Залъ сразу наполняется говоромъ, шумомъ, движеніемъ. Толпа, предоставленная себѣ, распалась, разсыпалась. Снова каждый живетъ самъ въ себѣ и какъ будто усиленнымъ движеніемъ спѣшитъ сбросить съ себя остатокъ гипноза. Но минута сліянія «во едино», минута потери своего «я», въ общемъ, однородномъ, переживаніи, оставляетъ сладко-волнующее воспоминаніе, и благодарныя руки тянутся ко мнѣ со всѣхъ сторонъ...

Сразу ощущаешь упадокъ силъ, утомленіе... Но объ отдыхѣ думать еще рано. Снова партійная кнейпа, снова столъ съ «избранными» членами мѣстнаго партійнаго комитета. И снова типичное лицо кассира въ коричневой альпійской курткѣ, добродушное выраженіе, аккуратность и дѣловитость образцовая, но полное отсутствіе «ораторскихъ талантовъ», и, какъ на грѣхъ, словоохотливъ! Узнаю, что у него своя мельница, что дѣла идутъ изъ рукъ вонъ плохо, что кругомъ мелкіе фермеры—народъ безденежный, въ долгу какъ въ шелку, что у него было двѣнадцать человѣкъ дѣтей—всѣ перемерли.

Выражаю соболѣзнованіе.

— «Да, да... Это большое несчастье.. Ни тебѣ за покупками послать, ни тебѣ порученіе исполнить... Все сами, все жена, да я... И поденщика брать приходится въ жаркое время, а будь дѣти живы, разумѣется, своими силами бы обходились... Невыгодно это, что и говорить. А почему помираютъ—понять не могу!».

— «Кому подавай дѣтей, а кому они крестъ Божій»... вздыхаетъ худой рабочій съ желтымъ лицомъ и острыми скулами. «Мои, вотъ, живутъ и живутъ... Семеро ихъ. Изъ голода не выходимъ, а вотъ не умираютъ... Одиннадцать мѣсяцевъ безъ работы маялся... Ужъ какъ жили-то, и не перескажешь...»

— «А союзъ развѣ не помогалъ вамъ?».

— «Какъ не помогалъ? Я же—организованный; положенное время получалъ пособіе; да развѣ на эти деньги проживешь, когда въ семьѣ девять голодныхъ ртовъ? Если-бъ не партія—издыхать бы пришлось. Мнѣ моя старуха и то говорила: «убей ты насъ, все лучше, чѣмъ этакая мука...». Я на фабрикѣ перьевъ работалъ... Дрянная фабрика, мелкая... Платили за гроссъ перьевъ, а гроссъ около 70 граммъ вѣситъ; по вѣсу, значитъ, для скорости расплату производили... Только вѣсы-то у насъ фальшивые оказались: показывали 70 граммъ, а на самомъ дѣлѣ мы имъ на всѣ 80, а то и 90 граммъ поставляли товару... Возмутились мы. Забастовали. Мучался народъ, шесть недѣль бастовалъ. Не сдается хозяинъ... Пошелъ въ союзъ; говорю: «продержимся еще недѣлю—дѣло выиграемъ». Я съ конторщикомъ дружбу велъ и всѣ разсчеты хозяина зналъ. А они—сдаваться вздумали... Созвали собраніе... Я выступилъ... Народъ озлобился, кричитъ, ругается. «Сыты мы твоей глупой затѣей... Шесть недѣль безъ хлѣба сидимъ...». Изголодались... У кого ребенокъ померъ, у кого родители переболѣли... Съ квартиръ повыгоняли... Плохо пришлось намъ... «Потерпите недѣльку, наша возьметъ!»—говорю имъ. А они—слышать не хотятъ... Спасибо бабамъ, онѣ мужчинъ-то перекричали. Много у насъ ихъ на фабрикѣ было, и ужъ очень ихъ обижали... Рѣшили бастовать... Помощь изъ Гамбурга пришла... А черезъ два дня хозяинъ самъ сдался. Да только меня-то, тово—въ шею... «Больно крикливъ», говорятъ; и волчій паспортъ дали. Вотъ и проболтался одиннадцать мѣсяцевъ безъ дѣла... Куда ни сунусь—отказъ. У нихъ, у хозяевъ, организація нашей не уступитъ, стойкая!.. На счастье мое экспедиторъ потребовался въ нашей партійной редакціи; пристроили, кое-какъ живу... Только трудно намъ съ женой; вѣдь семеро ребятъ, и всѣ живутъ

и живутъ...». На лицѣ тупая апатія, безнадежность... Душно, темно отъ этого разсказа. А рядомъ уже льется другая повѣсть не менѣе безнадежная, сѣрая, о жизни въ столярной мастерской, о ткацкой фабрикѣ, о гвоздильномъ заводѣ... Кассиръ требуетъ моей росписки въ полученіи «гонорара». Расписываюсь въ нѣсколькихъ книгахъ.

У выходныхъ дверей насъ окружаетъ толпа еще совсѣмъ юной, зеленой молодежи, лѣтъ 17-ти, 18-ти.

— «Это—члены нашей мѣстной организаціи молодежи» поясняетъ секретарь. Славныя, юныя лица, задорный огонекъ въ глазахъ, наивная восторженность и безграничная вѣра...

Россія!.. «Революціонныя бури»... — это дышетъ «романтизмомъ», это полно поэзіи геройства... И они почтительно-робко окружаютъ меня.

— «Въ вашихъ тюрьмахъ совсѣмъ нѣтъ оконъ?».

— «А правда, что революціонеры устраивали склады бомбъ во дворцахъ?».

— «Вѣрно ли, что казаки могутъ застрѣлить любого прохожаго на улицѣ и за это не отвѣчаютъ передъ закономъ?».

— «А вы участвовали въ процессіи попа Гапона?».

Наивные дѣтскіе глаза, полные любопытства; ждутъ заманчивой по своей жуткости «сказки» о странѣ, гдѣ «такъ холодно, что всѣ ходятъ въ звѣриныхъ шкурахъ».

— «И женщинъ у васъ вѣшали? И мальчиковъ пятнадцати лѣтъ?».

Глаза расширяются, полны страха, недовѣрія, любопытства...

Поѣздъ приближается. Надо садиться. Десятокъ рукъ сразу тянется для рукопожатія. Зовутъ на празднество «партійнаго гимнастическаго общества»; будетъ фейерверкъ, танцы...

Милые, славные «кусочки будущаго», увижу ли ихъ когда нибудь снова? Завтра другія, новыя лица попадутъ въ поле зрѣнія и заслонятъ этихъ...

— «Кланяйтесь Бебелю въ Берлинѣ»,—кричитъ въ догонку старичекъ предсѣдатель, махая шляпой. Для него въ Берлинѣ—одинъ лишь Бебель...

Вагонъ нашъ бросаетъ изъ стороны въ сторону. Въ раскрытое окно врывается запахъ полей, молодой, весенней листвы. Вспоминается весна на далекой родинѣ, бѣлыя ночи съ ихъ таинственной ворожбой. Подступаетъ тоска... Но поддаваться настроенію не время: надо обдумать тему завтрашней рѣчи...

VI. Ландау.

День за днемъ собранія. Мелькаютъ лица, города. Большіе залы, съ принаряженной по праздничному рабочей публикой городовъ, скромныя кнейпы глухихъ мѣстечекъ, изнуренныя лица, апатичные взгляды, въ которыхъ застыла безнадежность... И всюду неизбѣжное посѣщеніе кнейпы; послѣ собранія, все тѣ же вопросы о Россіи, порою поражающіе освѣдомленностью, порою дѣтски-наивные; такъ мы разспрашивали бы о папуасахъ. Въ мѣстечкахъ—мелкіе, будничные интересы. Лишь въ округѣ Ландау-Нейштадтѣ настроеніе живѣе, ощущается близость дополнительныхъ выборовъ.

Возвращеніе въ свой номеръ далеко за полночь.

На утро неизбѣжная прогулка по городу и его окрестностямъ, осмотръ «достопримѣчательностей».

Уже подъѣзжая къ городу, не безъ тревоги выглядываю изъ оконъ вагона: нѣтъ ли на горѣ стараго замка, разрушенной башни, остатки крѣпости или

просто Aussichtsturm'a? Не миновать мнѣ ихъ, и никакія ссылки на усталость тутъ не помогутъ. «Хозяева» желаютъ показать свой городъ во всемъ блескѣ, и достопримѣчательностью я должна буду насладиться... Каждый немного презрительно отзывается о сосѣднемъ городѣ, изъ котораго я только что прибыла, и умѣетъ въ своемъ гнѣздѣ найти неоспоримыя преимущества. «Патріотизмъ» своего рода, особенно яркій у тѣхъ, кто изъ родного города никогда и не выѣзжалъ. Посѣщеніе союзнаго или партійнаго дома, редакціи, дѣловые переговоры съ отдѣльными лицами,—и поѣздъ уже мчитъ меня снова въ сосѣднее мѣстечко... Тамъ, на перронѣ, ждетъ товарищъ, съ мѣстной партійной газетой въ рукахъ—условный знакъ. И снова собраніе, кнейпа, прогулка.

Жизнь бѣжитъ, какъ колесо...

Сегодня Ландау. Встрѣчаетъ толстенькій краснощекій, съ огромными свирѣпыми усами... Онъ усиленно машетъ газетой, такъ какъ по внѣшнему виду я его принимаю за обывателя и прохожу мимо.

— «Отъ имени мѣстнаго комитета избирательнаго округа Нейштадтъ-Ландау привѣтствую васъ и выражаю признательность за согласіе провести у насъ рядъ собраній». Долго трясетъ руку.

— «Я—предсѣдатель мѣстнаго комитета»,—торжественно и не безъ важности. «Собраніе у меня, въ моей кнейпѣ. Помѣщеніе, правда, небольшое, но зато всегда къ нашимъ услугамъ. Городъ занятъ гарнизономъ, и мы долгіе годы страдали отъ отсутствія залъ. Гарнизонъ бойкотируетъ кнейпы, отдающія свое помѣщеніе подъ собраніе соціалъ-демократовъ. Разумѣется хозяева закрываютъ двери передъ нами, чтобы не лишаться выгодныхъ кліентовъ—солдатъ. Пришлось самимъ открыть кнейпу. Дѣла идутъ не дурно. Хе-хе! пожалуй лучше стоять за прилавкомъ съ пивомъ, чѣмъ

таскать кирпичи. Я—бывшій строительный рабочій. Былъ секретаремъ. Ну, конечно, теперь совсѣмъ иное дѣло... Вотъ только наши либералы портятъ все дѣло. Въ городскомъ самоуправленіи—ихъ большинство. Можете себѣ представить, что они придумали? Обложить всѣ кнейпы спеціальнымъ налогомъ съ каждой откупоренной бочки... Представляете себѣ: съ каждой бочки? Слыхали вы когда-либо что-нибудь подобное? Это грабежъ, это разореніе... Мы этого не потерпимъ, это немыслимо пропустить...»

Онъ останавливается, чтобы вытереть потъ, обильно струящійся по его красному лицу.

Пробую навести своего словоохотливаго собесѣдника на вопросъ о предстоящихъ выборахъ, но мѣстныя «злобы дня» ближе его сердцу, и мои вопросы падаютъ на неблагодарную почву наивнаго равнодушія. Зато узнаю, что мѣстный бургомистръ, хотя и считается въ рядахъ «свободомыслящихъ», въ тайнѣ дружитъ съ католическими попами—нѣкоторые люди «собственными глазами» видѣли, какъ къ его дому подъѣзжала коляска самого епископа; что начальника гарнизона смѣняютъ за то, что его жена не умѣетъ вести себя прилично, что о ней по всему городу ходитъ очень дурная молва; что секретарь мѣстной партійной группы, хотя и «прекрасный молодой человѣкъ», но обладаетъ и крупными недостатками: грубъ и заносчивъ, воображаетъ себя здѣсь хозяиномъ и всѣмъ вертитъ, что...

Дѣлается невыносимо душно отъ этихъ разсказовъ, хочется не слушать, заткнуть уши.

— «Далеко еще?»

— «Нѣтъ, минутъ пятнадцать, не больше». И снова нудный, тягучій потокъ провинціальныхъ сплетенъ.

И городъ скучный, обывательскій. Широкія, пыльныя улицы, низкіе, шаблонно-казарменной архитектуры дома, отсутствіе зелени. Ни крупныхъ магази-

новъ, ни даже кафе. Пѣшеходы—рѣдкость. На краю—темнѣютъ казармы. Обсыпая насъ пылью проносится верхомъ взводъ солдатъ. Скучно, какъ разсказы моего спутника...

Вотъ и партійная кнейпа. Наконецъ!

Залъ еще пустъ. Лишь отдѣльныя группы сидятъ за пивомъ и картами.

Навстрѣчу намъ подымается высокая фигура секретаря округа. Энергичное лицо, сурово, почти трагично сдвинутыя брови. Критически, недовѣрчиво окидываетъ меня взглядомъ и неуклюже жметъ руку. Типичное лицо и этотъ огонекъ враждебности, затаенный въ живыхъ, внимательныхъ глазахъ, такъ и просятся на полотно.

— «Намъ надо съ вами переговорить до начала собранія, надо знать, на что обратить главное вниманіе въ моей рѣчи. Разскажите вкратцѣ о положеніи вещей въ Ландау. Какія сейчасъ «злобы дня»?

Садимся въ сторонкѣ. Не спѣша, обстоятельно, какъ будто «снисходя» къ моему невѣжеству, онъ рисуетъ картину мѣстной жизни. Городъ не промышленный. Всего одна фабрика, мыловаренная. На ней занято до 300 человѣкъ. Но къ нимъ нѣтъ доступа. Администрація отгородила ихъ отъ міра колючей стѣной своей лже-заботливости и предусмотрительности. Возлѣ фабрики построены наемныя казармы-жилища, сдаютъ только «своимъ», не дорого, правда, но для жильцовъ существуютъ драконовскія правила: посѣтителей не допускаютъ, кто пришелъ домой позднѣе опредѣленнаго часу платитъ штрафъ. «Истинное рабство»... Фабрика слѣдовательно въ счетъ не идетъ; на нее пока махнули рукой. Организованы лишь ремесленники. Ремесленныхъ мастерскихъ много, работаютъ на гарнизонъ. Недурно идутъ дѣла строительнаго союза, крѣпки—портные. Что касается партіи, то жаловаться не приходится, особенно, если

вспомнить, что лѣтъ десять тому назадъ работу начали на пустомъ мѣстѣ. Въ округѣ числится свыше 500 членовъ. За послѣднiй годъ роздано было 20 тыс. агитацiонныхъ листковъ; большое число ихъ попало въ руки рекрутовъ. Собранiй за годъ бываетъ не меньше 50-ти для членовъ и свыше 20—открытыхъ. Теперь, передъ выборами, жизнь, конечно, оживится, есть надежды пополнить кадры партiи новыми членами...

— «А сколько женщинъ въ организацiи»?

— «Женщинъ? Мало. Законъ, дающiй имъ право организоваться политически, еще такъ недавно вступилъ въ силу... Впрочемъ, сейчасъ у насъ дѣла поважнѣе, чѣмъ вся эта возня съ женщинами». Въ голосѣ пренебреженiе. Онъ рисуетъ всю опасность возможнаго соглашенiя съ «либералами». Они ведутъ здѣсь среди хозяйчиковъ и ремесленниковъ весьма опасную агитацiю, выступаютъ противниками новыхъ государственныхъ налоговъ, критикуютъ черно-синiй блокъ, борются съ католиками. Однимъ словомъ, надѣваютъ на себя личину политическаго «радикализма». А это сѣетъ путаницу въ умахъ. Приходится усиленно отмежевываться, выдвигать наши конечныя цѣли. Разумѣется весь ихъ демократизмъ «словесный». На дѣлѣ они были и есть тѣ же «буржуазные филистеры», враги рабочаго класса, которымъ дороги только интересы собственнаго кармана. Слѣдуетъ рядъ примѣровъ «измѣнническаго» и «предательскаго» поведенiя либераловъ. Секретарь явный врагъ «соглашенiя». При моемъ упоминанiи о противоположныхъ воззрѣнiяхъ Людвигсхафскаго секретаря, онъ рѣзко меня обрываетъ: «Ревизiонисты! Ведутъ все движенiе въ болото... Узколобые... Карьеристы!» Нѣсколько человѣкъ, обступившихъ насъ, одобрительно киваютъ головами, точно такъ, какъ въ Людвигсхафенѣ кивали тамошнему секретарю, когда онъ говорилъ за соглашенiе.

«Что бы намъ ни предписывали, мы на соглашеніе не пойдемъ... И пусть распнутъ меня, но я буду стоять за чистоту и отчетливость нашей классовой тактики... Нечего заводить шуры-муры съ эксплуататорами».

— «Онъ правъ! Совершенно вѣрно», хоромъ поддерживаютъ окружающіе.

— «Попрошу васъ въ вашей рѣчи отчетливо отмѣтить разницу между «радикализмомъ» буржуазныхъ либераловъ, какія бы «народныя» клички они себѣ не присваивали, и революціонностью классовой рабочей политики».

Обращеніе ко мнѣ звучитъ вродѣ начальническаго приказанія.

Спѣшу объяснить, что въ данномъ случаѣ мнѣ легко исполнить «просьбу», такъ какъ я сама не считаю соглашеніе цѣлесообразнымъ.

— «Прекрасно. А теперь можно и открыть собраніе».

Помѣщеніе дѣйствительно небольшое, низкое; воздухъ тяжелый, весь пропитанный дымомъ и пивными испареніями. Но публики набралось много. Тѣсно сидятъ за столами съ пивомъ, толпятся у стѣны, у входной двери. Человѣкъ двѣсти. Быстро подсчитываю женщинъ—всего 12.

Много сутуловатыхъ фигуръ, съ впалыми грудями. Лица нездоровыя, желтыя.

— «Это все портные. Публика организованная», объясняетъ секретарь. «А тамъ—строительные рабочіе». Эти здоровѣе на видъ; крѣпкія, плотно-сшитыя фигуры, загорѣлыя лица, и одѣты щеголѣватѣе.

Говорю съ усиліемъ; спертый воздухъ затрудняетъ дыханіе, сушитъ горло. Но публика—благодарная. Частые возгласы, благодарные дружные взрывы смѣха послѣ каждой шутки. Особенно шумно, почти демонстративно хлопаетъ одна изъ сидящихъ впереди женщинъ съ живыми, черными глазами.

Послѣ моего реферата предполагается дискуссія. Но предсѣдатель тщетно и неоднократно взываетъ къ аудиторіи; жмутся, смущенно глядятъ въ полъ, какъ школьники, не выучившіе урока. Молчатъ. Предсѣдатель терпѣливо дожидается. Длится тягостное, неловкое молчаніе. Вдругъ изъ угла несмѣло поднимается рука.

— «Слово принадлежитъ товарищу Дишу».

— «Смущаясь, не находя сразу необходимыхъ выраженій, вступаетъ мой оппонентъ въ «тактическую» дискуссію. Онъ не согласенъ съ моей постановкой вопроса относительно «соглашенія». Оправившись, начинаетъ говорить бойчѣе, увѣреннѣе. Узнаю знакомую мнѣ уже по пфальцскимъ газетамъ аргументацію областного Людвигсхафскаго секретаря, только въ нѣсколько вульгаризированномъ видѣ.

Нетерпѣливо барабанитъ секретарь Ландаускаго округа по столу; все мрачнѣе сдвигаются его трагически нависшія брови... Проситъ слова. Горячо, темпераментно льется его рѣчь. Какой мелкой и безсильной представляется вся будничная, кропотливая работа передъ неизбѣжностью побѣды новаго міра надъ старымъ... Несокрушимой вѣрой въ приближеніе дня «рѣшительной битвы» вѣетъ отъ его рѣчи, воодушевленной почти религіознымъ пафосомъ. Въ ликующихъ, радужныхъ краскахъ рисуется ему побѣда его собственнаго класса.

Куда дѣвалось усталое, безнадежное выраженіе слушателей? Глаза загораются радостью,—радостью и вѣрой въ близость избавленія, въ неизбѣжность и вѣрность побѣды... Какъ могли бы они жить и бороться, приносить нескончаемыя жертвы, откуда брали бы силы и энергію для трудной, будничной борьбы, безъ этой укрѣпляющей, одушевляющей вѣры?..

И когда секретарь заканчиваетъ свою рѣчь взрывомъ негодованія на «проклятыхъ кровопійцевъ-экс-

плуататоровъ», когда онъ объявляетъ имъ нещадную борьбу «bis in den Tod hinein» (на жизнь и смерть), враждебнымъ огонькомъ загораются лица слушателей и, какъ эхо, глухо проносится въ залѣ «bis in den Tod hinein»...

VII. Мои хозяева.

— «Вы будете ночевать у насъ, Genossin; мы уже все для васъ приготовили». И черноглазая женщина,— та, что демонстративно выражала свое одобренiе всему, что я говорила, подхватываетъ меня подъ руку. «Männchen, ты понесешь чемоданъ Genossin. Намъ недалеко идти».

Мои хозяева живутъ въ мансардномъ помѣщенiи; три крошечныя комнаты и кухня. Но чистота и порядокъ идеальные. Въ одной комнатѣ—спятъ дѣти, другая «Wohnzimmer» или гостинная, съ неизбѣжной этажеркой, заставленной безвкусными бездѣлушками, съ вязанными салфетками на мебели и выцвѣтшими фотографiями на стѣнахъ; третья—спальня, въ ней помѣщается только деревянная кровать и стулъ. Хозяева уступили кровать мнѣ.

Бѣлье свѣжее, опрятное, но приходится тонуть въ перинахъ, безпомощно барахтаться, задыхаться...

Просыпаюсь рано отъ яркаго солнечнаго луча; въ квартирѣ уже движенiе.

Мой хозяинъ—маляръ. Зарабатываетъ 30—35 мар. въ недѣлю, но въ зимнiе мѣсяцы работы не имѣетъ. Жена лѣтомъ торгуетъ овощами, зимой ходитъ по семьямъ и работаетъ по часамъ въ качествѣ судомойки, поломойки и т. д., прирабатываетъ 2—3 м. въ день. Это не такъ много, если принять во вниманiе, что у ней трое дѣтей.

— «Двое старшихъ отъ перваго мужа, младшая отъ Ганса... «Einen schönen Mann hab'ich, ni't wahr?» (хорошій у меня мужъ, не правда-ли?). На лицѣ «умиленіе» и гордость при мысли «о красавцѣ Гансѣ», который «на десять лѣтъ моложе ея»,—признается она со вздохомъ.

Ловкими, привычными движеніями накрываетъ она на столъ въ кухнѣ, гдѣ мы и пьемъ кофе. И здѣсь, въ «интимной обстановкѣ», она разсказываетъ мнѣ свой романъ.

Вдовство, необезпеченность, двое малолѣтнихъ дѣтей на рукахъ, работа въ дамской модной мастерской... Вотъ, гдѣ она научилась ненависти, вотъ гдѣ познала всю несправедливость современной жизни! Капризныя, требовательныя, кичливыя дамы-заказчицы—съ одной стороны; забитыя, изнуренныя работой рабыни-иглы—съ другой. И хозяйка-француженка, съ ея грубыми окриками для однихъ, заискивающими улыбками передъ другими... Она, Матильда Хехтъ, не хотѣла вѣрить, будто Богъ опредѣлилъ однимъ богатство, сытую, веселую жизнь, а другимъ посылаетъ одно горе, заботы. Тутъ что-то «неправильно».

Матильда всегда любила читать. Только долго не попадалась ей партійная пресса. Тогда въ городѣ вообще было мало соціалъ-демократовъ, а о собраніяхъ и подавно не было рѣчи. Какъ-то сосѣдъ одолжилъ газету—партійную. И сразу она ей пришлась по душѣ. Въ газетѣ стояло все то, что она сама уже много разъ передумала. Собрала крохи, выписала газету; безъ сапогъ ходила, а партійную литературу выписывала. Попробовала и другимъ разсказать, въ мастерской, дала газету... Хозяйка увидала. Что тутъ поднялось! Ударить ее, Матильду Хехтъ, захотѣла. Ну, ужъ этого она не стерпѣла! Все, все выложила хозяйкѣ, что накопилось на душѣ, все высказала... И дѣвушки поддержали, стали кричать, требовать луч-

шаго обращенія, повышенія платы... Испугалась хозяйка, за полиціей послала... Кончилось тѣмъ, что Матильда мѣста лишилась. Пришлось тогда поголодать. Послѣднее заложила. Главное дѣти. Зимой—метельщицей была, 40 пф. въ день зарабатывала... Жильца взяла въ свою каморку,—платить нечѣмъ было. Но себя строго «блюла». А жилецъ оказался славный парень, молодой, неопытный, прямо изъ деревни... Она ему и носки штопала, и кофеемъ дѣлилась; разумѣется «даромъ»,—что съ него взять-то!.. Ну и полюбила его... И онъ ее... Только жениться не хотѣлъ. Уперся. Сколько слезъ это стоило! А въ это время дѣла ея лучше пошли. Сестра денегъ прислала, овощами стала торговать. Можно было бы жить безъ горя... Да все Гансъ мучилъ. «Не хочу жениться!». А сосѣдки косо глядятъ, сторонятся... Не стерпѣла. Собрала послѣдніе гроши, заложила всѣ вещи, взяла дѣтей, да и уѣхала въ Висбаденъ, къ сестрѣ. А ему записку оставила: «Либо прощай навсегда, либо женись».

— «Что же вы думаете? Недѣли не прошло—пріѣхалъ за мной. И какіе это были дни въ Висбаденѣ! Райскіе.. Все-таки и у насъ, у пролетаріевъ, тоже бываетъ счастье, не только у «нихъ»—у эксплуататоровъ»... Задумалась, а по лицу блуждаютъ свѣтлыя, далекія воспоминанія.

Гансъ оказался не только не партійнымъ, но еще и ярымъ католикомъ,—къ мессѣ ходилъ и къ попамъ на исповѣдь бѣгалъ... Сколько ей стоило труда и энергіи обратить его «въ свою вѣру!». Однако, теперь онъ не только членъ строительнаго союза и партіи, но и «есть надежда», что въ этомъ году его изберутъ кассиромъ. Честность Ганса—славится. А что считаетъ плохо? Пустяки,—она хорошій счетчикъ и, разумѣется, будетъ ему помогать... Нѣтъ, изъ Ганса долженъ выйти «человѣкъ»; она въ этомъ убѣждена». Сколько материнской нѣжности и заботы въ ея словахъ...

Пошли осматривать городъ.

— «Я вамъ покажу мое любимое мѣсто въ Ландау. Сколько разъ, когда жить становилось не подъ силу, я уходила сюда, сидѣла и думала... Много тутъ моихъ слезъ въ одиночествѣ пролито...» Тѣнистый скверикъ, прудъ, плакучія ивы, пушистыя отъ молодой зелени лужайки... Скромный кусочекъ природы.

Разспрашиваю и у ней о женскомъ пролетарскомъ движеніи. Организовано всего нѣсколько женщинъ.

— «Тѣ, что вчера были на собраніи?»

— «Нѣтъ,—вчера все «жены» были. Но что это за созданія!» пренебрежительно вздергиваетъ плечами. «Развѣ это люди? «Кухонная посуда»,—вотъ онѣ кто! Да еще злыя, да еще сплетницы. Сколько изъ-за нихъ было ссоръ и непріятностей! Мужей другъ на друга натравляютъ... И развѣ имъ дороги интересы партіи? Никто не записывается въ исполнительный комитетъ по предвыборной работѣ, а сколько дѣла предстоитъ: разноска листковъ, «выманиваніе» на собранія, обходъ квартиръ, устная агитація...

Отъ женщинъ въ большой степени зависитъ исходъ выборовъ... Пробовала давать «Gleichheit («Равенство»)— возвращаютъ нечитанную. Впрочемъ вина лежитъ и на партійномъ комитетѣ; еще многіе считаютъ, что «женское движеніе» вредно,—пусть бабы у печекъ остаются. А между тѣмъ въ городѣ много ремесленницъ—швей, такихъ же, какъ и она была. И тяжело имъ живется, безпросвѣтно... Съ ними можно бы «дѣло сдѣлать»,—благодарная почва...» И вдругъ схватила меня за руку:

«Genossin! (Товарищъ!) похлопочите въ Людвигсгафенѣ; пусть бы прислали агитаторшу, спеціальную, для женщинъ... Ужъ я бы позаботилась, всѣ бы силы напрягла; собранія бы полны были, ручаюсь!..» Лицо ожило, помолодѣло, глаза блестятъ... Душно этой

энергичной натурѣ безъ дѣла въ провинціальной тинѣ гарнизоннаго городка.

— «Только, смотрите,—не проговоритесь нашему секретарю, не называйте моего имени...

— «Почему же? Я думаю, онъ порадуется, что у васъ возникла эта идея, что вы проявляете иниціативу»...

— «Ei bewahre!.. Мы съ нимъ «въ контрахъ». А если узнаетъ, что я еще женщинъ «мутить вздумала»—не проститъ мнѣ! И потомъ, это можетъ повредить моему Гансу... Еще противъ его кандидатуры возстанутъ; скажутъ: «нечего выбирать Ганса; не онъ, а Матильда будетъ у насъ кассиромъ»... Нѣтъ, ужъ вы лучше отъ себя предложите. Похлопочите; сдѣлайте, что можете».

Идемъ по улицѣ. Со стропилъ строющагося дома кто-то, одѣтый въ бѣлый балахонъ, машетъ шапкой.

— «Кто это?»

— «Не узнаете? Да это же мой Гансъ!» Сіяетъ, переговаривается, шутитъ ..

— «Зайдемъ въ портняжную мастерскую; тутъ все наши; обрадуются».

VIII. Въ портняжной мастерской.

Низкая, душная комната, хотя окна настежъ. Человѣкъ тридцать мужчинъ всѣхъ возрастовъ сидятъ, стоятъ вокругъ длинныхъ, деревянныхъ столовъ. Пиджаки сняты; многіе босые. Стучатъ швейныя машины, шипятъ утюги, тяжело громоздятся сукна...

Увидя насъ, бросаютъ работу и привѣтливо окружаютъ. Еще полны вчерашнихъ впечатлѣній, и настроеніе почти праздничное...

— «Genossin Matilda (Товарищъ Матильда) вамъ городъ показывала? Зоологическаго сада нѣтъ, такъ она васъ сюда привела, вмѣсто звѣрей на насъ поглядѣть?! А нашего «укротителя» видали? Только что здѣсь былъ».

— «Какой онъ укротитель!» перебиваетъ другой—«это мы ему «хвостъ прищемили»... Такую ему баню устроили!.. Будетъ помнить... И сразу шелковый сталъ.. Входитъ теперь—кланяется: «Meine Herren»... («Господа!»). Дружный хохотъ и отрывочные разсказы о недавно бывшемъ конфликтѣ съ хозяиномъ мастерской. Побѣда на ихъ сторонѣ: отмѣнена воскресная работа, за сверхъ-урочную—повышена плата, и «обращеніе» измѣнилось.

— «Сколько вы зарабатываете, въ среднемъ?»

— «Да какъ-кто, работа различная, мы—поштучные».

— «Но все-таки, приблизительно»...

— «Нѣтъ, такъ этого не скажешь. Вотъ напримѣръ онъ—закройщикъ, а я точальщикъ; развѣ нашу работу можно сравнить? Онъ—«ученый»!..

— «Ученый! битый онъ, за то и больше получаетъ. Кабы тебя столько били, и ты бы, пожалуй, по 50 м. въ недѣлю домой приносилъ»...

Смѣются.

— «Покорно благодарю! послѣ такого «ученья» ни одна дѣвица на тебя и смотрѣть не захочетъ».

Черноглазый парень, съ самодовольно-туповатымъ видомъ пріосанивается и поправляетъ пестрый жилетъ. Должно быть мѣстный «Донъ-Жуанъ».

— «Дѣвицы-то смотрѣть не захотятъ? ошибаешься! Наоборотъ, съ такими шрамами еще за студента сойдешь... Не устоятъ». Дружный смѣхъ и смущеніе закройщика. Теперь только замѣчаю, что глубокіе шрамы исполосовали его симпатичное лицо. Глаза глядятъ задумчиво, печально. Но шутками не обижается—это въ обиходѣ».

— «Ну, а сколько же другіе получаютъ? Вы напримѣръ:

— Я? ну, мой заработокъ въ васъ зависти не возбудитъ. Я заготавливаю канты. Копотливая работа. Больше 9—10 м. въ недѣлю не заработаешь, сколько тутъ ни старайся.

Маленькій, съ кривой спиной, въ очкахъ на остренькомъ носу и съ громадными ножницами. Такихъ портныхъ рисуютъ въ дѣтскихъ книжкахъ.

— «А вы женатый?»

— «Женатъ и шестеро дѣтей!»

— «Какъ же вы живете? Или жена тоже работаетъ?»

— «Гдѣ ей!.. Какъ живемъ? да развѣ мы живемъ? Голодаемъ... Когда безъ обѣда, когда и безъ пива... Какъ живемъ! Ха-ха! посмотрѣлъ бы я, какъ-бы вы пожили на моемъ мѣстѣ... А впрочемъ»—вдругъ перебиваетъ онъ себя и вызывающе глядитъ на меня своими живыми, злыми глазками—«взносы въ кассу дѣлаю аккуратно... Чего же вамъ еще? И упрекать меня нечего». Поворачивается и отходитъ къ работѣ.

Передо мною типичный сѣверный германецъ,—голубые глаза, свѣтлые вьющіеся волосы, кроткое рослое тѣло—Зигфридъ! Въ рукахъ блокъ-нотъ.

— «Позвольте предложить Вамъ нѣсколько вопросовъ по поводу вашей вчерашней рѣчи. Я пишу отчетъ о вчерашнемъ собраніи для нашей партійной газеты». Литературный языкъ, спокойное достоинство въ манерахъ.

— «Вы—рабочій?» невольно вырывается вопросъ.

— «Ein richtiger Proletarier... (Настоящій пролетарій...). Но не портной. Я металлистъ. Почти годъ проболтался безъ работы; случайно попалъ въ Ландау,—выѣхать не съ чѣмъ, теперь работаю въ мастерской уже пятый мѣсяцъ. Получаю 20 м. въ недѣлю—жить можно; я—холостой. Только тина здѣсь непролазная, болото. Скучно, жизни нѣтъ, интересовъ... Писать

сталъ въ газету. Хвалятъ. Можетъ быть возьмутъ въ редакцію».

— «Можно взглянуть на вашъ отчетъ».

— «Пожалуйста».

Изложено такъ, какъ дай Богъ профессіональному репортеру; нѣтъ, разумѣется, лучше, чѣмъ у профессіонала—видна личность автора, его вдумчивый умъ, съ «философской жилкой».

На похвалу онъ улыбается спокойно, почти снисходительно.

— «Вамъ надо работать, читать»... Но чувствую, что всѣ мои совѣты—излишни.. Этотъ «на дорогѣ», не пропадетъ.

— «А почему вы вашу дочку не пустили вчера на собраніе?» пристаетъ моя хозяйка къ старику, сидящему на столѣ, съ поджатыми подъ себя ногами.

— «Ишь чего! зачѣмъ ей на собраніе ходить? Жениха и въ другомъ мѣстѣ найдетъ. Не бабье это дѣло!»—строго, изъ-подъ очковъ неодобрительно глядитъ онъ на насъ. «Женщина должна знать свое мѣсто. Борьба—дѣло мужское. Вотъ развѣ, если бъ изъ нея агитаторша вышла, чтобы она такія деньги, какъ вы зарабатывала», киваетъ въ мою сторону, «тогда бы я ее и самъ на собраніе потащилъ. А то изволь за себя платить, да за нее еще платить.. 40 пф. въ мѣсяцъ, это—деньги, это на полу не валяется».

Вижу, что не валяется. Дѣлается почти неловко за тѣ 20 м., что получаю за одинъ вечеръ.

Прощаются тепло.

— «Пріѣзжайте опять! Спасибо за вчерашнее».

Сразу тянется съ десятокъ рукъ.

Только маленькій портной съ огромными ножницами смотритъ «волкомъ», и его злые, чуть насмѣшливые глазки преслѣдуютъ и колютъ...

Обѣдаю у моихъ хозяевъ. Къ обѣду собираются и дѣти. Дѣвочка-подростокъ—работаетъ въ мастерской, мальчикъ еще бѣгаетъ въ школу, младшая—у сосѣдей, чтобы не мѣшала».

— «Онъ у меня умный, хорошо учится», поглаживая голову блѣднаго, некрасиваго мальчика, говоритъ хозяйка. «Ну-ка, Фрицль, разскажи, что ты про Россію знаешь, Genossin-вѣдь русская».

Мальчикъ озабоченно наморщиваетъ лобъ и быстро, заученнымъ, дѣловымъ тономъ сообщаетъ мнѣ: въ Россіи весьма холодный климатъ; есть мѣста, гдѣ никогда не заходитъ солнце, а въ другихъ—«вѣчная ночь»; въ Сибири живутъ бѣлые медвѣди и водится много бѣлокъ; русскія дѣти не обязаны ходить въ школу, и потому русскій народъ «глупый» и «бѣдный»...

— «Вотъ видите», гордится мамаша, «онъ у меня умный, все знаетъ».

Къ обѣду является и «красавецъ Гансъ», пріодѣтый, приглаженный, съ закрученными усиками. Онъ ѣстъ съ аппетитомъ и туповато-самодовольно улыбается. Насчетъ соглашенія съ либералами—у него нѣтъ мнѣнія. За то Матильда—«непримиримая». Тутъ она всецѣло на сторонѣ секретаря.

— «Мы повоюемъ съ ними, съ буржуями... Надо же имъ показать, что мы и безъ нихъ знаемъ дорогу! Нечего насъ кормить баснями о загробной жизни и посылать къ попамъ на исповѣдь!.. Мы тоже жить хотимъ, не меньше ихъ... Правда, Гансъ?»

Но, Гансъ неопредѣленно мычитъ, уплетая лапшу.

Провожая меня на вокзалъ, Матильда еще разъ настойчиво повторяетъ свою просьбу: похлопотать о присылкѣ агитаторши въ Ландау.

— «Не забудете? И напишите мнѣ постъ-карту, мой сынъ ихъ собираетъ»... кричитъ она въ догонку уходящему поѣзду.

Еще долго вижу ея силуэтъ на перронѣ и бѣлый платокъ на фонѣ темнаго, обложеннаго тучами неба.

IX. Партійный комитетъ и забастовка въ Z.

Въ городѣ Z. стачка. Вспыхнула она на фабрикѣ, изготовляющей ауэровскія горѣлки. Во главѣ движенія встали работницы. При поденной платѣ 12—14 марокъ въ недѣлю, имъ, благодаря «преміи» за каждую изготовленную тысячу, удалось поднять свой заработокъ до 23—25 м. Когда напряженіе силъ распредѣлилось болѣе или менѣе равномѣрно, хозяинъ неожиданно отмѣнилъ премію. Кто отказывался подчиниться, того контора расчитывала. Женщины объявили забастовку.

Не успѣла я въ своемъ номерѣ привести себя въ порядокъ послѣ дороги, какъ въ мою дверь постучались.

— «Кто тамъ? войдите».

— «Это вы, Genossin К. (Товарищъ К.),—та, что должна у насъ говорить?» Передо мною маленькая, тщедушная женщина, въ темномъ платочкѣ. Некрасивое, но живое лицо. «Я къ вамъ по спѣшному дѣлу». Она повторяетъ мнѣ уже сообщенную мнѣ на вокзалѣ исторію стачки. Положеніе критическое. Бастуютъ пятый день; рессурсовъ никакихъ. Фабрика до сихъ поръ стояла въ сторонѣ отъ движенія; лишь съ десятокъ женщинъ входило въ союзъ. Обратились въ мѣстный комитетъ партіи, посылаютъ въ союзъ металлистовъ. А въ союзѣ отнѣкиваются: почему раньше не вступали въ организацію?

Между тѣмъ публика бастующая—стойкая, готова на жертвы.. Надо бы использовать моментъ, созвать

рядъ собраній, особенно женскихъ; тогда и «духу поприбавится», и партія останется «въ выигрышѣ». При такомъ повышенномъ настроеніи, да если еще дадутъ опытнаго руководителя, успѣхъ обезпеченъ—десятка два-три женщинъ примкнетъ къ организаціи. Проситъ моего содѣйствія: комитетъ заявленій маленькой женщины не принимаетъ, а женское «довѣренное лицо» всю картину представляетъ въ искаженномъ видѣ.

— «Но вѣдь именно теперь, передъ выборами важно использовать настроеніе. Нельзя же отворачиваться отъ насъ только потому, что мы мало-сознательный забитый народъ!»—споря съ невидимымъ оппонентомъ, выкрикиваетъ маленькая женщина. «Cenossin! не откладывайте моей просьбы... Идемъ сейчасъ въ Vorstand (Правленіе); тамъ происходитъ дѣловое совѣщаніе; мы всѣхъ застанемъ. Разскажите еще разъ все, что я вамъ сообщила, и внесите предложеніе о спеціальныхъ собраніяхъ для женщинъ. Хорошо бы, еслибъ вы взялись ихъ провести! Новое лицо—это всегда привлекаетъ».

Сознаю всю «нетактичность» моего вмѣшательства, но просьбы маленькой женщины слишкомъ настойчивы, отказать невозможно.

— «Двадцать два года работала я на этой проклятой фабрикѣ... Вся жизнь туда ушла; ничего другого и не видѣла... Ни семьи у меня нѣтъ, ни друзей... Развѣ было время на себя оглянуться? Спросите хоть самого хозяина, какъ я работала, на какомъ счету была... А теперь, вотъ, на улицу хотятъ выбросить... Вотъ, вотъ они—наши кровопійцы проклятые!.. Выжмутъ всѣ соки, высосутъ кровь твою, да и ступай подъ заборъ умирать. О, чтобъ вамъ! И, грозя кулакомъ по направленію къ хорошенькой виллѣ въ цвѣтахъ, маленькая женщина бросаетъ нецензурныя ругательства. «Здѣсь живетъ самъ господинъ диспонентъ», поясняетъ она.

Въ комитетѣ идетъ экстренное засѣданіе. За длиннымъ столомъ сидятъ члены мѣстнаго партійнаго представительства. Встрѣчаютъ насъ изумленными взглядами. Недовольны вторженіемъ.

— «Обождите въ сосѣдней комнатѣ; когда мы закончимъ вопросъ, мы васъ вызовемъ».

Садимся въ сосѣднемъ бюро. Доносятся голоса, обсуждающіе вопросъ о предстоящихъ выборахъ.

— «Вы замѣтили, не очень-то они намъ обрадовались», усмѣхается маленькая женщина, «поняли сразу, зачѣмъ я васъ привела... Удалось бы только! Это хорошо, что нѣтъ нашего женскаго «довѣреннаго лица»,—эта бы все дѣло намъ испортила», шепчетъ маленькая женщина, а на лицѣ—волненіе, забота.

Голоса въ сосѣдней комнатѣ затихли. Предсѣдатель самъ выходитъ къ намъ. Оффиціаленъ и сухъ. Выслушиваетъ внимательно, ставитъ маленькой женщинѣ дополнительные вопросы, холодно «уличаетъ» въ противорѣчіяхъ Работница волнуется, повышаетъ голосъ.

— «Потише, товарищъ, потише; мы сейчасъ разберемъ ваше предложеніе и разумѣется рѣшимъ въ интересахъ пролетаріата. Поучать насъ не приходится», наставительно останавливаетъ ее предсѣдатель и удаляется въ сосѣднюю комнату.

Слышенъ размѣренный голосъ предсѣдателя, чьи-то возраженія... Дверь открывается. Насъ просятъ.

— «Если все дѣло сводится къ тому, какъ пояснила намъ Genossin, чтобы созвать рядъ женскихъ собраній для бастующихъ, то на это комитетъ даетъ свое согласіе. Одновременно онъ, однако, настойчиво предлагаетъ забастовщицамъ войти въ непосредственное сношеніе съ союзомъ...».

— «Ахъ Боже мой! Да вѣдь мы же туда уже обращались, а они говорятъ...».

Предсѣдатель останавливаетъ ее жестомъ.

— «Вамъ не дано слова. И такъ, мы предлагаемъ вашимъ делегаткамъ явиться сюда, и тогда мы совмѣстно съ нашимъ женскимъ довѣреннымъ лицомъ обсудимъ дальнѣйшіе шаги...».

— «Мы желаемъ, чтобы на собраніяхъ выступала пріѣзжая агитаторша», опять перебиваетъ неугомонная маленькая женщина.

— «Кто будетъ вести собраніе—этого еще мы не разсматривали», сухо заявляетъ предсѣдатель.

Вопросъ исчерпанъ. Общій поклонъ, и мы удаляемся. Но на лицѣ моей спутницы нѣтъ удовлетворенія. Она недовѣрчиво качаетъ головою.

— «Пойдутъ теперь совѣщаться, да совѣщаться... А у нашихъ терпѣніе лопнетъ... Какъ это они не понимаютъ, что собранія нужны сейчасъ, чтобы духъ нашъ поддержать... Придти бы да и сказать имъ: завтра у насъ собраніе и говоритъ пріѣзжая агитаторша о насъ, спеціально о насъ! Вотъ это было бы дѣло! У всѣхъ бы разгорѣлись сердца; значитъ о насъ думаютъ, значитъ будетъ и помощь... А то начнется эта волокита... Да еще на обсужденіе позовутъ «довѣренное лицо», которому никто не довѣряетъ...

— «Знаете что? Скажите вашимъ, чтобы пришли сегодня на мой рефератъ, я буду говорить между прочимъ и о вашемъ дѣлѣ, можемъ устроить дискуссію... Ваши выскажутся...».

— «Вотъ это хорошо. Конечно мы придемъ; а то, что намъ слушать о Россіи, когда у насъ, у самихъ, этакое скверное дѣло...».

Прощаемся до вечера.

Были ли на собраніи бастующія работницы? Такъ и не узнала. Маленькая женщина ко мнѣ больше не приходила, а тѣхъ кого я спрашивала, не могли дать отвѣта. Уже въ другомъ городѣ узнала, что стачка проиграна и что многія работницы разсчитаны. Вѣроятно въ ихъ число попала и маленькая женщина.

X. „Фермеры“ Пфальца.

Какое наслажденіе послѣ затхлыхъ, скученныхъ, прокопченныхъ фабричныхъ гнѣздъ, гдѣ задыхаешься отъ пыли, копоти и дыму, гдѣ улицу уныло обступаютъ казарменно-скучныя жилища рабочихъ, очутиться среди ласково колышущихся весеннихъ всходовъ, глядѣть, какъ поля убѣгаютъ до самаго горизонта, какъ пушатся молодой зеленью сады нѣмецкихъ деревень, какъ прячутся домики за букетами лиловыхъ кистей расцвѣтающей сирени... Не хочется оторваться отъ раскрытаго окна вагона, дышешь жадно, съ наслажденіемъ.

Но вотъ и Грюнстадтъ—послѣдній пунктъ моего турнэ по Пфальцу. Вокзальные огни еще соперничаютъ съ отблесками заходящаго солнца и мѣшаютъ отыскать моего провожатаго. Неужели «этотъ»? Да, за бортомъ свѣтлаго, щеголеватаго костюма красуется надпись мѣстной партійной газеты.

Рапортуетъ привѣтствіе и ведетъ въ гостинницу. Но неужели же это «Genosse»? Модный покрой костюма, панама и этотъ назойливый, сладкій запахъ духовъ и помады.

— «У насъ собранія рѣдко бываютъ. Нашъ городъ—глухой, забытый міромъ... Почти деревня. Женщины еще никогда у насъ не говорили; вашъ рефератъ несомнѣнно привлечетъ много публики. Но придется начать попозже; полевыя работы весною долго затягиваются».

— «Полевыя работы?» Ахъ да! Вспоминаю указанія окружнаго секретаря.—«Въ Грюнстадтѣ организовано много мелкихъ фермеровъ».

— «До начала собранія больше часу. Хотите осмотрѣть городъ?»

Любопытство пересиливаетъ утомленіе.

— «Идемте».

Въ самомъ дѣлѣ, какой же это городъ? Одна широкая улица съ низкими домишками, нѣсколько кривыхъ переулковъ, гдѣ за чащей зеленыхъ садовъ и домовъ не разглядишь. Ни трамваевъ, ни экипажей. Ребятишки возятся посреди улицы и даже лохматый песъ, какихъ рѣдко встрѣтишь въ Германіи, напоминаетъ наши русскія захолустья. Убогія лавченки, двухъ-этажный домъ съ башней—ратуша.

— «А вотъ, и мой магазинъ», мой спутникъ горделивымъ жестомъ указываетъ на аптекарскую лавку. Такъ вотъ, отчего такъ настойчиво пахнетъ духами и помадой. Узнаю, что онъ не занимаетъ никакой опредѣленной должности въ партіи, но что его рѣшили «приставить ко мнѣ», какъ болѣе привычнаго къ обращенію съ «дамами». Предсѣдатель—сѣдельщикъ, секретарь—«простой столяръ». Въ Грюнстадтѣ всего 3000 жителей; въ мѣстной партійной группѣ числятся, однако, сотни три членовъ; примыкаютъ близъ лежащія деревни.

— «Что это?» Намъ преграждаетъ дорогу очаровательный по своему своеобразію каменный порталъ. Вычурныя фигуры невѣроятныхъ чудовищъ украшаютъ изгибающуюся въ смѣлыхъ линіяхъ готическую арку, а надъ каменнымъ щитомъ выгравированъ годъ: 1371.

— «Что это?»

— «Остатки дворца бывшихъ владѣльцевъ Грюнстадта. Городъ былъ разрушенъ во время реформатскихъ войнъ... Сохранился еще подземный ходъ отъ дворца вотъ на ту гору, гдѣ виднѣется укрѣпленный замокъ герцога»... Какъ обидно, что я не могу зарисовать и унести съ собою кусочекъ того своеобразнаго портала... И постъ-карты не оказывается; въ

Грюнстадтъ рѣдко заглядываетъ заѣзжая, «чужая» публика, а свои не умѣютъ цѣнить старины.

— «Если это васъ интересуетъ, заходите ко мнѣ завтра утромъ, я кое-что собралъ изъ того, что нашли здѣсь по окрестностямъ... Пфальцъ—кладъ для любителя древностей, а наши люди этого совершенно не понимаютъ... Печку мѣшали рыцарскимъ мечомъ, найденнымъ въ полѣ»... жалуется мой спутникъ и сообщаетъ мнѣ рядъ весьма интересныхъ свѣдѣнiй о находкахъ, сдѣланныхъ въ окрестностяхъ Грюнстадта. Владѣлецъ парфюмерной лавочки оказывается настоящимъ знатокомъ древности и съ оттѣнкомъ «нѣжности» говоритъ о старыхъ шлемахъ, заржавленныхъ монетахъ, потускнѣвшихъ картинахъ...

Сверхъ ожиданiя въ захолустномъ Грюнстадтѣ—большой, просторный, свѣтлый залъ, и весь набитъ.

Типъ публики, дѣйствительно, иной: широкiя крестьянскiя спины, тяжелая, медлительная походка и вмѣсто сигары—трубка въ зубахъ!

Когда я спускаюсь съ эстрады, по окончанiи собранiя, меня окружаетъ тѣсное кольцо товарищей съ жесткими, сильными руками, съ загорѣлыми лицами. Ихъ интересуетъ аграрный вопросъ въ Россiи, бывшiе крестьянскiе безпорядки. Усаживаемся за столъ и заказываемъ пиво. Разспрашиваютъ не спѣша, покуривая трубку и глядя въ землю. Минутами кажется, что я среди старыхъ друзей—финскихъ крестьянъ.

— «Такъ, такъ... Говорили стало быть: пусть господа-помѣщики посторонятся и отдадутъ землю тѣмъ, кто ее своимъ горбомъ обрабатываетъ... Такъ, такъ... Да вѣдь вотъ я, напримѣръ, тридцать лѣтъ арендую свой участокъ. Пустырь былъ. А поглядите-ка теперь! Что за сливы у меня, синiя, французскiя... И домъ хорошiй, и службы... Все своими руками сколотилъ. А господинъ-баронъ только знай набавляетъ плате-

жи. По новому договору такія условія поставилъ, что я все бросить хотѣлъ. Пускай пропадаетъ! Уйти-бы... Да старуха моя уговорила: «потерпимъ! Еще хуже на старости лѣтъ безъ крова скитаться»...

— «У меня виноградникъ на арендованной землѣ... И вино-то какое—ароматное, какъ ландышъ!.. Торгую виномъ... А думаете я себѣ что-нибудь сколотилъ на черный день? Все, что ни выручу—къ сроку платежа припасай, не то—въ судъ»... жалуется второй.

— «Ваши русскіе крестьяне вовсе не такъ глупы...— рѣшаетъ третій.

И льются ихъ разсказы-жалобы однообразной чередой. Пробую перевести разговоръ на послѣднія событія въ Рейхстагѣ; слушаютъ, но не поддерживаютъ. Ищу отголосковъ близящихся выборовъ въ сосѣднемъ округѣ—равнодушіе и неосвѣдомленность. Дальше «узко-крестьянскихъ» интересовъ, вопроса «землицы», платежей, цѣнъ на продукты, конфликтовъ съ «барономъ»,—взоры не проникаютъ. Что связываетъ ихъ съ партіей? Заговариваю о задачахъ партіи; замѣчаю, что они собственно такіе же пролетаріи, какъ и фабричные... На лицахъ молчаливый протестъ. Кто-то бормочетъ: «Ну, нѣтъ! это большая разница»... Кажется почти «оскорблены»...

— «Пора по домамъ... Намъ всѣмъ вѣдь далеко идти до дому; кому часъ, кому и два»...

Медленно, не спѣша, разбираютъ солидныя палки, глубже нахлобучиваютъ картузы...

— «Хорошо это послушать, какъ въ другихъ мѣстахъ людямъ живется... Будетъ теперь надъ чѣмъ за работой подумать, что вспомнить»...

— «Ну, спасибо вамъ, русскій товарищъ... Пріѣзжайте другой разъ къ намъ»... Долго трясутъ руку. Зовутъ въ гости; обѣщаютъ угостить виномъ, изъ собственнаго винограда...

«Нѣтъ ли такой книги, гдѣ бы про аграрныя от-

ношенія въ Россіи было написано, про крестьянскія волненія у васъ?» ко мнѣ подсаживается одинъ изъ оставшихся фермеровъ, помоложе на видъ, поживѣе.

— «Аграрный вопросъ, это для насъ здѣсь—центральный пунктъ движенія... Мѣстность такая... А что партія сдѣлала, чтобы втянуть насъ въ организацію? У васъ и то больше жизни было; вонъ какъ ловко боролись!.. Положимъ агитація среди насъ, крестьянъ, дѣло не легкое, что и говорить! Сноровка большая нужна; а группа наша вся изъ промышленныхъ рабочихъ состоитъ; что они въ нашемъ дѣлѣ понимаютъ? Пришлютъ намъ изъ города агитатора, а онъ кричитъ о вздорожаніи мяса. «Мы «соци»; мы не на жизнь, а на смерть будемъ бороться за удешевленіе мяса»... Ну, конечно, нашъ народъ пугается. «Какъ? Соци требуютъ, чтобы я сало моей свиньи продавалъ не за 40 пф., а за 30? Да какіе же они послѣ этого «друзья», чортъ возьми? Хороши союзники! Разорить насъ хотятъ»... А то явится агитаторъ, да и начнетъ подымать знамя 8-ми часового рабочаго дня... Опять недоумѣніе. Этого и господа-помѣщики отъ насъ не требуютъ. 8-ми часовой рабочій день,—ишь чего выдумалъ! И при 12-ти часахъ всего не передѣлаешь, а они хотятъ, чтобы законъ намъ запретилъ больше 8-ми работать... Прямо съ голоду помирай... Агитаторы тоже! людей только распугиваютъ»... Словоохотливый собесѣдникъ дѣлится со мною мѣткими набюденіями, развиваетъ цѣлый планъ спеціальной агитаціи среди крестьянъ, видимо взлелѣянный въ тиши его лѣсной фермы.

— «Отчего вы не напишете объ этомъ, хотя бы въ партійной газетѣ?»

— «Съ писаніемъ у меня дѣло плохо... Нѣтъ, не выйдетъ», качаетъ онъ головою. «Думать-то я могу, а вотъ писать не умѣю. «Я вамъ все теперь разсказалъ, а вы возьмите и напишите».

До дому меня провожаютъ владѣлецъ аптекарской лавки и фермеръ. Звѣздная, ласковая, весенняя ночь.. Доносится ароматъ близкихъ полей... Заливаются, щелкаютъ соловьи въ цвѣтущихъ кустахъ лиловой сирени. На улицѣ тихо; небольшими группами бредутъ съ собранія слушатели... Отчетливо звучатъ ихъ тяжелые, неспѣшные шаги. Ни говора, ни смѣха...

XI. На станціи.

Отъ Грюнстадта до Людвигсхафена всего около двухъ часовъ ѣзды, но предстоитъ пересадка. Жаркое, солнечное утро. На маленькой, затерянной среди полей, станціи пустынно и безлюдно. Близко обступили станціонное зданіе зеленые всходы пшеницы; заманчиво голубѣютъ букеты незабудокъ...

Прохожу до конца платформы. Машинистъ размахиваетъ шапкой.

— «Hallo, Genossin! Это я васъ привезъ изъ Грюнстадта.. Слышалъ васъ въ Цвейбрюккенѣ... Привѣтъ русскимъ товарищамъ»! Гляжу въ слѣдъ удаляющемуся поѣзду и почему-то на душѣ радостно и свѣтло отъ этой встрѣчи...

Въ полѣ та звенящая тишина лѣтняго дня, какая ощущается только въ деревнѣ. Стрекочутъ кузнечики, высоко въ небѣ паритъ жаворонокъ, заливается... Жужжатъ, суетятся жучки, пчелы, безшумно кружатся бабочки... Киваютъ высокіе стебли; лѣниво качаются бѣлыя ромашки..

Какъ славно вытянуться на межѣ и глядѣть вверхъ, на бѣгущія облака, слушать ясный, звенящій голосокъ той маленькой черной точки—жаворонка, что медленно плыветъ въ вышинѣ!.. Какъ хорошо

никуда не спѣшить, не осматривать достопримѣчательностей города, не лазить на башни и не дрожать при мысли: удастся ли сегодня? Снова принадлежать себѣ, только себѣ... И эти девятнадцать дней непрерывной работы кажутся уже далекимъ сномъ, видѣніемъ... Были ли они? Можетъ быть я о нихъ просто гдѣ нибудь читала? Встаютъ мелькаютъ, оживаютъ образы: блѣдныя, изнуренныя лица женщинъ, безнадежная апатія въ глазахъ мужчинъ... Скучные фабричные города и мѣстечки, дѣловая суета въ партійныхъ бюро, мрачныя, затхлыя мастерскія... Безпросвѣтная, однотонная жизнь... Вотъ я уѣду, а тамъ будетъ продолжаться все то же, все то же, изо дня въ день, изъ года въ годъ... Радость «бытія» стынетъ, тускнѣетъ...

Мой поѣздъ приближается. Пора идти на перронъ. Съ сожалѣніемъ оглядываю эту заброшенную среди полей станцію точно за эти пятьдесятъ минутъ, что я тутъ провела, я успѣла сродниться съ ней... Или жалко, что моя агитаціонная поѣздка по Пфальцу кончена?..

ГЕССЕНЪ-ДАРМШТАДТСКІЙ.

I. „Красный Оффенбахъ“ и русскіе кожевники.

«Красный Оффенбахъ» — промышленный городокъ, центръ производства портфелей (бумажниковъ) и издѣлий изъ тонкой кожи.

На станціи меня не встрѣчаютъ. Приходится съ помощью носильщика найти себѣ обиталище. Городъ опрятный, гостиница — домъ-особнякъ, бывшая вилла какого-нибудь магната капитала изъ Франкфурта. Магазиновъ много, на все дешевка; расчитано на покупателей со скромнымъ кошелькомъ. На столбахъ, на углахъ улицъ всюду громадные красные плакаты:

«Wer die Wahrheit über die Revolution in Russland aus berufenen Munde erfahren will, der versäume nicht die offentliche Volksversammlung am Sonntag» и т. д. (Кто желаетъ изъ устъ компетентнаго лица узнать правду о революціи въ Россіи, тотъ не долженъ пропустить публичнаго собранія въ воскресенье!). А я то пріѣхала въ понедѣльникъ! Дожно быть доставила хлопотъ устроителямъ... Досадно, неловко...

Иду въ редакцію.

Что это? Демонстрація? Празднество? Происшествіе? Улица буквально затоплена народомъ; запрудили панели, затрудняютъ движеніе трамвая... Нѣтъ, идутъ не спѣша, по будничному спокойно... Но откуда эта волна народа?

— «Обѣденный часъ... Это—фабричные, служащіе, конторщики», поясняютъ мнѣ въ магазинѣ.

Спѣшу въ редакцію. Встрѣчаютъ холодно, непривѣтливо. Не потому ли, что принуждена была отсрочить собраніе? Объясняю причину своего опозданія, извиняюсь.

— «Сегодня вечеромъ мы обсудимъ вопросъ о вашемъ собраніи. Конечно вы очень затруднили дѣло своей неожиданной отсрочкой; все уже было готово. Публика такихъ сюрпризовъ не любитъ. Мы рискуемъ остаться при пустомъ залѣ»...

Звучитъ почти выговоромъ.

— «Давно агитируете по Германіи?»

Отвѣчаю.

— «Такъ... Мы о васъ наводили справки въ Берлинѣ. Vorstand (Правленіе) одобрилъ».

И тѣмъ не менѣе ощущаю непривычный холодокъ, почти непріязнь.

— «Отсюда мы васъ пошлемъ на сѣверъ на спеціально женскія темы... О Россіи тамъ говорить не стоитъ... Кстати, у васъ тамъ, въ Россіи, все еще длится экономическая депрессія?»

— «Повидимому, кризисъ затягивается. Сейчасъ захвачено и текстильное производство, которое до сихъ поръ держалось... Производятся массовые расчеты».

— «Очень печально. И для васъ, и для насъ... Да, да, и для насъ... Ваши русскіе затопили городъ... Они ведутъ себя непозволительно, это—такіе Lumpen, простите за выраженіе, такія некультурныя животныя, такіе беззостѣнчивые Lohndrücker'ы, что противъ нихъ приходится принимать крайнія мѣры. Да, какъ это ни прискорбно, а другого выхода нѣтъ»...

— «Безчестный народъ... Полное отсутствіе пролетарскаго чутья», подхватываетъ другой; и, перебивая другъ друга, они продолжаютъ «честить» моихъ соотечественниковъ.

— «Позвольте! что же русскіе дѣлаютъ преступнаго? Въ чемъ ихъ вина? Дайте факты... Неужели же ихъ такъ много въ Оффенбахѣ?»

— «Много ли ихъ? Тысячи. И все еще прибываютъ... Сколько лѣтъ мы, портфельщики, работаемъ надъ нашей организаціей, и можемъ съ гордостью сказать—многаго достигли... Я—членъ комитета союза и могу вамъ дать достаточно яркихъ примѣровъ о жизни союза до и послѣ нашествія русскихъ... Плата выше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ Германіи, рабочій день ниже, хозяева съ нами считаются, и вотъ являются ваши, русскіе, и что же вы думаете? Насъ, насъ—старыхъ, опытныхъ рабочихъ—повыбросили за бортъ изъ-за темныхъ, неопрятныхъ, крикливыхъ русскихъ... Какъ саранча налетѣли они на городъ; осаждаютъ союзъ, требуютъ помощи... Съ какой стати? вы-же не организованы? Ничего не слушаютъ, кричатъ; женщины воютъ, дѣти плачутъ... Гоните, не уходятъ... Сядутъ на лѣстницу въ профессіональномъ домѣ, съ дѣтьми, съ кульками, узелками, и сидятъ... А потомъ и началось... Стали нашихъ разсчитывать, а ихъ на работу ставить... Теперь, поглядите-ка, полюбуйтесь: старые, организованные рабочіе шатаются безъ дѣла, а этотъ нестоющій народъ, эти «Schmutzkonkurenten» (грязные конкуренты) заполонили мастерскія. Что вы на это скажете?»

— «А сколько они денегъ повыклянчили... И не только изъ союзной кассы; у частныхъ лицъ въ долгъ позабирали и не отдаютъ... Были даже худшія дѣла—кражи»...

Непріятно подавлена, ошеломлена, но за потокомъ обвиненій, все еще сути дѣла не схватываю.

Приходъ редактора прерываетъ нашу бесѣду.

Это «ревизіонистъ», и потому къ нему у меня невольное предубѣжденіе. Но славное, умное лицо,

привѣтливость и простота обхожденія—разсѣиваютъ предвзятую непріязнь.

Насъ оставляютъ вдвоемъ. Непріятная атмосфера, созданная его коллегами, исчезаетъ, говорится легко и просто, какъ со старымъ знакомымъ.

Первымъ дѣломъ хочу выяснить, что значитъ эта враждебность къ русскимъ? Откуда взялась? Чѣмъ вызвана?

Редакторъ улыбается и машетъ рукой.

— «Уже успѣли вамъ нажаловаться? Это непріятная исторія... Отчасти изъ-за того мы васъ и выписали. Собственно не «мы», а я настоялъ на этомъ и не безъ борьбы, имѣйте это въ виду... Но вашъ рефератъ послужитъ уясненію вопроса, и потому я на немъ настаиваю».

Наконецъ узнаю «суть дѣла».

Знаменитый локаутъ кожевниковъ въ Вильнѣ въ 1907 г. повыбросилъ русскихъ кожевниковъ, преимущественно евреевъ, на заграничный рынокъ. Потянулись и въ Оффенбахъ. Публика сѣрая, забитая, изголодавшаяся; безпомощная, какъ дѣти... Чужіе нравы, чужой языкъ... И встрѣтили ихъ «волками», почуяли «злостныхъ конкурентовъ»... Наивно стучались въ союзы, осаждали партійный комитетъ; приставали назойливо, нудно, ждали, требовали помощи, поддержки, указаній... Ихъ—отговаривали... Что же оставалось дѣлать? На собственный страхъ и рискъ пошли въ заводскія и фабричныя конторы. Соглашались на любыя условія... Развѣ можно винить ихъ за это,—«этихъ жалкихъ, наивныхъ, голодныхъ дѣтей?» Но результатъ получился непріятный: хозяева обрадовались давно невиданной дешевой рабочей силѣ. Стали давать расчетъ. Поплатились старые профессіоналисты, партійно-организованные... Положеніе непріятное, что и говорить!..

— «Разумѣется поднялся ропотъ... А ваши еще

преступили цѣлый рядъ священныхъ для насъ, нѣмцевъ, традицій, особенно изъ-за своей безпорядочности... Дѣло дошло до того, что на одномъ собраніи союза портфельщиковъ серьезно обсуждался вопросъ о томъ, чтобы отъ имени союза обратиться въ городское управленіе—тамъ сейчасъ наше большинство—и потребовать «высылки» русскихъ за черту города... Порядкомъ тогда повздорить пришлось... И не думайте, что за такое рѣшеніе стояли «оппортунисты», практики, руководители профессіональнаго движенія—наши; партійные, изъ лѣвыхъ, и тѣ подавали голоса за «крутыя мѣры»... Теперь уже страсти нѣсколько поулеглись; поняли, какой путь должны избрать соціалисты: повели агитацію среди вашихъ, пробуютъ втянуть ихъ въ союзъ, издаютъ листки на жаргонѣ... Конечно, все это очень затруднительно; чужой языкъ, не найти агитаторовъ... Кстати, не говорите ли вы на жаргонѣ? Очень жаль. Признаться, я на это разсчитывалъ... Намъ бы это сейчасъ пригодилось». Проситъ въ моемъ рефератѣ отвести побольше мѣста положенію евреевъ въ Россіи, освѣтить причины, заставляющія еврейскихъ рабочихъ спасаться за-границу.

— «Если вы сумѣете нарисовать яркую картину, наши застыдятся своего шовинизма и яснѣе поймутъ свою ошибку. Не бойтесь бить рѣзкими словами... Надо встряхнуть ихъ соціалистическую совѣсть... Втайнѣ почти вся редакція озлоблена на вашихъ... Впрочемъ, сами увидите сегодня вечеромъ, когда будемъ обсуждать вопросъ о вашемъ собраніи. Боюсь, какъ бы нѣкоторыя лица не стали класть палки въ колеса... Не очень-то жаждутъ вашего реферата», усмѣхается редакторъ. «Но за то у васъ будетъ сознаніе, что своимъ выступленіемъ вы сослужите службу и своимъ соотечественникамъ... Итакъ, поболѣе мужества. «Muth und immer Muth»—таковъ долженъ быть нашъ девизъ».

II. Рѣшеніе комитета.

Вечернее собраніе комитета назначено въ домѣ профессіональныхъ союзовъ. Внизу—кнейпа, съ билліардомъ, пивомъ, карточной игрою. Выше рядъ бюро и помѣщеній редакціи, союзовъ, комитетовъ и комиссій. Съ трудомъ отыскиваю помѣщеніе, гдѣ происходитъ засѣданіе комитета.

Комната небольшая, увѣшана снимками съ празднествъ рабочихъ.

Засѣданіе уже началось. Мелкія, будничныя дѣла: продленіе цикла вечернихъ лекцій для рабочихъ, расширеніе зданія партійной типографіи, выборы должностного лица и т. д.

Сосредоточенныя лица, полныя вниманія къ дѣлу. Повидимому, все рабочіе, за исключеніемъ редактора. Въ мою сторону брошены любопытные взгляды; редакторъ привѣтливо киваетъ... Остальные не шевелятся. Порядокъ дня течетъ своимъ чередомъ.

«Пунктъ пятый: вопросъ о перенесеніи собранія русскаго товарища К. съ воскресенья на слѣдующую субботу, 15-го», читаетъ секретарь.

— «Дѣло въ томъ, что товарищъ К. не могла выполнить взятаго на себя обязательства провести открытое публичное собраніе въ воскресенье, т. е. вчера, и предлагаетъ перенести его на субботу», поясняетъ предсѣдатель. «Не говоря уже о томъ, что отмѣна реферата стоила намъ большихъ хлопотъ, что при перенесеніи его мы несемъ рискъ остаться при пустомъ залѣ, приходится обратить вниманіе товарищей на то, что такое рѣшеніе сопряжено съ новыми расходами для партіи».

— «И не малыми», вставляетъ кассиръ. «Безъ того эта затѣя дорого обошлась кассѣ: расклейка спеціальныхъ объявленій объ отмѣнѣ собранія—22 мар.

печатаніе плакатовъ — 30 мар.» равномѣрно обличительно звучитъ его голосъ.

— «Въ виду всего этого», продолжаетъ предсѣдатель, «ставлю на обсужденіе вопросъ: переносить ли собраніе на слѣдующую субботу или вообще отказаться отъ реферата товарища К.?»

Никакъ не ожидала такого оборота и чувствую, какъ безпомощно краснѣю. Редакторъ ободряюще улыбается мнѣ черезъ столъ, но это не искупаетъ непріятности моего положенія.

Одинъ за другимъ берутъ слово члены мѣстнаго комитета. Время для реферата неблагопріятное... Перенесеніе его на другой день убиваетъ всѣ шансы на успѣхъ. Не цѣлесообразно поэтому взваливать на кассу ничѣмъ не оправдываемые расходы... Въ теченіе пяти дней нѣтъ фактической возможности оповѣстить публику, а дѣла и безъ этого собранія не оберешься; нѣтъ смысла отвлекать силы отъ непосредственной и необходимой работы. Подсчитываютъ расходы, вскользь упоминаютъ, что и тема—неудачная, не агитаціонная... Явно склоняются къ отмѣнѣ собранія.

Безпомощно гляжу на редактора. Почему онъ молчитъ, и только глаза его дружески, успокоительно мнѣ улыбаются?

— «Я думаю, что товарищъ К. ничего не будетъ имѣть противъ отмѣны собранія и вмѣсто Оффенбаха согласится прямо проѣхать въ G. и W., чтобы провести тамъ рядъ женскихъ собраній?» вопросительно обращается въ мою сторону предсѣдатель.

Раскрываю ротъ для возраженія, но редакторъ меня перебиваетъ.

— «Прошу слова».

И, будто нехотя, очень спокойно, очень равнодушно онъ говоритъ о томъ, что отмѣна собранія въ Оффенбахѣ принесетъ кассѣ большіе убытки, чѣмъ перенесеніе его на другой день. Добровольными пожертво-

ваніями во время открытыхъ собраній удается обычно покрыть всѣ расходы. При отмѣнѣ же собранія понесенные расходы такъ и останутся бременемъ на кассѣ. Надо принять во вниманіе, что и референтка уже здѣсь; слѣдовательно, ей придется возмѣстить путевые расходы. Найдетъ ли ревизіонная комиссія рѣшеніе объ отмѣнѣ собранія достаточно мотивированнымъ?

Ни слова объ «идейномъ» значеніи собранія; я раздосадована, разочарована. Но движеніе на лицахъ показываетъ, что слова редактора возымѣли свое дѣйствіе. Небольшая дискуссія съ цифрами съ обѣихъ сторонъ, и подавляющее большинство голосовъ высказывается за перенесеніе собранія на субботу.

— «Теперь остается позаботиться о томъ, чтобы на собраніи было достаточно публики», замѣчаетъ редакторъ. «Что касается меня, то въ завтрашнемъ номерѣ я пущу объявленіе о рефератѣ, а затѣмъ—соотвѣтствующія замѣтки». Вопросъ исчерпанъ. Могу удалиться.

III. На лекціи передвижныхъ курсовъ.

— «Хотите зайти послушать курсъ Дункера?» предлагаетъ редакторъ, когда мы спускаемся съ нимъ по лѣстницѣ. «Онъ читаетъ у насъ свой циклъ соціологіи и основныхъ началъ экономики. Превосходный лекторъ».

Въ небольшой залѣ, по ученически нагнувшись надъ тетрадками съ записями, сидятъ человѣкъ восемьдесятъ рабочихъ, все больше солиднаго возраста. Женщины отсутствуютъ Дункеръ говоритъ о переходѣ натуральнаго хозяйства въ мѣновое, рисуетъ живыя, яркія историческія картины, часто бросаетъ вопросы въ настороженную, заинтересованную аудиторію. Отвѣты сознательные, свидѣтельствующіе о значительно—высокой ступени развитія слушателей.

— «Это все отборная публика; работаютъ серьезно», поясняетъ редакторъ. «Лекціи Дункера одни изъ наиболѣе посѣщаемыхъ; впрочемъ, и остальныя у насъ не пустуютъ. Эти «Reisekursen», передвижные циклы,—прекрасная идея, рабочіе университеты въ миніатюрѣ. Почти всѣ наши функціонеры пополняютъ свои знанія такимъ образомъ. Надо признаться, за послѣдніе годы, стремленіе къ самообразованію опять ожило, и уже не терпитъ «гоненія» даже со стороны наиортодоксальнѣйшихъ... А было время, когда на попытки къ самообразованію посматривали косо, почти что какъ на измѣну непосредственнымъ политическимъ задачамъ... Впрочемъ, сама жизнь вызываетъ потребность въ подготовленныхъ и теоретически вышколенныхъ людяхъ. У насъ постоянное превышеніе спроса надъ предложеніемъ на должности партійныхъ функціонеровъ... Особенно ощущается недохватъ людей въ редакціяхъ. Число газетъ растетъ непрерывно, а литературныхъ силъ, даже простыхъ газетныхъ чернорабочихъ, ограниченное количество. Вотъ, почему «курсы»—огромное подспорье. Люди учатся выражать свои мысли, углублять вопросы, отыскивать логическую связь явленій»...

— «Но почему не видать женщинъ?»

— «Женщины посѣщаютъ свои спеціальныя собранія; эти циклы имъ не подъ силу; они требуютъ большей подготовки, большей привычки мыслить».

Къ концу лекціи Дункеръ предлагаетъ слушателямъ повторить основныя положенія.

Встаетъ немолодой рабочій; лицо какъ будто малоинтеллигентное, неуклюжія движенія, явно стѣсняется. Но какая отчетливость мысли, какая точность изложенія, какое умѣнье выдѣлить основныя положенія! И тутъ же цитаты изъ «Германіи» Тацита, ссылки на извѣстныхъ историковъ, самостоятельная критика. Чувствуется «начитанность». И это—простой портфельщикъ?

— «Да, у насъ постепенно подбираются хорошія силы. Можетъ быть, нѣтъ того блеска, какъ у стариковъ, но за то партія богатѣетъ количественнымъ запасомъ полезныхъ и право же недюжинныхъ работниковъ; каждый по специальности. Этотъ у насъ— «историкъ».

Ухожу съ лекціи Дункера съ освѣженной душою. Непріятныя минуты, пережитыя на засѣданіи комитета, затушеваны, забыты...

IV. Открытое собраніе въ Оффенбахѣ.

Вопреки предсказаніямъ и опасеніямъ, большой залъ геверкшафтсхауза весь полонъ. Много женщинъ.

— «Видите», говоритъ редакторъ, когда мы усаживаемся съ нимъ за предсѣдательскій столъ на эстрадѣ, «успѣли и плакаты напечатать, и публику оповѣстить... А вѣдь какъ отнѣкивались-то!.. Что, ловко я тогда дѣло повелъ?» Смѣется: «Вы, вѣрно, подумали: что за безпринципный человѣкъ редакторъ! и все только о финансовой сторонѣ дѣла хлопочетъ, сейчасъ видно-«ревизіонистъ»... Но это былъ единственный способъ добиться соглашенія; еслибъ я на засѣданіи комитета задѣлъ снова идейную сторону собранія, страсти разыгрались бы и ничего бы не вышло. А вы, признайтесь-ка, вѣроятно и комитетъ нашъ осудили за то, что финансовая часть играетъ у насъ рѣшающую роль?»

— «Признаюсь, да».

— «Вотъ оно, сейчасъ видно—русская! Вы, русскіе, какъ то не отдаете себѣ отчета, что каждый пфеннигъ партійной кассы стоитъ лишеній и жертвъ. Чтобы аккуратно нести свои взносы, наши пролетаріи должны все время урѣзывать свой бюджетъ, отказывать себѣ въ необходимомъ... Какъ же вы хотите, чтобы мы—

тѣ, кто знаетъ изъ какихъ грошей сколочена партійная касса,—относились легкомысленно къ этимъ суммамъ, пускала деньги на вѣтеръ? Однако, сейчасъ пора и начинать. Сегодня залъ почти весь состоитъ изъ нашихъ кожевниковъ. Помните же мои указанія и будьте мужественны».

Но «мужество» у меня сегодня отсутствуетъ. Въ залѣ царитъ та недовѣрчивая, непріязненная атмосфера, которая неуловимыми путями сообщается оратору, связываетъ его языкъ, дѣлаетъ его голосъ тусклымъ, вялымъ...

Пара внимательныхъ женскихъ глазъ встрѣчается съ моими. Старушка; милое, ласковое лицо, и какъ слушаетъ! Залъ съ его тысячной аудиторіей исчезаетъ; существуетъ лишь эта старушка, въ тактъ кивающая своей сѣдой головою съ гладкимъ проборомъ, старушка съ внимательными глазами и доброй улыбкой... Ей, только ей разсказываю я про темныя дѣянія репрессіи, про гибель многихъ тысячъ сыновей такихъ же старушекъ... Побѣда смѣняется кризисомъ, репрессіями... Безработица, локауты... Вильна—массовые расчеты кожевниковъ... Вотъ оно «опасное мѣсто» моего реферата! Старушка слушаетъ напряженно, внимательно... Ей, только ей, буду я говорить о черныхъ ужасахъ погромовъ, о мучительныхъ тискахъ «черты осѣдлости», о юдоли печали, гоненій, отчаянія еврейскаго народа, тамъ на далекой родинѣ... Но будто о колючую стѣну ударяются мои слова и глухо проносится по залѣ:

— «За своихъ заступается!.. Еще бы, соотечественники»...

— «За своихъ?» Точно бичемъ ударили. «Развѣ это не ваши же братья, спаянные съ вами одними страданіями, одними ужасами безпросвѣтнаго пролетарскаго существованія?»

Быстро, быстро колотится сердце, но еще быстрѣе льются слова, теплѣе, горячѣе становится рѣчь...

«Интернаціонализмъ пролетаріата и причины его вызывающія»—такъ могъ бы быть озаглавленъ дальнѣйшій мой рефератъ. Старушка забыта. Я потеряла себя, слилась, растворилась въ единомъ переживаніи со слушателями. Все выше и выше растетъ настроеніе...

Кончила. Окружили, спрашиваютъ, жмутъ руки.

— «Einen tüchtigen deutschen Proletarier sollen sie heiraten, Genossin», («Вы, товарищъ, должны выйти замужъ за дѣльнаго нѣмецкаго пролетарія),—съ чувствомъ желаетъ мнѣ огромнаго роста товарищъ, тряся мою руку такъ, что я чуть не вскрикиваю.

Подходятъ кожевники изъ Вильны. Одни благодарятъ, довольны; другіе критикуютъ.

— «Вся первая часть никуда не годилась... Оппортунизмъ чистѣйшей воды... Послѣ вашего выступленія на женскомъ конгрессѣ мы отъ васъ ожидали другого. Впрочемъ, конечно, вы—меньшевичка»; пренебрежительно пожимаетъ плечами.

Предстоитъ традиціонное сидѣнье въ кнейпѣ, но явное утомленіе даетъ мнѣ поводъ отказаться и отправиться непосредственно домой.

Завтра выступленіе въ сосѣднемъ мѣстечкѣ.

V. Бесѣда съ редакторомъ-ревизіонистомъ.

«Итакъ, вы говорите, что русское движеніе начинаетъ принимать европейскія формы?» спрашиваетъ редакторъ оффенбахской газеты. Мы идемъ съ нимъ на «утреннюю прогулку» за городъ. «Это меня радуетъ, хотя и изумляетъ. Мы привыкли смотрѣть на Россію, какъ на страну «экзотическую», для которой

законы исторіи не писаны, гдѣ возможны всякія чудеса... Прокричали же намъ уши нѣкоторые товарищи-ортодоксы во время вашихъ революціонныхъ бурь, что все наше двухмилліонное профессіональное движеніе по сравненію съ тѣмъ, чего вы, русскіе, достигли, никуда не годится. Того, что мы упорнымъ трудомъ въ теченіе десятковъ лѣтъ созидали, этого русскіе достигли однимъ мановеніемъ руки... Подулъ революціонный вѣтеръ, всполошились умы, и сразу изъ земли, какъ грибы послѣ дождя, повыросли сильныя, могучія рабочія организаціи. Такую заманчивую картину рисовала намъ товарищъ Роза, такъ стыдила насъ за нашу будничную, кропотливую, «трезвую» работу, что многіе въ самомъ дѣлѣ призадумались... И я въ ихъ числѣ. Вы знаете, я—старый профессіоналистъ, союзное движеніе въ восточной Пруссіи, можно сказать, на своихъ рукахъ вынянчилъ; для меня медлительность движенія была всегда лишь лишнимъ подтвержденіемъ его устойчивости и крѣпости... Не революціонны мы, нѣмцы. Зато «крѣпки», зато ноги у насъ не глиняныя; не то, что французы... А тутъ, признаюсь, и меня взяло сомнѣніе... Плетемся шажкомъ, метръ за метромъ отвоевываемъ, а тамъ у васъ: разъ—два, и возникло движеніе, и сразу побѣда за побѣдой—8 ч. рабочій день, повышеніе оплаты труда на 30%, тарифная расплата, коллективные договоры... Чудеса! И эти 250 тысячъ профессіонально-организованныхъ за одинъ годъ, на пустомъ мѣстѣ... Это хоть кому голову вскружитъ. Только одного мы никакъ не могли взять въ толкъ: этакая силища, этакое воодушевленіе, и вдругъ—торжество реакціи... Разгонъ Думы, репрессія за репрессіей... Конечно,—дифференціація общества, изолированность рабочаго класса, экономическій кризисъ,—все это такъ. Но все же, при такихъ успѣхахъ движенія и вдругъ—тотальное пораженіе... «Нѣтъ, то-

варищъ Люксембургъ, въ вашей схемѣ какое-то противорѣчіе, какой-то пробѣлъ». Это я ей еще въ Манхеймѣ сказалъ. Ну, конечно, она мнѣ въ отвѣтъ кинула въ лицо мой ревизіонизмъ...

А теперь, послѣ вашихъ словъ, мнѣ картина яснѣе... Конечно, это былъ лишь «текучій» элементъ въ вашихъ организаціяхъ, случайный... Теперь начнется «кристаллизаціонный процессъ»... Эти ваши «клубы», какъ вы называете, союзы, работа въ вашемъ парламентѣ—это все наилучшіе симптомы, это базисъ для истинно-рабочаго, массоваго движенія. Безъ этой базы весь соціализмъ построенъ на пескѣ...

Нѣтъ, товарищъ Люксембургъ этотъ разъ напрасно бряцала оружіемъ. Законы соціальнаго развитія все же могущественнѣе магическихъ палочекъ, съ помощью которыхъ она воображаетъ изъ ничего создать прочную классовую организацію... Да, да, къ сожалѣнію не такъ скоро дѣлается это дѣло, какъ бы хотѣлось. И еще много противорѣчій, которыя намъ прійдется осилить, раньше чѣмъ мы найдемъ вѣрный, безошибочный путь. Сейчасъ, напримѣръ, у насъ въ Оффенбахѣ создалось прекурьезное положеніе: въ городскомъ самоуправленіи наше большинство, но—это я вамъ сообщаю по секрету—при слѣдующихъ выборахъ мы не будемъ изъ кожи лѣзть, чтобы получить снова большинство... Хотя я и «ревизіонистъ», а слѣдовательно высоко цѣню наше участіе въ жизни коммунъ и наше вліяніе въ мѣстномъ самоуправленіи, но, признаться, при капиталистическомъ режимѣ есть граница, которую при всемъ добромъ стараніи не прейдешь... Наше положеніе въ роли «большинства» крайне невыгодно; на насъ падаетъ отвѣтственность за всѣ мерзости, какія творятся, и престижъ партіи жестоко страдаетъ. Не понимаютъ люди, что мы же не «всесильны», что фактически и сейчасъ власть въ рукахъ «господъ»...

И онъ разсказываетъ о рядѣ конфликтовъ по вопросу объ организаціи безплатной врачебной помощи, ассигнованіи городомъ средствъ на рабочія библіотеки, на реформы школъ и т. д.

Мы давно уже миновали пыльныя улицы города и теперь любуемся очаровательными виллами въ садахъ.

— «Это нашъ Millionenviertel» (кварталъ милліонеровъ); здѣсь живутъ владѣльцы промышленныхъ заведеній. Но, какъ видите, это уже за городской чертой. Такимъ способомъ сразу убиваются два зайца: пользуешься преимуществами деревенскаго, чистаго воздуха и не платишь городскихъ налоговъ. Налоги же всѣмъ бременемъ своимъ ложатся на плечи рабочаго населенія, которое, разумѣется, селится въ чертѣ города... Сейчасъ на очереди стоитъ вопросъ о расширеніи границъ города и включеніи этихъ «бѣглецовъ» въ нашъ «заповѣдный кругъ»... Но, удастся ли намъ отстоять этотъ планъ—большой вопросительный знакъ... Замѣтьте: налоговъ эти господа не платятъ, а голосовъ своихъ въ городѣ не теряютъ,—вѣдь фабрики ихъ расположены въ его центрѣ... А все-таки недурно живется имъ здѣсь! Будь я милліонеръ,—пожалуй, самъ бы сюда переѣхалъ».

Глядимъ на виллу, построенную въ утрированномъ стилѣ грубой крестьянской избы. Нарочито тяжелые, упрощенные контуры; окна и двери нелѣпо малы, расположены не симетрично. Но передъ «избой»—цвѣтникъ съ художественно-подобранною гаммой тоновъ, за рѣшеткой—автомобиль и два громадныхъ датскихъ дога, свирѣпо лающихъ на насъ изъ-за воротъ...

Идемъ дальше. Виллы прекратились. Теперь потянулись «парцеллы»—участки, разбитые на мелкіе сады и огороды.

— «Вотъ, и я арендовалъ себѣ такую парцеллу; мы съ женой и сыномъ все свободное время копаемся на ней... Какъ видите, я не только ревизіонистъ,

но еще и аграрій... Но развѣ во всѣхъ насъ не живетъ эта безсознательная тяга къ землѣ? Посмотрѣли бы вы, какъ преображаются лица, когда по воскресеньямъ наши рабочіе наконецъ попадаютъ на свои парцеллы со всей Богомъ благословенной, а значитъ и многочисленной, семьей своей... Теперь вы все чаще и чаще встрѣтите рабочаго, который будетъ себѣ отказывать въ кружкѣ пива, въ самомъ необходимомъ, чтобы только сколотить лишній грошъ и пріобрѣсти себѣ клочекъ земли, въ которомъ онъ можетъ копаться, какъ дождевой червь... А какой это здоровый отдыхъ! И для тѣла, и для души... Поглядите,—вѣдь и вкусъ развивается: развѣ эта бесѣдка не художественна?»

Дѣйствительно павильонъ, въ видѣ шалаша, сдѣланъ несомнѣнно со вкусомъ; пріятно ласкаютъ глазъ соразмѣрность пропорцій и линій. А рядомъ цвѣтничекъ, въ которомъ чередуются два мягкихъ, гармонирующихъ тона цвѣтовъ. Дальше—холенныя грядки овощей, фруктовый садикъ, и на шестѣ весело развивается флагъ: «Mit uns der Sieg!» («Съ нами побѣда»!).

Воображеніе невольно рисуетъ «города будущаго»: утопающіе въ садахъ особняки, связанные между собою всѣми усовершенствованіями техники и все-же изолированные, дающіе полный просторъ индивидуальнымъ вкусамъ, склонностямъ...

Хорошо бы пожить лѣтъ этакъ черезъ двѣсти!..

V. Изъ психики лектора.

Изъ дому получено письмо, и душа полна смятенія и тревоги. Все здѣшнее, заграничное становится «чужимъ», тягостно-ненужнымъ... Кажется, такъ-бы и

перелетѣла пространство однимъ усиліемъ воли... Хватаюсь за перо: писать, писать домой... Но развѣ скажешь все? И когда услышишь отвѣтъ, котораго такъ жадно проситъ душа?

А часы, неумолимые часы бѣгутъ и бѣгутъ... Скоро шесть. Начало собранія въ восемь, а у меня ни мыслей не собрано, ни цифръ не записано.

Начинается нервная томительная борьба. Бросаешься къ книгамъ, «источникамъ»; перелистываешь, ищешь... Но фразы скользятъ по сознанію, не задѣвая, и мысли капризно отлетаютъ отъ дѣла.. Вспоминается время экзаменовъ; такое же безсиліе удержать убѣгающее, непослушное вниманіе... Губы машинально шепчутъ: «въ Хемницѣ ежегодно умираетъ дѣтей въ возрастѣ отъ одного до трехъ лѣтъ»... Карандашъ усиленно подводитъ двойныя, тройныя черты подъ строками, а мысли бѣгутъ, вниманіе ускользаетъ... Бѣгутъ, летятъ домой, за тысячи верстъ.

И вдругъ точно обжигаеть сознаніе: черезъ часъ— выступать. Кровь ударяетъ въ голову, стучитъ въ вискахъ, холодѣютъ руки, и въ безсильномъ отчаяніи хочется разрыдаться.

— «Дѣти, младенцы... умираютъ въ кварталахъ, гдѣ живетъ обезпеченный классъ, въ количествѣ 89%», шепчутъ губы, силясь удержать цифры въ памяти. Но вниманіе отсутствуетъ... Что же это будетъ? Не могу же я безъ цифръ, безъ данныхъ, съ несобранными мыслями выйти къ нимъ? Полная аудиторія, напряженныя, ожидающія лица, «женскія» лица... И ничего не дать имъ? Тѣмъ, для кого каждый такой рефератъ въ глухомъ городкѣ—событіе? Непонятнымъ усиліемъ воли неожиданно для самой себя удается взять себя въ руки. Мысли попали на рельсы. Вниманіе приковано. Спѣшно, скоро работаетъ карандашъ. Цифры занесены, факты «освѣщены» въ памяти, скелетъ рѣчи готовъ. Домъ, свои «далекіе-близ-

кіе», отошли, забыты. Руки машинально сворачиваютъ прическу, застегиваютъ платье, а голова работаетъ надъ рефератомъ, ищетъ образовъ, сравненій...

Когда нѣмецкій Genosse (товарищъ) стучится въ дверь, чтобы вести меня на собраніе, я въ полной «боевой готовности», и только пріятное волненіе послѣ пережитаго нервнаго подъема обѣщаетъ придать большую «подъемность» и живость рѣчи.

VI. Юный табачникъ.

По окончаніи реферата, ковыляя на костыляхъ, подходитъ ко мнѣ блѣднолицый юноша и, протягивая худую руку со странно-плоскими пальцами, извиняется:

— «Хотя я еще очень молодъ,—мнѣ нѣтъ еще 21 года,—но все же, я надѣюсь, вы согласитесь исполнить мою просьбу и проведете у насъ на табачной фабрикѣ собраніе. Все, что вы говорили сегодня, именно то, что намъ надо. На фабрикѣ 600 человѣкъ, большинство женщинъ»...

— «Если только мое время позволитъ, я не откажусь провести собраніе».

— «Назначьте любой день, хоть завтра... Когда вамъ удобнѣе... А ужъ мы все, все устроимъ. Конечно, я знаю, я еще молодъ, но вы все же останетесь нами довольны».

— «Какой странный юноша: какое мнѣ дѣло до его возраста»?

Иду къ предсѣдательскому столу, гдѣ возсѣдаетъ комитетъ мѣстной группы. Передаю предложеніе юноши и выражаю готовность остаться здѣсь лишнее время.

— «Кто васъ приглашалъ? Какъ! этотъ мальчишка, которому нѣтъ еще 21 года, котораго пустили въ организацію только послѣ новаго закона?.. Этотъ молокососъ... Unerhört! (Это неслыхано)! Genosse Lensch! подите-ка сюда!»

И почтенные старцы всѣ сразу накидываются на юнца. Онъ слегка взволнованъ, но защищается стойко и упорно стоитъ на своемъ. «Старцы» пожимаютъ въ негодованіи плечами, отчитываютъ его, но, повидимому, сдаются...

Ничего не понимаю! Въ чемъ «преступленіе»? Отчего такое негодованіе?

Черезъ день «ключъ» къ инциденту даетъ мнѣ самъ храбрый маленькій табачникъ, «которому еще нѣтъ и 21 года».

Ковыляя на своихъ костыляхъ, онъ является ко мнѣ въ номеръ.

— «Ну, товарищъ, побѣда-то кажется за нами»,— торжествующій возгласъ вмѣсто привѣтствія. «Отстояли. Будетъ ваше собраніе».

— «Но въ чемъ же дѣло? Разскажите. Я ничего не понимаю. Почему комитетъ былъ противъ собранія?»

Оказывается, негодованіе комитета вызвано «совокупностью преступленій» пылкаго юнца. Прежде всего, онъ, какъ неоффиціальное и никѣмъ не уполномоченное лицо, не имѣлъ никакого права приглашать меня. Во вторыхъ, разъ уже онъ уцѣпился за эту идею, онъ долженъ былъ по всей формѣ внести свое предложеніе на обсужденіе мѣстной подъ-группы, оттуда рѣшеніе должно было перейти во вторую инстанцію комитета группы, и только послѣ одобренія послѣдняго могло «воспослѣдовать» мое приглашеніе. Преступленіе его отягощалось еще его молодостью.

До акта 1908 г. въ партію вообще не могли всту-

пать несовершеннолѣтніе, и на «зеленую молодежь», потянувшуюся послѣ паденія закона въ политическія организаціи, все еще косо и недовѣрчиво посматриваютъ. Относятся, какъ къ дѣтямъ, которымъ позволяютъ сидѣть за столомъ «большихъ», но которымъ все время повторяютъ: «руки подъ столъ» и «помалкивай, когда говорятъ взрослые».

А юнцы горятъ желаніемъ иниціативы. Горячія, наивныя сердца; душно имъ въ атмосферѣ формальностей и бюрократизма, неизбѣжныхъ въ каждомъ разросшемся до внушительныхъ размѣровъ движеніи. Какъ оживляется его некрасивое лицо, какъ сіяютъ его еще дѣтски-чистые глаза, когда я разсказываю ему объ участіи молодежи въ русскомъ движеніи.

— «И никто ихъ не попрекаетъ, что имъ нѣтъ еще 21 года? И имъ даютъ отвѣтственныя порученія, какъ и остальнымъ? Вотъ бы, гдѣ я хотѣлъ жить... И висѣлицы не пугаютъ. Что вѣшаютъ молодыхъ наравнѣ со старыми? Такъ это же и хорошо... «Равноправіе»... Такъ умиляются феминистки, когда узнаютъ, что женщины «на пристаняхъ таскаютъ такія же тяжести, какъ и здоровенные малые, и работаютъ съ ними наравнѣ отъ зари до зари»...

Мой юный гость — типичное дитя нужды. Его мать и отецъ оба табачники. Отъ этого и дѣти либо поумирали въ младенчествѣ, либо, какъ онъ и сестра Грета,—оба калѣки. Отецъ давно умеръ, мать вѣчно хвораетъ; приходится ему и сестрѣ кормить ее. Но заработки ихъ невелики: сестра зарабатываетъ 18 м. въ недѣлю, онъ—21 м.

Оба организованы. Выписываютъ газету и очень любятъ музыку. Когда въ городѣ концертъ — обязательно идутъ съ сестрой. Грета, сестра, старше его и такая дѣятельная! Она—членъ комитета; съ ея помощью и удалось провести вопросъ о собраніи и до-

биться санкціи комитета. Ее всѣ уважаютъ. Вѣроятно, будетъ избрана «довѣреннымъ лицомъ».

Мой рефератъ назначенъ на субботу.

— «Теперь надо хорошенько поагитировать за эти дни, подбить народъ, чтобы побольше его явилось, чтобы залъ былъ полонъ... Пусть старики увидятъ, что и мы умѣемъ работать!...» Въ глазахъ маленькаго табачника такъ и горитъ юный задоръ.

Глухо стучатъ его костыли по деревянной лѣстницѣ; съ невольнымъ умиленіемъ провожаю глазами его тщедушную фигурку...

VII. Въ поселкѣ папиросной фабрики.

Поселокъ W. разбитъ вокругъ папиросной фабрики. Подходимъ къ нему по пыльному пути. Группа молодежи, окружая хромого маленькаго табачника, ждетъ насъ на откосѣ дороги. Видимо, онъ среди нихъ предводитель и, хотя ему и нѣтъ еще 21 года, привыкъ «властвовать»...

— «Начинать еще рано. Пойдемте къ намъ, познакомьтесь съ матерью... Скоро и Грета прійдетъ».

Одно-этажный кирпичный домишко; два тусклыхъ окна на улицу, но на окнахъ занавѣси и цвѣты пунцовой герани. Комната, хотя и большая, однако низкая и душная. Двѣ деревянныя кровати съ перилами, диванъ и традиціонный столъ съ вязаной скатертью, даже знакомая нѣмецкая этажерка, но вмѣсто безвкусныхъ бездѣлушекъ и раковинъ—книги въ чинномъ порядкѣ. На стѣнѣ—Бебель, Марксъ и Лассаль. Маленькая, сгорбленная, высохшая старушка привѣтливо жметъ руку—это и есть его мать. Молодежь болтаетъ и шутитъ непринужденно, но какая у нихъ нездоровая желтизна на лицахъ и какіе тусклые глаза!..

Въ дверяхъ появляется нѣсколько женщинъ; глядятъ въ мою сторону съ интересомъ и любопытствомъ. И у этихъ—торчащія лопатки, желтыя лица, вялыя движенія. Дѣлается почему-то неловко и своего здоровья, и своихъ прямыхъ плечъ...

Подхожу къ женщинамъ. Онѣ недовѣрчиво косятся и жмутся другъ къ другу,—не то враждебно, не то смущенно.

Вопросы мои о дѣтяхъ, о заработкѣ, о хозяйствѣ, пробиваютъ ледъ. Мутнымъ потокомъ льются уже знакомыя мнѣ женскія жалобы. Мужъ такъ мало зарабатывалъ, что пришлось пойти самой на фабрику. А дома дѣти, хозяйство... Хоть разорись! Хорошо мужчинамъ: отработаетъ свои 9 часовъ и идетъ въ пивную, на собраніе, а для женщины рабочій день только-только еще начинается...

Жалобы на мужей: у одной мужъ пьяница, у той, «хорошій человѣкъ», да вотъ пятый мѣсяцъ безъ работы, на ея шеѣ!.. Третья сѣтуетъ на грубое обращеніе. Сообщаютъ ехидно, что даже «партійные» и тѣ бьютъ своихъ женъ.

— «Вы бы ихъ пристыдили» —говоритъ высокая дѣвушка съ чудесными золотыми косами, короной обвивающими ея голову. «Какъ посмотришь, чего только не натерпятся замужнія женщины, зарокъ дашь никогда съ мужчинами не связываться».

— «Хорошо вамъ говорить», обижается вдругъ, хорошенькая работница, «когда за вами никто не ухаживаетъ! А если вамъ проходу не даютъ..

Высокая дѣвушка только пренебрежительно пожимаетъ плечами.

— «Genossin Lensch! Грета! наша Грета!» раздаются восклицанія.

Прихрамывающая худенькая фигурка, некрасивое лицо, такіе же жидкіе, безцвѣтные волосы, какъ у брата, и такіе-же дѣтски-чистые глаза; только въ чер-

тахъ больше опредѣленности, и плотно сжатыя губы говорятъ о волѣ и энергіи.

— «Очень рады, что вы согласились у насъ говорить»,—протягиваетъ мнѣ руку дружески, чуть-чуть покровительственно. «Братъ много про васъ разсказывалъ... Намъ нужны свѣжія силы... Такое собраніе, для насъ, женщинъ, это все равно, что бутылка хорошаго вина для любителя... Послѣ него—другими глазами на міръ глядишь. Жить хочется...

— «А вы сами не агитируете? Не говорите?»

— «О наша Грета чудесно говоритъ! Еслибъ вы могли ее послушать!

— «Вотъ, кто умѣетъ за сердце схватить! Я такъ плакала, когда она говорила, такъ плакала!!» раздаются восклицанія.

Тѣнь пробѣгаетъ по лицу Греты Леншъ.

— «Нѣтъ, я теперь больше не говорю... Кашель не даетъ, грудь у меня слабая... Прежде говорила... Ахъ, Боже мой! и безъ меня найдется кому говорить... Могу быть полезна и на другомъ дѣлѣ.

Чувствую, что задѣла «больную» струну. Спѣшу перевести бесѣду.

Какъ велики заработки на папиросной фабрикѣ?

Недѣльный заработокъ колеблется отъ 15 до 21 м. Но это не такъ много, если принять во вниманіе, что за ночлегъ и утренній кофе платишь не менѣе 2—3 м. въ недѣлю, что пропитаніе обходится 5—6 м., что обувь, мыло, мелкіе расходы требуютъ не меньше 4 м.; остается еще одежда, членскіе взносы... Да и какое питанье на 5—6 марокъ? Бѣлокровіе—обычная болѣзнь папиросницъ.

— «Намъ, работающимъ на дому, еще хуже», перебиваетъ старуха съ опухшими красными вѣками, беззубая, съ трясущейся головою... «Онѣ на фабрикѣ получаютъ за 1000 папиросъ 2 м. 30 пф., а мы только 90 пф... Какъ тутъ прожить?»

— «Я раньше работала на большой сигарной фабрикѣ» сообщаетъ, другая, «тамъ еще хуже. На 100 штукъ сигаръ мы должны были 3 изготовлять даромъ. За малѣйшее упущеніе, за нечистую работу—штрафъ. Бывало за 40 штукъ сигаръ на день не уплотятъ... А сами эти же сигары прекрасно въ продажу пускали!.. Просто, чтобы насъ «обидѣть»! И грязь же у насъ была въ мастерской! Тараканы, соръ, а ужъ абортъ — вспомнить тошно... Нѣтъ, здѣсь, все-таки лучше, хоть и меньше зарабатываю».

Юный табачникъ предлагаетъ мнѣ осмотрѣть типичное обиталище безсемейныхъ. Большинство «безсемейныхъ»—дѣвушки, парни—проводятъ ночи въ общей комнатѣ семейныхъ табачниковъ, ютясь на диванѣ или на кровати съ молодыми членами семьи. Бываетъ, что и въ кухнѣ ночуютъ. Но недавно администрація фабрики выстроила спеціальный домъ для одинокихъ; сдаетъ комнаты. Домъ въ два этажа. Наверху для женщинъ, внизу для мужчинъ; но женщинъ мало и потому дѣленіе не соблюдается. Разграфленъ домъ перегородками на узкія каморки, во многихъ нѣтъ даже окна. Столъ, стулъ, кровать, въ углу корзина или сундучекъ съ вещами. Встрѣчаются книги и письменныя принадлежности, но большинство коморокъ уныло пусты. За такое стойло платятъ 10 и даже 12 м. въ мѣсяцъ. Зато «электрическое освѣщеніе», умывальная комната и столовая, въ которой за 30 ф. можно получить обѣдъ, а за 20—ужинъ; «но безъ хлѣба»,—хлѣбъ оплачивается «экстра». Развѣ же это все не «благодѣяніе» со стороны администраціи?!

На улицѣ группа ребятишекъ. Какія блѣдныя лица, какія вялыя движенія; при томъ—одинъ хромаетъ, другой горбатенькій...

«Маленькіе старички», и даже глаза не дѣтскіе, мертвые.

Достаточно разъ побывать въ поселкѣ табачной

фабрики, чтобы убѣдиться, какъ отражается на дѣтяхъ эта пагубная профессія. А въ ней-то занято наибольшее число «пролетарскихъ матерей». Къ чему мнѣ статистика, цифры? Вотъ они «живые примѣры», вопіющіе, жуткіе...

Преслѣдуемая образами только что видѣннаго, я вхожу на эстраду...

Залъ переполненъ. Мой маленькій пріятель, юный табачникъ,—само сіяніе; глаза его, торжествующіе и радостные, встрѣчаются съ моими и говорятъ мнѣ о томъ, что въ этомъ «аду» пролетарскаго существованія вмѣсто Дантовскаго изреченія, ярко свѣтятся бодрящія слова: «надежда на будущее».

АНГЛІЯ.

I. „Зеленая Англія“.

Веселое, ясное солнечное утро. Играя на солнцѣ, переливается океанъ зелеными, синими тонами; мягко, равномѣрно покачиваетъ пароходъ. Растетъ и быстро приближается англійскій берегъ. Подходимъ къ Квинборо. Такъ вотъ она—Англія, страна моихъ дѣтскихъ грезъ и мечтаній. Не спѣша, безъ лишней суеты, но и безъ нѣмецкой медлительности, причаливаетъ пароходъ. Пристань старая, скрипучая; доски избиты, изрыты океанскими волнами. Носильщикъ,—такими рисуютъ въ иллюстраціяхъ англійскихъ матросовъ,—бритый, съ энергичными, сухими чертами, въ кожаной фуражкѣ, доноситъ багажъ нашъ до таможенной конторы. Дѣловито-вѣжливый тонъ таможенныхъ, и мы уже въ поѣздѣ съ его маленькими, низкими вагонами. Какъ не похоже на все, что осталось тамъ позади, на континентѣ. И этотъ скромный, простой вокзалъ, и это отсутствіе форменныхъ одеждъ и «магическихъ палочекъ» начальниковъ станцій, и эти потертые, повидавшія океанскія бури одежды.

Нигдѣ ни зеркалъ, ни позолоты, ни мишурныхъ украшеній. И тѣмъ не менѣе на всемъ печать старой культуры, спокойнаго достоинства, знающаго себѣ цѣну джентельмена. Германія съ ея великолѣпными вокзалами, съ ея чинными перронами и парадными «шаф-

нерами»—кажется разбогатѣвшимъ мѣщаниномъ, кичливо выставляющимъ напоказъ свое новенькое непривычное благоденствіе. Англія — «родовитый баринъ», которому незачѣмъ вывѣшивать напоказъ золотую цѣпочку часовъ; онъ можетъ позволить себѣ роскошь щеголять въ старомъ, не модномъ, но удобномъ платьѣ.

Безъ предупрежденій и привычныхъ криковъ «Abfahrt»! «Einsteigen»!—поѣздъ трогается.

Быстро, какъ въ кинематографѣ, разворачиваются, мелькаютъ ландшафты. «Зеленая Англія»... Въ самомъ дѣлѣ, какая свѣжая, яркая зелень. Широко и мягко стелятся луга, набѣгаютъ на холмы, сбѣгаютъ къ рѣчкамъ... Картинно-пушистые бѣлые барашки съ ленточками и колокольчиками создаютъ иллюзію «декораціи». Заманчиво изгибается и убѣгаетъ, между подстриженными изгородями вѣчно-зеленыхъ hollytries, узкая шоссейная дорога и теряется за стѣной величавыхъ буковъ. Какой отдыхъ эта капризная, тѣнистая дорога, извивающаяся среди веселой зелени, послѣ прямыхъ прусскихъ шоссе, этихъ «кратчайшихъ разстояній между двумя точками», которыхъ, точно солдаты, стерегутъ аккуратно посаженныя на краю, выровненныя въ линію деревья. На холмѣ—замокъ; зеленая лужайка, съ живописно разбросанными на ней группами деревьевъ и кустовъ, сбѣгаетъ до ручейка... Гдѣ я видѣла эту картину? Почему мнѣ все знакомо: и этотъ лугъ, съ декоративными группами деревьевъ, и этотъ котеджъ, обвитый плющемъ, и эти бѣлые барашки?.. Не заполняли ли эти картины страницы журналовъ—любимыхъ товарищей дѣтства? И, какъ-бы довершая сходство со знакомыми изображеніями «зеленой Англіи», прудъ съ гусями, а на берегу дѣвочка, пастушка, въ красной юбченкѣ, соломенной шляпѣ съ лентами и огромной хворостиной—предметъ моихъ дѣтскихъ мечтаній...

Все чаще и чаще мелькаютъ котеджи; стѣснились, слились въ одну линію, разбѣжались по улицамъ... Полотно дороги обступили кирпичные, однородные, узкіе дома. Мы—въ Лондонѣ.

Легкій кэбъ быстро везетъ въ районъ Британской библіотеки, гдѣ каждый домъ—boarding-hause (пансіонъ).

На улицѣ мертвая тишина. Сегодня воскресенье. Но такъ даже лучше. Пѣшеходы, суета, экипажи, все движеніе большого города мѣшаетъ воспринять его истинную «душу», кроющуюся въ архитектурѣ, въ планировкѣ улицъ...

Какъ высоки дома, какъ причудливы улицы стараго Лондона, то узкія, изгибающіяся, то широко разступающіяся и уходящія въ безконечную даль! Дома—закопчены, блескъ новой архитектуры отсутствуетъ, и все же печать старой, испытанной культуры лежитъ на столицѣ британскаго народа.

Пансіонъ расположенъ въ нѣсколькихъ домахъ; чтобы попасть къ себѣ надо подыматься и вновь спускаться по запутаннымъ лѣстницамъ.

Скорый breakfast въ свѣтлой веселой столовой, съ мягкимъ ковромъ, цвѣтами, непринужденной болтовней кукольно-хорошенькихъ «миссъ», и я уже несусь по подземкѣ на окраину города, въ предмѣстьѣ Hammersmith.

II. У мистриссъ Монтефіоре.

Куда итти? Улицы—одна, какъ другая: узкіе дома-котеджи, а названія улицъ отсутствуютъ. Спаситель «боби» (полицейскій). Вѣжливо-корректное объясненіе по плану, но ни тѣни того добродушно-покровительственнаго тона, съ которымъ нѣмецкіе шуцманы отвѣчаютъ «безтолковымъ иностранцамъ».

Мимо котеджей до самой Темзы... Какъ, это и есть Темза? Останавливаюсь, зачарованная. Какая красавица! Не сдавленная болѣе каменной набережной, она здѣсь уже свободно раскинула свои серебристыя волны и нѣжится, и играетъ на солнцѣ, то шаловливо набѣгая на песчаный берегъ, то лаская зеленый лугъ, убѣгающій по ту сторону рѣки къ далекому горизонту. А развѣсистыя ивы купаютъ въ ней свои длинные, трепещущіе листочки и, низко склонившись, будто стараются заглянуть въ самую глубь серебряныхъ водъ.

Иду вдоль берега съ обвитыми плющемъ котеджами, цвѣтущими садиками, запахомъ яблонь—весна...

Берегъ пустъ и безлюденъ. Некого спросить, гдѣ живетъ мистриссъ Монтефіоре. Всплескъ веселъ. Одна за другой, спѣша, перегоняя другъ друга несутся узкіе, легкіе, гоночные ялики. Бѣлыя одежды гребцовъ, мускулистыя руки, загорѣлыя лица, отсутствіе шапокъ... И снова тишина, только серебрянымъ звукомъ нѣжно плещется Темза, ударяясь о берегъ..

На-встрѣчу—сѣдой старичекъ, сгорбленный, опирающійся на палку. Картинная мягкая шляпа съ большими полями, лицо строгое, а глаза ласковые дѣтски-голубые. Гдѣ я его видѣла? Ну, конечно! Его портретъ встрѣчается въ каждой иллюстраціи къ событіямъ на «зеленомъ» островѣ: народная демонстрація, коронація короля, несчастный случай, празднество...

Это собирательный старый «дядя Джонъ».

Спрашиваю у него нужный адресъ.

— «Мистриссъ Монтефіоре? Да вы стоите у самой калитки. Вотъ ея котеджъ.

Такъ вотъ онъ,—этотъ историческій въ женскомъ движеніи домъ, въ которомъ мистриссъ Монтефіоре выдержала шесть недѣль осады полиціи за отказъ платить налоги. «Если мы лишены права распоряжаться

деньгами, съ насъ взимаемыми, мы перестаемъ платить налоги». «No taxation without arbitration».

Сосѣди, друзья, послѣдователи снабжали ее черезъ рѣшетку сада провіантомъ, книгами, цвѣтами... Фотографы и репортеры осаждали домъ, переговаривались, интервьюировали, снимали энергичную женщину, не переступая порога ея жилища, висли на рѣшеткѣ сада, подкупали прислугу, чтобы получить побольше «интимныхъ», «свѣжихъ» свѣдѣній... Отсюда вывезли все ея имущество, чтобы продать съ публичнаго торга. И ей, и ея друзьямъ пришлось спѣшить на выручку любимыхъ и привычныхъ предметовъ домашняго обихода. Два раза выдержала эта энергичная женщина борьбу съ законами своей страны. Но подражательницъ было мало, и «движеніе» не создалось. «Воинственными суффражистками» найдены были иные, болѣе сенсаціонные методы борьбы. А сама Монтефіоре покинула ихъ ряды и примкнула къ соціалдемократической партіи, ставъ во главѣ движенія за всеобщее избирательное право. A.S.S. или Adult Suffrage Society *)—ея любимое дѣтище. Эта организація и выписала насъ для спеціальной работы: продержать рядъ агитаціонныхъ контръ-собраній въ то самое время, когда въ Лондонѣ будетъ происходить международный конгрессъ союза женскихъ избирательныхъ правъ. Международный женскій союзъ будетъ провозглашать принципъ борьбы за ограниченное избирательное право для женщинъ; въ противовѣсъ ему, соціалдемократія должна будетъ развернуть свое знамя «всеобщаго» избирательнаго права. Такова задача, таковъ намѣченный планъ.

У Монтефіоре остановилась и Клара Цеткина.

Захожу сначала къ ней. Застаю ее, какъ всегда, за письменнымъ столомъ съ ворохами рукописей, газетъ,

---

*) Общество борьбы за избирательное право для всѣхъ взрослыхъ.

журналовъ. Съ обычной нервной торопливостью она сообщаетъ мнѣ о положенiи дѣла, о нашихъ задачахъ. Отсутствующiй взглядъ, красныя пятна на лицѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что она озабочена, занята...

— «Не хочу васъ сейчасъ задерживать и отрывать отъ дѣла, поговоримъ послѣ. А пока, я пройду къ Монтефiоре».

— «Вотъ и отлично! вы не сердитесь, что я съ вами не могу побыть сейчасъ?» И ея милые, близорукiе глаза съ виноватымъ видомъ близко, близко глядятъ на меня, а улыбка дѣлаетъ ея лицо чарующимъ, живымъ.

Мистриссъ Монтефiоре высокая, крупная женщина съ энергичными, почти мужскими движенiями.

Она—бабушка, но огонь энтузiазма и вѣра въ любимое дѣло—молодитъ и краситъ ее.

Какъ ласкаетъ глазъ этотъ англiйскiй «гротъ», этотъ домашнiй комфортъ, носящiй такой яркiй отпечатокъ индивидуальности хозяина дома. Скромное жилище Монтефiоре полно своеобразной поэзiи. Портреты всѣхъ временъ и стилей, книги, цвѣты, глубокiя, заманчивыя кресла, мягкiя подушки, низкiй диванъ, вдѣланный въ нишу окна, и за нимъ живое, трепещущее природными красками «пано»: Темза, съ ея живописными ивами и зелеными лугами...

— «Кто это?» Разглядываю портретъ,—тонкое, гордое лицо и горькая, непокорная складка у губъ.

— «Развѣ не знаете? Оскаръ Уайльдъ. Это мой любимый поэтъ; вотъ здѣсь у меня полка его сочиненiй...

Оскаръ Уайльдъ—любимецъ ортодоксальной соцiалистики; этого въ Германiи не встрѣтишь.

— «А тутъ, направо, входъ въ садъ, домикъ Вилльяма Морриса и его вилла».

Жадно высовываюсь изъ окна. Простенькiй домикъ, въ цвѣтахъ и зелени. Такъ вотъ, гдѣ этотъ идеалистъ и эстетъ писалъ свои знаменитыя «письма

ни откуда». Быть можетъ мягкая красота Темзы и ея зеленыхъ береговъ наполнила его душу той жаждой истинной красоты, которая рождается только при близкомъ и непрестанномъ общеніи съ природой...

— «Немного дальше—его мастерская и образцовая школа художественныхъ, ручныхъ издѣлій... Вы вѣрно замѣтили по дорогѣ сюда: песчанную площадку у берега, посрединѣ старый, развѣсистый дубъ. Вотъ тамъ, на этой площадкѣ, Вильямъ Моррисъ по воскресеньямъ, среди толпы оборванцевъ, рисовалъ свои заманчивыя картины жизни будущихъ поколѣній, наполненныя эстетикой и красотою... И его слушали, его любили.

Надо было видѣть выраженіе лицъ всѣхъ этихъ грязныхъ, оборванныхъ, голодныхъ, изнуренныхъ людей, когда онъ, какъ пророкъ, предвѣщалъ имъ побѣду красоты надъ уродствомъ современной жизни... Но чистая публика его избѣгала. Для нихъ это былъ лишь выжившій изъ ума человѣкъ...»

Пророкъ красоты и эстетизма среди нищихъ, голодныхъ, оборванныхъ. Только Англія способна на такіе контрасты!

За завтракомъ, кромѣ насъ съ Цеткиной, еще делегатка изъ Голландіи. Обсуждаемъ тактику послѣдующихъ дней. Завтра открытіе международнаго женскаго конгресса. Монтефіоре рѣшила участвовать. Она дастъ пространную мотивировку такого отступленія «A. S. S.» отъ правилъ ортодоксіи. Суффражетки сейчасъ несомнѣнная сила. Онѣ притянули къ себѣ, растворили въ своихъ рядахъ лучшихъ, наиболѣе активныхъ женщинъ рабочаго класса. И сами соціалисты, члены независимой рабочей партіи, несутъ за это часть отвѣтственности. Узкій-женскій патріотизмъ затуманилъ ихъ головы и заставилъ совершить непростительную ошибку — принести въ жертву идеѣ

«эмансипацiи пола» интересы собственнаго, рабочаго класса. Если избирательное право дано будетъ женщинамъ на тѣхъ же основанiяхъ, на какихъ ими пользуются мужчины, изъ 13-ти-миллiоннаго женскаго населенiя 11 миллiоновъ совершеннолѣтнихъ попрежнему останутся безправными. Необходимо освѣтить положенiе дѣлъ на конгрессѣ феминистокъ; необходимо показать и пролетарiату, что сейчасъ наиболѣе благопрiятный моментъ борьбы за избирательную реформу: конфликтъ съ верхней палатой, учащающiеся крики «долой лордовъ» — создаютъ атмосферу сочувствiя и интереса къ демократическимъ лозунгамъ. «Избирательное право для всѣхъ совершеннолѣтнихъ»—требованiе, которое должно встрѣтить сочувствiе массъ и быть подхваченнымъ, какъ протестъ противъ «дамскихъ затѣй»...

Цеткина поддерживаетъ Монтефiоре. Члены независимой рабочей партiи поступаютъ «предательски», идя въ хвостѣ суффражетокъ... Голланка колеблется. Ей улыбаются непосредственные, практическiе результаты возможной побѣды.

— «Да поймите же!» горячится Цеткина: «безъ насъ—онѣ безсильны и дѣло ихъ безнадежно. Только изъ рукъ рабочаго класса получатъ суффражетки избирательное право. Не иначе. Только тогда, когда пролетарiатъ поведетъ планомѣрную кампанiю противъ Британскаго правительства,—пролетарiатъ, массы, а не «дамы» изъ хорошаго общества, сколько бы ихъ тамъ ни было,—только тогда, когда лорды почувствуютъ со всѣхъ сторонъ угрожающе поднятые на нихъ кулаки, перестанутъ они упрямиться и отказывать суффражеткамъ. Больше того. Стоитъ рабочему классу осадить парламентъ и огласить воздухъ лозунгомъ всеобщаго, безцензоваго избирательнаго права, чтобы правительство съ радостью бросило дамамъ эту гнусную подачку: «ограниченное право голоса...» Они

поймутъ тогда, эти англійскіе буржуа, что избирательное право для «дамъ» имъ только на руку, что оно укрѣпитъ ихъ власть, усилитъ господство буржуазіи въ странѣ... Если они еще медлятъ, то только изъ косности, изъ консерватизма... Да и кто сейчасъ требуетъ реформы? Дамы! Не народъ. А съ «дамами» правительства не считаются. И хорошо дѣлаютъ! И имѣютъ всѣ основанія... Дамы—это еще не политическая сила».

Рѣшено на всѣхъ предстоящихъ митингахъ, организуемыхъ партіей и «A. S. S.» протестовать противъ поведенія соціалистокъ и соціалистовъ, идущихъ рука объ руку съ суффражетками, и отстаивать платформу «A. S. S.».

Прощаемся до вечера — въ 7 ч. назначена вечеринка въ честь пріѣзжихъ агитаторовъ.

III. Вечеръ въ честь пріѣзжихъ агитаторовъ.

Чудесный, весенній вечеръ, и хочется пройтись пѣшкомъ. Чѣмъ больше вглядываюсь въ Лондонъ, тѣмъ ярче ощущеніе «влюбленности» въ этого стараго красавца, на чело котораго «исторія» наложила свою строгую и величавую печать. «Исторіей вѣетъ отъ каждой площади, отъ каждаго моста, отъ мрачно-задумчивыхъ храмовъ и изящныхъ романскихъ зданій, рожденныхъ фантазіей идеалистовъ и эстетовъ средневѣковья. Снова, зачарованная, останавливаюсь передъ зданіемъ суда съ его хрупкой, бѣло-сѣрой кружевной аркадой и стрѣльчатыми башнями.

Въ залѣ уже толпится публика. И какая пестрая! Хорошенькія, кукольныя миссъ въ свѣтлыхъ, воздушныхъ платьяхъ звенятъ браслетами, а рядомъ худыя пролетарскія лица женщинъ, со сгорбленными

спинами, въ помятыхъ блузахъ, въ старыхъ, обтрепанныхъ юбкахъ. Джентельмены, съ тщательными проборами, въ смокингахъ и ослѣпительно бѣлыхъ рубашкахъ, и тутъ же широкоплечій рабочій съ обмотаннымъ вокругъ шеи шарфомъ, вмѣсто воротника. Гдѣ на континентѣ увидишь что нибудь подобное? Хорошенькая миссъ весело и непринужденно болтаетъ съ кавалерами въ потертыхъ одеждахъ, а работница въ невзрачной блузѣ и шлепающихъ башмакахъ ведетъ «дружескую» бесѣду съ сосѣдомъ въ смокингѣ. Здѣсь—всѣ «товарищи», все «свои», всѣ соціалисты. Насъ, пріѣзжихъ агитаторовъ, усаживаютъ на эстраду. Порядокъ дня: привѣтственныя рѣчи, затѣмъ концертное отдѣленіе.

Первая изъ пріѣзжихъ говоритъ Цеткина. Ея рѣчь, какъ всегда, полна широкаго политическаго размаха и силы. Но мѣшаетъ чужой языкъ. Многое для слушателей пропадаетъ.

— «She is very german» («она настоящая нѣмка»)— находитъ публика.

За ней—делегатка отъ Финляндіи. Нотка сентиментальнаго лиризма подкупаетъ слушателей, и кажется тутъ и тамъ «проливаютъ слезу».

Я говорю о ростѣ «соціальныхъ чувствованій», о томъ, что, вслѣдъ за таможенными границами, отдѣляющими государство отъ государства, должны будутъ пасть подъ мечемъ соціалистовъ и остальныя «стѣнки», раздѣляющія людей другъ отъ друга...

Публика—отзывчива, какъ струна. Нигдѣ не ощущала я такъ отчетливо ея диктующей власти надъ собою, какъ тутъ, въ Англіи. «Общественное мнѣніе» на «Островѣ» неограниченный властелинъ, и этому мнѣнію аудиторіи, пусть даже случайной, уличной толпы, «обязанъ» подчиняться ораторъ. Если онъ хочетъ говорить «свое», итти противъ теченія, онъ долженъ быть готовъ натолкнуться на ту стѣну со-

противленія, которая не позволяетъ повести за собою аудиторію, помимо ея воли. Чтобы «взять» англичанъ, мало заставить аудиторію «чувствовать сообща», какъ въ Германіи; надо сумѣть завладѣть ея интеллектомъ, «убѣдить» ее, разбить ея сопротивленіе логикой... Вотъ почему въ рѣчахъ британцевъ такъ много формальной дѣловитости, сухой разсудочности... Но если логика на вашей сторонѣ, тогда навстрѣчу вамъ довѣрчиво раскроются и сердца слушателей, тогда англійская аудиторія становится «воскомъ», и какимъ чудеснымъ: мягкимъ, гибкимъ воскомъ, послушно воспринимающимъ тончайшіе изгибы мысли...

Когда я, по окончаніи своей рѣчи, спускаюсь въ залу, меня окружаютъ пріѣхавшіе по дѣлу союза рабочіе изъ Бирмингама и Бристоля. Уговариваютъ сейчасъ же, по окончаніи работы въ Лондонѣ, поѣхать къ нимъ на агитацію.

— «Мы вамъ устроимъ прекрасныя собранія. А вы сдѣлаете полезную работу. Намъ совершенно не хватаетъ теоретичееки образованныхъ соціалистическихъ силъ. Всѣ мы практики, самоучки; нуженъ твердый, научный фундаментъ, какъ базисъ для нашей агитаціи; тогда дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе».

Изъ-за личныхъ дѣлъ, зовущихъ меня къ опредѣленному сроку на континентъ, отклоняю заманчивое предложеніе.

Концертъ—посредственный, любительскій. Играютъ Шумана въ честь представительницы Германіи, Сибеліуса—въ честь Финляндіи и что-то Рахманинова въ честь Россіи... Что? Я не знаю, но что-то такое, отъ чего щемитъ сердце...

— «Эта мелодія заставляетъ меня воображать ваши снѣжныя, далекія сибирскія степи и на нихъ, бряцающія цѣпями, нескончаемыя вереницы политическихъ ссыльныхъ, арестантовъ, какъ въ романѣ Толстого «Воскресеніе»... говоритъ, наклоняясь ко

мнѣ, одинъ изъ бирмингамскихъ рабочихъ,—и глубокая печаль и сдерживаемое, но прорывающееся помимо воли, сочувствіе глядитъ изъ его темныхъ, славныхъ глазъ...

IV. Митингъ «A. S. S».

Первый открытый митингъ организованъ въ центрѣ Лондона. Залъ большой, вмѣщающій тысячи двѣ народу, но наполненъ едва-ли на половину. А между тѣмъ на эстрадѣ «цвѣтъ» англійскихъ соціалистовъ ортодоксальнаго крыла. Широкоплечая, видная фигура Хайндмана, съ его широкой, типичной бородой, славное, умное лицо Квельча; а рядомъ статный старикъ «либералъ» сэръ Чарльсъ Дилькъ, составитель извѣстнаго билля о реформѣ англійской системы представительства. Его осанка «благороднаго лорда», его безукоризненный черный сюртукъ, его сѣдая голова такъ и просятся на картину и такъ типично англійски, что кажутся «не натуральными». Можетъ быть, это прекрасно-загримированный актеръ, играющій выигрышную роль «либеральнаго» лорда со всѣми неизбѣжными, традиціонными качествами: благородствомъ, великодушіемъ, «мягкимъ сердцемъ» и сочувствіемъ къ угнетеннымъ?..

А вотъ и героиня, сбѣжавшая со страницъ англійскихъ назидательныхъ романовъ для молодыхъ, цѣломудренныхъ «миссъ»: леди, доподлинная леди, родственница короля, одна изъ владѣлицъ крупнѣйшихъ графствъ, по собственной волѣ, слѣдуя влеченію сердца, поступившая въ ряды «арміи неимущихъ»... На ней идеально-простое черное платье. Лицо статуйно-прекрасное, надъ золотыми волосами ореолъ

черной шляпы, со страусовыми перьями... И только непріятно дисгармонируютъ съ выдержанной строгостью костюма огромные брильянты въ ушахъ прекрасной леди... На эстрадѣ находится и ея дочь, кукольно-хорошенькая, но совершенно безцвѣтная юная особа.

За графиней—гордая голова, съ красивымъ лбомъ и байроновскими волосами, молодого ирландца Ш. И тутъ же худая, некрасивая работница, съ угловатыми манерами, въ поношенной, скромной одеждѣ...

Но отчего же залъ такъ пустъ?

— «Мы сдѣлали все, что отъ насъ зависитъ» объясняетъ мнѣ членъ «A. S. S.»: «были и плакаты, и объявленія, но что подѣлаешь—сама идея еще не пріобрѣла «популярности», а до тѣхъ поръ—мы безсильны. Мужчины находятъ, что вопросъ не актуаленъ... Женщины—тянутся къ суффражеткамъ»...

— «Отчего же партія не проявляетъ больше энергіи? Отчего не подымаетъ болѣе живой агитаціи?»

— «Что мы можемъ сдѣлать? Въ «Justice» были статьи, были объявленія».

— «Но вѣдь «Justice» выходитъ разъ въ недѣлю? Въ Германіи въ такихъ случаяхъ выпускаютъ спеціальные листки, прибѣгаютъ къ устной агитаціи».

Сухо: «У насъ это не принято».

Поученій англичане не любятъ.

Говоритъ Хайндманъ. Какъ всегда, умно, дѣловито, но сухо. Много тонкой ироніи; публика ее тотчасъ схватываетъ; въ Германіи, пожалуй, надъ сарказмомъ «между строкъ», не разсмѣялись бы... Но что-то холодное въ его манерѣ, и даже «пафосъ», прибереженный къ концу, не грѣетъ, кажется заученнымъ...

Сэръ Чарльсъ Дилькъ ведетъ съ публикой непринужденную бесѣду; просто, безъ попытокъ на краснорѣчіе, даетъ онъ картину существующей изби-

рательной системы Англіи. Остроумно составленные 17 ограничительныхъ параграфовъ, дѣлающихъ «честь» изобрѣтательности британцевъ и ловко устраняющихъ отъ избирательныхъ урнъ всю истинную демократію страны. Власть остается въ рукахъ лордовъ, духовенства и представителей капитала. Чтобы имѣть голосъ рабочій долженъ нанимать комнату, платя за нее «безъ мебели» (обратите вниманіе — это важный пунктъ!) по меньшей мѣрѣ 4 шил. въ недѣлю. Всѣ условія выполнены. Рабочій прожилъ положенный срокъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, платитъ не 4, а цѣлыхъ 5 шил. въ недѣлю, и кажется его челнокъ, везущій его къ избирательной урнѣ, благополучно миновалъ всѣ 17 подводныхъ рифовъ избирательнаго закона. Но... маленькое, ничтожное обстоятельство. Оказывается, что у дверей его комнаты лежитъ матъ, самый обыкновенный, веревочный матъ, стоющій 8 пенсовъ. И въ этомъ матѣ сокрыта причина гибели рабочаго, какъ полноправнаго гражданина. Матъ, видите-ли, принадлежитъ не ему, а хозяину комнаты. Моментъ существенный! Дѣло происходитъ такимъ образомъ: провѣрочная комиссія, разбирая списки избирателей, натыкается на обозначеніе жильца въ домѣ № 18 по Glochesterroad, нанимающаго комнату съ матомъ отъ хозяина. Возникаетъ сложная проблема: матъ—мебель, или не мебель?»

— «А что же это по вашему животное? собака?» горячится членъ комиссіи: «Матъ—необходимая принадлежность каждой приличной квартиры, слѣдовательно—это мебель».

А разъ—мебель, то «слѣдовательно»—рабочій вычеркивается изъ списка избирателей...

Тутъ же комиссія санкціонируетъ избирательное право за сэромъ, нанимающимъ не только комнату съ матомъ, но цѣлый меблированный дворецъ, съ дюжиной матовъ... Таковъ изобрѣтательный законъ

съ его 17-ью параграфами; ихъ можно поворачивать любымъ бокомъ, смотря по надобности.

Иронически, почти добродушно, развѣнчиваетъ сэръ Дилькъ всю сложную избирательную систему Англіи, столько лѣтъ служившую «идеальнымъ прообразомъ» для демократическихъ мечтаній жителей континента. Аристократически-бѣлыя руки, съ тонкими пальцами, стараго красавца граціозно жестикулируютъ, и странно не вяжется его осанка «благороднаго лорда» съ демократическимъ содержаніемъ его рѣчи.

Леди Варвикъ читаетъ свою рѣчь по запискѣ, монотонно, безжизненно.

На простонародномъ мѣстномъ нарѣчіи, нѣсколько грубовато, ведетъ свою агитацію худая работница. Но сколько «своего», индивидуальнаго въ ея рѣчи. Полное отсутствіе тѣхъ заученныхъ «общихъ мѣстъ», безъ которыхъ въ Германіи не обходится ни одна рѣчь еще мало опытнаго оратора. У этой все своеобразно, все «свое», пожалуй даже «свой соціализмъ»; но онъ понятенъ массѣ; это то, что грезится усталой въ будничной, непрерывной борьбѣ за существованіе душѣ, это—мечта о сладкомъ отдыхѣ, безъ стерегущей, неотвязной заботы о завтрашнемъ днѣ...

И когда мистриссъ К. разсказываетъ живой примѣръ голодной смерти, среди колоссальныхъ богатствъ Англійской Метрополіи, дѣлается жутко, и хочется вмѣстѣ съ всколыхнувшейся аудиторіей крикнуть: «Down with the exployters!».

Ирландецъ Ш.—весь огонь и темпераментъ. Онъ любимецъ публики, для нея у него какія-то свои «словечки», понятныя ей съ полунамека. Слушатели смѣются, рукоплещутъ...

Говорить послѣ всѣхъ этихъ «отборныхъ» силъ? Охватываетъ почти физическая дурнота. Сердце замираетъ; кажется, что летишь въ бездну.

«Убѣгу. Найду предлогъ, скажусь больной»... Но подходитъ моя очередь и я покорно бреду къ рампѣ. Неожиданно теплый пріемъ—привѣтствіе Россіи, «борцамъ за свободу»... Вглядываюсь въ залъ. И этихъ ласково-устремленныхъ на меня, внимательныхъ, поощрительно-улыбающихся мнѣ лицъ я испугалась? Передъ ними хотѣла бѣжать? Страха какъ не бывало. Слѣдуя велѣнію устремленныхъ на меня сотенъ глазъ, будто подъ гипнозомъ, я покорно начинаю свою рѣчь...

Сэръ Чарльсъ-Дилькъ «изысканно» любезенъ.

— «Вы не похожи на русскую. Могли бы сойти за англійскую миссъ»...

Можно-ли ждать бо́льшаго отъ британца?! Конечно, обсуждаемъ съ нимъ политическое положеніе Россіи. Его «интересуетъ» эта «экзотическая», «дикая» страна, съ ея ширью степей, съ «гигантски-сильными натурами»... Послѣ нѣмцевъ поражаетъ неосвѣдомленность дѣятельнаго политика. Вся русская революція въ его представленіи — сплошное «кровавое пятно», съ безтолковыми, дикими убійствами, съ геройствомъ «отчаянныхъ головъ», съ револьверами и динамитомъ съ одной стороны, казаками, колющими и рѣжущими направо и налѣво, съ другой...

— «И потомъ ваше крестьянство—это стая дикарей... Я не говорю о рабочемъ классѣ, о пролетаріатѣ», быстро поправляетъ онъ себя, вспомнивъ, что говоритъ съ соціалдемократкой: «но ваши фермеры—это бушмены, варвары, звѣри... Я читалъ, какъ они уничтожали великолѣпныя, цѣнныя библіотеки въ старыхъ «замкахъ», какъ вырубали старинные парки, какъ мучали скотъ... Жутко, жутко жить среди народа, который находится еще на такой низкой ступени моральнаго развитія»...

Пытаюсь возстановить истину, дать болѣе отвѣ-

чающія дѣйствительности свѣдѣнія. Но сэръ Дилькъ недовѣрчиво косится, и, хотя не споритъ, но на лицѣ явные признаки сомнѣнія.

Въ Англіи ждутъ депутатовъ третьей Думы. Сэръ Дилькъ находитъ «весьма любопытнымъ» поглядѣть на «русскихъ политиковъ», которые настолько наивны, что хотятъ въ Россіи шествовать впередъ по пути парламентаризма. Вмѣсто «бомбъ», парламентскіе билли—забавно!

— «И все-таки побѣду обезпечатъ не парламентскіе дѣятели, а тѣ «оригинальныя личности», русскіе «нигилисты», что ищутъ постоянно у насъ убѣжища, герои безумно-отчаянныхъ выступленій... Отъ души желаю вамъ успѣха». Прочувствованно жметъ руку.

— «Но позвольте, сэръ, я вѣдь соціалдемократка и не имѣю отношенія къ героямъ «безумно-отчаянныхъ выступленій»...

— «Развѣ?»—разочарованно, съ недоумѣніемъ. «Ну, все равно. Вы всѣ тамъ въ Россіи революціонеры, а въ вашихъ дѣленіяхъ—я совершенный профанъ».

Митингъ конченъ.

Подходятъ знакомиться неизвѣстныя мнѣ личности. Обмѣниваемся впечатлѣніями; быстро завязываются «нити» съ англійской публикой; почему-то чувствую себя здѣсь «роднѣе», болѣе дома, чѣмъ въ Германіи... Но отчего такъ мало рабочихъ? Положительно преобладаетъ «чистая», буржуазная публика, даже на вечеринкѣ ихъ было больше.

Разспрашиваю ирландца Ш.

Машетъ рукою.

— «Пойдемте со мною въ юніоны; тамъ увидите англійскій пролетаріатъ во плоти и крови. А это—одна «дамская затѣя», что ни говорите».

— «И это говорите Вы, дѣятельный членъ «A. S. S.?»

— «Какой мыслящій демократъ не будетъ сторонникомъ платформы «A. S. S.? Но идея одно, практи-

ческое выполненіе—другое. Могу васъ увѣрить, что въ юніонахъ дамы съ брильянтами не посмѣютъ говорить съ эстрады»,—и глаза его сверкаютъ злымъ огонькомъ въ сторону романтической красавицы-графини, на плечи которой ливрейный лакей набрасываетъ изящный sorti de bal. «Я люблю васъ, русскихъ, именно за вашу нетерпимость, за то, что вы не идете на компромиссы, что воспитанные подъ ударами кнута, вы научились ненавидѣть всѣхъ, кто направляетъ этотъ кнутъ... Мнѣ бы хотѣлось съ вами побесѣдовать? Когда я могъ бы васъ застать?»

Уславливаемся и разстаемся «друзьями».

V. «Интервьюерши».

Съ утра интервьюерши. Первая—худая, некрасивая дѣвушка. Учительница музыки по профессіи, но такъ какъ своимъ трудомъ она содержитъ младшихъ сестеръ и братьевъ, то приходится прибѣгать къ побочному заработку. Между прочимъ, сюда входитъ и интервьюерство. Все, какъ полагается въ хорошемъ, почтенномъ англійскомъ романѣ Tauschnitz edition».

Мои разсказы о томъ, какъ и почему я покинула Россію, заставляютъ ее экспансивно схватить меня за руки. Сентиментально - разжалобленнымъ голосомъ:

«Какъ ужасно должно быть покинуть свой «home» (домашній очагъ) и бездомной скитаться по свѣту... Но въ насъ вы теперь пріобрѣли друзей. «Сдѣлайте Англію своимъ вторымъ отечествомъ!»

Искренно? Или это такъ и «полагается»?

Вторая—пишетъ для женскаго журнала. Суха, не экспансивна. Дѣловито заноситъ въ записную книгу

мои отвѣты. Откуда? Куда ѣду дальше? Какъ стала соціалисткой?

— «Вашъ мужъ?..»

— Я съ нимъ давно разошлась».

— «So-o», — шокированно опущенные глаза, неодобрительно сжатыя губы...

Ахъ, вотъ какъ! Ну, въ такомъ случаѣ очень жаль, что я не оскорбила ея англійской чопорности и не предложила «мальчишески» коварнаго вопроса: «Мой мужъ? который?»

Пока я бесѣдую съ интервьюершами, въ салонѣ boarding hause (пансіона), небрежно развалившись на диванѣ, куритъ бѣлокурый господинъ. При всей видимой небрежности позы, онъ, очевидно, насъ слушаетъ. Почему мнѣ непріятно его присутствіе?..

VI. Лондонскіе контрасты.

Лондонъ хорошъ только тогда, когда глядишь на его мертвое, каменное лицо. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣтишь такой неприкрытой бѣдности, такихъ лохмотьевъ, такихъ истощенныхъ, измученныхъ лицъ, на которыя г-жа нищета сумѣла наложить свою отчетливую печать. Напрасно пыталась я найти границу между аристократическими, зажиточными кварталами западнаго Лондона—«West'a»—и легендарнымъ «Eastend'омъ», ставшимъ синонимомъ нищеты и ужаса преступности... Чѣмъ «западный» Лондонъ лучше «восточнаго»? Свернешь съ Оксфорт- или Флит-стрита въ любой переулокъ, и попадаешь въ типичную лондонскую трущобу: улица—узкая щель, колодецъ; дома—закопченные, облупившіеся, распертые балками. Невѣроятный хаосъ всякаго домашняго скарба и хлама, почему-то вынесеннаго на

улицу; тутъ же, на грязномъ тротуарѣ, ползаютъ ребятишки—рваные, рахитичные немытые, нечесанные... Четко, гулко переругиваются сосѣдки, одѣтыя въ «фантастическія», прямо «оперныя», лохмотья, если-бъ изъ-за этой театральности не глядѣли на васъ изсохшія, изможденныя лица и злые, голодные глаза...

И тутъ же, въ двухъ шагахъ: широкія, шумныя улицы, блестящія кафэ, великолѣпныя леди въ своихъ нарядныхъ «викторіяхъ», бѣшено снующіе такси, увозящіе въ Сити «businessman'овъ» («дѣловыхъ людей») въ лоснящихся цилиндрахъ... По истинѣ городъ контрастовъ!

Дѣлюсь своими впечатлѣніями съ ирландцемъ Ш.

И опять онъ только рукой махнулъ.

— «Развѣ это бѣднота—то, что вы видите въ West'ѣ? то, что живетъ въ центрѣ? Если вы хотите взглянуть на картину истинныхъ ужасовъ, творимыхъ нищетой, пойдемте въ доки. Тамъ есть на что поглядѣть. Отцы, шатающіеся отъ голода и предлагающіе за пару пенсовъ своихъ восьми-девяти-лѣтнихъ дочерей... Старуха, безобразная, какъ сама смерть, хватающая среди бѣлаго дня мужчину за полы и обѣщающая за 2 пенса «невиданныя и неиспытанныя наслажденія»... И боксы, кончающіеся тутъ-же убійствомъ, и открытое нападеніе на улицѣ дюжихъ ребятъ на случайно забредшую сюда «почтенную» женщину... Но о лондонскихъ трущобахъ достаточно писали; думаю, что вы о нихъ знаете не менѣе нашего... Впрочемъ, что я говорю! Больше нашего, это несомнѣнно. Наша «приличная» (deasent) публика раскроетъ глаза отъ удивленія, если вы начнете ей разсказывать о Лондонѣ и жизни его нѣдръ. И будутъ спорить съ вами съ пѣной у рта, что все это можетъ быть и было во времена Диккенса и Теккерея, но что мудрое британское правительство, въ сотрудничествѣ съ добрыми пасторами и великодушными леди, которые

устраиваютъ столько благотворительныхъ базаровъ, «въ пользу бѣдныхъ», что скоро весь Лондонъ «разорится», сумѣли сжить всѣ эти ужасы со-свѣту. Теперь у каждаго бѣдняка «чистая постель», къ обѣду кусокъ ростбифа, стаканъ хорошаго эля, а по воскресеньямъ даже и жирный пудингъ... Ну, а если у кого этого нѣтъ, такъ онъ, слѣдовательно, лѣнтяй и негодяй, и ему такъ и подобаетъ издыхать на улицѣ... Если бъ вы только знали это подлое самодовольство британцевъ!.. У насъ, ирландцевъ, хоть кровь кипитъ. Мы—рождаемся съ проклятіемъ на устахъ, и это проклятіе помогаетъ намъ не утратить души въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Англичане же—«господа» и «властелины»; самомнѣнію, эгоизму ихъ нѣтъ предѣла...

— «Однако, вы—ирландскій шовинистъ, какъ я вижу».

— «Поживите здѣсь и вы станете не только шовинистомъ, но и націоналистомъ, имперіалистомъ, анархистомъ, всѣмъ чѣмъ хотите, чтобы только разбить это самодавлѣющее равнодушіе, чтобы увидѣть за этими дѣловыми машинами, съ выштампованнымъ міровоззрѣніемъ живыхъ людей, живую душу. Почему я соціалистъ? Да просто потому, что соціалистъ, по самому духу прежде всего долженъ быть разрушителемъ. Разрушителемъ традицій, капитализма, современнаго государства, современной морали... разрушителемъ всего этого мертвящаго хлама. Но и среди нашихъ, среди соціалистовъ, мнѣ душно. Вѣрите ли, я иногда не выдерживаю всей этой «благопристойной гонорности» и бѣгу, бѣгу туда въ доки, въ этотъ адъ, гдѣ кишатъ преступленія, гдѣ походя творятся звѣрства, но гдѣ я по крайней мѣрѣ вижу живыхъ людей, со страстями, со взрывами гнѣва, съ проявленіями любовнаго экстаза... Тамъ воздухъ пропитанъ проклятіями,—и какими проклятіями!—нашей варварской цивилизаціи, закутанной въ саванѣ грѣха

и преступленій. И тамъ, тамъ мнѣ легче дышать».. Онъ быстро, нервно шагаетъ передо мною по салону, сбрасывая со лба свои «байроновскіе» волосы. «Тамъ я за то видѣлъ чудеса самоотверженія и такой человѣчности, такой гуманности, какой никогда не дождешься отъ нашихъ цивилизованныхъ джентльменовъ и леди... Чахоточная проститутка на свои заработки кормитъ совершенно чужого ей, заброшеннаго, умирающаго старика и съ трогательной заботой за нимъ ухаживаетъ. Пропойца няньчитъ подобраннаго на улицѣ младенца, отогрѣваетъ своими рубищами, отказываетъ себѣ въ виски, чтобы его прокормить... А въ періоды острой безработицы, локаутовъ—этотъ дѣлежъ послѣднимъ сухаремъ съ сосѣдомъ? Тамъ, только тамъ я почерпаю силы, набираюсь свѣжести для агитаціонной работы, выношу цѣлое богатство живыхъ, матеріальныхъ образовъ... Оттуда я возвращаюсь обновленнымъ человѣкомъ... Вотъ, почему я и пропадаю тамъ по недѣлямъ».

— «Проникаетъ ли туда соціализмъ? Ведется ли партіей агитація?»

— «Соціализмъ? Да, онъ живетъ въ массахъ. Почва вся готова, вспахана жизнью; достаточно бросить сѣмя—и жатва будетъ наша... Поглядите на юніоны. Только берите не верхи, не лидеровъ; на нихъ надо махнуть рукой, они люди «старой школы». Поглядите зато на молодежь. Соціализмъ—это та правда, которая живетъ въ его душѣ. Только соціализмъ можетъ получить популярность среди массъ. Но это еще не значитъ, что человѣкъ сейчасъ же примкнетъ къ партіи. Соціализмъ—его религія. Съ политической борьбою онъ его не связываетъ. Да и вообще мы здѣсь на островѣ невѣжды въ политикѣ.. Удивлены? Да, я знаю, у васъ принято считать англичанъ народомъ-политикомъ pas excellence. Какое заблужденіе! Политику дѣлаютъ у насъ лидеры; мы же, ря-

довые, смотримъ, критикуемъ, рукоплещемъ, смотря по надобности. И терпимъ, долго терпимъ. Надо, чтобы нашъ избранникъ совершилъ вопіющую ошибку; тогда только мы рѣшимся его притянуть къ отвѣту».

— «Но, если соціализмъ, какъ вы говорите, разлитъ въ воздухѣ, чѣмъ объясняется слабость партіи?»

— «Партіи? Она—ходячее противорѣчіе. Съ одной стороны, это—почти религіозная секта; всю свою агитацію она ведетъ въ духѣ безкомпромисснаго осуществленія идеала. Настанетъ соціализмъ—потекутъ и медовыя рѣки... Но, когда дѣло доходитъ до практическаго осуществленія ея задачъ, она неожиданно урѣзываетъ ихъ до узкихъ рамокъ утилитарныхъ «рабочихъ требованій». Вся область соціальной политики, всюду гдѣ голосъ рабочаго долженъ былъ бы быть рѣшающимъ,—такъ какъ касаются же его, чортъ возьми, городское и школьное дѣло, призрѣніе нищихъ, юстиція, врачебная помощь и тысяча другихъ задачъ,—все это партія отъ себя отметаетъ. Это все—«практика», все—область, гдѣ копошатся либералы и, да благословитъ ихъ за это Богъ! куда начинаютъ постепенно вмѣшиваться и тредюніоны. А наши—отворачиваются... Простите, я не точенъ,—не «наши» цѣликомъ, а лишь «старая гвардія». Мы, молодежь, мы для того и вошли въ партію, чтобы не дать потухнуть священному огню ортодоксіи, чтобы взявъ огонь этотъ съ жертвенника храма, зажечь имъ свѣтильники на площадяхъ, на улицахъ, въ школахъ, въ частныхъ жилищахъ... Сейчасъ мы отстаиваемъ идею выставленія на выборахъ соціалистовъ, какъ *соціалистовъ*, не какъ *рабочихъ*, но съ тѣмъ, чтобы на знамени ихъ стояли не общія соціалистическія пожеланія, а цѣлая программа *практической соціальной политики*... Это привлечетъ къ намъ новыя силы».

— «Но развѣ же «практическую соціальную политику» не проводитъ «независимая рабочая партія»?

— «Н. р. п.? Вся ея дѣятельность—прилаживаніе къ либераламъ, стараніе сгладить всякую разницу между ими и нами... На ея знамени, вмѣсто всякихъ соціальныхъ реформъ, стоитъ одно лишь слово: Компромиссъ! Нѣтъ, не ей принадлежитъ будущее... Сейчасъ намъ необходима здоровая соціалистическая организація, стоящая ногами на землѣ, но парящая душою въ вышинѣ соціалистическихъ идеаловъ... Пора спаять намъ пролетаріатъ въ единый классъ; довольно раздирали его на части, занимались дѣлежкой его «лорды земельные» и «лорды нитяные»... Классовое сознаніе въ насъ сильно, оно глубоко сидитъ, не хватаетъ лишь спайки, не хватаетъ политическаго единства... Но это прійдетъ, это должно прійти... Или ...или, англійскій народъ обреченъ на гибель».

И по лицу этого «обличителя» британцевъ проходитъ скорбная тѣнь, почти страданіе...

VII. На митингѣ организованныхъ работницъ.

— «Гдѣ же Chandos Hall»? Безпомощно толкусь на людной улицѣ, пристаю къ прохожимъ, спрашиваю въ магазинахъ.

— «Chandos Hall?» Прохожіе обращаютъ взоръ свой къ небу; секунда томительнаго молчанія, затѣмъ слѣдуетъ все тотъ же обезкураживающій отвѣтъ: «Нѣтъ, не знаю».

Сегодня спеціальное собраніе для работницъ. Назначено въ «партійномъ помѣщеніи». Помѣщеніе «с.-д. п.» Я наивно увѣрена, что это нѣчто вродѣ «геверкшафтсгауза» или «партійнаго дома» въ Германіи,—его мнѣ укажетъ каждый обыватель квартала. Но, что

городъ, то норовъ; здѣсь иные порядки. Кого бы еще спросить? Спаситель боби *), наконецъ.

Уже приготовляюсь услышать привычное дѣловито-укороченное указаніе: «First—to the right, second—to he left», (первый поворотъ направо, второй—налѣво).

Но, о грусть! боби глубокомысленно наморщиваетъ лобъ и глаза обращаетъ къ небу.

— «Chandos Hall?», мечтательно глядя на звѣзды, вопрошаетъ онъ небеса. «Chandos Hall»?..

Вступаемъ въ болѣе интимную бесѣду. Долженъ же боби войти въ мое положеніе, выручить; пойметъ же онъ, что я, какъ «спикеръ» **), обязана явиться на митингъ...

Наша оживленная бесѣда привлекаетъ прохожихъ; останавливаются. И вдругъ, торжествующій возгласъ:

— «Chandos Hall! да это же сейчасъ, здѣсь, за угломъ. Прекрасно знаю. Я туда молоко ношу. Если леди желаетъ—я ее провожу.

Оглядываю своего избавителя: типичный лондонскій гаменъ, безъ шапки, въ рваномъ фартукѣ, съ крынкой подъ мышкой...

Черезъ двѣ минуты мы въ Chandos Hall'ѣ.

Какъ? это и есть резиденція британской ортодоксальной соціалдемократии? Квартира напоминаетъ помѣщеніе союза текстильщиковъ на Лиговкѣ. Голыя, грязныя стѣны, столы залиты чернилами, вороха бумагъ и газетъ сложенные на полу. «Залъ»—человѣкъ на двѣсти, плохонькая эстрада, дешевые портреты основателей соціализма.

Рѣчи уже начались. Говоритъ Цеткина, по обыкновенію содержательно, широко освѣщая вопросъ.

Въ залѣ почти все молодыя женскія лица. Это

---

*) Полицейскій.

**) Ораторъ.

бросается въ глаза послѣ Германіи, гдѣ въ движеніи преобладаютъ «замужнія».

Узнаю соотечественницъ и соотечественниковъ. На эстрадѣ миссъ Г., типографская работница; ея имя мнѣ знакомо, одна—изъ дѣятельницъ женскаго рабочаго движенія.

Разсказываю, что упоминала о ней въ моей книгѣ. Изумлена; о ней слышали въ Россіи?

Какъ это странно!.. Россія, далекая, почти мифическая страна.

Ораторши говорятъ о женскомъ движеніи на родинѣ. Придется и мнѣ разсказать, что сдѣлано у насъ; подѣлиться нашими первыми удачами и неудачами. Чѣмъ больше вглядываюсь въ аудиторію, тѣмъ нетерпѣливѣе жду своей очереди.

Какая благодарная публика и какъ умѣютъ слушать! Хочется дать что-нибудь теплое, радостно-увлекательное этимъ неизбалованнымъ жизнью сердцамъ... Мы все терзаемъ ихъ «ужасами» окружающей дѣйствительности. Съ «оливковой вѣтвью» выйти бы къ нимъ, чтобы дать почувствовать, что вода сбываетъ, что берегъ близко.. Но, увы, берегъ еще далекъ, кругомъ бушуютъ ненастныя волны капиталистическаго океана и равнодушно поглощаютъ сотню за сотней, тысячу за тысячей такихъ вотъ юныхъ, «чающихъ», вѣрующихъ, ищущихъ душъ...

Почему, когда я говорила, ихъ глаза наполнились слезами? Почему мнѣ вдругъ захотѣлось протянуть имъ руки и заключить ихъ всѣхъ, этихъ юныхъ созданій, эти дѣвичьи личики, въ свои объятія?

— «О, у насъ нисколько не лучше, чѣмъ у васъ», говорятъ онѣ, обступивъ меня тѣснымъ кольцомъ во время перерыва.—«Вы думаете у насъ союзы, и потому мы спасены?... Но какже вы хотите, чтобы честная дѣвушка жила на 6 шил. 6 пенсовъ въ не-

дѣлю? Я—блузница, но и я не всегда столько зарабатываю».

— «У насъ на пуговичной фабрикѣ вообще честную дѣвушку держать не будутъ. Только и можно работать вмѣстѣ съ мужемъ. Какъ мы съ моимъ Джекомъ. Но, у меня дома беби оставался... Такой ангелъ! Глаза — совсѣмъ отцовскіе... Отдала его одной хорошей женщинѣ,—ее такъ хвалили сосѣди, говорили: беби будетъ счастливѣе, чѣмъ у родной матери. Но онъ умеръ мой беби, умеръ, а ему и двухъ лѣтъ не было»...

— «Нѣтъ, у насъ не лучше, а хуже, чѣмъ у васъ. У васъ тамъ правительство несправедливо къ народу, а здѣсь—волками живутъ... Ни откуда помощи... Вы знаете ли, что такое безработной быть? Не знаете? Еще бы! гдѣ же вамъ—вы леди. А я, хуже послѣдней собаки, полтора года по улицамъ мыкалась... Спала, гдѣ попало; когда и вовсе не спала... Ходишь всю ночь, прислонишься къ стѣнкѣ, подремлешь и опять идешь, чтобы боби не замѣтилъ... И воровала да, да воровала: хлѣбъ, овощи, деньги, все, что попадало, все что удавалось... Вы скажете: грѣхъ! Богъ накажетъ... А, если я въ вашего Бога не вѣрю? Если я не могу себѣ представить, чтобы «Отецъ», который все видитъ, все знаетъ, могъ допустить, чтобы его дѣти такъ страдали? Не вѣрю я въ вашего Бога, нѣтъ у меня больше религіи... И не пойду я въ церковь, что бы вы тамъ ни говорили... У меня мать отъ чахотки умерла, а докторъ сказалъ, что, будь она леди, она бы и до 60-ти лѣтъ дожила... Божественная справедливость! А онѣ, леди, еще зовутъ насъ: сестры, идемъ вмѣстѣ... Сестры! Хо-хо! сестры, съ каменными дворцами... Сколько разъ, когда я шаталась въ темную ночь хотѣлось мнѣ подпалить ихъ дворцы»...

Нервные жесты, всклокоченные волосы и громадные,

злые черные глаза надъ впалыми щеками... Сколько трагизма въ этомъ обликѣ, и какъ щемитъ сердце...

Перебивая другъ друга, спѣшатъ онѣ разсказать не то мнѣ, не то самимъ себѣ жутко-однородныя повѣсти, сотканныя изъ лишеній, непосильнаго труда, вереницы мелкихъ, надрывающихъ силъ горестей, задушенныхъ, невыплаканныхъ слезъ... И среди разсказовъ трогательныя, теплыя благодарности за мою рѣчь. Что я имъ дала? Что могла дать? Дѣлается неловко и грустно... «Пустословіемъ» начинаетъ казаться все, что не непосредственное, практическое дѣло, все, что не борется реально, осязательно съ этой юдолью печали и горя. Вотъ, откуда берется эта «трезвая практичность» англичанъ, эта сосредоточенность на задачахъ сегодняшняго дня! Слишкомъ онъ отталкиваетъ, коробитъ, мучитъ «соціальную совѣсть», этотъ сегодняшній день во всей его оголенности. Распрашиваю объ успѣхахъ женскаго рабочаго движенія. Всѣ, кто присутствуютъ,—организованы въ партію. Но, какъ ихъ мало! Что дѣлаетъ партія спеціально для женщинъ? Съ прошлаго года организовала родъ «кружковыхъ занятій», отвела столбецъ для женскаго движенія въ «Justice». Своего журнала не имѣется, получаютъ тотъ, что издаютъ «независимыя», но для чтенія остается мало времени. Устраиваютъ еще музыкально-литературные вечера — это публика очень любитъ... Прежде и того не было. Теперь все-таки начинаютъ считаться съ потребностями «женщинъ»... Жаловаться нельзя!

Перерывъ конченъ. Теперь вторая половина программы собранія: увеселенія.

Публику заставляютъ стѣсниться, сдвинуть стулья, чтобы очистить свободное пространство посреди залы. Въ шотландскомъ костюмѣ, съ голыми икрами, въ беретѣ и короткой юбкѣ выходитъ дюжая дѣвица съ двумя дѣвочками-подростками. Дѣвица и дѣвочки

дѣлаютъ реверансъ и становятся въ рядъ, какъ солдаты. Тогда на эстраду выходитъ пожилая особа, въ сѣромъ платьѣ, какое носятъ всѣ «приличныя» старыя леди, и пространно, съ подробностями и отступленіями, объясняетъ, что «camrade (товарищъ) N.»— дѣвица съ голыми икрами—рѣшила посвятить себя дѣлу рабочаго класса. Медициной доказано, что многія болѣзни у работницъ вызываются сидячей жизнью, отсутствіемъ движенія, невозможностью упражнять свои мускулы—это слово ораторша произноситъ съ особымъ удареніемъ—и потому «товарищъ N.» взяла на себя почетную обязанность заботиться о развитіи мускуловъ у работницъ, обучать ихъ «здоровой гимнастикѣ» и «изящнымъ салоннымъ танцамъ». И пріятно, и полезно!

Послѣ вступительнаго слова — демонстрируется здоровая гимнастика. Дѣвица съ голыми икрами и дѣвочки подростки выворачиваются, кувыркаются, ходятъ на рукахъ и очень напоминаютъ исполнительницъ дешеваго цирка. Немногимъ утѣшительнѣе и салонные танцы; въ нихъ очень много топоту, задиранія ногъ, едва-ли практикующихся «въ салонахъ»... Но публика довольна и апплодируетъ воодушевленно.

Слѣдующій номеръ—дуэтъ скрипки и надтреснутаго голоса худой, какъ спички, особы. Господинъ съ длинной, кудрявой гривой и въ бархатной курткѣ—очевидно «поэтъ»—декламируетъ долго, съ пафосомъ и выкриками. Потомъ старая особа въ «приличномъ» сѣромъ туалетѣ играетъ сентиментальный вальсъ, и программа вечера кончена. Публика расходится удовлетворенная, почти радостная...

Отчего у меня на душѣ такъ тускло?

Знакомые подбиваютъ ѣхать въ одинъ изъ модныхъ «grillroom'öвъ, куда послѣ театра собирается элегантный Лондонъ.

Такси подвозитъ къ ярко освѣщенному зданію.

Одинъ вестибюль чего стоитъ! Достойная рамка для всѣхъ этихъ воздушныхъ туалетовъ... Амфилада залъ. Масса свѣта, зеркалъ, растеній, цвѣтовъ... За растеніями—оркестръ. Безшумно, по коврамъ скользятъ лакеи. Запахъ духовъ, смѣхъ, говоръ, звонъ бокаловъ, голыя плечи, голыя руки, смокинги, фраки... Ароматный чай, сандвичи... Нѣжная, заглушенная музыка.. И это все послѣ только-что слышаннаго отъ «нихъ», отъ этихъ дѣтей нищеты и ужасовъ? Сандвичъ застреваетъ въ горлѣ... И поднимается нелѣпое желаніе: вотъ тутъ сейчасъ, среди всего этого великолѣпія, среди этой веселой безпечности, закричать о всѣхъ темныхъ, жуткихъ ужасахъ, что творятся въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, за стѣнами блестящаго, смѣющагося Grillroom'a...

Почему въ Германіи моя «соціальная совѣсть» не просыпалась въ такихъ случаяхъ? Почему тамъ, послѣ собранія въ рабочемъ кварталѣ, преспокойно отправлялась я къ Рейнгольду выпить «ein Dunkles» и не давилась земмелемъ съ ветчиной? А тутъ... Слишкомъ все здѣсь великолѣпно, самодовлѣюще - безпечно эгоистически-жадно... Слишкомъ сладка «ихъ» жизнь. Нельзя, нельзя быть соучастницей! Чай остается недопитымъ. Домой, скорѣй домой...

VIII. Типы „бездомныхъ“.

Тороплюсь въ бюро международнаго женскаго соціалистическаго конгресса. Утомленные нервы раздражаетъ неослабѣвающее ни на минуту дѣловое движеніе на улицахъ, окрики кэбменовъ, щелканье бичей, бѣшенная скачка такси, непрерывная, плотная цѣпь пѣшеходовъ... Въ усталомъ мозгу мелькаютъ картины

видѣннаго, пережитого. Теряешь оріентировку времени, и кажется, что я уже мѣсяцы въ Лондонѣ. Всплываетъ и стоитъ передъ глазами образъ соотечественника, того героя-юноши, чье имя десять лѣтъ тому назадъ было у всѣхъ на устахъ, чье геройское самопожертвованіе заставило тысячи сердецъ болѣть тревогою за его дальнѣйшую трагическую судьбу. Я застала его у знакомыхъ. Видъ европейца, спокойныя, сдержанныя манеры и простота, та простота, какая бываетъ только у «большихъ» и чистыхъ душъ, у настоящихъ людей, не людишекъ...

Что скрывалось за его балагурящей болтовней? Отчего и при смѣхѣ глаза его глядѣли тоскливо-равнодушно, куда-то «внутрь»?

Хотѣлось подойти поближе, узнать... Но уже новыя лица, новыя встрѣчи заслоняли вчерашніе образы заставляли думать о себѣ, чтобы черезъ часъ уступать мѣсто опять новымъ и новымъ впечатлѣніямъ...

Теперь на улицѣ среди грохота, шума, вдругъ ощутилась вся усталость, все напряженіе послѣднихъ дней... На природу бы, въ тишину... Но предстоитъ еще рядъ выступленій—впереди еще первое мая...

Неожиданная гроза. Проливной дождь. Спасаюсь подъ первый попавшійся навѣсъ. Здѣсь уже жмутся къ стѣнкѣ два джентльмена, въ лохмотьяхъ, въ мрачно надвинутыхъ картузахъ... Рваная обувь, ввалившіеся щеки и глаза, въ которыхъ таится не то подкарауливающее недовѣріе, не то голодная враждебность.

Дождь льетъ густой, непрерывной сѣтью, хлещетъ объ стѣну, пузырится на мостовой.

Мы—«товарищи по несчастью», и потому мои джентльмены считаютъ вполнѣ «приличнымъ» прервать скучное молчаніе.

— «Пари держу, что вы—не здѣшняя».

— «Да, я—русская».

— «Русская? Не похожи. Я ихъ знаю. Въ East'ѣ *) ихъ больше, чѣмъ британцевъ. Но они—черные. И худые же они!.. Голодаютъ не меньше нашего... Вы что же: веселиться прiѣхали, на сезонъ? На королевскiе балы?» Ироническая усмѣшка.

— «Нѣтъ, я по дѣлу».

— «По дѣлу»,—растягивая слова. «По какому же дѣлу ѣздятъ русскiя миссъ по свѣту?».

Сказать? мелькаетъ сомнѣнiе. Почему бы нѣтъ?

— «Я—на агитацiи. Вотъ и перваго мая буду говорить въ Хайдъ - паркѣ; приходите послушать».

— «Божественное? ихъ тутъ много говорятъ. Только все это humbug (ерунда)! Обѣщаютъ, что душа моя на томъ свѣтѣ спасется, обрѣтетъ покой... А тѣло? Когда и гдѣ оно обрѣтетъ покой? Да и что мнѣ моя душа, что мнѣ о ней заботиться, если желудокъ мой погромче, чѣмъ всякая душа о пищѣ земной вопiетъ... Слишкомъ много у насъ о душѣ хлопочутъ. А есть-ли она, это еще вопросъ. Я вотъ вамъ прямо скажу, я въ этомъ не увѣренъ... Былъ тутъ одинъ прiѣзжiй, можетъ быть и русскiй,—не знаю. Прекрасно поповъ ругалъ! И говорилъ «что вы все о душѣ хлопочете? Подумайте о тѣлѣ, а душу предоставьте Господу Богу. Если онъ ее сотворилъ—его «дѣло ее и соблюсти». Вы не согласны?» Задорный, полемическiй тонъ.

— «Напротивъ. Я бы тоже не стала васъ обучать какъ спасать свою душу. Я вѣдь не о «божественномъ» говорю, я на соцiальныя темы...

— «Суффражетка значитъ? Фью»... и мой собесѣдникъ неодобрительно свиститъ.

— «Суффражетки много дѣлаютъ», вступаетъ въ бесѣду другой мой товарищъ по несчастью. «И до-

*) Восточная часть Лондона.

стается же отъ нихъ боби! Житья нѣтъ... Здорово достается».

— «Ну что боби! что могутъ онѣ сдѣлать боби Позлить развѣ... Глупыя все это затѣи. Баба—баба и есть, и ничѣмъ другимъ она быть не можетъ:

— «Вы потише! Леди—тоже суффражетка, а онѣ «воинственныя»... Еще достанется намъ». Посмѣиваются и видимо хотятъ подзадорить.

Пробую растолковать разницу между требованіями суффражетокъ и задачами «A. S. S.», но мои слова глухо ударяются о стѣну обезкураживающаго равнодушія.

— «Ну какая же это разница! Все одно. И тѣ бабы, и эти бабы... Что пролетарки? Такъ развѣ же отъ этого у нихъ больше ума? Умъ все одинъ и тотъже—бабій».

— «Но мы же хлопочемъ объ избирательномъ правѣ не только для женщинъ, а и для всѣхъ, всѣхъ гражданъ Англіи, даже если они совсѣмъ неимущіе, даже если они бездомные... Вотъ, напримѣръ, при теперешнемъ законѣ вы не имѣете права голоса, а мы требуемъ, чтобы каждый совершеннолѣтній могъ посылать своего представителя въ парламентъ».

— «А на что это мнѣ, скажите пожалуйста? Буду я отъ этого сытъ, да? Найду я отъ этого работу, да? Нѣтъ. Разумѣется нѣтъ. Это вы все о спасеніи души хлопочете, все о «божественномъ»... А о томъ, что человѣкъ голоднымъ ходитъ, что ночью однимъ глазомъ спитъ, а другимъ глядитъ: не идетъ ли боби? до этого никому дѣла нѣтъ... А все попы виноваты, все они»...

— «Если безъ работы остался — значитъ лѣнтяй или мошенникъ», уныло, какъ бы думая вслухъ, вставляетъ другой «джентльменъ».

«Но почему же они не устроятъ регистраціоннаго бюро для безработныхъ, гдѣ давали бы помощь каж-

дому? Кто пришелъ, тому и дай. Не пытай, не стыди да не кори... Думаете, прійдутъ и тѣ, что работу имѣютъ? Не прійдутъ. Кому охота побираться? У каждаго свое достоинство есть... Досыта «наголодаешься» раньше, чѣмъ обратишься»...

— «Обратишься къ нимъ, къ чертямъ! Сейчасъ тебя въ работный домъ запрячутъ... Знаю я ихъ. Нѣтъ, меня они не заманятъ... Это все старо, все извѣстно»...

— «А чѣмъ же вы живете? Чѣмъ занимаетесь?» вырывается невольный вопросъ.

— «Чѣмъ? торгую!» и ироническая усмѣшка пробѣгаетъ по лицу. «Не вѣрите? вотъ поглядите». Онъ вытаскиваетъ изъ кармана штановъ пачку засаленныхъ тесемокъ для башмаковъ. «Можетъ купите? Опять усмѣшка.

Быстро протягиваю монету.

— «А товаръ? что же не берете?»—съ достоинствомъ истиннаго купца.

Приходится взять; иначе чувствую, что нанесу оскорбленіе.

Другой «джентльменъ» молча жмется къ стѣнкѣ, поеживается. О его занятіяхъ не смѣю спросить, но вѣрнѣе всего, это лишь временный бездомный, безработный. Хочется «дать» и не осмѣливаюсь.

— «Вы не торгуете?» Нелѣпый, неловкій вопросъ.

Сухое, отрывочное: «Нѣтъ».

— «Если позволите»...

— «Я—не нищій».

Прикусываю языкъ. Сосѣдъ слѣва снова затѣваетъ дискуссію на тему о спасеніи души. Говоримъ и о «соціальныхъ» вопросахъ, касаемся перваго мая.

Дождь прекратился. Можно выйти изъ засады.

— «Я бы вамъ предложилъ свой зонтикъ, но я его забылъ въ своемъ автомобилѣ», балагуритъ «ку-

пецъ», видя, что я собираюсь уходить. «До слѣдующей пріятной встрѣчи!»

— «Прощайте».

— «А я прійду васъ послушать, 1-го мая» неожиданно кричитъ мнѣ въ догонку другой товарищъ по несчастью.

IX. Суффражетки за работой.

Историческій митингъ въ десяти-тысячномъ Albert-Hall'ѣ. Поистинѣ величественное зрѣлище! Всѣ цивилизованныя націи міра представлены. Мѣста берутся съ бою; проходы запружены сбившимися зрителями. Внизу, въ партерѣ залы-арены разворачивается импозантное зрѣлище: подъ торжественные звуки органа въ чинномъ порядкѣ, съ соотвѣтствующими знаменами-эмблемами шествуютъ представительницы всѣхъ родовъ женскаго труда, всѣхъ профессій... Женщины-врачи и ткачихи, студентки и цвѣточницы, женщины-адвокаты и метельщицы улицъ... Всѣ, всѣ налицо... Демонстрируется міру, «наглядный урокъ»: женскій трудъ проникъ за заповѣдныя границы, умѣстился на всѣхъ ступеняхъ трудовой іерархіи...

— «Отъ меня требуютъ аргументовъ въ пользу женскаго избирательнаго права. Но развѣ вы всѣ, тѣ что представляютъ собою милліоны самостоятельно-трудящихся женщинъ—не самый сильный аргументъ?» вопрошаетъ предсѣдательница—мистриссъ Ченмэнъ-Кэтъ.

Жадными глазами слѣдитъ женская публика съ галлерей за шествіемъ «активныхъ», тамъ, внизу, за рѣчами и выступленіями съ трибуны.

Настроеніе въ залѣ повышенное, торжественное. Въ президіумѣ, на декорированной растеніями и шелками эстрадѣ весь «цвѣтъ» феминистокъ Англіи, континента, Америки. И тутъ же соціалистки, члены «независимой рабочей партіи»: Вотъ нѣжный обликъ мистриссъ Макъ-Дональдъ, вотъ и самъ Макъ-Дональдъ съ его черными усами и сѣдой головою. А дальше—хорошенькая миссъ Сноденъ, въ небесно голубомъ платьѣ... Работницъ въ президіумѣ нѣтъ. Тамъ, на эстрадѣ, своего рода «букетъ» не только «именъ» извѣстныхъ въ мірѣ суффражетокъ, но и туалетовъ, причесокъ, шляпъ... Развѣ не достаточно и того, что «пролетарокъ», работницъ «физическаго труда», допустили участвовать въ шествіи? Впрочемъ, что это была бы за процессія безъ представительницъ физическаго труда; сразу съежилась бы она до ничтожной горсточки. Вмѣсто импозантнаго, грандіознаго смотра женской самодѣятельной арміи получилась бы выставка изящныхъ туалетовъ и причесокъ по послѣдней модѣ.

Рѣчей много, и рѣчи, надо отдать имъ справедливость, эффектныя, умѣлыя, дѣлающія честь ораторскому искусству международнаго феминизма. Но какъ фальшиво звучитъ ихъ общій лейтъ-мотивъ: добиться торжества «принципа», обезпечить за женщиной, какъ за представительницей пола, депутатскія кресла, и тогда уже открыть и остальнымъ «сестрамъ» доступъ къ избирательнымъ урнамъ.

Неужели и соціалистки будутъ говорить въ томъ же тонѣ? Какая досада, что инцидентъ на конгрессѣ заставилъ Монтефіоре и другихъ членовъ «A. S. S.» покинуть конгрессъ до большого митинга, и такимъ образомъ публика не услышитъ ни одного голоса съ нашей стороны. Но и Макъ-Дональдъ, и очаровательная миссъ Сноденъ, съ ея музыкальнымъ голосомъ, говорятъ въ унисонъ съ суффражетками.

Болѣе глубокое освѣщеніе вопроса, болѣе ядовитая критика правительства и буржуазныхъ партій, нѣсколько обращеній къ женскому пролетаріату—вотъ и вся разница. Безработица, живой, актуальный вопросъ, мутныя волны которой затопляютъ даже аристократическіе кварталы; неужели никто изъ соціалистокъ не вспомнитъ о тѣхъ «товарищахъ—сестрахъ», что въ эту темную ночную пору безъ пристанища бродятъ по улицамъ великой «сити»? Всплываетъ картина, видѣнная наканунѣ: пустырь на окраинѣ и на немъ безпорядочно наваленныя темныя лохмотья.

— «Вы думаете — это хламъ, соръ?» вопрошаетъ меня ирландецъ Ш: «это—безработные. Чуть встанетъ солнце, и они, стряхнувъ сонъ свой, неумытые, нечесанные, голодные и молчаливые разбредутся по Лондону»...

Говорить о «безработныхъ», значитъ подымать щекотливый вопросъ «классовыхъ интересовъ»... А сегодня торжество «дамскихъ правъ»... И соціалистки благоразумно минуютъ его.

Пробираюсь къ выходу. Сознаніе удачи митинга феминистокъ, въ то время, какъ наши контръ-митинги едва собираютъ тысячную аудиторію, ѣдкой досадой разъѣдаетъ настроеніе.

На улицѣ несмѣтная толпа. Сочувствующіе? Зѣваки? Судя по облику—много необезпеченной публики, быть можетъ работницы... Появляется одна изъ популярныхъ суффражетокъ—какой энтузіазмъ въ толпѣ! Что же это? Гдѣ «классовое самосознаніе», которымъ такъ хвастается ирландецъ Ш?.. Иду слѣдомъ за оживленно бесѣдующей группой молодыхъ дѣвицъ.

— «Все дѣло въ томъ, что я себя стала чувствовать теперь «человѣкомъ»... И на міръ стала глядѣть другими глазами. «Ты должна скорѣе найти себѣ мужа, постоянно твердитъ мнѣ мать: я не могу уме-

реть спокойно, пока ты одна, безъ защитника, въ этой волчьей ямѣ. Но мнѣ вовсе не нуженъ защитникъ! Я теперь себя чувствую такой сильной, такой рѣшительной... И никого не боюсь!»

— «Да, да, и я тоже... И потомъ, это такъ хорошо: мы—женщины, а можемъ обо всемъ говорить, о политикѣ, о флотѣ»...

— «Нѣтъ, важно не это», рѣшаетъ третья. «Самое важное то, что когда мы будемъ въ парламентѣ съ нами будутъ совсѣмъ иначе обращаться... И никто не посмѣетъ насъ высмѣивать... Я недавно попросила брата дать мнѣ почитать англійскіе законы, такъ онъ и его пріятель весь вечеръ, какъ ошалѣлые хохотали... Нѣтъ, когда мы будемъ въ парламентѣ»...

Женщина, забитое, вѣками порабощенное «женское естество» вдругъ увидало пріотворенную дверь на широкій просторъ. «Свѣтъ свободы» ее ослѣпилъ... Наиболѣе могущественная сила въ исторіи человѣчества—борьба классовъ, какъ будто заслонилась второстепенной борьбой «половъ»...

— «Суффражетки, торжествующія надъ классовымъ антагонизмомъ! Какая фантазія!» возражаетъ ирландецъ Ш. на мои разсужденія. «Наоборотъ. Онѣ дѣлаютъ весьма полезное для нашихъ цѣлей дѣло, и я совершенно не раздѣляю вашей непріязни къ нимъ, хотя и воюю съ ними на принципіально-политической почвѣ. Не смотрите на меня так укоризненно... Да, суффражетки—это дождевые черви, которые весною разрыхляютъ почву, чтобы гуще разрослись травы... Онѣ впервые научаютъ работницъ отдавать себѣ отчетъ въ весьма существенномъ фактѣ, въ томъ, что онѣ,—женщины и притомъ—безправныя женщины. Подумайте сами: какая сложная работа для бѣднаго маленькаго ума, который привыкъ соображать исключительно надъ тѣмъ: хватитъ ли 7 пенсовъ на обѣдъ и завтракъ? удастся или не удастся «сдѣлать сбере-

женія» и купить къ празднику новые ботинки? И вдругъ она — работница узнаетъ неожиданно такой важный для себя фактъ, что она, не только никому ненужная, забитая, загнанная Джесси или Дженни, но еще и «представительница» цѣлой половины рода человѣческаго. Слѣдующій шагъ, что у ней и у всѣхъ Джесси и Дженни однородные интересы и общія задачи, что она—не пылинка безцѣльно носимая по свѣту, а часть какого-то огромнаго цѣлаго... И голова ея начинаетъ работать... Теперь уже она начинаетъ дѣлать обобщенія, классифицировать явленія... «Это на пользу мнѣ, какъ представительницѣ женскаго пола, это—во вредъ»... Сначала все разглядывается съ точки зрѣнія интересовъ пола, а тамъ, еще шагъ—выступаютъ, бьютъ классовыя противорѣчія—критерій берется новый: интересъ своего класса. Тутъ ужъ разумѣется наше дѣло не упустить момента, помочь разобраться, ускорить процессъ «обращенія»... А пока, пусть суффражетки упражняются «взрыхленіемъ почвы». Въ конечномъ счетѣ — это намъ на пользу... Косная, застоявшаяся мысль, неподвижное самодовольство и тупая безнадежность—вотъ наши самые опасные враги, и они гораздо страшнѣе всѣхъ «козней суффражетокъ».

У англичанъ—своя логика, отличная отъ нашей. Они умѣютъ примиряться «съ фактами» и стараются лишь сдѣлать изъ нихъ наиболѣе полезное для дѣла примѣненіе...

X. Завтракъ у Хайндмана.

Мы съ Кларой Цеткиной приглашены на завтракъ къ Хайндману. Квартира расположена по крайней мѣрѣ въ пятомъ этажѣ. Обильный, типично-англій-

скій завтракъ, съ ростбифомъ, пуддингомъ, крюшономъ.

Разговоръ заходитъ о наболѣвшемъ вопросѣ—англійскомъ флотѣ. Цеткина осуждаетъ, со свойственной ей искренностью, двусмысленную позицію англійской ортодоксіи.

— «С.-Д. П.», такая послѣдовательная, выдержанная во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, наша гордость въ смыслѣ чистоты той линіи, какой она придерживается въ политикѣ, тутъ, въ вопросахъ милитаризма, начинаетъ проявлять духъ британскаго шовинизма».

— «Дорогой товарищъ, вы жестоко ошибаетесь, мы—истинные друзья мира. Нѣтъ ни одного политическаго случая, когда бы мы не поднимали мирнаго знамени. Но именно для того, чтобы обезпечить хорошія отношенія между добрыми сосѣдями, надо, чтобы наши «друзья» на континентѣ знали, что и мы не дремлемъ, что и мы въ любой день и часъ готовы встрѣтить ихъ во всеоружіи»...

— «Но кто же, кто посягаетъ на ваше британское могущество?» горячится Цеткина.

— «Кто? прежде всего ваши соотечественники. Не будете же вы отрицать, товарищъ, что вопросъ стоитъ значительно острѣе, чѣмъ въ этомъ хотятъ признаться. Вопросъ насущный—о томъ, кому будетъ принадлежать европейскій рынокъ? Вы стараетесь побить насъ дешевкой, выпускаете недоброкачественный товаръ, пользуясь дешевыми рабочими руками, пользуясь тѣмъ, что ваши рабочіе привыкли къ своему рабству, что они стоятъ на значительно болѣе низкой ступени standart of life *) — преимущество, достойное всяческаго осужденія, которымъ тѣмъ не менѣе пользуются ваши капиталисты. Это фактъ. У

*) Жизненныхъ потребностей.

насъ производство «дешевки» не примѣнимо; этому прежде всего препятствуетъ могущество нашего юніонистскаго движенія. Рабочіе у насъ—сила и на ухудшеніе своего положенія не пойдутъ. А дешевка связана съ усиленіемъ эксплуатаціи. Тутъ, мы это констатируемъ съ гордостью, пути закрыты. Тѣмъ острѣе стоитъ вопросъ о нѣмецкой конкуренціи. Пока—мы еще съ достоинствомъ ее выдерживаемъ, эту конкуренцію капиталистовъ-рабовладѣльцевъ. Но тѣмъ сильнѣе должна расти у нѣмцевъ враждебность къ намъ, англичанамъ... И не только у капиталистовъ, у буржуазіи... Признайтесь по дружбѣ, товарищъ Цеткина, даже мой старый пріятель Бебель не прочь бы пощекотать свое національное чувство и помѣряться силами съ Англіей? А? Но мы—старая, видавшая виды нація; насъ не такъ-то легко провести на сентиментальной ерундѣ»...

Шутливый тонъ плохо скрываетъ искреннюю серьезность его словъ.

Цеткина волнуется, горячится.

— «Это безсмыслица! Это наивность съ вашей стороны... Мы, нѣмецкіе соціалдемократы, мы прежде всего мыслимъ и чувствуемъ интернаціонально. Успѣхи нашей отечественной промышленности—для насъ лишь новый гнетъ, лишь способъ усилить власть нашихъ эксплуататоровъ... Въ нашей борьбѣ мы преслѣдуемъ не интересы націи, а интересы пролетаріата, рабочаго класса... Вся наша политика опредѣляется интернаціональнымъ моментомъ. Намъ одинаково ненавистны капиталисты нѣмецкіе, какъ и англійскіе, и русскіе, и американскіе... И чтобы товарищъ Бебель или хотя бы одинъ мыслящій соціалистъ у насъ питалъ враждебныя чувства къ Англіи—да это нелѣпѣйшая фантазія! Reiner Wahnsinn *)! Вы ослѣ-

*) Чистый вымыселъ!

плены, camrade! Вы потеряли почву въ этомъ вопросѣ»...

Разговоръ грозитъ принять «острый» характеръ. Хайндманъ, какъ радушный хозяинъ, спѣшитъ поставить точку, переходя на шутливый тонъ. Но, разумѣется, онъ остается при «своемъ мнѣніи». Горячая отповѣдь Цеткиной его ни въ чемъ не убѣдила.

— «Изъ вашихъ словъ вытекаетъ, что вы считаете положеніе нѣмецкихъ рабочихъ менѣе удовлетворительнымъ по сравненію съ Англіей, что по вашему они находятся на болѣе низкой ступени благосостоянія. Можетъ быть, вы и правы, если сравнивать «верхи», организованные слои; но чѣмъ же вы объясняете эту ужасную, кричащую нищету, какую на каждомъ шагу встрѣчаешь въ Лондонѣ и которая превосходитъ все, что я видѣла на континентѣ, за исключеніемъ Россіи?»

Мнѣ хочется услышать его «объясненія» этого обще-извѣстнаго факта.

— «Вотъ, вотъ обычная точка зрѣнія иностранца! Насъ постоянно корятъ нашими пауперами. Какъ будто одинъ Лондонъ кишитъ ими!.. Нью-Іоркъ, Парижъ, Берлинъ—нѣтъ капиталистической столицы безъ пауперизма, голода, лохмотьевъ.. Но у васъ тамъ, на континентѣ, все это прячется отъ дневного свѣта, загоняется въ темноту подваловъ, смѣетъ показываться лишь по ночамъ, когда почтенные буржуа мирно почиваютъ. Я самъ, собственными глазами видѣлъ, какъ вашъ нѣмецкій боби гналъ нищаго съ одной изъ людныхъ улицъ Берлина. А мы, бриты, мы—нація, воспитанная на уваженіи къ личной свободѣ. Лондонъ—достояніе всѣхъ, кто въ немъ обитаетъ, и послѣдній нищій имѣетъ такое же право разгуливать по Трафальгару, какъ и любой пэръ Англіи... Научитесь же и вы, иностранцы, наконецъ, судить объ Англіи не по тѣмъ лохмотьямъ, которыя

вы случайно встрѣчаете на улицѣ, не по впечатлѣніямъ туриста, а со статистикой въ рукахъ. Тогда мы съ вами посмотримъ, гдѣ пауперизмъ процвѣтаетъ въ большей мѣрѣ, въ полицейской-ли Пруссіи или у насъ на островѣ».

Цеткина на этотъ разъ поддерживаетъ Хайндмана.

— «Вы совершенно правы. Въ Германіи нищеты ничуть не меньше. Но она «прикрытая», стыдящаяся сама себя... У насъ бѣднякъ бьется изъ послѣднихъ силъ, чтобы скрыть свою нищету отъ сосѣдей, не выдать своего безвыходнаго положенія. Сидятъ не ѣвши, а платье свое заштопаютъ, почистятъ, подошьютъ, одѣнутъ воротничекъ... Это у насъ въ крови. Мы не выносили вида лохмотьевъ. Неряшество— клеймо, равное преступленію. Здѣсь же пауперизмъ «откровенный», онъ весь на виду, вынесенъ на улицу»...

— «Что весьма полезно», перебиваетъ Хайндманъ. «По крайней мѣрѣ такія картины хоть изрѣдка будятъ «соціальную совѣсть», нарушаютъ сладкую дрему «высшихъ 10 тысячъ». У васъ же, гдѣ бѣдность должна прятаться и стыдиться себя, создается ложное представленіе о благоденствіи націи... Нѣтъ, вы берите цифры, тогда мы поговоримъ»...

— «Однако, не станете же вы отрицать, что безработица въ Англіи стала явленіемъ постояннымъ, неизбѣжнымъ?»

— «Безработица? Да вѣдь это же явленіе совершенно иного порядка. Тутъ намъ пришлось бы снова перейти на скользкій путь вопроса о рынкахъ, объ иностранной конкуренціи. А я не желаю прослыть въ глазахъ нашей дорогой Клары Цеткинъ, интернаціональныя чувства, которой я очень уважаю, за «джингоиста». Поэтому прекратимъ дебаты, и не желаете ли вмѣсто того познакомиться съ моей библіотекой?»

Отъ Хайндмановъ уходимъ вмѣстѣ съ Цеткиной. Она—не въ духѣ. Малолюдность нашихъ контръ-митинговъ, явное отсутствіе организованности, которой такъ балуетъ Германія, ничтожность вліянія ортодоксальной партіи—все это создаетъ подавленное настроеніе.

— «Только однимъ митингомъ я и удовлетворена,—тѣмъ, что устроили нѣмцы. Вообще наши здѣсь прекрасно работаютъ. Хорошо организованы, свои помѣщенія, своя газета... И настроеніе—прекрасное. Впрочемъ, что касается настроенія, то на него и среди англичанъ жаловаться нельзя. Въ массахъ накоплено достаточно ненависти и недовольства. Это—«пороховой погребъ», который ждетъ только искры. Но работа у нихъ идетъ безтолково. Эта вѣчная примѣсь религіознаго экстаза, оторванность стремленій соціалистовъ отъ жизненной борьбы—съ одной стороны, съ другой—эта трезвая практичность, это суженіе собственныхъ задачъ для достиженія пустячнаго завоеванія... И потомъ, эта пестрая смѣсь личностей, направленій въ самой партіи. Помните пастора, который пытался такъ неуклюже сочетать свое христіанство съ классовой борьбою? Или эта кооператорша со своими Америками въ вопросахъ коопераціи... Наконецъ, шовинизмъ нашего друга Хайндмана. Это прекрасный человѣкъ, умная голова, но въ данномъ случаѣ онъ страдаетъ неизлѣчимымъ дальтонизмомъ. На этомъ пунктѣ онъ теряетъ весь свой здравый смыслъ... Шовинизмъ—своего рода болѣзнь»...

XI. Среди соотечественниковъ.

Въ скромномъ залѣ, напоминающемъ импровизированныя помѣщенія клубовъ или союзовъ въ Петербургѣ, должно происходить мое собесѣдованіе съ

соотечественниками. Народа человѣкъ сто-полторасто. Все—пролетарская публика; нѣсколько знакомыхъ именъ старой «эмиграціи»... Предсѣдательствуетъ тоже эмигрантъ, съ сѣдой головой и ласковыми глазами. Много женщинъ. И опять тотъ господинъ, что слушалъ мою бесѣду съ интервьюершами... Замѣчаю его уже не на первомъ митингѣ. Русскій, что-ли?

Говорить приходится о Россіи, дѣлиться еще живыми впечатлѣніями пережитого, видѣннаго... Приготовляюсь къ рѣзкимъ нападкамъ, къ дискуссіямъ, къ критикѣ со стороны другого соціалдемократическаго крыла. Но по мѣрѣ того, какъ говорю, чувствую, что надо упрощать вопросъ, говорить элементарнѣе, не вдаваясь въ «партійныя разногласія», просто разсказывать о томъ, что дѣлается тамъ, на далекой родинѣ... Оживляются, когда разсказываю о профессіональной работѣ, о расширеніи дѣятельности клубовъ, о пробужденіи работницъ къ самодѣятельности...

Кончаю и не безъ любопытства жду: какъ-то будутъ «растерзывать» меня за мои «ереси»? Дошло-ли сюда недавно пущенное въ ходъ словечко: «ликвидаторъ»? Но слово берутъ вяло; предлагаютъ лишь дополнительные вопросы. Вмѣсто дискуссіи дружеская, интимная бесѣда. Хочется больше, еще больше услышать о Россіи; не только о политическомъ положеніи, но и о литературныхъ новинкахъ, о богоискателяхъ, о «санинствѣ»... Жадно ловятъ каждый отзвукъ жизни покинутаго отечества. Здѣсь ихъ физическое «я»; души ихъ тамъ—въ той странѣ, гдѣ, кромѣ преслѣдованій, лишеній и страданій, они ничего не встрѣчали. Почему же, почему оставили они тамъ свои души?

У выхода освѣдомляюсь о господинѣ, который слушалъ мою бесѣду съ интервьюершами.

— «Да вѣдь это Лидваль...

Нашумѣвшая исторія Гурко-Лидваль. Но что онъ

ищетъ у соціалдемократовъ? Пробѣгаетъ непріятная тѣнь...

XII. Совѣщаніе юніона металлистовъ.

Тороплюсь на засѣданіе отдѣленія юніона металлистовъ. Залъ большой и набитъ плотно. Послѣ Германіи поражаетъ отсутствіе столиковъ съ пивомъ и самый типъ присутствующихъ: совершенно не встрѣчается тяжелыхъ, расплывчатыхъ фигуръ, нѣмецкой «округлости». Большинство—мускулистые, но худые; такихъ «пролетаріевъ» рисуютъ... Жмусь къ стѣнѣ, чтобы не помѣшать засѣданію. Но двое сосѣдей сразу уступаютъ мнѣ стулья. Бормочу благодарность—отказъ; но они упорно отходятъ отъ своихъ мѣстъ. Этого въ Германіи тоже не встрѣтишь; меня не знаютъ; но, разъ я «женщина», это обязываетъ британца къ «покровительственной» вѣжливости...

Въ президіумѣ за столомъ всего два человѣка:—предсѣдатель и секретарь. Говоритъ предсѣдатель. Вопросъ идетъ о только что проигранной стачкѣ на проволочномъ заводѣ. Обсуждается пунктъ о пополненіи опустѣвшей кассы и о выдачѣ пособія пострадавшимъ.

Разсчитано 18 человѣкъ.

— «Вотъ они»,—указываетъ мнѣ мой сосѣдъ на группу рабочихъ, столпившуюся за столомъ президіума: «многіе—семейные».

Серьезныя, сосредоточенныя лица, опущенныя въ землю головы... Неотвязная забота—призракъ длительной безработицы—уже наложилъ на нихъ свою печать... И даже костюмы ихъ кажутся мнѣ небрежнѣе, потертѣе... Или это мое воображеніе?

Вопросъ идетъ о томъ: на какой срокъ, «въ виду исключительныхъ обстоятельствъ», продлить пособіе?

Потерпѣвшіе молчатъ и терпѣливо ждутъ коллективнаго приговора. Обсуждаютъ вопросъ кратко, дѣловито, приводя цифры кассоваго баланса.. Но получается впечатлѣніе, будто всѣ берущіе слова, въ томъ числѣ и предсѣдатель, стараются «обойти» неумолимую правду, «обмануть» неутѣшительныя цифры кассовой наличности, чтобы имѣть «нравственное право» продлить помощь товарищамъ. Сочувствующіе взгляды, украдкой бросаемые въ сторону оставшихся «за бортомъ», говорятъ о томъ, что каждый сознаетъ возможность завтра же очутиться въ такомъ же положеніи... И хочется «обойти» непріятную, жестокую правду—быстро пустѣющій фондъ кассы, хочется вѣрить, что онъ неисчерпаемъ... Пренія закончены. Вопросъ ставится на голосованіе... Нервное движеніе среди 18-ти безработныхъ; напряженно подсчитываются поднятыя руки... Подавляющее большинство за продленіе пособія на шесть мѣсяцевъ, въ размѣрѣ 5 шил. въ недѣлю. Семейнымъ—8 шил. И на эти 8 шил. должны будутъ существовать цѣлыя семьи!.. А если и черезъ шесть мѣсяцевъ работы не окажется?.. Жутко...

Какъ будто желая оправдать «неосмотрительную расточительность» сегодняшняго собранія, плохо согласующуюся съ состояніемъ кассы союза, предсѣдатель въ заключительной рѣчи указываетъ на то, что разсчитанные товарищи—наиболѣе дѣятельные члены союза, что они на своихъ плечахъ несутъ бремя общей, неудачной, къ сожалѣнію, затѣи... Капиталисты на этотъ разъ оказались побѣдителями... Но и проигранная стачка имѣетъ свои полезныя для рабочихъ стороны: это лучшая школа; на ней рабочій познаетъ, кто его врагъ, кто его опора и другъ. Онъ научается цѣнить значеніе юніона. Предсѣдатель сообщаетъ, что, несмотря на неудачу, никто не выбылъ изъ союза. Надо надѣяться, что, какъ только покрѣпнутъ

вновь силы организацiи, начатое дѣло — борьба съ хозяиномъ за лучшiя условiя труда, за болѣе достойную англiйскаго гражданина жизнь — снова будетъ поставлено на очередь...

Одобрительные апплодисменты и интимные возгласы вродѣ: «Go on, Johnny! (Продолжай въ томъ же духѣ, Джонни!)—All right, old felow!» (Ты правъ, старина!) по адресу предсѣдателя. Совершенно отсутствуетъ та «стѣнка», что отдѣляетъ президiумъ отъ публики въ Германiи. Собранiе распущено, но еще долго толпятся, оживленно бесѣдуютъ.

Знакомятъ съ предсѣдателемъ, съ присутствующими.

— «Русская? Прямо изъ Россiи?» И опять тѣ же неизбѣжные разспросы о «бомбахъ», о сенсацiонныхъ террористическихъ актахъ, «эксахъ», объ ужасахъ Сибири... Но главное—эти бомбы! Кажется, ничуть бы не изумились, еслибъ тутъ же вытащила ихъ изъ кармана...

Напрасно стараюсь оттѣнить дѣятельность соцiалдемократiи, массовыя выступленiя, трудную, копотливую работу стягиванiя, организацiи массъ, тернистый путь, по которому идутъ соцiалисты «культурныхъ» странъ. Россiя для нихъ, какъ и для менѣе освѣдомленныхъ нѣмцевъ, страна «варваровъ», для которой никакiе соцiальные законы не писаны. Бьетъ въ глаза лишь «шумное», сенсацiонное... И то, что для себя считается недопустимымъ, что разсматривается, какъ «величайшее оскорбленiе пролетарской этики», когда дѣло идетъ о «культурной нацiи», съ легкимъ сердцемъ прощается «дикарямъ-русскимъ...»

И не смотря на мои возраженiя, утверждаютъ что безъ бомбъ, безъ террористическихъ актовъ въ Россiи освободительное движенiе невозможно...

— «Вы—соцiалисты?»

Поддакиваютъ хоромъ.

— «Ну хорошо; въ такомъ случаѣ скажите мнѣ считали-ли бы вы для себя допустимымъ участвовать въ нападеніяхъ на банки, на магазины, на частныхъ людей даже, во имя «партіи?»

— «Нападенія! разумѣется—нѣтъ. Мы же не разбойники и воры... Это только «почтенные» джентльмены и леди такъ насъ величаютъ»...

— «А какъ же вы не только прощаете русскимъ подобныя дѣянія, но даже ихъ поощряете?»

— «Русскимъ? Это совсѣмъ другое дѣло... Не знаю, что стали бы дѣлать мы, британцы, если бы кто-нибудь вздумалъ отнять у насъ наши гражданскія права и вольности?..

Мои разсказы о профессіональномъ движеніи, дѣятельности соціалдемократической фракціи Думы, о трудностяхъ будничной работы въ періодъ реакціи— ихъ не плѣняютъ. На лицахъ тѣнь почти дѣтскаго разочарованія. Будто разрушаю плѣнительную «сказку - иллюзію», что согрѣвала сердца... Такой обиженный видъ бываетъ у дѣтей, когда ихъ стараются убѣдить, что любимый «Конь - Васька», съ выдраннымъ хвостомъ—только игрушка изъ картона..

Меня провожаютъ до самой подземки, такъ какъ— мѣста «небезопасныя», и одной ходить здѣсь леди не «полагается». Прощаемся тепло, точно старые пріятели. Обѣщаются прійти послушать меня завтра, 1-го Мая.

XIII. „Первое Мая“.

Первое Мая. Приходится оно въ субботу. Свѣтлое радостное солнечное утро. Выступленіе назначено на набережной, возлѣ Вестминстера. Уже съ утра

толпится здѣсь народъ. Къ часу всѣ прилегающія улицы, площади залиты народомъ. И какая толпа! Нигдѣ, кромѣ Лондона не увидишь такой пестроты и контрастовъ. Джентльменъ въ корректномъ сюртукѣ и цилиндрѣ; рядомъ—босякъ въ залихватски-нахлобученномъ картузѣ. Маленькая миссъ въ завиткахъ и свѣженькомъ лѣтнемъ костюмѣ, рядомъ—кутающаяся въ рваную шаль женщина съ испитымъ лицомъ и синими кровоподтеками. Кругомъ типичныя пролетарскія лица, съ той желтоватой блѣдностью, худобой, съ тѣми острыми скулами и потухшими взорами, какія на континентѣ встрѣтишь лишь въ старомъ фабричномъ гнѣздѣ. А сколько калѣкъ: хромые, горбатые, на костыляхъ и съ палками... Порою мелкаетъ красивая голова, съ «породистыми чертами»—это опустившійся «джентльменъ», Горьковскій типъ. Но, Боже мой, какія лохмотья! Тутъ никакія «заплаты» ужъ не помогутъ. А женщины? Рваныя шали, обтрепанные подолы, полинялыя, выцвѣтшія шляпы, принявшія невѣроятные фасоны отъ смѣны дождя и солнца... Такими, для назиданія «почтенной публики», рисуютъ обитательницъ Уайтчепеля, куда безъ крайней надобности не забредетъ ни одна уважающая себя леди... Но сегодня на всѣхъ лицахъ—печать радостнаго возбужденія. Шутятъ, переговариваются...

Процессія трогается. Длинная, безконечная вереница тяжелыхъ знаменъ юніонистовъ; поддерживаютъ ихъ по шести-восьми человѣкъ. Цѣлый кортежъ разукрашенныхъ флажками и цвѣтами линеекъ; въ нихъ веселыя, радостныя дѣтскія рожицы. Это «воскресныя школы», организованныя соціалистами. Дѣтвора весело размахиваетъ флажками и распѣваетъ пѣсни, напоминающія весеннее щебетанье пернатаго царства. Впереди оркестръ. Но его звуки до насъ почти не долетаютъ. Процессія растянулась на цѣ-

лыхъ двѣ мили—говорятъ организаторы, пробѣгая мимо насъ съ озабоченными, но радостными лицами.

Сгорбленный старичекъ, въ рабочей блузѣ, прихрамывая и семеня старчески невѣрными шагами спѣшитъ за знаменами своего юніона и старается уцѣпиться за одну изъ веревокъ, поддерживающихъ знамя. Онъ хочетъ быть ближе къ реликвіи, онъ хочетъ активно участвовать въ сегодняшнемъ торжествѣ... Юноша, безъ шапки, съ развѣвающимися волосами и восторженнымъ взглядомъ «ясновидца», несетъ древко другого знамени. Дѣвушка въ красной блузѣ съ вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ высоко подымаетъ веселый красный флагъ съ надписью: «Work for unemployod, bred for children!» (Работу безработнымъ, хлѣбъ—дѣтямъ!). А эти двѣ старушки, поддерживающія другъ друга, въ салопахъ и капорахъ 40-хъ годовъ, какъ попали онѣ на праздникъ 1-го Мая?

Боби верхомъ и пѣшкомъ, окружаютъ тѣснымъ кольцомъ процессію, сдавливаютъ толпу, сбиваютъ ее въ кучу. Не обходится безъ зуботычинъ грубымъ кулакомъ, привыкшимъ расправляться боксомъ. Но толпа не остается въ долгу. По адресу боби свистятъ въ воздухѣ грубыя, циничныя словечки, которыхъ не снесъ бы ни одинъ уважающій себя «шуцманъ», и мускулистые кулаки мелькаютъ въ отвѣтъ на безцеремонный натискъ «боби»...

А въ окнахъ, какъ въ ложахъ, расположилась солидная буржуазная публика; мелькаютъ свѣтлыя дамскія одежды, бѣлыя манишки джентльменовъ... Тамъ и сямъ изъ мансардныхъ оконъ намъ машутъ платками--должно быть прислуга... Какая разница съ берлинскими демонстраціями, когда обыватель пугливо закрываетъ окна и сворачиваетъ съ дороги, чтобы не встрѣчаться «съ чернью» и не смѣшаться, даже случайно съ представителями «красныхъ»!..

Здѣсь, быть можетъ, насъ ненавидятъ не меньше, но презрѣнія къ намъ нѣтъ; процессія возбуждаетъ скорѣе интересъ и любопытство.

Вотъ и ворота Гайдъ-Парка.

Толпа расползается по его необозримымъ полянамъ, представляя темное, колышущееся море головъ.

— «Что скажете? Не правда-ли великолѣпная демонстрація?» пожимаетъ мнѣ руку ирландецъ Ш. «Тысячъ пятьдесятъ народу, если не болѣе. Давно уже у насъ не было такого перваго мая. Отчасти мы обязаны этимъ безработицѣ».

Подходимъ къ вагону на высокихъ колесахъ, съ приставной лѣстницей. На вагонѣ надпись: «Clerion» — это органъ утопическихъ соціалистовъ, издаваемый Блэчфордомъ. На лѣсенкѣ стоитъ Клара Цеткина и нѣсколько общихъ друзей. Разсказываютъ, что все празднество организовано юніонами и соціалдемократической партіей; «независимая рабочая партія» отъ устройства перво-майской демонстраціи уклонилась. На то у ней были свои «тактическія» соображенія. Вотъ и седьмая, интернаціональная платформа. Но раньше придется еще отыскать платформу «A. S. S.» («Избирательныхъ правъ для всѣхъ совершеннолѣтнихъ»).

Застаемъ бѣдную мистриссъ Монтефіоре въ трансѣ отчаянія:

— «Не дали платформы!.. Это вѣроломство! Этому нѣтъ названія»... Она осыпаетъ рѣзкими обвиненіями организаціонный комитетъ по устройству перваго Мая, въ которомъ большинство составляли юніонисты. «Никто не просилъ ихъ участія, ихъ помощи. Но какое право имѣютъ они тормозить наше дѣло? Это не демократично, это, наконецъ, не по товарищески»...

Кругомъ суетятся члены A. S. S.; всѣ взволнованы, возмущены, обижены...

Толпимся возлѣ водруженнаго въ землю плаката—знамени: «Избирательное право всѣмъ совершеннолѣтнимъ!»

Съ помощью ирландца Ш. удается соорудить импровизированную платформу изъ скамеекъ и поставленныхъ другъ на друга стульевъ. Неудобно, шатко, но дѣлать нечего! Вокругъ, привлеченная не столько плакатомъ, сколько суетой, толпится публика,—та же пестрая публика, что участвовала и въ процессіи, но впередъ повыползли «Slumboys» («трущобные мальчики»—англійскіе гамены). Они принимали живѣйшее участіе въ сооруженіи платформы и самоотверженно таскали скамьи и доски. Но теперь, когда все готово и должно «начаться представленіе», ихъ обуреваетъ неудержимое, «мальчишеское» желаніе «похохотать»... По адресу насъ, толкущихся за знаменемъ ораторовъ, пускаются ядовитыя и мѣткія шуточки. Публика поощряетъ мальчишекъ взрывами дружнаго хохота. Обстановка не очень-то располагающая къ агитаціи!..

Первою говоритъ Монтефіоре. Дѣловито, основательно, продуманно. Но настроеніе въ толпѣ отсутствуетъ—гамены безжалостны. Ихъ глаза такъ и сіяютъ лукавствомъ, и однимъ мѣткимъ замѣчаніемъ, шуткой, репликой, они стираютъ впечатлѣніе всей рѣчи... Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Пафосъ оратора разбивается о насмѣшливыя улыбки аудиторіи, и лучшія мысли разлетаются, не задѣвъ сознанія... Одной изъ ораторшъ, немолодой работницѣ, удается на время «смирить публику», завладѣть ея вниманіемъ. Но неосторожный, преувеличенно-сентиментальный возгласъ—и впечатлѣніе разбито.

— «Копѣйку за слезу», бросаютъ гамены въ сторону ораторши, и публика безжалостно гогочетъ.

— «Не брали-ли вы, сэръ, уроковъ у тюленя (въ зоологическомъ саду)?» вопрошаютъ они ора-

тора съ форсированнымъ и потому завывающимъ голосомъ—и снова настроеніе разбито.

Хохотъ привлекаетъ вниманіе разгуливающей отъ платформы къ платформѣ толпы. Аудиторія наша растетъ. Но чѣмъ она больше, тѣмъ труднѣе «собрать ее воедино», создать общую, внимательную атмосферу. Каждый ораторъ знаетъ, какая огромная разница между аудиторіей въ закрытомъ помѣщеніи и подъ открытымъ небомъ и насколько послѣдняя менѣе «податлива». Быть можетъ отвлекаетъ голубое небо? шаловливые порывы весенняго вѣтра? даже комары...

— «При такой аудиторіи говорить невозможно. Лучше закрыть собраніе... Эти мальчишки—негодяи. Имъ слѣдовало бы здорово уши надрать»—волнуются, сердятся наши ораторши и ораторы.

Когда и Клара Цеткина, которую связываетъ чужой языкъ, подвергается общей участи, послѣднее мужество покидаетъ меня... Едва-ли можно испытывать большее волненіе, идя на эшафотъ... Съ трудомъ взбираюсь на нашу импровизированную, шаткую платформу... Эти дѣтскіе глаза, полные лукавства и задора!..

— «Вамъ неудержимо хочется посмѣяться сегодня? Такъ давайте смѣяться вмѣстѣ»...

Это они—эти полные лукавства и смѣха глаза—подсказываютъ мнѣ первыя шутки, и въ отвѣтъ, вмѣстѣ со взрывами смѣха, несутся благодарные апплодисменты. И первыми апплодируютъ они, наши маленькіе, безжалостные критики...

Приходится напрягать голосъ, который на улицѣ вдругъ кажется такимъ безпомощнымъ, слабымъ, и полное изнеможеніе наступаетъ уже черезъ 10 минутъ...

Когда я спрыгиваю съ платформы, чьи-то мягкія руки обнимаютъ меня—это Цеткина... Съ ней вмѣстѣ спѣшимъ на седьмую платформу, гдѣ уже успѣли

произнести рядъ рѣчей представители различныхъ націй. «Седьмая платформа» приличая, какою ей полагается быть. Вокругъ—море головъ, много соотечественниковъ, преимущественно евреевъ. Публику отдѣляетъ отъ платформы безстрастная цѣпь «бравыхъ» боби. Мальчишекъ не видать. Публика жадно тянется къ платформѣ, лица полны вниманія, царитъ торжественная, благоговѣйная тишина...

Говоритъ Цеткина--по нѣмецки. Движеніе въ публикѣ, и къ платформѣ придвигаются ея соотечественники. За ней—голланецъ. И снова перегруппировка аудиторіи. Очередь за мной—та же картина. И, когда я говорю на родномъ языкѣ, когда гляжу на эти знакомыя, типичныя лица моихъ соотечественниковъ, мнѣ начинаетъ казаться, что я на митингѣ въ домѣ Нобеля и что за мной выступитъ «товарищъ Наташа» или товарищъ Антоновъ... Но того подъема, того обоюднаго гипноза, какой я испытала полчаса тому назадъ на платформѣ A. S. S. здѣсь уже не создается. Точно тамъ я затратила весь запасъ «силы внушенія» и сейчасъ осталась лишь форма, а нервъ рѣчи отсутствуетъ...

На седьмой платформѣ предсѣдательствуетъ видный профессіоналистъ. По окончаніи рѣчей я обращаюсь къ нему за разъясненіями: почему комиссія не дала платформы A. S. S.?

Онъ нетерпѣливо пожимаетъ плечами.

— «Это совершенная случайность... Тутъ ничего не было преднамѣреннаго... Просто при подсчетѣ платформъ забыли объ A. S. S.».

— «Но какъ же можно забыть о платформѣ, защищающей такое важное требованіе, какъ всеобщее избирательное право?»

— «Для насъ—оно не актуально. Мы не препятствуемъ движенію... Занимайтесь пропагандой—это полезно. Но значенія движенію—мы не придаемъ».

Возражаю, горячусь, связываю вопросъ объ избирательной реформѣ съ обостряющимся, протестующимъ настроеніемъ противъ «верхней палаты».

— «Борьба съ лордами? Пустая затѣя!.. Если бъ мы вздумали сосредоточить свое вниманіе и направить свои силы на борьбу съ верхней палатой, — мы этимъ доставили бы величайшее удовольствіе нашимъ «эксплуататорамъ»... Какъ бы они намъ рукоплескали!.. Во главѣ движенія встали бы. Отвести наши силы въ «политическое русло», направить удары противъ «подставного врага»—да лучшаго исхода они бы и сами не придумали. Къ счастью, мы стоимъ на твердой почвѣ классовой борьбы и сворачивать съ нашей дороги—нѣтъ никакихъ основаній»... Всѣ мои доводы въ пользу движенія за избирательную реформу разбиваются объ его упрямое утвержденіе: вопросъ не настоятельный. «Бабья затѣя», которой ни одинъ серьезный профессіоналистъ значенія не придаетъ.

Разстаемся холодно.

Толпа уже отхлынула и густымъ, темнымъ потокомъ тянется къ выходу. Фотографы, пользуясь образовавшейся вокругъ платформы пустотой, «обстрѣливаютъ» насъ со всѣхъ сторонъ... Праздникъ конченъ. И самое солнце, исполнивъ свое назначеніе, считаетъ себя въ правѣ запрятаться за темной тучей. Дѣлается вдругъ уныло и пусто въ Гайдъ-Паркѣ. Ощущенье «покинутости» усиливаютъ пустыя бумажки, перегоняемыя вѣтромъ по истоптанной, пыльной полянѣ...

У воротъ Гайдъ-Парка, забравшись на шаткій складной стулъ, господинъ въ свѣтломъ костюмѣ и цилиндрѣ о чемъ-то проповѣдуетъ кучкѣ обступившихъ его людей.

Прислушиваюсь.

— «Если вы хотите спасти ваши нервы, сберечь

ваши силы, усилить вашу рабочую энергію... если вы хотите, чтобы ваше раздражительное настроеніе замѣнилось радостно-веселымъ, чтобы вашъ пессимизмъ растворился въ мягкомъ благодушіи ко всему міру, чтобы вашъ сонъ сталъ крѣпкимъ и бодрящимъ, чтобы вашъ желудокъ варилъ исправно — ѣшьте орѣхи! Одни только орѣхи!.. Вы можете кушать ихъ сырыми и жареными, вы можете»...

Какъ просто и дешево пріобрѣсти «душевный миръ» и отдѣлаться отъ пессимизма!..

Уже на улицѣ насъ догоняетъ кучка молодежи.

— «Товарищъ К., вы должны согласиться прочитать у насъ рефератъ. Мы входимъ въ секцію университетовъ для рабочихъ и отъ имени секціи просимъ васъ посвятить намъ нѣсколько вечеровъ».

Памятуя исторію съ маленькимъ табачникомъ въ Германіи, я благоразумно справляюсь:

— «А вы уже переговорили съ вашимъ комитетомъ? Онъ васъ уполномочилъ меня приглашать?»

— «Комитетъ? Нѣтъ. Но намъ прежде всего важно заручиться вашимъ согласіемъ, и, если вы согласны, то конечно комитету останется только принять наше предложеніе съ благодарностью». Объясняю, что мое время сейчасъ расписано, но что осенью я надѣюсь пріѣхать въ Англію. Можетъ спишемся? Обмѣнъ адресами, радостные возгласы по поводу удачнаго перваго мая, и мы расходимся...

Мимо проносятъ уже закутанные въ темные футляры знамена и флаги... И почему-то щемитъ сердце, что этотъ день уже конченъ. А завтра прійдется распрощаться съ Англіей и снова вступить на континентъ.

Останавливаюсь и еще разъ оглядываю опустѣлый Гайдъ-Паркъ...

Быстро падаютъ сумерки...

САКСОНІЯ.

I. ПО ГОРОДАМЪ.

1. «Zahlabend» (день взносовъ) въ Дрезденѣ.

У каждаго района свое помѣщеніе, своя пивная, куда сходятся члены въ опредѣленный вечеръ въ недѣлю, чтобы сдѣлать свои взносы въ партійную кассу. Кассиръ и представитель района провѣряютъ по спискамъ, кто отсутствуетъ. Послѣ каждаго Zahlabend'a знаютъ, съ кого изъ «нерадивыхъ» взыскивать взносъ. Тутъ же, на Zahlabend'ѣ, обсуждаются текущія дѣла. Происходятъ дискуссіи. Отсюда диктуется «верхамъ» и отношеніе массы къ общественнымъ событіямъ. Бываютъ и рефераты.

Сегодня придется говорить мнѣ. Хотя нигдѣ не было объявлено о выступленіи «русской»,—изъ предосторожности въ столицѣ Саксоніи приходится считаться съ полицейскими условіями,—но слухъ разнесся изъ устъ въ уста, и поэтому залъ полонъ. Явились даже члены, принадлежащіе къ другимъ районамъ, что затрудняетъ бухгалтерію кассира и заставляетъ его «честное» лицо принимать безпомощно-растерянное выраженіе...

Отдѣльной группой за длиннымъ столомъ умѣстилась зеленая молодежь. Въ то время, какъ старшіе пьютъ традиціонное пиво, этотъ столъ юнцовъ,

тѣхъ, кому еще «не исполнилось 21 года», демонстративно одинъ за другимъ требуютъ кофе или лимонаду. Ни одной кружки пива!

Порядокъ дня: мой рефератъ, текущія дѣла. Съ особеннымъ вниманіемъ слушаетъ меня «зеленый столъ». Отношеніе финляндской партіи къ алкогольному вопросу—вызываетъ съ ихъ стороны демонстративныя рукоплесканія. Видимо алкоголизмъ—актуальный вопросъ; останавливаюсь намѣренно на только-что законченномъ въ Петербургѣ анти-алкогольномъ съѣздѣ и его печальныхъ послѣдствіяхъ. Снова демонстративное сочувствіе юнцовъ; сдержанное молчаніе тѣхъ, кто посолиднѣе.

По окончаніи реферата, схожу съ трибуны и занимаю мѣсто поближе къ юнцамъ. Они начинаютъ интересовать меня—эти юные протестанты съ ихъ кофе и лимонадомъ.

Первый поставленный въ числѣ текущихъ дѣлъ вопросъ даетъ ключъ къ ихъ поведенію: «о продажѣ спиртныхъ напитковъ въ партійномъ домѣ» гласитъ онъ. Движеніе въ залѣ, и всѣ глаза внимательно обращены на председателя. Задѣто что-то «живое».

— «Долженъ заявить, уважаемые товарищи, что въ районный комитетъ поступило предложеніе, подписанное 32 членами нашей группы, вотировать резолюцію за полную отмѣну продажи спиртныхъ напитковъ въ партійномъ домѣ»... Въ залѣ движеніе. Юнцы подталкиваютъ другъ друга, перешептываются, краснѣютъ. Ясно, кто иниціаторъ «предложенія». Въ ихъ сторону летятъ полные строгаго порицанія взгляды. Кое-кто изъ старшихъ одобрительно улыбается.

— «Раньше, чѣмъ я открою дискуссію по данному вопросу, считаю долгомъ познакомить васъ съ текстомъ предлагаемой 32 членами резолюціи. За-

тѣмъ позволю себѣ дать нѣкоторыя разъясненія по данному вопросу».

Резолюція длинная, очень «принципіальная», очень стремительная, съ пафосомъ и частыми восклицаніями. Тутъ—и «вырожденіе націи», и ростъ «моральной личности», и великія задачи класса,—все выложено. Безстрастно, не обращая вниманія на восклицательные знаки, читаетъ ее предсѣдатель. Атмосфера въ залѣ сгущается. Нетерпѣливыя движенія и неодобрительные возгласы—съ одной стороны, демонстративное «sehr richtig!» («совершенно вѣрно!»)—съ другой.

Чтеніе кончено. Не спѣша складываетъ предсѣдатель резолюцію, прячетъ подъ пачку бумагъ, обтираетъ усы платкомъ и наконецъ приступаетъ къ «разъясненіямъ».

Резолюція несомнѣнно принципіальная и составлена въ духѣ постановленія партіи, принятаго на Лейпцигскомъ съѣздѣ (за столомъ юнцовъ—ликованіе). Но ея составители пошли дальше требованій самого партейтага. Партія, исходя изъ основательныхъ, практическихъ соображеній, имѣющихъ ввиду интересъ рабочаго класса, продиктовала бойкотъ «шнапса» (водки); этимъ она желала показать господамъ аграріямъ и всей ихъ честной братіи, что не позволитъ нагружать свои плечи произвольными налогами, во благо господамъ монополистамъ. Бойкотъ алкоголя — «шнапса» — актъ политическаго протеста; въ этомъ вся его сила. Иначе подходятъ къ вопросу 32 товарища, подписавшіе резолюцію. Они переносятъ вопросъ съ твердой почвы реальной политики на высоту утопическаго и потому безпочвеннаго морализированія. Тридцать два товарища хотятъ, чтобы изъ партійнаго дома не только изгнана была водка, но чтобы, вообще, тамъ не практиковалась продажа спиртныхъ напитковъ (насмѣшливые, протестующіе возгласы въ залѣ).

Такое требованіе выходитъ изъ рамокъ задачъ группы и потому, прежде чѣмъ открыть дискуссію по вопросу, предсѣдатель желаетъ поставить на голосованіе: слѣдуетъ-ли вообще останавливаться на обсужденіи внесенной резолюціи или попросту отвергнуть ее, какъ выходящую за предѣлы компетенціи района?

Что тутъ подымается! Забывая всю корректность, къ которой обязываетъ участіе въ засѣданіи, не слушая предсѣдателя, юнцы галдятъ, перебиваютъ другъ друга, вскакиваютъ... Часть присутствующихъ ихъ поддерживаетъ. Другая—протестуетъ. Порядокъ съ трудомъ возстановляется. Вопросъ ставятъ на голосованіе. Но голоса разбиваются. Приходится переголосовывать. Ничтожнымъ большинствомъ побѣждаютъ юнцы: вопросъ будетъ обсуждаться. За «зеленымъ» столомъ вздыхаютъ облегченно, но волненіе еще не улеглось—битва впереди. Перешептываются со своимъ лидеромъ, высокимъ, тонкимъ, съ дѣтски-розовымъ лицомъ и манерами, по своей неуклюжести напоминающими молодого щенка.

Дебаты идутъ своимъ порядкомъ. Ораторы избѣгаютъ принципіальной стороны вопроса; резолюцію расцѣниваютъ исключительно со стороны практической ея осуществимости. Одинъ за другимъ доказываютъ они «ребяческую абсурдность» требованія. Долго, пространно, ссылаясь на раскрытыя передъ нимъ кассовыя книги, доказываетъ кассиръ, что главная доходная статья партійнаго дома—буфетъ; уничтожить продажу спиртныхъ напитковъ равносильно закрытію дома. Послѣ постановленія въ Лейпцигѣ пробовали прекратить продажу «шнапса», но что же получилось? Товарищи, привыкшіе къ своей рюмочкѣ и не имѣвшіе достаточно силы воли, чтобы отъ нея отказаться, вмѣсто того, чтобы проводить вечера въ «уважаемой и почтенной компаніи

товарищей» шли въ сосѣдній кабакъ и тамъ общались со всякими проходимцами...

Юнцы уже давно нетерпѣливо требуютъ слова, подымаютъ одну и даже двѣ руки, но предсѣдатель по какому-то «таинственному» порядку распредѣляетъ голоса и испытываетъ терпѣніе пылкихъ борцовъ за «трезвость».

Наконецъ очередь доходитъ и до «лидера».

Онъ—весь порывъ: глаза горятъ, чуть вздрагиваетъ рука, которой онъ опирается о столъ. Голосъ обрывается... Но вотъ онъ уже овладѣлъ положеніемъ. У лидера «зеленаго» стола несомнѣнно ораторская жилка. Ловко и мѣтко парируетъ онъ удары противниковъ, умѣло выуживаетъ доказательства и примѣры изъ практики другихъ странъ... Впрочемъ, до практической стороны вопроса юнцамъ нѣтъ дѣла. Развѣ въ ней суть? Важенъ «принципъ», «принципіальная чистота» рѣшенія. И здѣсь они неумолимы. «Нарушеніе партійной дисциплины», «клеймо на партійномъ домѣ», не считающемся съ постановленіемъ партейтага, — своего рода «штрейкбрехерство». Всѣ «страшныя» обвиненія брошены въ лагерь противниковъ. И закончивъ воззваніемъ къ «моральной личности» соціалистовъ, онъ побѣдителемъ возвращается къ своему мѣсту.

Рѣчь имѣла успѣхъ. Дружно апплодируютъ не только приверженцы юнцовъ. Теперь говорятъ болѣе солидные защитники резолюціи. Они горько упрекаютъ «колеблющихся» товарищей, которые готовы изъ-за практическихъ выгодъ переступать священную черту партійной дисциплины. Тамъ, гдѣ приходится выбирать между принципомъ и «выгодой», — двухъ рѣшеній не должно быть.

Встаетъ бородатый рабочій съ подозрительно-красненькимъ носомъ.

— «Уважаемые товарищи!» начинаетъ онъ патети-

чески. «Мы всѣ дѣти одной большой семьи и всѣ мы хорощіе соціалдемократы... Но оттого, что мы «соци» и боремся за одно дѣло, еще не значитъ, что мы свою личную свободу продали партіи... То, что я дѣлаю дома, не касается комитета».

— «Правильно»,—несется съ одной стороны.

— «Соци долженъ быть моральной личностью прежде всего»—отвѣчаетъ столъ юнцовъ.

— «Поэтому я и не считаю партію въ правѣ постановлять, что я долженъ пить и ѣсть, какъ я долженъ одѣваться и жить со своею женою»,—слѣдуетъ двусмысленная шутка, вызывающая смѣхъ. «Партія должна, какъ она это и сдѣлала въ Лейпцигѣ, установить свое принципіальное отношеніе къ вопросу о потребленіи водки; въ данномъ случаѣ ея дѣло было вынести угрозу нашимъ эксплуататорамъ и объявить бойкотъ водкѣ—это политическій актъ. Затѣмъ уже дѣло каждаго, поскольку онъ можетъ проводить рѣшеніе въ жизнь. Еслибъ въ германской партіи состоялъ весь нашъ пролетаріатъ, тогда рѣшеніе съѣзда обязывало бы, такъ какъ осуществленіе бойкота било бы, и чувствительно, по карману господъ монополистовъ. Теперь же, даже если всѣ 600 тысячъ организованныхъ товарищей *) откажутся отъ своей рюмочки шнапсу,—это незамѣтная капля въ морѣ общенароднаго потребленія. Поэтому я и говорю—принципіальную позицію партія должна была занять; остальное дѣтская забава... Я не пьяница, уважаемые товарищи (Скептическое «хо-хо!» со стола молодежи), но не вижу ни малѣйшаго нарушенія чистоты соціалистическихъ принциповъ, если послѣ трудной работы возчика я вечеркомъ, въ партійномъ домѣ, въ кругу своихъ единомышленниковъ пропущу рюмочку, другую»...

*) Въ настоящее время въ партіи числится свыше 800 тысячъ членовъ.

Апплодисменты одной ограниченной части, протестующіе возгласы большинства. Кажется судьба резолюціи рѣшается въ благопріятную сторону.

Но на трибунѣ снова кассиръ. И снова долгіе подсчеты, цифры, цифры...

Заключительное слово предсѣдателя: онъ отдаетъ должное благимъ намѣреніямъ составителей резолюціи, однако подчеркиваетъ практическую несостоятельность предложенія—и голосуетъ вопросъ. Снова происходитъ разбивка голосовъ—поднятыя руки за и противъ, на-глазъ, дѣлятся поровну. Вопросъ перебалотировываютъ вставаніемъ.

Резолюція отклонена. Но молодежь не унываетъ.

— «Мы и не разсчитывали на ея принятіе», говорятъ они мнѣ, «но за нами моральная побѣда — это главное. Мы сами не ждали, что за нашу резолюцію будетъ столько голосовъ. Наша задача—бороться за моральное совершенствованіе личности пролетарія».

Очевидно, это—«новое слово». Позднѣе, въ бесѣдѣ, узнаю, что сейчасъ одинъ изъ лекторовъ «передвижныхъ курсовъ» читаетъ имъ по философіи и по этическимъ вопросамъ—отсюда и это увлеченіе «моральными цѣнностями». «Открывается новый міръ... Широкіе горизонты... У пролетаріата свои этическія задачи». Они захвачены, эти юнцы, и готовы вѣрить, что имъ предстоитъ вести партію по новому пути...

Второй вопросъ порядка дня: устройство какого-то оффиціальнаго празднества. И снова дебаты: составить ли программу вечера въ «серьезно-воспитательномъ духѣ», или ограничиться жанромъ варіетэ? Опять достается кассиру за вечеръ, на которомъ фигурировали совсѣмъ «неприличныя дѣвицы». Но что прикажете дѣлать? Публика валомъ валитъ на программу варіетэ, а концертъ со строгой музыкой пустуетъ... По окончаніи собранія кассиръ отзываетъ меня въ сторону.

— «Получите вашъ ораторскій гонораръ и распишитесь вотъ тутъ, вотъ здѣсь и еще здѣсь».

Гонораръ—5 м.; больше за выступленіе на «Zahlabend'ѣ» не полагается.

II. Стачка на угольно-брикетномъ заводѣ.

На перронѣ странное оживленіе — полицейскія каски, озабоченный желѣзно-дорожный персоналъ. За рѣшеткой, гдѣ ожидаетъ публика, тѣсная толпа— все пролетарскія лица. Напряженно вглядываются въ нашъ приближающійся поѣздъ. Замедлилъ ходъ, остановился. Изъ 4-го класса повысыпало человѣкъ пятьдесятъ, съ котомками за плечами, узелками, тючками, въ полинялыхъ, поношенныхъ одеждахъ, съ заботой на худыхъ загорѣлыхъ лицахъ, покорные, растерянные... Безпомощно оглядываются, топчутся. Свистъ и крики заполняютъ воздухъ, заглушаютъ всѣ остальные звуки. Словъ не разобрать. Несутся крики со стороны ожидающей за рѣшеткой кучки рабочихъ. Взволнованныя, перегнувшіяся черезъ перила фигуры, размахивающія въ воздухѣ руки, голоса, перебивающіе другъ друга, выразительнѣе словъ говорятъ о томъ, что вопросъ идетъ не о шуточномъ дѣлѣ. «Шуцманы» (полицейскіе), въ блестящихъ каскахъ, ровной цѣпью окружаютъ новоприбывшихъ, стараясь направить ихъ къ выходу.

— «Не будьте предателями! Не играйте въ руку кровопійцамъ!» теперь уже отчетливо несется изъ-за рѣшетки.

Пріѣзжіе въ нерѣшительности останавливаются.

— «Стачка? На угольно-брикетномъ заводѣ? Давно?» вопрошающіе, смущенные голоса. Пріѣзжіе подаются къ рѣшеткѣ.

— «Vorwärts! Vorwärts!» (Впередъ! Впередъ!)—командуютъ блестящія каски и мундирной стѣной заслоняютъ рѣшетку съ кричащей публикой.

— «Не поддавайтесь, товарищи!.. Не попадайте въ ловушку... Не хотите-ли голодную плату 7 м. 50 пф. въ недѣлю?»

— 7 м. 50 пф.? Намъ обѣщали 21 м.!»

— «Хо-хо!.. Ха-ха!.. щедры на обѣщанія! Это и конторщикъ не получаетъ... Повѣрили! Esel seit ihr»! (Ослы вы, больше ничего!).

— «Сказали—дѣло расширяется... Не знали, что стачка»...

— «Не губите дѣла!.. Держимся стойко, требуемъ 10 м. 50 пф. въ недѣлю... Плата за сверхъ-урочные часы... Будьте товарищами»...

— «Впередъ! Нечего языки чесать»,—напираютъ шуцманы и проталкиваютъ новоприбывшихъ въ боковую дверь.

Но «искра» уже перелетѣла къ нимъ изъ-за рѣшетки, зажгла сердца, подняла настроеніе. Это уже не покорное, безвольное стадо, уныло идущее на штрейкбрехерство, это—свои, «товарищи», враждебные, озлобленные ко всему, что не свой, «пролетарскій міръ»...

Гулко гудятъ голоса; виситъ въ воздухѣ ругань. Мелькаютъ кулаки. Ожидающая публика изъ-за рѣшетки бросается на перерѣзъ пріѣзжимъ къ вокзальному выходу. Полный любопытства желѣзнодорожный служащій забываетъ принять мой билетъ и несется за ними.

На площади передъ вокзаломъ быстро растетъ толпа, привлеченная шумомъ. Растворяются окна; бѣгутъ изъ сосѣднихъ улицъ, толпятся въ дверяхъ магазиновъ.

Блестящія каски тѣсно обступили пріѣзжихъ, стараются направить въ боковой переулокъ. Но обѣ группы, и та, что внутри полицейскаго круга, и та, что снаружи, кричатъ, напираютъ на мундирную стѣну, рвутся другъ къ другу. Растетъ, ширится гулъ, наполняетъ воздухъ. Красныя, озлобленныя, напряженныя лица людей въ каскахъ, взволнованные голоса рабочихъ... Работаютъ локти, кулаки...

— «Проклятое отродье!.. Защитники эксплуататоровъ! Bluthunde!» (Кровожадныя собаки!) Со звономъ скатывается каска полицейскаго... На «смѣльчака» наваливаются два дюжихъ шуцмана... Но мундирная цѣпь не выдерживаетъ натиска и радостно встрѣчаются руки, а голоса, ликующіе, радостные, жужжатъ, повышаются... Шуцманы оттѣснены... Рѣзкій свистъ прорѣзаетъ воздухъ... И вдругъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову, изъ бокового переулка—жандармы. Налетѣли, сжали толпу въ тѣсный клубокъ, отбросили любопытствующихъ, заставили публику испуганно шарахнуться въ сторону... Женскій крикъ, пронзительный долгій, дѣтскій плачъ, и свистки, и чей-то стонъ...

Гдѣ я? Знакомая картина... Стою, прижатая къ стѣнѣ вокзальнаго входа. Перепуганный обыватель съ чемоданомъ силится протолкнутся назадъ въ вокзальное помѣщеніе.

А шуцманы, почувствовавъ подкрѣпленіе, «работаютъ» дружно, увѣренно и энергично... Оцѣпили рабочихъ, оттѣснили въ переулокъ и быстро производятъ «отборъ»—арестовываютъ... Площадь пустѣетъ. Любопытствующіе испуганно разсѣиваются, изчезаютъ за сосѣдними домами... Гарцуютъ жандармы.

Пробираюсь по опустѣвшей улицѣ въ городъ. Кошмарно, какъ во снѣ. Неужели это Германія? Останавливаюсь, ищу адресовъ въ записной книгѣ.

— «Товарищъ К.»...

Меня нагоняетъ раскраснѣвшійся, запыхавшійся человѣкъ, со съѣхавшей на бокъ шляпой.

— «Я такъ и думалъ, что это вы... Хотѣлъ подойти... Да вы видѣли, какіе порядки у насъ... Какъ въ Россіи, не такъ ли?»

— Разспрашиваю: въ чемъ дѣло? Стачка?

— «Вотъ именно... На угольно-брикетномъ заводѣ... Стойко, образцово держались... Да и мы хорошо поработали, подготовили дѣло. Народъ сознательный. Дѣло шло гладко. Разумѣется всюду разосланы оповѣщенія, разставлены посты... Вчера узнаемъ: администрація завода выписала штрейкбрехеровъ изъ восточной Пруссіи... Ѣдутъ. Поспѣшили на встрѣчу. А г-да директора уже это предвидѣли, все подготовили... Не дремали и они! Конечно, надули рабочихъ, золотыя горы имъ наобѣщали... Теперь правда всплыла, теперь они стали «нашими»... Увидали, какъ ихъ тутъ любезно встрѣчаютъ,—прямо въ объятія полиціи попали... Нѣсколько человѣкъ ушли съ шуцманами, но съ ними работы не начнешь, мало ихъ!.. Аресты произведены... Теперь весь городъ знаетъ, какъ себя «законники» ведутъ... Bluthunde! Здорово имъ все-таки досталось. Будутъ помнить насъ... Сюда, направо. Зайдемъ въ секретаріатъ группы. Сюда сейчасъ и наши придутъ».

По узкой лѣстницѣ подымаемся въ секретаріатъ. Чистенькое свѣтлое помѣщеніе.

— «Что? Какъ?» Насъ обступаютъ, бѣгутъ навстрѣчу—мы первые вѣстники съ «поля битвы».

Но уже трещитъ телефонъ: изъ союза горнорабочихъ сообщаютъ тѣ же свѣдѣнія, что и мы. За нами — новые свидѣтели происшедшаго. Комната наполняется. Взволнованные пересказы, разспросы...

— «Всѣ, всѣ пошли въ союзъ»—торжествующее утвержденіе.

— «Нѣтъ не всѣ! пять пошло съ шуцманами въ фабричную контору... Самъ видѣлъ»...

— «Ошибаетесь!.. Они свернули съ дороги»...

— «Говорю же вамъ, что я за ними прослѣдилъ»...

— «Зато остальные у насъ, съ нами... Сейчасъ соберется экстренное засѣданіе въ союзѣ. Новоприбывшіе всѣ тамъ... Кстати, изъ союза спрашиваютъ, кто можетъ пріютить пріѣзжихъ? Ихъ надо размѣстить... Не въ фабричную же казарму имъ идти!»

Полны пережитымъ. Меня не замѣчаютъ. А надо выяснить: будетъ-ли сегодня мое собраніе?

Подхожу къ мѣстному представителю.

— «Почему же нѣтъ? Еще удачнѣе сойдетъ, настроеніе для собранія самое подходящее... Только тему слѣдуетъ видоизмѣнить... Знаете, такъ, къ случаю, что-нибудь «о беззаконности полиціи»... Товарищи! а вѣдь Мензель-то арестованъ. Это вашъ, русскій... Полгода у насъ работалъ на заводѣ. Боюсь, что теперь его вышлютъ... Имъ вѣдь надо только предлогъ найти. А жаль. Славный малый, съ темпераментомъ»...

— «Кто еще арестованъ?»

Перечисляютъ. Рѣшено навести болѣе точныя справки. Большинство спѣшитъ на собраніе въ союзъ. Должностныя партійныя лица садятся за прерванныя занятія. Меня направляютъ въ гостинницу. Вечернее собраніе назначено въ 9 ч.

III. У соотечественницы.

Стукъ въ дверь моей комнаты.

— «Васъ спрашиваетъ господинъ».

— «Попросите его ко мнѣ въ комнату».

— «Этого нельзя. Потрудитесь сойти къ нему внизъ».

— «Почему? Я желаю принять у себя, въ номерѣ».

— «У насъ этого не разрѣшаютъ. Одинокая дама не можетъ принимать мужчинъ въ своей комнатѣ. Запрещено».

Что за глупые порядки!

Внизу представитель группы, тотъ, что меня встрѣчалъ.

— «Пришелъ васъ предупредить, товарищъ К.; ваше собраніе сегодня состояться не можетъ. Два вашихъ соотечественника арестованы. Это заставляетъ насъ быть осмотрительнѣе... Могутъ выйти осложненія, вы—русская... Рискуете высылкой. Мы объявимъ о вашей внезапной болѣзни и используемъ собраніе въ цѣляхъ агитаціи по случаю сегодняшнихъ событій. Вы ничего не имѣете противъ?

— «Конечно. Но не могу-ли я присутствовать на собраніи?.. Меня же здѣсь не знаютъ»...

— «Нѣтъ... Неудобно. А если выслѣдили? Вамъ разумнѣе уѣхать сегодня же. Но сейчасъ не пойдете-ли со мною навѣстить вашу соотечественницу? жену арестованнаго Мензеля? Я сейчасъ иду къ ней; надо успокоить женщину».

— «Идемте».

На улицѣ большое движеніе—часъ закрытія фабрикъ. Всюду кучки бесѣдующихъ, разспрашивающихъ. Утреннее событіе оповѣщается всѣмъ, кто еще не прослышалъ о немъ у фабричнаго станка. Изъ оконъ вывѣшиваются любопытныя Hausfrau (хозяйки). Парами, чинно и важно разгуливаютъ шуцманы. Въ ихъ сторону кидаются недружелюбные взгляды, но отъ «замѣчаній» воздерживаются. Утренніе аресты еще свѣжи въ памяти.

— «Собственно, такая встряска даже полезна», замѣчаетъ мой спутникъ: «это заставляетъ обывателя пошевелить мозгами. Пусть убѣдятся обыватели, какъ законно и «безстрастно» ведетъ себя германская по-

лиція, чью руку держитъ правительство... Все было заранѣе подстроено».

Заворачиваемъ въ узкій переулокъ. Низкіе, старенькіе закопченые домишки. Тускло свѣтятъ рѣдкіе фонари. Безлюдно и пусто. Изъ раскрытаго окна доносится стукъ швейныхъ машинъ... Дальше—крикливые бабьи голоса. Сумерки придаютъ переулку еще болѣе унылый, безнадежный видъ...

— «Здѣсь живетъ самая бѣднота—тѣ, что работаютъ на дому. Фабричныхъ тутъ мало, до фабрикъ далеко. Вотъ сюда. Не оступитесь—темно».

Черезъ узкую дверь входимъ въ сырую тьму. Пахнетъ подваломъ и лукомъ. Съ трудомъ нащупываю лѣстницу. Спутникъ мой чиркаетъ спичками...

— «Еще одну лѣстницу вверхъ и направо».

Ступеньки крутыя, узкія. Звонокъ отсутствуетъ, но дверь лишь приперта. Входимъ въ темный корридорчикъ, натыкаемся на ящикъ, попадаемъ во что то мягкое...

— «Hallo! Кто дома? Frau Mensel?» (Фрау Мензель?).

— «Что вамъ надо?»

Дверь пріотворилась. На порогѣ силуетъ беременной женщины.—«Что надо?» повторила она...

Мой спутникъ объясняетъ, кто мы и зачѣмъ.

— «Войдите! войдите!» голосъ сразу становится дружелюбнымъ. «Утѣшьте бѣдную женщину; съ утра, какъ пришли ей разсказать объ арестѣ мужа, не переставая ревета... Въ ушахъ звонъ стоитъ отъ ея плача. Frau Mensel! Frau Mensel? Это къ вамъ!»

Беременная женщина пропускаетъ насъ въ комнату. Комната низкая; посрединѣ завѣшена ситцевой тряпкой, долженствующей замѣнять портьеру.

— «Вотъ сюда, пройдите къ фрау Мензель, она у себя», и хозяйка любезно раздвигаетъ «портьеру».

— «Ой-ой! Ой-ой!» несется намъ навстрѣчу не то плачъ, не то стонъ, и худенькая молодая женщи-

на встаетъ съ корзины, на которой лежала, накрывъ голову шалью; и эта беременна. Глаза—огромные, черные, лихорадочные, а волосы, пышные, непослушные, завитками падаютъ на заплаканное и все же красивое, еврейскаго типа, лицо. Мой спутникъ пробуетъ заговорить весело, ободряюще.

— «Чего плакать-то? Es ist ja nicht so arg! (Дѣло не такъ скверно!) Продержатъ дня два и выпустятъ. Вашъ мужъ вѣдь ничего не сдѣлалъ. Они его взяли просто потому, что подъ-руку попалъ. Развѣ разберешь въ толпѣ?»

Но фрау Мензель не слушаетъ; накрывъ голову сѣрой шалью, она снова садится на корзину и плачетъ, плачетъ...

— «Поговорите съ ней по-русски», совѣтуетъ мой спутникъ.

— Пробую, но мы другъ друга не понимаемъ; она говоритъ на смѣси польскаго языка и жаргона. Бесѣда не налаживается.

— «Комитетъ ассигновалъ вамъ денежную помощь»—переходитъ на дѣловой тонъ представитель группы. «Получите и распишитесь».

Выглянули черные глаза изъ-за шали, протянулась худая рука съ тонкими, бѣлыми пальцами и вдругъ упала на корзину, забилась, завыла, заголосила...

— «Вотъ такъ цѣлый день!» качаетъ головой квартирная хозяйка и идетъ за водой.

Успокоилась наконецъ. Сѣла. Приняла деньги, что-то бормочетъ быстро, быстро, глядитъ умоляющими глазами на представителя группы, хватаетъ его за руку. Конечно разспросы о мужѣ, о Мензелѣ, о его дальнѣйшей судьбѣ.

Хозяйка таинственно манитъ меня пальцемъ. Выхожу къ ней за перегородку.

— «Она—того, фрау Мензель, немного помѣшанная», сообщаетъ хозяйка шопотомъ.

— «Что вы! просто огорчена, разстроена»...

— «Нѣтъ, нѣтъ; вѣдь это не только теперь, это у ней постоянно. Поссорятся съ мужемъ, и какъ ссорятся-то! Кричатъ такъ, что я первое время все за полиціей бѣжать хотѣла. Думаю, убьетъ онъ ее или она его... У нихъ—не разберешь! И плачетъ, и плачетъ. Я ей говорю: «фрау Мензель! пожалѣйте хоть ребенка-то! этакимъ крикомъ вы его убьете!»— «Ахъ, что мнѣ ребенокъ, когда мой Самсонъ меня разлюбилъ... А какой тамъ разлюбилъ! Такъ цѣлуются, такъ цѣлуются, что слушать тошно. Я имъ говорю: «seit doch anständig» (будьте приличны-то), у меня дочка подрастаетъ... Нельзя же такъ! ребенокъ-то ребенокъ, а все видитъ, все замѣчаетъ». Но развѣ онѣ станутъ слушать? Какъ помирятся, такъ и начнутъ лизаться и не разбираютъ,—для нихъ что ночь, что день... На все свое время... Хохочутъ, обнимаются... Зову обѣдать,— не идутъ—некогда! не нацѣловались еще!.. А тамъ, смотришь, опять поссорились... Безпокойные жильцы! Не рада, что и пустила» вздыхаетъ хозяйка.

— «Давно они у васъ?»

— «Второй мѣсяцъ. Прежде бы я ни за что къ себѣ жильцовъ не взяла, а тутъ ужъ пришлось. Полоса такая настала.» Опять вздохъ.

— «Гдѣ вашъ мужъ работаетъ?»

— «Мой мужъ? въ тюрьмѣ онъ. Заперли».

— «За что же?»

— «Все за то, что «порядки» больно у насъ хороши... По закону! На сѣточной фабрикѣ работалъ, 22 м. въ недѣлю зарабатывалъ. Трудно конечно—у насъ трое дѣтей... Долги были; какъ же безъ нихъ? А все-таки жили. Ну, а съ Рождества понизили расцѣнку. Гдѣ же тутъ обернуться? Пришелъ срокъ за квартиру платить, а у насъ и нечѣмъ... Явились имущество описывать... Мужъ тутъ не выдержалъ; обидно это, знаете, столько лѣтъ жили и вдругъ—полиція; сосѣди

всѣ узнаютъ... Нагрубилъ. За это къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы приговорили... Какъ жить-то? Капиталовъ-то не припасено. Пришлось жильцовъ пустить. Безпокойно это только. Да и деньги не вѣрные... Вотъ теперь г-на Мензеля арестовали... Заплатятъ-ли они за этотъ мѣсяцъ? Вотъ наша жизнь! Забота за заботой»...

Оглядываю комнату. Уныло, пусто въ ней, но чисто, прибрано; все на своемъ мѣстѣ.

— «Вы гдѣ нибудь работаете сами?

— «Хожу стирать въ «хорошіе дома», на поденную работу. Дѣти; нельзя постоянно отсутствовать. Вотъ мужа выпустятъ, такъ пожалуй и я на фабрику пойду; не сразу-то онъ работу найдетъ»...

— «Но ваша беременность?..»

— «Ну это мнѣ не мѣшаетъ! До родовъ—три мѣсяца».

— «Mutti! Mutti! (Мама! Мама!) онъ ругается... Выгналъ меня и не далъ башмаковъ»—дѣтскій плаксивый голосокъ, двѣ косички, передничекъ, худенькое личико дѣвочки лѣтъ семи. Увидавъ незнакомое лицо, останавливается на порогѣ, а глаза еще полны слезъ.

— «Не далъ? Ахъ онъ, старый чортъ! Ахъ онъ, негодяй! Мало на насъ еще нажился... Скоро отъ жира лопнетъ... Сама къ нему пойду. Поговорю, какъ слѣдуетъ. Гдѣ деньги?».

— «Вотъ онѣ». Маленькая ручка робко протягивается къ матери.

— «Пять, десять, двадцать, двадцать пять... Такъ. И не далъ, говоришь?»

— «Да. Пусть, говоритъ, твоя мать мнѣ раньше деньги принесетъ, всѣ 65 пф., тогда товаръ и получитъ. А подарковъ я ей дѣлать не стану, и даромъ башмаковъ не отпущу».

— «Даромъ! Какой же это даромъ, если ему сей-

часъ даютъ 25 пф.? Ты ему сказала, что остальные заплатимъ въ пятницу?»

И мать, и семилѣтняя дочь одинаково взволнованы, огорчены. Износились послѣдніе сапожки у дѣвочки, не въ чемъ въ школу пойти. Дома сидѣть пришлось. Нельзя же босой! Рѣшили деревянные башмаки купить, какъ у Grete Lorsch, а дома всего 25 пф. Думали, лавочникъ повременитъ съ уплатой, повѣритъ 40 пф. до пятницы. Не повѣрилъ лавочникъ... прійдется Лотхенъ опять дома сидитъ. А учитель сердится: почему пропускаетъ уроки?

Намъ пора уходить; мой спутникъ прощается. Фрау Мензель провожаетъ насъ съ лампой на лѣстницу кутается въ шаль, изъ за которой видны одни глаза, огромные, черные, печальные. Хозяйкѣ не до насъ— у ней свои заботы.

Узкая, головоломная лѣстница, и мы на улицѣ.

— «Странные ваши русскіе», философствуетъ мой спутникъ. «Не пойму я ихъ. То сильны, какъ герои, то безпомощны и жалки, какъ дѣти. Вотъ и эта пара Мензелей! Прекрасные, дѣльные товарищи! Чего только они въ Россіи не вынесли... Оба въ тюрьмѣ сидѣли; у ней на глазахъ отца убили... А сколько за границей натерпѣлись, пока къ намъ не попали! Слушать жутко! И не унывали. А теперь, вотъ, смотрите, какъ себя ведетъ эта женщина! И право же положеніе вовсе не трагично. Конечно могутъ выслать. Но это уже не такъ страшно. Онъ же организованъ теперь, союзъ поможетъ, да и мы, партійные, его не оставимъ... Найдетъ работу и въ другомъ мѣстѣ. Не пропадетъ, малый толковый. Чего же такъ убиваться? Положеніе фрау Дидрихъ (квартирной хозяйки) похуже будетъ, а вотъ же не реветъ. Нѣтъ! странные вы, русскіе, все-таки! Удивительный народъ: герои или дѣти? Не поймешь».

IV. Мейссенъ.

Сѣренькій, зимній день. Ѣдемъ отъ Дрездена до Мейссена въ 4 классѣ—насъ цѣлая компанія, и среди насъ такіе, для которыхъ 3 и 4 классъ «разница». На вокзалѣ ждетъ редакторъ мѣстной газеты. Нарочно забрались съ утра, чтобы успѣть до собранія осмотрѣть это старое, феодальное гнѣздо — центръ производства саксонскаго фарфора.

По крутымъ дорожкамъ и обледенѣлымъ лѣстницамъ взбираемся на скалистую гору — до сказочной резиденціи епископовъ 14 и 15 вѣковъ. Счастливая случайность сохранила этотъ типичный средневѣковой бургъ во всей его неприкосновенности. Какая лѣстница! Эти смѣлые изгибы и завороты. Гдѣ тотъ современный архитекторъ, который бы на нихъ рискнулъ? Каменныя ступени избиты и истоптаны шагами десятка поколѣній... Дальше залы—одна другой причудливѣе, сказочнѣе. Сквозитъ вліяніе «востока»; въ колоннадахъ залъ, въ узорчатыхъ украшеніяхъ оконъ и стѣнъ работала фантазія средневѣковаго строителя, опьяненнаго картинами восточныхъ дворцовъ, грезами, подслушанными у крестоносцевъ... Столовая въ нетронутомъ видѣ: строгія, тяжелыя рѣзныя кресла съ высокими, прямыми спинками, пестрые бокалы съ готическими чудовищами, очагъ, въ которомъ помѣстится цѣлая комната современной квартиры...

По стѣнамъ главной залы—низкія, каменныя скамьи, въ нишахъ—изображенія епископовъ, герцоговъ и герцогинь въ тяжелыхъ, сложныхъ драпировкахъ. И кажется, что тѣни ихъ еще скользятъ по этимъ сказочнымъ заламъ. Не это-ли есть замокъ «спящей царевны»? Какъ-то неловко разгуливать любопытствующей толпой, въ неуклюжихъ зимнихъ одеждахъ, въ калошахъ, по «ихъ» жилищу, гдѣ идетъ своя, невиди-

мая, таинственная жизнь, полная «любовныхъ вздоховъ», рыцарскаго тщеславія, интригъ епископскаго двора, эксцессовъ религіозности.. Узкія, длинныя храмовыя окна; внизу, подъ крутымъ обрывомъ вьется Эльба. Вдали, на холмахъ, силуэты разрушенныхъ замковъ. Цѣлый «міръ», далекій превратившійся для насъ въ поэтическую легенду, сказку, но полный «жестокихъ» реальностей для тѣхъ, кто переживалъ могущество епископской и герцогской власти.

Отъ спальни, съ художественнымъ альковомъ, сохранилась лишь дѣтская рѣзная люлька... Только холодно же было у нихъ, у этихъ герцоговъ и епископовъ, въ ихъ сказочныхъ, волшебныхъ дворцахъ. Со всей утонченной роскошью востока не могли они украсть у него горячихъ лучей солнца, и холодомъ вѣетъ отъ каменныхъ плитъ пола, отъ каменныхъ скамеекъ и глубокихъ оконныхъ амбразуръ... Огромные очаги, быть можетъ, весело трещали и краснымъ отсвѣтомъ озаряли пирующія лица, но вмѣстѣ съ дымомъ, черезъ примитивныя трубы, уносили они въ звѣздное небо и грѣющее пламя... Немудрено, что фигуры герцогинь тонутъ, исчезаютъ за тяжелыми, мѣховыми одеждами; только теплыя, богато-задрапированныя складки шерстяныхъ платьевъ могли защитить отъ царящей даже въ интимной спальнѣ стужи.

Узкія улицы, со средневѣковой запутанностью и кривизной, монастырское зданіе, обращенное теперь въ зернохранилище города, домики съ царящими надъ ними крышами, крутыми и острыми, а внизу все та же красавица Эльба...

Собраніе назначено въ Turmhaus'ѣ *), остаткѣ крѣпостной башни. Залъ реставрированъ и обращенъ въ обыкновенную пивную.

---

*) „Башенномъ домѣ“.

Собраніе закрытое, только для членовъ партіи. Послѣ реферата—текущія дѣла. Предсѣдательствуетъ редакторъ, сдержанный, молчаливый, съ авторитетомъ и «тактомъ» даетъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Хотя сегодня на собраніи все «свои», организованные, но надо помнить, что это провинціальное гнѣздо, что условія труда неблагопріятныя; надо быть возможно популярнѣе, конкретнѣе. Побольше живыхъ образовъ, поменьше отвлеченій. Собраніе, что называется: «gut besucht» *), столики всѣ заняты. Терпѣливо ждутъ.

Уже съ эстрады гляжу на взволнованное личико моего «собственнаго сына», пріятно говорить, когда въ залѣ свои «близкія».

— «А сколько лѣтъ вашему сыну?» вдругъ озабоченный вопросъ редактора.

— «Моему сыну? Пятнадцать»...

— «Гм... Это неудобно. Положимъ, онъ высокаго роста, но лицо такое дѣтское... Гм... Неудобно».

Вижу явное безпокойство.

— «Въ чемъ дѣло?»

— «А если явится полиція? До 18 лѣтъ у насъ не имѣютъ права посѣщать политическія собранія»...

— «Ну, скажемъ, что ему 18!»

Рефератъ выслушиваютъ съ той серьезной внимательностью, которая характеризуетъ провинціальную публику, не избалованную частыми собраніями. На полагающихся мѣстахъ «Pfui-Rufe» **), на другихъ: «seht richtig» ***), на третьихъ «Heiterkeit» ****). Все, какъ обычно, какъ полагается.

Рефератъ конченъ. Теперь—текущія дѣла. Первый пунктъ — замѣщеніе одного изъ партійныхъ «функціонеровъ». Вторымъ—сообщеніе кассоваго баланса за

*) „Хорошо заполнено“.

**) Крики „пфуй“—знакъ порицанія.

***) Совершенно вѣрно!

****) Смѣхъ.

какой-то періодъ. Краткія дѣловыя замѣчанія. Собраніе идетъ гладко, безъ инцидентовъ и разногласій. Третій пунктъ: первое мая.

Это любопытно. Но вѣдь сейчасъ еще январь? Намъ объясняютъ: надо же имѣть время подготовить этотъ отвѣтственный день. Работы онъ требуетъ не мало. Вокругъ этого дня разворачивается полезная для партіи агитація.

Первое мая. Предсѣдатель предлагаетъ намѣтить лица въ комиссію по подготовкѣ рабочаго празднества. Въ виду удачной работы прошлогодней комиссіи, предлагаетъ попросту возобновить ее. Открываются дебаты.

Въ разныхъ углахъ залы подымаются желающіе слова.

— «Шульцъ... Мейеръ... Либегутъ»...

Они не блещутъ краснорѣчіемъ, эти Либегуты и Шульцы, представители районовъ, комиссій по самообразованію, велосипедныхъ и хоровыхъ обществъ, но замѣчанія ихъ дѣльныя, основательныя. Есть и придирки, указываютъ на упущенія прошлогодней комиссіи: почему собрались прямо на площади, а не по районамъ? зачѣмъ назначили начало вечерняго праздника въ 8 ч., а не въ 9 ч.? отчего въ комиссіи не участвовалъ представитель отъ хорового общества?

— «Ты замѣчаешь странность? Когда предсѣдатель даетъ слово Мейеру, Шульцу и т. д., онъ даже не подымая головы безошибочно указываетъ въ сторону просившаго слова», замѣчаетъ моя пріятельница.

— «Да вѣдь это же очень просто», смѣется жена редактора — «тутъ у большинства посѣтителей постоянныя мѣста, и предсѣдатель знаетъ, гдѣ сидитъ Шульцъ, а гдѣ Мейеръ».

Техническая сторона вопроса перваго мая затягивается. Наконецъ комиссія намѣчена. Коснутся-ли теперь «идейной стороны?»

— «Прошу слова!»

Возгласъ неожиданный. Предсѣдатель съ удивленіемъ оглядываетъ залъ. Рабочій, изъ молодыхъ, но не юнецъ, стоитъ съ видомъ борца, готоваго отстаивать свою идею. Нѣсколько любопытныхъ взглядовъ въ его сторону.

Наконецъ! Красивая, легко-льющаяся и повидимому принципіальная рѣчь: значеніе перваго мая для движенія, для интернаціональнаго пролетаріата, граница между буржуазіей и рабочими, знамя побѣды... Пока еще все пышное введеніе. За нимъ слѣдуетъ обвиненіе прошлогодней комиссіи чуть ли не въ отступленіи отъ принципа классовой чистоты.

Въ чемъ дѣло? Что за преступленіе?

Еще нѣсколько секундъ держитъ насъ ораторъ въ напряженномъ ожиданіи, наконецъ доходитъ до «существа»: билеты на майское празднество были не *краснаго*, а *желтаго* цвѣта! Партія должна исправить это упущеніе и на этотъ годъ постановить, чтобы билеты были красные.

Изъ кармана достается «пробный» билетъ, демонстрируется уже готовая на немъ надпись, красиво подобранные шрифты, пріятный красный цвѣтъ карточки... Она циркулируетъ по рукамъ...

— «Онъ—наборщикъ», объясняетъ мнѣ мой сосѣдъ: «самъ заготовилъ билетъ».

Вопросъ голосуется, и предложеніе «оппозиціонера» съ краснымъ билетомъ принято.

По дорогѣ на вокзалъ редакторъ сообщаетъ о непрестанной мелкой борьбѣ съ полиціей. Расклейка воззваній запрещена; но выработанъ способъ обойти бдительное око полиціи: Genosse *), нагруженные воззваніями, каждый избираетъ себѣ шуцмана—ихъ ограниченное число на такой городокъ,—и рано по утру,

*) Товарищи

когда тѣ совершаютъ свой послѣдній ночной обходъ, слѣдуютъ за своимъ избранникомъ по пятамъ и унизываютъ стѣны плакатами... А когда настаетъ утро,— шуцманы въ недоумѣніи убѣждаются, что городъ весь затопленъ «недозволенной» литературой...

Genosse любятъ разсказывать о своихъ «подвигахъ» въ борьбѣ съ полиціей, особенно, когда слушательницей является «русская».

На вокзалѣ сговариваемся съ фрау Г. относительно посѣщенія женскаго «дискуссіоннаго вечера» или Leseabend'а, какъ ихъ называютъ въ Германіи.

V. Дискуссіонный вечеръ для женщинъ—«Leseabend».

Идемъ съ фрау Г. по запушеннымъ снѣгомъ аллеямъ Блазевица. По бокамъ виллы саксонскихъ богачей. Снѣжинки кружатся въ воздухѣ, осѣдаютъ на муфту, на лицо, на волосы...

— «Конечно, я—пролетарское дитя», смѣясь моему изумленію, объясняетъ фрау Г.: «самая настоящая пролетарка, видавшая и холодъ, и голодъ, и безработицу, познавшая всю «солнечность» золотого дѣтства пролетарскаго «ребенка».

Съ невольнымъ недовѣріемъ оглядываю ея маленькую, изящную фигурку, закутанную въ сѣрый мѣхъ, вспоминаю наши «эстетическія бесѣды», наши психологическія экскурсіи въ область «тонкихъ» переживаній, ея своеобразный, богатый, литературный языкъ, ея вкусы, запросы...

— «Когда говорятъ о золотомъ дѣтствѣ», продолжаетъ она, «передъ моими глазами неотступно встаетъ такая картина: узкій, тѣсный дворъ-колодецъ... Вы бывали въ этихъ старыхъ берлинскихъ домахъ-ка-

зармахъ? Теперь они постепенно выводятся. Видно только клочекъ неба... Кругомъ—раскрытыя окна, темныя, пустыя, какъ пасти мертваго животнаго... Изъ нихъ зіяетъ неизбѣжная бѣдность; здѣсь все люди, живущіе на границѣ съ нищетой и бездомностью... Нигдѣ ни цвѣточка, ни свѣтлаго пятна, ни одного предмета сверхъ необходимаго... Сижу на лѣстницѣ и гляжу въ этотъ дворъ-колодецъ и боюсь этихъ оконъ, темныхъ и жуткихъ... Моросить назойливый, безпросвѣтный дождикъ, которому нѣтъ и нѣтъ конца... А часы тянутся, тянутся... Почему, когда я вспоминаю свое дѣтство, я вижу только эти сѣрые, дождливые дни? Вѣдь бывала же и тогда хорошая погода, свѣтило же и тогда солнце?.. Я его не помню... Или вечеръ: насъ, дѣтей, уложили, съ окриками и шлепками... Мать—не въ духѣ. Отецъ уже давно въ «безработныхъ», и съ утра у матери идутъ съ хозяиномъ нашей квартиры переговоры. Онъ ставитъ ультиматумъ: если до 9 час. вечера за квартиру не будетъ уплачено—насъ сегодня же сгонятъ съ квартиры... А отца все нѣтъ и нѣтъ... О, онъ не въ кабакѣ, разумѣется,—это мать хорошо знаетъ; но вмѣсто того, чтобы околачивать пороги фабричныхъ конторъ, въ это тяжелое для него время, онъ все не слагаетъ съ себя партійныхъ обязанностей. И въ безработные-то онъ попалъ изъ-за строительной стачки. Этого мать ему не прощаетъ. Она ненавидитъ все, что относится къ движенію, къ партіи, той слѣпой ненавистью, какой ненавидишь врага, отнявшаго у человѣка все: силы, здоровье, покой, заставившаго испить чашу униженій до дна... Мы уже давно голодаемъ, но это такъ закономѣрно-періодически и кругомъ всѣ такъ часто голодаютъ, что никто изъ насъ, дѣтей, не жалуется... Развѣ младшій братишка, не вышедшій изъ младенчества, похнычетъ, требуя хлѣба...

И вотъ возвращается отецъ...

— «Гдѣ былъ?»

— «На собраніи...»

— «Нашелъ время! А денегъ принесъ? Принесъ, я тебя спрашиваю?» Мать наступаетъ. Отецъ устало садится на стулъ и безпомощно опускаетъ голову...

Что тутъ начинается! Весь запасъ горечи, злобы, отчаянія, накопленный за эти часы тревоги, ожиданія, выливаетъ мать на голову отца, осыпаетъ его жесткими, грубыми, несправедливыми упреками...

Тогда, въ тѣ дни, я всегда осуждала мать и брала сторону отца. Но теперь, когда жизнь многому меня научила, я поняла сколько эта несчастная женщина выстрадала. Вѣдь насъ было пятеро, все малыши. А она, она-же мать... И ему, мужу, она не могла простить, что страдаютъ ея, «ихъ» дѣти... Она видѣла непонятную черствость, отсутствіе любви къ намъ, къ ней, тамъ, гдѣ у него шла трагическая борьба: семья или классовое дѣло? Она тогда ненавидѣла своего мужа такъ, какъ можетъ ненавидѣть только изстрадавшаяся мать... Этой ночной сцены я никогда не забуду... Да одну ли ее? Ихъ было столько. Какой запасъ жестокости былъ у матери, какъ она умѣла довести этого сдержаннаго, терпѣливаго человѣка до того, что онъ подымалъ на нее руку...

Нѣтъ, знаете, лучше не вспоминать своего «золотого дѣтства». Отъ него у насъ, у пролетарскихъ дѣтей, ничего, кромѣ горькаго осадка, не остается. Я право удивляюсь, что мы всѣ не выходимъ изъ него «морально-преступными типами...»

— «Какъ сложилась ваша дальнѣйшая жизнь? Гдѣ вы учились?»

— «Гдѣ я училась? Въ самой обыкновенной народной школѣ... А затѣмъ: моя «карьера»? Была портнихой, въ мастерской сначала; но, я слишкомъ вольнолюбива, не ужилась... Стала ходить по домамъ, ра-

ботать поденно... Мнѣ повезло: мои заказчицы всѣ принадлежали къ аристократіи и жили въ старомъ West'ѣ... Вы бывали тамъ? Видѣли эти старые, барскіе особняки? Не тѣ раззолоченныя, безвкусныя виллы разбогатѣвшихъ Шульцовъ, а спокойные, старые дома, съ простыми, строгими фасадами... Когда глядишь на такой домъ, всегда кажется, что онъ говоритъ тебѣ успокоительное слово: «войди, и я защищу тебя отъ бурь житейскихъ...» А новые дома, эти вычурныя постройки Kurfürstendamm'a, развѣ у нихъ есть своя физіономія? развѣ они могутъ «сказать», нашептать что-нибудь человѣку?..»

— «Вы давно въ движеніи?»

— «Со школьной скамьи. Уже подросткомъ бѣгала на собранія... Но знаете, кто оказалъ на мое развитіе несомнѣнное вліяніе? Ваши русскіе. Съ ними, со студенчества, я была въ тѣсной дружбѣ. Ихъ вѣчная неудовлетворенность житейской прозой притягивала меня, какъ магнитъ. У нихъ нѣтъ совершенно потребностей обыкновенныхъ людей. Это «духи» какіе-то. У насъ, нѣмцевъ, практическая сторона жизни все-таки на первомъ планѣ, а у этихъ... Шарлоттенбургская колонія, ваши эмигрантскіе вечера—это своего рода «этапъ» въ моей жизни... Но, мы пришли».

Небольшая комната въ одной изъ кнейпъ на окраинѣ города. Человѣкъ тридцать женщинъ; все немолодыя лица, лѣтъ подъ тридцать и больше. Сидятъ чинно, съ карандашами, тетрадями. Съ шуточками, дружелюбно обходитъ ихъ фрау Г., разспрашиваетъ о домашнихъ дѣлахъ. Навстрѣчу ей блѣдныя, вялыя лица оживляются. Ее любятъ. Предсѣдательницей намѣчается полная и немолодая уже работница. Она еще не освоилась съ этой ролью, но «предсѣдательствованіе» на женскомъ дискуссіонномъ вечерѣ—это своего рода «практическій урокъ». Неуклюже топорщится карандашъ въ красныхъ рукахъ предсѣдатель-

ницы, огрубѣлыхъ въ работѣ, лицо заплываетъ краской; безпомощно глядитъ она на фрау Г., на аудиторію, на бумагу...

— «Открывайте собраніе», суфлируетъ ей фрау Г. Въ неуклюже состроенной рѣчи предсѣдательница приглашаетъ къ занятіямъ.

Мягко, шутливо-осторожно, чтобы не задѣть «самолюбія», исправляетъ ее фрау Г.

Собраніе открыто; слово предоставлено референткѣ. Образно, живо и просто говоритъ фрау Г. на тему: капитализмъ и эволюція домашняго хозяйства. Слушаютъ внимательно, записываютъ. Фрау Г. описываетъ образцовыя прачешныя, какія должны бы были содержаться на счетъ коммунъ, вспоминаетъ всю тяготу ненавистнаго «дня стирки» — «Grossewäschetag», столь тяжелаго для каждой домохозяйки. Лица сразу оживляются; поддакиваютъ, вставляютъ свои замѣчанія. Задѣтъ слишкомъ близкій, наболѣвшій вопросъ...

Открывается дискуссія. Обычное робкое молчаніе. Никто не рѣшается взять слова.

— «Давайте, разберемъ вопросы систематично: какъ бы мы могли, съ помощью коммунальнаго самоуправленія, въ которомъ и мы, разумѣется, должны участвовать, реформировать наше хозяйство... Ну-ка, высказывайтесь по поводу хотя бы величайшаго бича домохозяйки—стирки бѣлья. Развѣ это не худшій бичъ нашъ? Когда они настаютъ, эти дни стирки, сразу перестаешь быть человѣкомъ. Лучшія чувства, самыя «умныя» мысли—отлетаютъ, остается одно: злоба, раздраженіе на всѣхъ и все... Кричишь на дѣтей, ругаешь мужа, затѣваешь нелѣпую ссору съ сосѣдкой... Въ день большой стирки можно порвать самыя цѣнныя въ жизни отношенія; развѣ нѣтъ?»

Слушательницы дружно киваютъ.

— «Да, да! Именно такъ! Все, что говоритъ това-

рищъ Г., истинная правда; все такъ, какъ она разсказываетъ...»

Ледъ пробитъ; смущеніе отлетѣло; каждая спѣшитъ взять слово, чтобы разсказать о томъ, какъ трудно дается ей эта неизбѣжная въ хозяйствѣ функція. Умѣлыми добавленіями фрау Г. сводитъ разсказы воедино, подсказываетъ выводы... Изъ вопроса о «Grossewäschetag» выростаетъ стройная система коммунальной политики. И какъ все просто, понятно, жизненно и близко...

Нѣтъ, рѣшительно маленькая фрау Г. обладаетъ своеобразнымъ талантомъ.

Собраніе закрыто, и теперь тѣснымъ кругомъ окружили ее слушательницы, спрашиваютъ, совѣщаются, обмѣниваютъ книги, розданныя имъ для чтенія.

Разглядываю обложки: «Знаніе — сила» Либкнехта и рядомъ «Трудъ» Зола; объясненія къ Эрфуртской программѣ Каутскаго и Шенланка и «Мать» Горькаго. Попадается и нѣмецкая беллетристика, «классики».

Уже на улицѣ дѣлюсь своими впечатлѣніями съ фрау Г., изумляюсь ея таланту популяризировать сложные вопросы соціальной политики, не дѣлая ихъ банально-упрощенными.

— «Я люблю эту работу у женщинъ,—и потомъ, я сама все это пережила; мы съ женщинами говоримъ на одномъ языкѣ, оттого онѣ меня и понимаютъ. Мужчину онѣ никогда такъ не будутъ слушать. Вотъ отчего и приходится воевать съ товарищами, настаивая на насажденіи повсемѣстно Leseabend'овъ для женщинъ... Мало еще у насъ сдѣлано въ этой области и порою, когда вдумаешься въ наше женское существованіе — руки опускаются... Вотъ, смотрите, большинство изъ тѣхъ, что вы видѣли, — это замужнія женщины, почти всѣ работаютъ внѣ дома. И вотъ мы требуемъ, чтобы онѣ, пробывъ внѣ дома 10 ч., снова, по нашему зову, бросали свое жилище въ неприбран-

номъ видѣ, дѣтей неуложенными, посуду немытой и бѣжали на наши собранія... Сегодня «день взносовъ», завтра дискуссіонный вечеръ, послѣзавтра поучительное политическое собраніе... Желала бы я видѣть, на что сталъ бы похожъ домъ женщины, ея семья, еслибъ она рѣшила въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно исполнять свои обязанности партійнаго члена... Естественно, что мужъ бы взвылъ... А что стало бы съ дѣтьми? Вы чувствуете, какой это конфликтъ? Проблема не изъ легкихъ; не расщелкаешь, какъ орѣшекъ... Порою, не знаешь сама, что и совѣтовать при современномъ положеніи вещей: звать ли женщину на всѣ наши собранія, упрекать ли ее, что она заботится о домѣ, о мужѣ, о хозяйствѣ, что, придя съ фабрики, еще до полуночи скребетъ и штопаетъ, или ликовать, когда дѣти неумытыя, голодныя, предоставленныя себѣ шатаются по двору, въ то время, когда мать ихъ дремлетъ на партійномъ собраніи? Счастливые мужчины: для нихъ этихъ проблемъ не существуетъ... А на меня такъ нападаетъ самый мрачный пессимизмъ, едва я начну «углублять» эти вопросы... Конечно, со временемъ будетъ не такъ, все это измѣнится, эволюція совершается, но пока-то, пока? Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ живыми людьми, и каждый человѣкъ живетъ вѣдь только разъ... Да, трудное наше время и сугубо трудное для насъ—женщинъ».

Прощаемся у дверей моего пансіона...

А снѣжинки все падаютъ и падаютъ, будто собрались похоронить подъ бѣлымъ пушистымъ покровомъ нарядный и безпечный Блазевицъ.

VI. Хемницъ. Въ «Геверкшафтсхаузѣ» *).

— «Гдѣ домъ профессіональныхъ союзовъ?» Иду по скучному Хемницу, съ его однородными домами

*) Въ домѣ „профессіональныхъ союзовъ“.

архитектуры 80-хъ годовъ, съ его попыхивающими фабричными трубами и дымнымъ воздухомъ.

— «Геверкшафтсхаузъ? Сейчасъ первый поворотъ направо, и вы увидите большой домъ налѣво».

Неужели это и есть домъ союзовъ? Среди безвкусныхъ зданій Хемница ласкаетъ глазъ это сооруженіе, носящее и по внѣшности печать «новаго вѣка».

Строгія, простыя линіи, огромныя зеркальныя окна, художественный, смѣлый порталъ и вестибюль, которому могъ бы позавидовать клубъ эстетовъ-модернистовъ. Цѣлый лабиринтъ комнатъ: бюро, редакціи, секретаріаты. Съ трудомъ отыскиваю нужное мнѣ помѣщеніе: бюро мѣстнаго комитета. Уже въ корридорѣ замѣчаю необычное оживленіе, гулъ голосовъ, толкутся группами, бесѣдуютъ. Въ бюро идетъ спѣшная, горячая работа. Отъ двери до стола, съ разложенными на немъ пачками листовокъ, терпѣливо ждетъ очереди человѣкъ пятнадцать. За столомъ двое выкликаютъ имена, дѣлаютъ отмѣтки въ раскрытыхъ, бухгалтерскихъ книгахъ, выдаютъ пакеты листовокъ. Недовольный взглядъ, брошенный въ мою сторону.

— «Что вамъ угодно? Сюда нельзя. Потрудитесь обождать».

Объясняю, кто я и зачѣмъ.

— «Ахъ, такъ! Очень рады»—разсѣянно. «Не откажите переждать. Черезъ полчаса мы къ вашимъ услугамъ».

Работа кипитъ. Пакеты на столѣ уменьшаются. Получившіе листовки уходятъ въ противоположную дверь. Изъ окна вижу, какъ велосипедистъ за велосипедистомъ, привязавши пакетъ листовокъ, укатываютъ въ различныхъ направленіяхъ.

— «So... теперь мы къ вашимъ услугамъ».

Секретарь подсаживается ко мнѣ, обтирая потъ.

— «Вы ужъ извините, что мы васъ заставили ждать, но вы попали въ жаркую пору».

Оказывается, въ ландтагѣ обсуждается давно намѣченный законопроектъ о школьной реформѣ. Дебаты принимаютъ опасный оборотъ; есть основанія ожидать, что законъ «искалѣчатъ». Необходимо принять мѣры и заставить саксонское правительство услышать «голосъ народа». Съ этой цѣлью на завтра созывается экстренное народное собраніе; можетъ быть оно даже приметъ и болѣе внушительныя формы демонстраціи... Но для этого надо растолковать публикѣ все значеніе школьной реформы, создать «протестное настроеніе»... Листки за ночь отпечатаны, и теперь 12 тысячъ ихъ должны быть розданы по рукамъ.

— «Теперь вы понимаете, что мы не могли оторваться отъ дѣла; каждыя пять минутъ на счету».

— «Но неужели же 12.000 листковъ могутъ быть розданы за одинъ день?»

— «За одинъ день?»—секретарь усмѣхается моему невѣжеству:—«За обѣденный перерывъ. Въ этомъ все дѣло. Мы считаемъ личную раздачу наиболѣе дѣйствительной. При личной бесѣдѣ дополнишь то, чего не достаетъ въ листкѣ, коснешься и другихъ вопросовъ, поведешь и общую агитацію... Разумѣется, это тоже своего рода искусство. Не каждый можетъ быть хорошимъ разносчикомъ. Опытъ здѣсь играетъ большую роль. Помню, какъ въ началѣ меня не разъ съ лѣстницы спускали. А одинъ разъ—это было у почтоваго чиновника, какъ сейчасъ вижу его—чуть дѣло до полиціи не дошло. Да, тутъ нужна сноровка. И потомъ, полезно знать всѣхъ обитателей тѣхъ домовъ, какіе обслуживаешь; кто чѣмъ занимается, у кого какіе интересы. Инвалидъ? Начни со страхованія. Ремесленникъ—поговори о недостаткахъ промысловаго устава. Хозяйка—распространись о вздорожаніи жизни. О, тутъ нужна большая сноровка!.. За то, только этимъ способомъ удается создать настроеніе. Съ одними газетными статьями далеко не уѣдешь. Кто читаетъ

газету? Горсточка. А тутъ каждаго затронешь. Пусть выгонитъ, пусть листокъ твой тебѣ вслѣдъ швырнетъ не читавши, все равно твой приходъ въ его квартиру — событіе. И конечно, чуть ты за ворота, а ужъ сосѣдки не утерпятъ, пойдутъ другъ къ другу «новость» разсказать, языкъ на твой счетъ почесать... Смотришь, къ вечеру весь дворъ только и говоритъ, что о завтрашней демонстраціи, обсуждаетъ школьную реформу... Все, что требовалось! И на собраніе потянутся хотя бы изъ любопытства».

— «Я одного не понимаю, какъ эти нѣсколько десятковъ человѣкъ, что были здѣсь, успѣютъ за полтора часа раздать 12.000 листовокъ?»

Опять снисходительная улыбка.

— «Не они же будутъ этимъ заниматься? Представители районовъ передадутъ листки подрайоннымъ, а тѣ уже распредѣлятъ ихъ среди разносчиковъ. Это все дѣлается очень быстро. Если кто не поспѣетъ раздать за обѣдъ, ему остается еще вечеръ».

— «А какъ же полиція? Вы не опасаетесь столкновеній съ ней?»

— «Нѣтъ. Послѣдніе два года полиція насъ совершенно не трогаетъ. Теперь мы съ ней въ ладахъ. Прежде дѣйствительно жилось трудно; притѣсняли здорово, дохнуть не давали... Впрочемъ, если завтра полиція вздумаетъ о себѣ напомнить, я не буду претендовать на нее»...

— Какъ? Почему?»

— «Очень просто. Это расшевелитъ народъ, подыметъ настроеніе. А то у людей появляется это ни на чемъ не основанное самодовольство... Начинаютъ вѣрить въ возможность мирнаго прогресса... Тухнетъ революціонный огонь, а безъ него движеніе мертво. Конечно, на почвѣ экономической борьбы перемирія не бываетъ—здѣсь все время идетъ борьба, но въ политикѣ насъ рѣшительно засасываетъ тина рефор-

мизма и притупляетъ наше главное оружіе—«боевой духъ» рабочихъ».

Условившись относительно моего выступленія, идемъ осматривать гордость Хемница: геверкшафтсхаузъ.

Дѣйствительно, есть чѣмъ гордиться. Это цѣлый «мірокъ»: залы для собраній, ночлежка, ванны, души, библіотека, читальня. И какая художественность во всей обстановкѣ, «стильность» не только архитектуры, но и послѣднихъ мелочей обстановки. Всюду сдержанная простота линій, мягкіе тона, забота о сочетаніи красокъ. А это обиліе свѣта, этотъ запасъ воздуха даже въ самомъ маленькомъ бюро. Лѣтъ 30 тому назадъ такой народный дворецъ жилъ лишь въ фантастической грезѣ смѣлыхъ романистовъ; теперь—это будничная дѣйствительность, принадлежность каждаго промышленнаго центра Германіи. Но въ грезахъ романистовъ этотъ дворецъ созидала на свой наслѣдственный капиталъ «очаровательная леди», проникнутая состраданіемъ къ меньшей братіи. Это была своего рода жертвенная свѣчка новому богу. Реальные же народные дома вызваны въ жизнь тѣми грошевыми взносами, которые, несмотря на свою кажущуюся «ничтожность», тяжко обременяютъ плечи, несущія ихъ. «Народные дома» союзовъ и партіи созданы на тѣ гроши, что скоплены отказомъ рабочаго отъ лишняго куска мяса, отъ новыхъ сапогъ, отъ праздничной кружки пива...

VII. «Проблемы пола» въ рабочей средѣ.

— «Какъ хорошо, что вы все-таки пріѣхали; послѣ вашего письма о нездоровьѣ мы уже боялись, что собраніе прійдется отмѣнить»—привѣтливо встрѣчаетъ меня въ вестибюлѣ полная фрау В., одна изъ

энергичныхъ дѣятельницъ профессіональнаго движенія. «А это было-бы крайне досадно. Женщины такъ и рвутся на ваше собраніе; тема подходящая. Все политика и политика, надо же и имъ дать передышку. «Сексуальный вопросъ»—это близко задѣваетъ нашихъ женщинъ, это то, что у всѣхъ наболѣло. Между тѣмъ специалистовъ на подобныя, побочныя темы у насъ мало. Отлично сдѣлали, что пріѣхали». Она радушно трясетъ мою руку. «Поглядите-ка на залъ... Что? Не радуется-ли ваше сердце? Мое — полно гордости. Вѣдь это почти все наши—текстильщицы... Мы въ союзѣ здорово работаемъ. Свои дискуссіонные вечера для женщинъ устроили на подобіе тѣхъ, что организуетъ партія. Вы не думайте, что это изъ антагонизма, что мы хотимъ партіи козни строить... Но, скажите, почему намъ ждать у моря погоды, пока еще наши «партійныя власти» соблаговолятъ организовать нѣчто для женщинъ; почему самимъ не проявить иниціативу? Въ союзѣ — руки развязаны... И, могу васъ увѣрить, дѣла идутъ хорошо. Кстати, вотъ и «партійное довѣренное лицо». Это по ея якобы иниціативѣ созвано сегодняшнее собраніе. А на дѣлѣ, кто присутствуетъ? Да все наши—союзныя, все мои текстильщицы»...

Въ залѣ дѣйствительно преобладаютъ женщины.

Слушаютъ напряженно, жадно слѣдя за мыслью... «Семья и проституція» — много наболѣвшаго, знакомаго, близкаго въ этой темѣ. Мужчины равнодушнѣе; оживляются только, когда я говорю о неизбѣжныхъ треніяхъ въ бракѣ, посмѣиваются въ свои пивныя кружки, толкаютъ локтемъ жену: «видишь, даже референтка это знаетъ! Трудно съ вами, бабами». Настораживаются, когда перехожу къ проституціи. Жадно ловятъ сообщенія о распространеніи венерическихъ болѣзней, записываютъ цифры...

Кто-то пробуетъ цинично смѣяться; его обрываютъ.

— «Unverschämt! halts Maul! Ruhe! Ruhe!» *)

Движенiе среди женщинъ, когда я перехожу къ вопросу материнства... Можно-ли говорить дальше? Рисовать грезы утонченныхъ, очищенныхъ отношенiй между полами? Умѣстно-ли? Но глаза слушателей вопрошаютъ, ждутъ, и оборвать на «самомъ интересномъ мѣстѣ" нельзя. То была критика, а гдѣ же положительная часть? Гдѣ идеалъ, позволяющiй легче переносить тяготу настоящаго? И я даю себѣ волю... А вдругъ не поймутъ? Но настороженно внимательно подается впередъ аудиторiя, киваютъ, глядятъ въ глаза, будто хотятъ прочесть больше того, чѣмъ я имъ говорю...

Когда я съ еще «пьяной» головой схожу съ эстрады, женщины тѣснымъ кольцомъ обступаютъ меня. Смотрятъ въ глаза и будто ждутъ, что теперь-то въ «интимномъ кругу» я скажу настоящее «избавительное слово»...

— «Вы замужемъ?» спрашиваю наугадъ одну изъ болѣе молодыхъ.

— «Ei bewahre! **) съ какой стати? У меня же нѣтъ еще ни одного ребенка. Я ткачиха и зарабатываю не меньше моего Schatz'a ***). Зачѣмъ же мнѣ въ петлю лѣзть?»

— «Да, вотъ оно и выходитъ, что весь вопросъ въ дѣтяхъ, какъ и говорила референтка... Если бъ мой Гансъ не наградилъ меня двойней, развѣ бы я пошла за него? А ужъ тутъ не разсуждаешь... Одна двоихъ ребятъ не прокормишь. Его вина, пусть и несетъ отвѣтственность.

— «Не въ дѣтяхъ дѣло... А все горе-то наше въ томъ, что у мужчины «морали» нѣтъ... Невѣстѣ что наобѣщаетъ, а тамъ, чуть ты размякла, а онъ ужъ и

---

*) „Безсовѣстно!.. Держи глотку! Тише! Тише!"

) „Боже избави!" *) „Сердечный другъ".

улизнуть наровитъ... Запутаешься съ другимъ, съ третьимъ—ну тутъ ужъ дѣвушкѣ конецъ. Нѣтъ, разъ завела себѣ Schatz'a, такъ ты сумѣй его въ строгости держать, не отпускай пока къ попу не сведетъ»—назидательно поучаетъ уже пожилая женщина.

— «Ну, ужъ будто за мужемъ глазъ не нуженъ? Еще хуже! Пока онъ твой возлюбленный, онъ хоть для видимости съ тобою нѣжничаетъ, прислуживается... Знаетъ, что можешь другого взять. А сталъ мужемъ, поди-ка покомандуй имъ!.. Въ комнату войдетъ—не поклонится... «Жена, подай! Жена, сдѣлай!» Станешь перечить—до драки дойдетъ... Будто подмѣнили человѣка: былъ шелковый, а какъ въ мужья попалъ командиръ—командиромъ... Ужъ какое это семейное счастье! Не рада, что и къ попу сходила...»

Щедро сыплются разсказы и «законныхъ женъ», и тѣхъ, что еще живутъ «дикимъ бракомъ»; и у всѣхъ тотъ же припѣвъ, «кабы не дѣти!»

Но, когда мужья примѣшиваются къ нашей группѣ, умолкаютъ и переглядываются опасливо: не долетѣли-ли до ушей властелиновъ ихъ жалобы? И только самыя молоденькія, тѣ у кого и Schatz'a-то еще нѣтъ, жеманясь и кокетничая, преувеличенно громко, «нарочито» бранятъ мужчинъ.

Подхожу къ фрау В. Но куда дѣвалась ея радушная привѣтливость? Смотритъ холодно, почти враждебно. Сухо, оффиціально благодаритъ за рефератъ, добавляя, что это ее собственно не касается,—она здѣсь не хозяйка, а «довѣренное лицо» отъ партіи...

Ничего не понимаю, но чую скрытую обиду, недовольство мною. Что я сдѣлала? Можетъ быть рефератъ былъ слишкомъ «смѣлъ?»

Вызывается проводить меня до дому маленькая, полная особа—прикащица, какъ она себя рекомендуетъ, «и, хотя ревизіонистка, но партійный человѣкъ».

— «Вы не знаете, что съ Genossin W? Почему она будто недовольна?»

Прикащица заливается добродушнымъ смѣхомъ.

— «Не догадываетесь? Она—прекраснѣйшій, преданный чѣловѣкъ, но самолюбіе—ея болѣзнь... А сегодня ей нанесено было два удара. Первое—она не переноситъ, если другая женщина-ораторъ, кромѣ нея, имѣетъ успѣхъ. Послѣ этого фрау В. дня три болѣетъ. Пока не разсосется ея желчь... Во-вторыхъ, собраніе фактически организовала она—она здѣсь самый дѣятельный работникъ среди женщинъ; но неуживчивый характеръ и какіе-то старые счеты сдѣлали то, что въ партіи она не занимаетъ никакой оффиціальной должности и только инспирируетъ своихъ ставленницъ, хотя бы эту безцвѣтную фрау Хоппель, довѣренное лицо. Эта, можно сказать, шагу не умѣетъ ступить безъ указаній товарища В., а сегодня весь тріумфъ собранія выпалъ на ея долю. Вы не замѣтили, какъ въ своей рѣчи предсѣдатель подчеркнулъ благодарность фрау Хопель за ея труды по организаціи женщинъ? Это было сдѣлано не спроста, а чтобы уколоть нашу старушку В. А она, бѣдняжка, все это такъ близко къ сердцу принимаетъ... Никто же не виноватъ въ своихъ недостаткахъ, не правда-ли...»

Рѣшаемъ зайти въ кафе, меня начинаетъ интересовать эта некрасивая женщина, съ ея умнымъ взглядомъ и иронической складкой у губъ. За чашкой «cafe mit Schlagsahne» *) наша бесѣда становится «интимнѣе».

— «А васъ не удивляютъ наши нравы? Вамъ, чужому человѣку, онѣ—женщины всѣ—поспѣшили выложить свои интимныя переживанія? Одна даже, кажется, пожаловалась, что мужъ не желаетъ исполнять своихъ супружескихъ обязанностей? Васъ это

*) Кофе съ битыми сливками.

не шокируетъ? Въ столицахъ это иначе; тамъ люди замкнутѣе и менѣе довѣрчивы...»

— «Здѣсь, кажется, очень сильно развита проституція?»

— «Какъ вамъ сказать? Не больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. А затѣмъ надо умѣть классифицировать отношенія между полами. Нельзя валить въ одну кучу и «дикіе браки», и продажную проституцію. Надо знать нравы фабричнаго города и понимать эти градаціи. Обычаи наши таковы, что почти у каждой дѣвушки (я говорю о фабричныхъ) свой возлюбленный, ея Schatz. Случается, что мѣняютъ ихъ. Но это еще не проституція. Она—абсолютно назависима отъ своего любовника; самое большое, если онъ угоститъ ее пивомъ, сведетъ въ кино, въ танцлокаль. Это можетъ быть самая беззаботная, самая свѣтлая пора въ жизни работницы. Впереди—всякія надежды, мечты, возможности... Грезится удачный бракъ, т. е. «женихъ» съ обезпеченнымъ заработкомъ, шкафъ съ бѣльемъ, полка блестящей кухонной посуды... Кто черезъ эти мечты не прошелъ! Потомъ—дороги развѣтвляются. Появляется первый ребенокъ. Тутъ ужъ Schatz начинаетъ смотрѣть въ сторону, норовитъ «отвертѣться», удрать. Ну, женщина, разумѣется, вцѣпляется... Если ея заработокъ сравнительно высокъ, она еще способна повременить съ замужествомъ; но если ея заработокъ много ниже мужского—остается отравить ему жизнь и женить на себѣ... Женились, и началось семейное счастье... А не женились—еще того хуже. Тутъ ужъ женщина, съ ребенкомъ, одной ногой на скользкомъ пути. Начнетъ переходить изъ рукъ въ руки. Только это уже будутъ не Schatz'ы, не избранники сердца, а просто тѣ, у кого карманы туже набиты. И замѣтьте первыми этимъ положеніемъ женщины пользуются обыкновенно мастера, служащіе въ конторѣ... Конечно, и свой братъ, рабочій, не зѣваетъ; только рѣже.

И не изъ «этики!»—этого вы не думайте—просто не расчетъ входитъ «въ расходъ», когда можно всегда обзавестись даровой «дамой сердца...» Дешево и прилично!.. Васъ не коробятъ мои разсказы?

— «Наоборотъ; слушаю съ интересомъ».

-- «Вотъ и получается дилемма: либо замужество, либо проституція. Третьяго выхода нѣтъ. И потому, когда я васъ слушала, простите меня, но я про себя улыбалась... Всѣ ваши разсужденія—неприложимая къ жизни теорія. Свободный, т. е. «дикій бракъ»? Да его кругомъ, сколько хотите! Но развѣ это «рѣшеніе»? И замѣтьте, самое трагичное это то, что въ «законный», нерасторжимый бракъ люди вступаютъ уже тогда, когда любовь отлетѣла, когда оба уже начинаютъ тянуть въ разныя стороны... Я знала такой случай: послѣ второго ребенка женщина не только охладѣла къ своему возлюбленному, но буквально возненавидѣла его. И онъ другую полюбилъ. А пришлось повѣнчаться и жить вмѣстѣ. Что дѣлать? Дѣти.. Конечно «дѣтскій вопросъ»—центральный, но и помимо него еще столько сложностей!.. Задумаешься и сразу запутаешься въ лабиринтѣ противорѣчій... Нѣтъ выхода! Вижу, вижу, вы скажете сейчасъ: «въ соціалистическомъ обществѣ это все разрѣшается». Милая Genossin! Я это не хуже вашего знаю, но судьба милліоновъ живыхъ людей ближе моему сердцу, чѣмъ счастье какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ правнуковъ моихъ сосѣдокъ... Вы видите, я неисправимая «ревизіонистка»! И опять эта лукавая усмѣшка, дѣлающая ея некрасивое лицо милымъ и привлекательнымъ.

— «А какъ же относятся къ «вольному» поведенію дѣвушекъ, къ тому, что у нихъ свой Schatz? Что говорятъ родители?»

— «Это зависитъ отъ среды. У насъ, я сама изъ мелкой буржуазіи, тамъ еще крѣпки старыя традиціи,

устои... Но фабричная дѣвушка самостоятельна и независима... Да и мужчины «чистоты» отъ дѣвушки не требуютъ. Даже возлюбленныя ревнуютъ только тогда, если они по уши влюблены въ «невѣсту», что не такъ-то часто встрѣчается, разумѣется. Даже на измѣну возлюбленной смотрятъ сквозь пальцы. Другое дѣло, если она стала «законной женой»; тутъ ужъ мораль вступаетъ въ силу. Но, если мужчина сравнительно рѣдко беретъ себѣ въ жены женщину съ ребенкомъ отъ другого, то не потому, что этому мѣшаютъ «предразсудки», а исключительно изъ финансовыхъ соображеній: съ какой стати кормить ребенка, сдѣланнаго другимъ мужчиной? Кстати, если васъ интересуютъ наши нравы, хотите я вамъ покажу «школу проституціи?»

— «Вы шутите?»

— «Не совсѣмъ. Конечно, такого названія эти учрежденія не носятъ. Эти школы извѣстны подъ благопристойной кличкой «танцлокалей». Но фактически — это разсадники проституціи. И сколько здѣсь гибнетъ молодыхъ жизней не однѣхъ дѣвушекъ, но и юношей. За свой вѣкъ я успѣла понаблюдать, и какія только трагедіи не разыгрывались на моихъ глазахъ!.. Если желаете, я завтра вечеромъ зайду за вами, захватимъ товарища — однѣмъ женщинамъ неудобно—и двинемся въ экспедицію. А теперь идите домой отдыхать... Да, хорошо тѣмъ, кто, какъ вы, можете отдавать себя цѣликомъ партійному дѣлу... У насъ же на него остаются крохи времени... У каждаго своя судьба! Въ ранней молодости я мечтала выйти замужъ за купца, и почему-то мнѣ всегда представлялось, что онъ будетъ торговать сапогами... Если я за торговца сапогами и не вышла, за то служу въ магазинѣ обуви. И кто знаетъ? Была ли бы я счастлива, если бъ имѣла надъ собою «властелиномъ» этакого пузатенькаго мужа, какъ нашъ хозяинъ?»

Шутливый тонъ; но горечь, придушенная, все же слышится. Что-то темное, больное прошло по душѣ этой некрасивой, вдумчивой женщины, съ ея наблюдательнымъ умомъ, съ ея иронической складкой у губъ.

Я еще не одѣта, когда кто-то стучится въ дверь.

— «Кто тамъ?»

— «Это—я, фрау В.

— «Простите, Бога ради, но я еще не одѣта».

— «Ничего, ничего»; фрау В. входитъ тяжело отдуваясь. «Высоко у васъ, а у меня сердце пошаливаетъ. Задыхаться стала, старость... Genossin! Я къ вамъ по дѣлу. Только что передъ службой забѣгалъ ко мнѣ товарищъ С. (прикащица). Мы съ ней бесѣдовали о вашемъ вчерашнемъ рефератѣ и рѣшили, что вы будете для этого самый подходящій человѣкъ. У насъ нѣтъ спеціалистовъ по сексуальному вопросу, а вы этотъ вопросъ знаете основательно, въ этомъ товарищъ С. права. Итакъ, не съѣздите-ли вы въ сосѣдній городъ М. провести собраніе для женщинъ? Мы это все устроимъ, если только вы дадите ваше принципіальное согласіе».

Столковываемся о срокахъ.

— «Ну вотъ, спасибо. Важно, очень важно, чтобы тамъ женщины послушали здравыя мысли. Можетъ быть, это на нихъ окажетъ благотворное вліяніе. Вы бывали въ университетскихъ городахъ?»

— «Нѣтъ».

— «Это совсѣмъ особые нравы. Эти бѣдныя дѣвченки гибнутъ, какъ мухи... Вы себѣ не представляете, что за испорченный народъ буржуазная молодежь! Тамъ, гдѣ г-да студенты имѣютъ свою резиденцію, тамъ все населеніе развращено... Невообразимые нравы... Это хуже проституціи... На проституцію толкаетъ нищета, голодъ, а здѣсь дѣвушки срав-

нительно обезпеченныхъ семей за кружку пива, за билетъ въ кинематографъ, за шелковую тряпку готовы отдать себя первому встрѣчному... Я бы только просила васъ сократить ту часть реферата, гдѣ вы критикуете современный бракъ... Боже мой! Я не спорю съ вами, не защищаю брака; мнѣ ли, замужней женщинѣ, не знать его шиповъ? Но «законный бракъ», у попа, это для насъ, пролетарскихъ женщинъ, все же лучшій исходъ, когда приходится выбирать между двухъ золъ... А это легкомысліе, которое въ такой теперь модѣ, эта смѣна возлюбленныхъ—нѣтъ, это женщинъ къ добру не приводитъ... Ваша задача въ М. будетъ состоять въ томъ, чтобы растолковать этимъ легкомысленнымъ дѣвичьимъ головамъ, что между проституціей за «чистыя деньги» (bahres Geld) и за тряпки или удовольствіе—нѣтъ разницы по существу. И припугните вы ихъ хорошенько, этихъ легкомысленныхъ дѣтей, нарисуйте имъ картину того, что ихъ ожидаетъ... Эта часть у васъ прекрасна. Итакъ, по рукамъ? Бѣгу улаживать и это дѣло».

Уже въ дверяхъ она, будто вспомнивъ что-то, оборачивается и снова протягиваетъ мнѣ руку.

— «Я хочу еще разъ поблагодарить васъ за вчерашній вечеръ. Вчера я съ вами была груба, но вы простите меня, старуху, у меня прескверный характеръ. Если меня что-нибудь разстроитъ, я на всѣхъ злюсь». И она виновато улыбается. Должно быть, прикащица передала ей нашу бесѣду и мой вопросъ. Хорошо, что не сказала лишняго. Вотъ, какъ создаются «партійныя сплетни»...

VIII. Въ танцлокалѣ.

— «Сначала мы зайдемъ сюда, въ приготовительный классъ», говоритъ прикащица, когда мы подходимъ къ ярко-освѣщенному зданію, изъ оконъ котораго доносятся звуки вальса. Лѣстница широкая, но банально-казарменная. Въ дверяхъ старичекъ отбираетъ билеты. За входъ 20 пф.

Зала казеннаго вида, большая, съ хорами; освѣщеніе скромное. Кругомъ столы съ красными скатертями, плохенькій оркестръ. За столами группы—пьютъ пиво, кофе. Посрединѣ кружатся паръ пятнадцать, все молодежь, дѣвушки—почти подростки, безусые юнцы. Лишь въ видѣ исключенія провальсируетъ со своей дамой болѣе солидный мужчина, съ лихо a la Вильгельмъ, зачесанными усами и воротникомъ до ушей. По залѣ разгуливаетъ джентльменъ во фракѣ и съ осанкой министра—это распорядитель танцами.

Занимаемъ столъ поближе къ танцующимъ. Пары кружатся съ дѣловымъ видомъ, добросовѣстно выдѣлывая па. Изъ-за короткихъ платьевъ мелькаютъ сомнительной чистоты юбки и рѣжетъ глазъ несоотвѣтствіе свѣтлыхъ платьицъ, долженствующихъ напоминать «бальный туалетъ», и грубыхъ, уличныхъ башмаковъ...

Распорядитель, съ осанкой министра «величественнымъ» жестомъ останавливаетъ музыку. Пары остаются неподвижно на своихъ мѣстахъ, тамъ гдѣ засталъ ихъ нежданный перерывъ. Неспѣша обходитъ ихъ распорядитель, собираетъ въ привѣшенную сбоку сумочку по 10 пф. съ пары. Музыка возобновляется, и пары снова кружатся дѣловито, старательно...

— «Обратите вниманіе», говоритъ прикащица: «какая тутъ молодежь. Этой дѣвочкѣ едва-ли пятнадцать. А за тѣмъ столомъ, готова пари держать, маль-

чишкамъ не больше 17-ти... Сейчасъ они еще сидятъ одни, безъ дамъ, стѣсняются, новички... Но найдется товарищъ постарше, перезнакомитъ съ барышнями... Захочется потанцовать... Молодежь же все тутъ! Хочется имъ веселья, жизни... Что они дома видятъ? Что даетъ имъ мастерская, магазинъ, контора? Ничего кромѣ скуки и утомленія... Но, чтобы танцовать и угощать свою даму, для этого нуженъ «капиталъ...» Не сотни, конечно; какихъ нибудь двѣ, три марки въ вечеръ. Но у такого юнца и этого не находится. Зарабатываетъ въ обрѣзъ. Ну, и начнетъ онъ себѣ отказывать въ теченіе недѣли въ ѣдѣ, въ куреньѣ, въ пивѣ, голодаетъ; за то въ воскресенье есть съ чѣмъ въ танцлокаль явиться... Другіе, тѣ, у кого воля послабѣе, начнутъ изобрѣтать способы раздобыть деньги. Надѣлаютъ долговъ, попробуютъ счастья во всѣхъ надувательскихъ лотереяхъ, схватятся за карты... А тамъ, смотришь, и до мелкихъ кражъ дѣло дошло... Наклонная плоскость; покатишься и не замѣтишь... А дѣвушкамъ и того хуже! Посмотрите на этотъ столъ, направо, вотъ тамъ, гдѣ сидятъ эти двѣ такъ весело смѣющіяся дѣвицы... Видите?»

Гляжу на двухъ свѣженькихъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя блузки. Трое мужчинъ, посолиднѣе, забавляютъ ихъ очевидно несовсѣмъ приличными анекдотами. Дѣвушки смѣются, но видъ у нихъ смущенный, и только щеки пылаютъ ярче и ярче. На столѣ, вмѣсто пива, длинныя, узкія бутылки рейнскаго вина, и кавалеры щедро подливаютъ его въ бокалы смѣющихся, хмѣлѣющихъ дѣвицъ.

— «Это еще «честныя» дѣвушки», рѣшаетъ прикащица: «швейки или продавщицы, мои коллеги. Живутъ гдѣ-нибудь въ темной, скучной, сырой комнатѣ съ окнами на стѣну... Встаютъ въ тотъ часъ, когда особенно сладко дремлется и когда усталые за день члены только что начинаютъ отходить... Пьютъ

жидкій, невкусный кофе и бѣгутъ въ мастерскую, въ магазинъ... Длинный, однообразный день впереди. Безтолковая требовательность публики, дѣланныя улыбки... Ноетъ спина, болятъ ноги... Ужъ какъ ненавидишь всю эту публику «потребителей», что требуютъ отъ тебя сапогъ меньше ихъ лапъ, да чтобы сидѣли какъ туфля... Иногда, ей-Богу, хочется сапоги имъ тутъ-же въ морду швырнуть... Обѣдъ, наскоро, безъ аппетита; его отбиваетъ усталость... А когда тушатся огни въ магазинѣ, и, одѣвая шляпу передъ зеркаломъ, подумаешь, что предстоитъ долгій вечеръ въ этой скучной, холодной комнатѣ, что будешь долго ворочаться на своей узкой постели, тогда огни танцлокаля, его вальсы, смѣхъ, шутки, ухаживанія—представляются заманчивымъ раемъ.

Но, конечно, одной идти неудобно.

Всегда должна найтись какая-нибудь болѣе опытная соблазнительница, товарка; она уговоритъ пойти—«поглядѣть» только... Уже съ утра волнуешься при мысли о предстоящемъ развлеченіи... Жизнь у насъ вѣдь такъ бѣдна! Работаешь легко. Съ покупателями необычайно привѣтлива... Не видишь, какъ день промелькнулъ. Летишь къ себѣ на пятый этажъ съ бьющимся сердцемъ, пріодѣться... И тутъ, впервые, убѣждаешься, какой у тебя жалкій гардеробъ. Пожалѣешь, что нѣтъ бѣлыхъ нитяныхъ перчатокъ и этакого пышнаго, голубого банта, чтобы волосы подвязать... Одѣнешься и постучишься къ квартирной хозяйкѣ, въ ея зеркало поглядѣться. Ужъ, конечно, та полюбопытствуетъ: куда? И соврешь: «къ подругѣ, на именины»... Въ первый разъ рѣдко веселишься, сидишь у стѣнки, никого не знаешь... Но понемногу втянешься; пригласятъ на танцы, посмѣшатъ, угостятъ пивомъ... Пока это только танцы и пиво—опасность невелика. Обыкновенно кавалеры такія же церковныя крысы, какъ и сама. Ихъ ухаживаніе «пла-

тоническое». Ну, конечно, влюбляешься, ждешь «его» прихода... Поцѣлуешься въ темномъ углу. Но и «онъ» одинаково застѣнчивъ и неопытенъ, капкановъ не ставитъ. Хуже, гораздо хуже, когда вдругъ являются вотъ этакіе господа, какъ тѣ, что спаиваютъ двухъ дѣвицъ... Вы не думайте, весьма возможно, что это чиновники съ хорошимъ окладомъ, можетъ быть даже офицеры. Вообще, вполнѣ «приличная» публика изъ хорошаго общества. Это—охотники на свѣжую дичь. Увидятъ хорошенькую дуру, что своими наивными глазами смотритъ на міръ Божій и въ тайнѣ мечтаетъ о двухъ вещахъ: объ ажурныхъ чулкахъ и о женихѣ съ завитыми усами... О, они, эти господа изъ хорошаго общества, умѣютъ обойти глупыхъ, довѣрчивыхъ дѣвченокъ! Не пожалѣютъ ни денегъ, ни времени. И какое у нихъ терпѣнье!.. откуда возьмется, удивляешься»... Въ голосѣ горечь и тѣни непріятныхъ воспоминаній бродятъ по некрасивому лицу. Неужели и она черезъ это прошла? Такая некрасивая...

— «Вы не думайте, что они всегда выбираютъ хорошенькихъ», будто угадавъ мою мысль продолжаетъ она: «имъ важно, чтобы была «свѣженькая». Да у каждой что-нибудь найдется: у одной волосы, у другой зубы... у этой руки»... И она усмѣхается, невольно оглядывая свои дѣйствительно красивыя маленькія ручки съ нервными, тонкими пальцами...

— «Начнутъ съ разговоровъ... Заинтересуютъ. Другой языкъ, знаете, тонкое обращеніе... Бываютъ, что стихи принесутъ, кто любитъ читать; въ такомъ кожаномъ переплетѣ съ золотомъ... А чаще начнутъ вмѣсто пива вина требовать, мороженаго. Другія дѣвицы завидуютъ—не у каждой такой щедрый кавалеръ! И танцуешь вдоволь; эти «не экономятъ» на танцахъ. Повозится съ тобою, повозится, а тамъ въ одинъ изъ вечеровъ напоитъ посильнѣе, поразскажетъ двусмысленностей, отъ которыхъ кровь заго-

рится, подъ столомъ руку или ногу жметъ... Встаешь изъ-за стола, все плыветъ... Хохочешь... Шатаешься. А онъ и подхватитъ: «ѣдемъ кататься!» Ну дальше-то все понятно, разсказывать не стоитъ. Плачешь, трусишь, стыдишься... Къ нему побѣжишь... Если еще нравишься, начнетъ онъ увѣрять тебя, что женится... А черезъ недѣлю—вдругъ исчезъ. Переѣхалъ и пропалъ... Вотъ, поглядите, эти бѣдныя дурочки ужъ цѣловать себя позволяютъ... Рановато»...

Хохотъ за столомъ, гдѣ пьютъ рейнское, становится непристойнѣе, обращеніе съ дамами—вольнѣе. И среди смѣха блондиночка уже кладетъ охмѣлевшую голову на плечо сосѣда... А другая, припавъ къ столу лицомъ, не можетъ выпрямиться и хохочетъ истерически, пьяно... А пары все кружатся, внезапно останавливаясь, когда «величавымъ» жестомъ распорядитель танцами останавливаетъ оркестръ. У входныхъ дверей двѣ новыя посѣтительницы: одѣты по послѣдней модѣ, прически тюрбанами, юбки перетянуты обручами. Стоятъ подъ руку, оглядываютъ залъ внимательными, ищущими глазами и, махнувъ рукой, снова уходятъ.

— «Видѣли? Это уже «профессіоналки». Имъ тутъ нѣтъ поживы. Зала, гдѣ онѣ господствуютъ, за два дома отсюда. Существуетъ своего рода антагонизмъ между обѣими залами... Профессіоналку сюда не пустятъ. Засмѣютъ... Слышали, какія замѣчанія пускали этимъ двоимъ въ слѣдъ? За то и «приличная» дѣвушка туда, въ Пальменгартенъ, не пойдетъ. Развѣ со своимъ кавалеромъ, выпить кружку пива и поглядѣть. Но танцовать тамъ—ни за что. Я вамъ говорю, цѣлая іерархія... Хотите пойдемъ сейчасъ въ Пальменгартенъ? Здѣсь нечего больше смотрѣть, да и въ 12 ч. танцы прекращаются»...

— «Фабричныя тоже сюда приходятъ?»

— «Нѣтъ, это не ихъ помѣщеніе. Онѣ предпочи-

таютъ кнейпы въ своемъ кварталѣ. Это тоже своего рода «дома свиданій», но гораздо приличнѣе, чѣмъ танцлокали. Притомъ работница идетъ въ кнейпу со своимъ возлюбленнымъ и такихъ безобразій, какъ здѣсь, тамъ не творится. Конечно, и здѣсь можно встрѣтить фабричную, но гораздо рѣже. Тутъ—ремесленницы, продавщицы и просто дочери почтенныхъ бюргеровъ, тайкомъ удирающія отъ своихъ родителей. Вотъ почему мы съ товарищемъ В. и настаиваемъ, чтобы партія взялась за организацію здоровыхъ развлеченій для молодежи. Молодежь требуетъ красокъ и радости. Сѣрость жизни сегодня, какъ вчера, ее убиваетъ. Имъ веселье и радость нужны, какъ рыбѣ вода, какъ солнце цвѣтамъ... Отчего же не отвѣтить на эти нормальные запросы? Сколько вечеровъ въ недѣлю пустуетъ залъ союзнаго дома? Отчего не отдать его молодежи? Устроить танцы, пѣніе, декламацію... Эта конкуренція была бы убійствомъ для такихъ приготовительныхъ заведеній преступности и разврата. Поймите—даровое развлеченіе. А изрѣдка рефератъ на интересующую молодежь тему... Но за эти наши планы мы съ Genossin W. попали въ число «ревизіонистокъ».

— «Но развѣ же «организація молодежи» не преслѣдуетъ тѣ же цѣли?»

— «Организація молодежи? Разумѣется, это могло бы входить въ ея задачи. Но наши блюстители партійной «чистоты», насовали въ организацію молодежи ровно столько «теоретизированія», чтобы масса изъ нея бѣжала... Можетъ быть, для непосредственныхъ задачъ партіи это и полезно, но мы говоримъ о другомъ... Однако, вотъ мы и дошли. Это заведенія иного типа. Ну-ка вы, товарищъ, идите-ка впередъ; намъ женщинамъ это неудобно».

Залъ нарядпѣе; освѣщенъ ярче. За столами преобладаетъ вино. И мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ,

мужчинъ всѣхъ возрастовъ и соціальныхъ оттѣнковъ. Посрединѣ зала кружатся пары. Часто женщина съ женщиной. И одѣты онѣ, женщины, съ явнымъ желаніемъ выдѣлиться: у одной—ультра-модное платье, у другой—невѣроятно огромная шляпа, третья—безъ корсета, ходитъ покачивая бедрами, перегибаясь въ таліи... Лица нарумянены, глаза подведены. Двѣ одинаково одѣтыя въ короткія, плиссированныя юбки, намазанныя дѣвицы танцуютъ «дикій танецъ», кружась каждая въ отдѣльности, отчего подолы высоко взлетаютъ, показывая ноги выше колѣна. У этихъ и обувь, и dessous *) понаряднѣе.

Пьяный говоръ и смѣхъ насыщаютъ атмосферу. Входятъ все новыя и новыя лица. Вотъ, тоненькая, еще совсѣмъ молоденькая, въ блузочкѣ и черной юбкѣ, явно подпившая, выбѣжала на средину залы и начинаетъ кружиться одѣвъ на бекрень чей-то котелокъ, за ней бѣгутъ два господина, стараются поймать, налетаютъ на танцующихъ и всѣ, кучей, падаютъ на скользкій паркетъ, при взрывахъ общаго хохота. Сидимъ молча, подавленныя...

Намазанная, съ изношеннымъ, но еще красивымъ лицомъ, женщина, подсаживается то къ одному, то къ другому мужчинѣ, старается разговориться, беретъ папироску, протягиваетъ руку къ вину. И когда ее грубо отстраняютъ, равнодушно встаетъ и идетъ дальше той лѣнивой походкой, какой любезныя хозяйки въ гостинной обходятъ скучающихъ гостей.

— «Ну что, насмотрѣлись? Теперь можно и по домамъ».

Мои спутники встаютъ. Проходимъ мимо пьянаго стола: женщины на колѣняхъ у мужчинъ цѣлуются, обнимаются... Но веселья нѣтъ. Есть только нервно-

*) Бѣлье.

хмѣльной смѣхъ женщинъ и тяжелый, пьяный хохотъ мужчинъ.

Съ какой жадностью вдыхается свѣжій, ночной воздухъ, что за бѣда, что онъ пропитанъ копотью и дымомъ фабричныхъ трубъ! Послѣ пьяной атмосферы танцлокаля и онъ кажется ароматнымъ. Передъ глазами—мелькающія, пестрыя фигуры танцующихъ, въ ушахъ—пьяные выкрики, на душѣ—смутно и тошно...

IX. Нѣмецкая гризетка.

— «Нѣтъ, вы не знаете нашихъ нравовъ, это—проституція, самая позорная проституція, и ею заражено все женское населеніе; напрасно вы ихъ защищаете... Это развратъ, пошлый, грубый, отвратительный»—русскій студентъ мѣстнаго техникума сердито шагаетъ по моей комнатѣ и со свойственной юности нетерпимостью обрушивается на чуждые нравы нѣмецкаго городка. «Вы понимаете-ли, что всѣ дѣвушки здѣсь перебываютъ въ рукахъ студентовъ раньше, чѣмъ выйдутъ замужъ... Проституцію, явную, гдѣ человѣкъ изъ за нужды себя продаетъ, я еще пойму, но это въ тысячу разъ возмутительнѣе... Вѣдь дѣвушки отдаютъ себя за кружку пива... И студенчество этимъ пользуется... Это такое огрубѣніе нравовъ, это такое скотство»...

— «И фабричныя дѣвушки сходятся со студентами?»

— «Фабричныя? Нѣтъ, что-то не встрѣчалъ... Это все больше продавщицы, дочери добродѣтельныхъ родителей... И, увѣряю васъ, родители на это смотрятъ сквозь пальцы... Я бы желалъ, чтобы вы поглядѣли поближе на наши нравы, вы не будете такъ оптимистичны... Вы говорите, разъ онѣ потомъ благополучно выходятъ замужъ, нечего волноваться за ихъ судьбу; пусть живутъ, какъ хотятъ, лишь бы дѣло не кон-

чалось проституціей, въ вашемъ смыслѣ слова. Но поймите же, это хуже проституціи! Это позорнѣе!.. Это полное низведеніе человѣка, оправданіе скотскихъ инстинктовъ... Униженіе человѣческаго достоинства... И я не понимаю, какъ вы, вы, партійный человѣкъ, можете находить, что такіе нравы чище профессіональной проституціи, предпочтительнѣе со всѣхъ точекъ зрѣнія... Наконецъ, огромный процентъ дѣвицъ переходитъ въ рядъ профессіоналокъ, это неизбѣжно. Представьте себѣ такой случай; на моихъ глазахъ разыгрался». И слѣдуютъ примѣры о «паденіи» дѣвушекъ, о томъ, какъ незамѣтно онѣ скатываются по наклонной плоскости... Эти «живые примѣры» мнѣ пригодятся, запоминаю ихъ для вечерняго реферата. Построить-то его прійдется все таки въ духѣ «обличительномъ».

— «Вы говорите: молодое увлеченіе съ обѣихъ сторонъ, непосредственное чувство!.. Какой чортъ, чувство у этихъ нѣмецкихъ самцовъ! Просто развратъ. Вы думаете, они влюбляются въ этихъ дѣвицъ? Да и тѣ вовсе не притворяются влюбленными... Никакихъ облагораживающихъ переживаній. И тотъ, и другой только и ждутъ другъ отъ друга чувственнаго удовлетворенія... Пакость и грязь! И я скорѣе прощу человѣку, который пойдетъ къ проституткѣ, чтобы удовлетворить настойчивую потребность плоти, чѣмъ этимъ скотамъ, которые изъ запросовъ тѣла дѣлаютъ себѣ праздникъ». И сообщивъ мнѣ еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ жизни студенчества, мой юный блюститель нравственной чистоты, покидаетъ меня, разгнѣванный моей «терпимостью».

Собраніе закрыто, и публика медленно отливаетъ изъ залы. Было много женщинъ, много юныхъ дѣвичьихъ лицъ; какъ-то отразятся на нихъ мои слова?

Поняли-ли мою основную мысль? Не перегнула-ли я палку въ своихъ обличеніяхъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли юный дѣвичій голосъ:

— «Простите, Genossin, мнѣ надо поговорить съ вами»—у выхода на улицу мнѣ преграждаетъ путь тоненькая дѣвушка въ шляпѣ и перчаткахъ.—«Поговорить о вашемъ рефератѣ».—Глаза враждебно устремлены на меня.

— «Охотно васъ выслушаю».

— «Вы идете въ гостиницу? Въ такомъ случаѣ я васъ провожу... Genossin! Вы были очень несправедливы къ намъ сегодня и вы насъ жестоко, больно обидѣли». Голосъ вздрагиваетъ. Отъ смущенія? Отъ обиды?

— «Чѣмъ я васъ обидѣла? Кого? Повѣрьте, я этого не хотѣла...»

«Можетъ быть, вы многаго не знаете... О насъ, конечно, идетъ дурная молва... Но все равно, сдѣланнаго не поправишь. Обида остается обидой... Только одно я вамъ скажу»—она внезапно останавливается и теперь голосъ звучитъ угрозой—«если вы воображаете, что такими рѣчами насъ исправляете, то вы жестоко ошибаетесь... Я—партійная; но, слушая васъ сегодня я подумала: ну, если и наши товарищи начнутъ насъ оскорблять, какъ это дѣлаютъ эти старыя, злыя сосѣдки, тогда, тогда... Что же тогда остается?» И вдругъ губы задрожали по дѣтски, искривились, и закапали крупныя слезы. .

— «Голубчикъ, послушайте! вы не такъ меня поняли... Давайте поговоримъ... Не волнуйтесь же! Я увѣрена мы поймемъ другъ друга... Глажу руку, стараюсь найти успокоительныя слова. «Давайте сейчасъ зайдемъ ко мнѣ въ номеръ, потребуемъ кофе... Поговоримъ».

Соглашается.

Она—булочница; у отца собственная пекарня, но

дѣтей много и живется въ семьѣ нелегко; бережливость, экономіи на каждомъ пфенигѣ—таковъ фонъ жизни. Скучное, будничное существованіе, все тѣ же заботы, страхъ разоренія, все тотъ же прилавокъ, ссоры родителей, сплетни сосѣдей... Городъ живетъ студенчествомъ. Единственная радость, когда гурьбою ввалятся эти смѣющіяся, жизнерадостныя существа изъ другого міра. Смѣшатъ, балагурятъ... Уйдутъ, и сразу пусто въ булочной, еще нуднѣе потянется время. Отецъ подыскиваетъ жениха: либо худого молчаливаго вдовца съ дѣтьми изъ бакалейной лавки, либо сапожнаго мастера; тотъ помоложе, но глупъ, какъ пробка. Участь и съ тѣмъ, и съ другимъ внушаетъ отвращеніе... Нравится молодой пекарь, въ отцовской булочной, но за него не выдадутъ!.. Да и на что жить будутъ? А тутъ повадился студентъ.. Красивый балагуръ, до упаду смѣшилъ. Отецъ сначала злился, выгнать хотѣлъ. Да студентъ зря не шатался, всегда за товаромъ... Стали ходить вмѣстѣ въ кине, въ кнейпу... Сошлись... Накрылъ отецъ... Разумѣется, крику было много, прибили ее, грозили выгнать изъ дому... Потомъ обошлось—не до нея! Дома много и другихъ заботъ... Вторымъ у ней былъ русскій. Этотъ былъ совсѣмъ другой—«серьезный», и его она больше всѣхъ любила. Это онъ ее и въ партію ввелъ... Русскіе вообще народъ славный. Только смѣшные они, не похожи на другихъ студентовъ. У ней разъ былъ такой случай. На одномъ вечерѣ подружилась она съ новенькимъ; оказался русскимъ. Интересно такъ разсказывалъ про тюрьмы въ Россіи, про тайныя общества. И такъ хорошо надъ браками издѣвался. Добродѣтель ругалъ... Было весело. Когда онъ собрался уходить, и она за нимъ, разумѣется, поднялась. Нельзя же! Онъ ее весь вечеръ угощалъ, да и понравился ей. Еслибъ не понравился — не пошла бы.

— «Идемъ мы, а онъ и спрашиваетъ: куда васъ «проводить»?—«Ко мнѣ нельзя. Я у родителей живу. Пойдемте къ вамъ». А онъ будто не понялъ, сконфузился такъ, и отвѣчаетъ: «Я очень радъ, конечно, если вы ко мнѣ въ гости придете, только не лучше-ли днемъ»?—«А какъ же вы меня угощали?» А онъ только конфузится и краснѣетъ. Такой забавный! И знаете, такъ мы съ нимъ походили, походили по улицѣ, а когда прощались онъ меня къ себѣ зоветъ: «Заходите. Я васъ русскимъ чаемъ угощу. Только лучше днемъ». Забавный!.. Студенты, вообще, народъ хорошій. Не то, что наши мужчины... Грубы они, наши-то мужчины,—бить будутъ, прислуживай имъ, работай, какъ лошадь, а добраго слова отъ нихъ не услышишь... Словно раба! А студенты—тѣ съ нами всегда вѣжливы, и приласкать сумѣютъ и такія хорошія слова скажутъ, даже сердце затрепещетъ... Вѣдь каждому хочется, чтобы его любили!.. А вы насъ позорите, говорите, что мы тѣ же проститутки... Развѣ это значитъ собой торговать, если я выпью пива со студентомъ или пойду съ нимъ въ театръ? А что мы потомъ дѣлаемъ, цѣлуемся или просто балагуримъ, кому какое дѣло? Замужъ выйти совѣтовали. А за кого прикажете выйти? За вдовца съ постной рожей? Или за дурака сапожнаго мастера? Нѣтъ, должно быть вы не знаете, какъ намъ живется въ замужествѣ, если даете такіе совѣты! И знаете, если ужъ выбирать, пожалуй ужъ лучше стать «веселой дѣвицей», чѣмъ такую каторжную жизнь хозяйки вести, какъ моя мать и другія»...

Она сидитъ опершись головой на руки, и эта склоненная головка съ тяжелыми, рыжими косами, и эта еще дѣвичья фигурка съ узкими плечами, и эти печальные голубые, дѣтскіе глаза, безпомощно жалки и трогательны...

САКСОНІЯ, 1911 г.

II. По деревнямъ и мѣстечкамъ.

I. Въ деревнѣ Боквицъ.

И снова—Дрезденъ. Знакомый, шумный, нарядный вокзалъ. Дрогнуло сердце, вспомнилось, какъ уѣзжала отсюда, вся окрыленная, ясная... Какъ давно это было!

Вотъ и знакомыя мѣста. Pragerstrasse, Victoriahaus, Sachsenplatz... Ранняя весна еще борется съ зимою. Мороситъ мелкій дождикъ. Рѣдкіе пѣшеходы, въ плащахъ и съ зонтиками, спѣшатъ, торопятся... Нѣтъ той фланирующей беззаботности, съ какой привѣтливые, веселые саксонцы тогда, зимой, прогуливались по морозному холодку. А вотъ и Блазевицъ... Здѣсь будто еще живетъ кусочекъ собственой жизни, ясный и легкій, какъ тѣ солнечныя, зимнія утра. Знакомыя виллы, сады... Но не краситъ ихъ сегодня пушистый снѣжокъ; голы и мрачны хмурыя деревья; а дождевыя капли, сбѣгая по сѣрымъ, голымъ вѣтвямъ, падаютъ одна за другой, одна за другой, какъ крупныя, тяжелыя слезы... И даже нашъ желтый трамвай №-1 сегодня кажется темнымъ, сырымъ и непривѣтнымъ...

Наконецъ и хорошенькая вилла моихъ нѣмецкихъ друзей. Отъ нихъ я буду совершать свои агитаціонныя поѣздки.

На этотъ разъ предстоитъ агитація въ сельскихъ

мѣстностяхъ. Въ спискѣ назначенныхъ мнѣ VII округомъ собраній значится всего два промышленныхъ городка; остальныя всѣ по деревнямъ и глухимъ мѣстамъ.

— «Это самое любопытное», говоритъ мнѣ фрау Г., сопровождая меня на первое собраніе въ деревню В. «Я люблю глухіе углы, куда рѣдко попадаютъ агитаторы. Чувствуешь, что открываешь людямъ щелочку, откуда они впервые видятъ міръ, заманчивый и новый... Щелочку—не больше, конечно. Вся наша работа еще весьма несовершенна. Но, что подѣлаешь, если единственная духовная пища массъ, широкихъ массъ, не тѣхъ «элитовъ», которыхъ встрѣчаешь въ крупныхъ центрахъ, это живое, непосредственное слово. Газета? Книги? Чтеніе имъ недоступно. Вы представляете-ли себѣ, что значитъ провести 10 ч. на работѣ? Знаете, я иногда не только удивляюсь, но умиляюсь, глядя на эти изнуренныя, осунувшіяся, усталыя лица, которыя на собраніяхъ нашихъ урываютъ послѣдніе часы отъ сна и отдыха, чтобы только послушать «новыя слова»... Вспомните, сколько разъ не идешь въ концертъ, въ театръ, на веселый вечеръ, только потому, что послѣ добросовѣстно исполненныхъ обязанностей по хозяйству (такія полосы и на меня находятъ!) чувствуешь себя неспособной воспринимать даже радостно-волнующія и пріятныя впечатлѣнія... А мы хотимъ, чтобы рабочіе, а особенно женщины, съ ясной, свѣжей головой являлись на наши собранія! Я не огорчаюсь даже, если вижу, что которая-нибудь подъ шумокъ дремлетъ... На ихъ мѣстѣ я бы и храпѣть не стѣснялась, особенно, если ихъ угощаютъ совершенно имъ недоступнымъ теоретизированіемъ или цифрами, цифрами»...

Поѣздъ останавливается у маленькой станціи, безлюдной и тихой.

— «Надѣюсь, что насъ встрѣтятъ»? говоритъ фрау

Г. «Blasewitz — деревушка и притомъ не близкая отсюда; однѣ мы дорогу не найдемъ».

Но въ дверяхъ насъ уже ожидаетъ представитель мѣстной группы. Идемъ по шоссейной дорогѣ. Прохладно. Деревья, съ оголенными еще вѣтвями, бросаютъ длинныя тѣни; мѣсяцъ яркій, серебренно-чистый.

Миновали поселокъ близъ станціи и потянулись взрыхленныя для посѣвовъ, темныя поля. Вдали мигаютъ огни деревень и мѣстечекъ.

Разспрашиваемъ объ условіяхъ работы. B-witz— промышленная деревня, вокругъ расположено нѣсколько предпріятій. Но работа мѣстной партійной группы сильно затрудняется контръ-агитаціей со стороны консервативной части населенія.

Во главѣ — мѣстный Herr Pfarer (священникъ) и учитель. Борьба ведется въ предѣлахъ мѣстнаго самоуправленія; сейчасъ идетъ вопросъ о школьной реформѣ. Дошло до того, что Herr Pfarer самъ явился на одно изъ собраній «партійной группы» и вступилъ въ дискуссію.

Равняемся съ низкимъ, растянутымъ зданіемъ; кругомъ стѣна, за ней торчатъ крыши, домовъ— цѣлый поселокъ.

— «Это и есть B-witz?»

— «О нѣтъ, до B-witz еще добрыхъ полъ-часа. Это—владѣніе нашего мѣстнаго «короля». Заповѣдный кирпичный заводъ, куда намъ доступа нѣтъ. Хозяинъ самодуръ и ярый нашъ врагъ. На порогъ насъ не пуститъ... А эксплуатація у него здоровая!

Безобразно живется рабочимъ. Хуже, чѣмъ свиньямъ у добраго хозяина. Разсказываютъ, что не только нѣтъ порядочныхъ постелей, но и соломенныхъ мѣшковъ выдается не по числу человѣкъ, а сколько хозяинъ «прикажетъ». И приходится двоимъ спать на одномъ мѣшкѣ. А ужъ про ѣду что говорить... Вы бы, пожалуй, не повѣрили»...

— «Неужели нельзя туда пробраться? Недовольство-же должно быть большое? Если-бъ поагитировать»...

— «Какъ проберешься? Мы всячески пробовали. Но у нашего «короля» прекрасно организовано шпіонство. Чуть пронюхаетъ, что рабочій вступилъ въ союзъ,—о партіи я и не говорю,—такъ и въ шею его. А потомъ, здѣсь «текучій элементъ», самый неблагопріятный для организаціи. Больше трехъ четвертей рабочихъ—пришлые. Много и вашихъ соотечественниковъ—поляковъ. Жалкій народъ! Забитый, некультурный, мирится съ самой невозможной эксплуатаціей. И потомъ—незнаніе языка, чужіе нравы, законы,—все это, конечно, вліяетъ. Совсѣмъ безпомощный народъ, и покорны, какъ стадо барановъ... А «королю» только того и надо. Если-бъ вы видѣли, какой у него самодовольный видъ, когда онъ сюда прикатываетъ на своемъ бѣломъ автомобилѣ!.. «Король»—одно слово».

— «Вотъ вамъ и свобода коалиціи», задумчиво говоритъ фрау Г. «Да, вы тутъ, Genossin, насмотритесь на наши истинныя условія, о которыхъ вы и не подозрѣвали? По книжкамъ-то это иначе выходитъ... Много, много препятствій для нашей работы. Ну что же! Поборемся».

Отдѣльные домики, одно-этажные, въ два-три окна, выростаютъ по бокамъ шоссе. Это—Blasewitz.

Изъ темноты, отдѣлившись отъ стѣны домика, неожиданно выплываетъ женская фигура, преграждая намъ путь.

— «Анна, это ты?» изумленный возгласъ нашего провожатаго. «Гм... гм... Ну вотъ, познакомься. Genossin К., Genossin Г.—моя жена».

Пробуемъ вступить съ ней въ бесѣду, но жена отмалчивается и, отставая отъ насъ, идетъ поодаль.

Мѣстная «кнейпа». Бѣлое, поштукатуренное зда-

ніе, вывѣска, свѣтлый фонарь надъ низенькой дверью. Но зала большая.

Еще рано, и потому усаживаемся въ сосѣдней комнатѣ, собственно кнейпѣ, съ неизмѣннымъ билліардомъ, дымомъ, картами, пивомъ...

— «А ваша жена? отчего она не подсядетъ къ намъ?» освѣдомляется фрау Г. у нашего провожатаго.

Ухмыляется.

— «Со стороны-то ей удобнѣе наблюдать»...

— «Наблюдать? За чѣмъ или за кѣмъ?... Ахъ, такъ вотъ это что!..» Фрау Г. хохочетъ. «Значитъ, опять «старая исторія?» «Ревность», да? Такъ вотъ отчего она такъ неожиданно вынырнула изъ темноты... Провѣряла. Хорошо, что я была при васъ, дѣти, «третьей» такъ сказать. А то въ темнотѣ, по пустынной дорогѣ за два часа пути мало-ли что могло случиться... Ахъ, эти жены! И почему это онѣ всегда воображаютъ, что ихъ мужья для каждой неотразимы? Или вы даете ей къ тому поводъ?»

Но вдругъ сбросивъ шутливый тонъ, настаиваетъ:

— «Идите и приведите жену. Бѣдная женщина, она-то вѣдь искренно мучается»...

— «Не пойдетъ», уныло и убѣжденно качаетъ онъ головою. «Она противъ васъ предубѣждена».

Когда мы пробираемся по залѣ къ эстрадѣ, насъ разглядываютъ съ тѣмъ любопытствомъ, какое уцѣлѣло лишь въ глуши.

Надо новое лицо «обсмотрѣть» толкомъ, все запомнить, примѣтить каждую мелочь, чтобы потомъ было о чемъ «посудачить».

Въ залѣ холодно. Слушатели въ пальто, и кажется, что физическій холодъ «расхолаживаетъ» настроеніе.

Вспоминаю, что многіе актеры не могутъ воодушевиться въ плохо-отопленной залѣ, и представляется, что, будь въ помѣщеніи тепло, сразу же явилось бы настроеніе и захотѣлось бы говорить...

Предсѣдатель открываетъ собраніе долгой и дубоватой рѣчью. Очередь за мною. Публика странно неподвижна и молчалива. Только старичекъ въ первомъ ряду часто киваетъ и громко поддакиваетъ: «Вѣрно! вѣрно»... Въ послѣднихъ рядахъ откровенно позѣвываютъ. Какъ, чѣмъ взять эту массу съ чуждымъ, непонятно-равнодушнымъ лицомъ?

Я кончила. Предсѣдатель открываетъ «дискуссію». Но желающихъ взять слово не находится. Сидятъ неподвижно, застывшей массой. Тогда беретъ слово моя спутница, фрау Г. Она говоритъ о приближающихся выборахъ въ рейхстагъ и о задачахъ «безправныхъ женщинъ» въ этой работѣ. И аудиторія вдругъ оживаетъ. Понятная, популярная манера фрау Г. говорить растапливаетъ ледъ; ея шуточки, ея знаніе мѣстной жизни, ея собственное прошлое, позволяющее ей вести съ аудиторіей бесѣду на «родномъ языкѣ», разбиваютъ стѣну офиціальной благопристойности... Зала шевелится, хохочетъ, бросаетъ замѣчанія, шумно поддакиваетъ... И даже женщины, сидѣвшія «муміями», начинаютъ шумно, демонстративно апплодировать, когда ораторша «поддѣваетъ» мужей съ ихъ наклонностями «властелиновъ».

Собраніе закрыто. Публику «разогрѣла» рѣчь фрау Г. Переговариваются между собою, но къ намъ не подходятъ—въ деревняхъ публика сдержаннѣе и придерживается какого-то своего особаго кодекса «вѣжливости».

Снова проходимъ сквозь строй внимательныхъ глазъ, но ниоткуда не раздается обычнаго привѣтливаго восклицанія: «Auf Wiederselien, Genossin! Besten Dank» *). У дверей кнейпа насъ ждетъ шарабанъ—любезность одного изъ товарищей, мѣстныхъ жителей. Воздухъ посырѣлъ, подернулся туманомъ; сѣрая пе-

*) До свиданія, товарищъ. Спасибо!

лена тянется съ полей, заволакивая лунный свѣтъ и окутывая фантастической дымкой дома, деревья, силуэты поселковъ.

— «У насъ первый разъ говорили женщины», сообщаетъ возница.

— «И что же? Послѣ того, какъ сразу двоихъ услышали, пожалуй, больше не захотятъ? Хорошенькаго понемножку!» шутитъ фрау Г. «А вѣдь у васъ— чудесно! И я къ вамъ пріѣду, непремѣнно пріѣду!» Она еще не «остыла» послѣ возбужденія отъ собственной рѣчи.

— «Вообразимъ себя аграріями», не умолкаетъ фрау Г. «Въ дѣтствѣ я постоянно мечтала о томъ, чтобы жить въ старомъ, старомъ помѣщичьемъ домѣ, съ огромнымъ запущеннымъ садомъ и по вечерамъ ѣхать, вотъ какъ сейчасъ, быстро, быстро на собственной лошади»...

— «На автомобилѣ пріятнѣе», вставляетъ возница нашъ.

— «На автомобилѣ? Нѣтъ, нѣтъ. Автомобиль—это проза. Развѣ можно сравнить: горячая лошадь, хорошая упряжь... Въ этомъ своя поэзія, свое обаяніе... Почему я не родилась въ семьѣ этакого стараго, солиднаго аграрія? Ей-Богу, не понимаю игры судьбы. По вкусамъ, по моимъ замашкамъ—я туда гораздо больше подхожу»...

Возница нашъ не знаетъ: смѣяться-ли? Опровергать-ли? Спорить-ли? Ему вѣдь незнакома мятущаяся, богатая, своеобразная душа этой маленькой, талантливой женщины...

II. Возлѣ бумажной фабрики.

Свѣтлый, солнечный день. Воздухъ прозраченъ, какимъ бываетъ только раннею весною. Зелень полей еще голубоватая. Деревья уныло голы, но въ вы-

шинѣ на всѣ голоса уже распѣваютъ пернатые гости о приближеніи радостной весны...

Идемъ по узкимъ проселочнымъ дорогамъ, что стелятся среди полей, и кажется, что это не промышленная Саксонія, а кусокъ средней полосы Россіи. Паромъ черезъ Эльбу; плывемъ лѣниво, медленно. Рѣдкіе пѣшеходы идутъ той тяжелой неспѣшной походкой съ развальцемъ, какая отличаетъ сельскаго жителя отъ стремительности горожанина.

— «Gut'tag» (добрый день), привѣтствуемъ другъ друга при встрѣчѣ. Здѣсь человѣкъ не теряется въ людскомъ океанѣ, какъ въ городѣ; здѣсь и случайный встрѣчный—на счету. Вотъ и Гауницъ. Деревушка ничтожная, съ бѣлыми домиками, садами, огородами. Въ концѣ улицы—фабричное зданіе.

— «Это фабрика, перерабатывающая тряпье и лоскутья въ бумагу»—поясняетъ мой провожатый: «Единственное промышленное заведеніе въ Гауницѣ. Ничтожное по размѣрамъ, скверно оборудованное, но держится тѣмъ, что цѣлый рядъ операцій производится на дому, въ избахъ. Не только въ Гауницѣ, но и въ сосѣднихъ поселкахъ женщины и дѣти заняты разборкой тряпья и лохмотьевъ. Этимъ способомъ хозяинъ остается въ двойной выгодѣ: экономитъ на помѣщеніи, топливѣ, освѣщеніи и, что еще сподручнѣе, безъ стѣсненія, безъ вмѣшательства закона можетъ эксплуатировать женскія и дѣтскія силы. Оплата—нищенская, а г-нъ фабрикантъ еще дѣлаетъ видъ, что благодѣтельствуетъ населенію. Даетъ работу не каждому, съ выборомъ; прійди, да покланяйся ему; строптивыхъ наказываетъ. И тѣ, мимо кого фура съ тряпьемъ проѣзжаетъ не останавливаясь, въ самомъ дѣлѣ воображаютъ себя «обойденными», «обиженными»... Темный, забитый нуждою народъ. Еще не пробудился въ нихъ «священный огонь недовольства», съ улыбкой говоритъ мой спут-

никъ... «Вотъ вамъ и задача на сегодня: расшевелите ихъ. Покажите-ка, что есть и другая жизнь. Тема благодарная—«Женщина и соціалдемократія»—тутъ все можно задѣть, всего коснуться... Впрочемъ, явится больше мужчинъ, а эти все-таки такъ или иначе съ міромъ соприкасаются. Многіе въ Гауницѣ только ночуютъ, а сами работаютъ на желѣзо-прокатномъ заводѣ возлѣ Грёделя. Женщины же, тѣ кому и послушать бы здравыя рѣчи, тѣхъ на собраніе не выманишь»...

— «Должно быть, здѣсь частыя эпидеміи, разъ переборка хлама производится на дому, да еще дѣтьми?.. Какъ же къ этому относятся ваши саксонскія власти, такъ много хлопочущія о «народной гигіенѣ».

— «Какъ относятся? А вотъ какъ: въ прошломъ году у насъ тутъ вспыхнулъ дифтеритъ, сталъ косить и дѣтей, и взрослыхъ... Коммунальныя власти закопошились. Мы съ своей стороны подняли шумъ, надѣялись добиться разслѣдованія условій труда. Но г-нъ фабрикантъ человѣкъ опытный, зналъ куда словечко замолвить... Такъ до сего дня никакого разслѣдованія и не предпринято... Впрочемъ, исторія эта обычная; не въ одномъ Гауницѣ ее встрѣтишь... Да, домашняя промышленность во всѣхъ ея видахъ—это нашъ саксонскій бичъ»...

— «Сколько женщинъ занято на фабрикѣ?»

— «Сейчасъ вамъ не скажу. Цифры измѣнчивы и не поддаются подсчету, разъ работа идетъ на дому. Сегодня семья Циммерманъ беретъ работу, черезъ мѣсяцъ финансы поправились—и г-жа Циммерманъ становится только хозяйкой... А тамъ заболѣлъ мужъ или образовалась дыра въ бюджетѣ, снова приходится кланяться г-ну фабриканту и клянчить работу. Вообще же, по всей Саксоніи переборкой тряпья и лохмотьевъ занято свыше 19 тыс. женщинъ. Что? Да, цифра немалая... Особенно, если вы себѣ представите,

при какихъ условіяхъ производится работа: хламъ разбирается въ жилой комнатѣ, гдѣ спятъ и живутъ... Тюки хранятся въ кухнѣ—здѣсь же ѣдятъ. Дѣтей засаживаютъ за работу, какъ только они вернулись изъ школы... Однако, мы дошли. Группа наша здѣсь немногочисленная, и потому помѣщеніе оставляетъ желать лучшаго. Дѣйствительно, помѣщеніе скромное. Низкая комната въ два окна, раскаленная желѣзная печь. Человѣкъ шестьдесятъ тѣсно сидятъ за длинными столами съ пивомъ. И типъ аудиторіи не такой, какъ въ городахъ. Одѣты «по праздничному», въ яркихъ галстухахъ, но лица неподвижныя, застывшія; сидятъ молча, сосредоточенно покуриваютъ и пьютъ пиво. Женщинъ десятка полтора-два, за отдѣльнымъ столомъ. Все некрасивыя, безцвѣтныя лица.

III. „Бабуся“.

Передъ самымъ началомъ собранія дверь съ шумомъ распахивается, и величаво вплываетъ высокая полная «бабуся», въ платочкѣ, въ просторной ситцевой кофтѣ, какія носятъ и у насъ въ деревняхъ. Важно, степенно проплываетъ къ переднимъ мѣстамъ. За ней, семеня старческими ногами, плетется покорно ея мужъ, сухенькій, сѣденькій...

— «Такъ. Вотъ и я пришла. Хочу послушать, какъ говоритъ женщина, никогда не слыхала», солидно на всю комнату заявляетъ «бабуся» и оглядываетъ аудиторію. «Пусть вотъ и онъ послушаетъ»,— небрежный жестъ въ сторону мужа. «Ему—полезно. Ну, старикъ, садись же!»

Оба усаживаются близко передо мною. У бабуси большіе, умные голубые глаза, здоровый цвѣтъ лица и свѣтло-льняные съ просѣдью волосы, гладко

расчесанные въ проборъ. А ротъ—характерный ротъ Екатерины II! Когда-то «бабуся» была красавица, это несомнѣнно; сейчасъ—это олицетвореніе несокрушимой воли и энергіи. Какой контрастъ съ этими вялыми, блѣдными женщинами тамъ у окна, этими типичными служительницами капитала!.. Бабуся слушаетъ внимательно, скрестивъ пухлыя руки на животѣ. И вдругъ со вздохомъ на всю комнату:

— «Да, да! Видно сейчасъ, что вотъ эта въ школѣ побывала... Грамотная... Да, да».

Замѣчаніе относится ко мнѣ. Съ трудомъ подавляю улыбку; но аудиторія остается серьезна и, пожалуй, считаетъ замѣчаніе бабуси вполнѣ основательнымъ...

Отъ натопленной печи немилосердно пышетъ жаромъ. Пробую отойти ко входной двери, но ее часто пріотворяютъ—неудобно стоять и здѣсь. Становлюсь, наконецъ, посреди комнаты, тѣсно окруженная слушателями. Такъ, пожалуй, даже лучше: интимная обстановка заставляетъ упрощать рѣчь до дружеской бесѣды, теперь я ближе, понятнѣе слушателямъ...

Послѣ реферата предсѣдатель предлагаетъ открыть дискуссію. Но публика сосредоточенно молчитъ. Равнодушіе? Стѣсненіе?

— «Небось мужчины-то язычки свои прикусили», вдругъ нарушаетъ тишину низкій голосъ бабуси. «Ничего, что она баба. Видно, больше вашего знаетъ. Надъ такой не покуражишься. Посидите-ка и вы, мужчины, дураками; спеси-то и у васъ поубавится. «Du, Alter! komm nun!» (ну, старикъ! пойдемъ теперь!)»... И, самодовольно ухмыляясь, побѣдительницей уплываетъ изъ комнаты. За ней, покорно, семенитъ мужъ. Врядъ-ли и ему удавалось надъ ней «покуражиться»...

Дискуссія явно не состоится. Задыхаюсь отъ духоты и ухожу въ сосѣднюю комнату. Здѣсь мирные обыватели, по случаю воскресенья, попиваютъ кофе,

пиво, сражаются на билліардѣ. Натыкаюсь на бабусю и разумѣется вступаю съ ней въ бесѣду.

Она—домохозяйка; своя избушка; торгуетъ овощами. Мужъ—бывшій ткачъ, но по слабости здоровья уже на «ея шеѣ». Есть дѣти и внуки; всѣхъ сама на ноги поставила. Одинъ внукъ даже контористомъ сталъ. Сейчасъ вдвоемъ,—всѣ по свѣту разбрелись. А работать до сихъ поръ приходится, какъ послѣдней клячѣ: всѣ съ нея тянутъ: дочери, сыновья, внуки... Не двужильная: и ей пора на покой. Да ужъ видно только въ могилѣ и дадутъ отдохнуть. По ночамъ и то работаетъ: вяжетъ шерстяныя кофты,—большой спросъ на нихъ пошелъ, и скупщики охотно берутъ. Только глаза что-то плохи стали, очки приходится носить; а ей всего 68 лѣтъ; отецъ и мать до восьмидесяти лѣтъ дожили—очковъ не знали. Положимъ, тѣ были «землевладѣльцы», свою землю пахали, имѣли коровъ, лошадь, свиней... Не то, что эта фабричная голь, какъ ея мужъ... Не будь ея, давно бы подъ заборомъ сдохъ. Только ею и кормится. Тихій онъ, одно утѣшеніе, зря не перечитъ. Прежде тоже бывало пробовалъ «куражиться»—ревновалъ ее... Усмѣхнулась, опустила глаза.. Что-то вспомнила... Всѣ они, мужчины, «скоты» и всѣ дураки. Въ концѣ концовъ самаго упрямаго можно вокругъ пальца обернуть—ничего, что сама безграмотная, а онъ ученый...

— «А вы сами откуда?» перебиваетъ она себя.

— «Я? Изъ Россіи»...

— «Изъ Россіи?.. Батюшки мои! Этакую даль и одна пріѣхали? Прямо въ Гауницъ?»

— «Я уже два года за-границей. Теперь вотъ у васъ работаю».

— «Замужемъ?»

— «Да».

— «И мужа оставили? Одна ѣздите. Вотъ это такъ. Дѣлать дѣло, такъ ужъ дѣлать. Чего съ ними пу-

таться?» одобрила бабуся и, пожелавъ успѣховъ въ агитаціи,—сама она давно организована, «соци» народъ дѣльный—увела своего терпѣливо дожидавшагося супруга.

Занимаю столикъ возлѣ многочисленной семьи, подъѣхавшей къ кнейпѣ на собственныхъ лошадяхъ, въ линейкѣ. Повидимому—помѣщики, дѣлаютъ воскресный «Ausflug» («увеселительную поѣздку»). Солидный папаша заказываетъ кофе, пиво, пирожное для дѣтей и дамъ. Но дамы, въ воскресно-безвкусныхъ шляпахъ, перешептываются, разглядываютъ меня съ любопытствомъ. Новое необычное лицо въ этой деревушкѣ. Обращаетъ на меня вниманіе и папаша. Любопытство растетъ. Подзываютъ хозяйку. Разспрашиваютъ. И вдругъ выраженіе лица мѣняется, становится сухимъ, полнымъ презрительнаго неодобренія...

Кофе не допитъ. Пирожное недоѣдено, а папаша уже рѣшительно и демонстративно встаетъ и громко командуетъ: «Kommt, Kinder, kommt, hier ist keine passende Gesellschaft für euch! *).

Дѣтишки, уплетая остатки пирожнаго, косятся на меня; въ глазахъ любопытство и маленькій страхъ, кажется думаютъ: «а вдругъ она на насъ бросится?»

И вся семейка величественно удаляется. Достоинство «аграрія» не позволяетъ пить кофе въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ соціалдемократкой.

IV. За кружкой пива.

— «Сегодня Вамъ не удастся вернуться въ Дрезденъ, придется здѣсь переночевать», говоритъ секретарь группы въ W. по окончаніи собранія. «Итти далеко, да и ночныхъ поѣздовъ нѣтъ. А завтра вамъ

*) „Идемте, дѣти, идемте, здѣсь для васъ неподходящая компанія“.

все равно придется въ нашихъ краяхъ провести собраніе».

— «Гдѣ же я переночую? Развѣ здѣсь есть гостинница?»

— «Это уже все предусмотрѣно. Мы васъ сведемъ къ одному старому товарищу; у него прекрасный домъ, двухэтажный. Тамъ вы великолѣпно переночуете. Но раньше надо пойти къ нашимъ, въ кнейпу, и выпить пива. Къ намъ не часто заглядываютъ агитаторы; ужъ очень мы въ сторонѣ лежимъ. А мы рады потолковать. Скучно здѣсь, знаете, глушь, провинціальная тина»...

— «Вы сами откуда?»

— «Я—лейпцигскій, но прислали сюда поднять группу. Нужны, знаете, люди съ головой. А эта деревенщина, необразованный народъ! Очень сѣрая публика; для людей привыкшихъ къ «культурнымъ развлеченіямъ», къ общенію, знаете, съ людьми своего уровня, тутъ—невыносимо... Но мы съ женой не долго пробудемъ; я уже хлопочу о томъ, чтобы перевестись въ Zwickau; все-таки городъ, знаете, театры»...

«Форситъ» малый, напускаетъ «тону». Жена проще и милѣе.

Къ нашему столу подсаживается мѣстная партійная аристократія: «функціонеры». Опираясь на палочку, подходитъ старичекъ. Ему почтительно уступаютъ мѣсто.

— «Это старый товарищъ; на спинѣ своей вынесъ законъ о соціалистахъ, въ тюрьмѣ сидѣлъ», поясняетъ секретарь. «Да, тогда плохія были времена. Саксонцамъ жилось не лучше, чѣмъ у васъ въ Россіи. Не такъ-ли, Genosse Assenbach?»

Старикъ молча киваетъ головою. Сидитъ, опершись на палочку; не то вспоминаетъ, не то думаетъ, не то дремлетъ. Почти въ каждомъ мѣстечкѣ есть такая своя «реликвія»—старикъ, пережившій исклю-

чительный законъ. Къ нему относятся съ благоговѣйнымъ почтеніемъ; но нигдѣ не удалось мнѣ втянуть «реликвію» въ бесѣду. А было бы любопытно сравнить на живомъ примѣрѣ Германію «романтическаго періода» съ практической трезвенностью настоящаго...

Бесѣда вертится вокругъ вопроса о томъ, какъ обдуваютъ рабочихъ хозяева заведеній. Приходится глядѣть «въ оба». Особенно трудно отстоять свои интересы при бракозкѣ товара. Имѣются мастера—спеціалисты по этой части, которые въ любомъ товарѣ умѣютъ найти изъянъ.

— «На нашей фабрикѣ вышивокъ», разсказываетъ работница, «въ прошлую зиму цѣлый скандалъ на этой почвѣ разыгрался. Расплата по числу стежковъ. Но шаблонъ, по которому мѣряютъ стежки, оказался фальшивымъ (gefälscht),—вмѣсто 23.000 въ немъ было всего 13.000. А мы-то, Eselsköpfe *), надрываемся и понять не можемъ, почему наша работа стала такъ медленно подвигаться?»

— «У насъ еще хуже было», перебиваетъ жена секретаря. «Когда я еще работала на шляпочной фабрикѣ въ Лейпцигѣ, насъ тоже попробовали за носъ поводить, но мы хозяина здорово къ стѣнѣ приперли. Дѣло было весною. Сезонъ по заготовкѣ соломенныхъ шляпъ. Горячее время. Забастуй мы, и вся каша хозяину испорчена. Насъ было 70 шляпочницъ въ мастерской—отборная публика, все «золотыя руки». Но мы заготовляли лишь лучшіе фасоны, feinste Qualitäten **). Остальное, что подешевле, отдавали на сторону—тѣмъ, что на дому работаютъ. Съ нами-то нашъ хозяинъ еще церемонился, почти всѣ мы были орга-

*) Ослиныя головы.

**) Тонкій товаръ.

низованныя, а тѣ, что на руки товаръ брали, тѣмъ, конечно, туго приходилось... Вдругъ намъ заявили, что способъ расплаты вводится новый. Не по числу шляпъ, а за кусокъ соломки. Сразу-то намъ это даже понравилось. Будто справедливѣе, а то и большую, и малую шляпу сдаешь, трудъ-то неодинаковой, а плата одна. Здѣсь же—сдѣлаешь большія шляпы, скорѣе соломку поистратишь, больше за недѣлю и заработаешь... Разумѣется, никому изъ насъ и въ голову не пришло кусокъ соломки смѣрить. Работаемъ. А хозяинъ все понемногу набавляетъ сантиметровъ въ кускѣ, все набавляетъ. Чтобы незамѣтно было... Случилось, на его бѣду, что одна изъ нашихъ заболѣла. Лежитъ ея кусокъ. «Дай, думаю, возьму его», соломка больно хороша была, мягкая, съ ней споро работалось. Переписала на свое имя. Только взяла это я кусокъ въ руки, что за чудеса! Будто меньше моего. Смѣрила... Вижу, дѣло плохо. Надули насъ. Стали и другія мѣрить... Тутъ дѣло-то и выяснилось. Мы въ контору. Сначала насъ и слушать не хотѣли. Но мы такъ безъ обиняковъ и заявили: «Если не станете платить по старому способу—складываемъ работу». И ушли. Черезъ пять дней хозяинъ насъ призвалъ. Бѣсится, а уступить приходится—время горячее, весна. Потомъ соломенныя шляпки хоть топи. А мы тутъ съ новымъ требованіемъ: пусть и тѣмъ, что на дому работаютъ, платятъ поштучно, не за куски соломки. «А вамъ какое дѣло? Тѣ не просили васъ за нихъ заступаться! Какъ вы смѣете вмѣшиваться въ чужіе интересы?!» А мы ужъ смекнули: теперь-то хозяинъ первымъ дѣломъ постарается побольше фасоновъ сбыть на руки, а въ мастерской начнется расчетъ. Вотъ мы и порѣшили его «перехитрить»... Позлился, позлился хозяинъ, грозилъ локаутомъ... Но черезъ три дня сдался. Время—сезонное, себѣ въ убытокъ съ нами воевать! «Зато все лѣто на насъ дулся;

войдетъ въ мастерскую и не кланяется, будто не видитъ насъ... Потѣха!»...

И льется разсказъ за разсказомъ. Съ каждымъ былъ «подобный же случай», и каждый хочетъ имъ подѣлиться.

На ночлегъ вызвались проводить меня секретарь и его жена, бывшая модистка.

Темныя, узкія улички. Фонарей не имѣется. Въ крошечныхъ, будто игрушечныхъ, окнахъ еще кое-гдѣ мерцаетъ свѣтъ. Площадь.

«Что это за зданіе? Дворецъ? Чей-нибудь замокъ?» Огромное, четырехъ-этажное зданіе; по фасаду насчитываю 34 окна. Новостильный подъѣздъ, причудливыя пристройки...

— «Нѣтъ, это мѣстная коммунальная школа».

— «И содержится на счетъ коммуны?»

— «Несомнѣнно. Эта мѣстность богатая, тутъ много винодѣловъ. Зданіе хорошее, спору нѣтъ. И въ Лейпцигѣ, тамъ, гдѣ я учился, не лучше... Но обученіе здѣсь никуда не годное. Попы, знаете; засореніе головы религіознымъ и патріотическимъ хламомъ... То-ли дѣло во Франціи! Тамъ—поповъ на свое мѣсто поставили. Конечно, во Франціи—демократія, а у насъ «феодальный режимъ», знаете»...

— «Ну, здѣсь, въ вашихъ мѣстахъ, вліяніе аграріевъ не особенно-то ощущается?»

— «Конечно, не то, что въ Пруссіи или Шлезвигѣ. Но и здѣсь дворянство умѣетъ использовать свои привиллегіи... Поглядите по деревнямъ; большинство обитателей не собственники избъ, а лишь пользуются ими на правахъ долгосрочной аренды. Это нисколько не дешевле, чѣмъ наемъ дома, но люди обжились, попривыкли къ мѣсту и держатся за старые порядки... Косный народъ! Эти несчастные огородишки и пар-

целлы, знаете, это свинцовая гиря для движенія, тормазъ всякаго успѣха».

Невольно приходитъ на память панегирикъ «парцеллѣ» со стороны редактора газеты въ Гессенѣ. «Здоровый отдыхъ», «свѣжій воздухъ», «польза для духа и тѣла...

— «Почему же тормазъ»?

— «Очень просто почему. Если у человѣка есть крыша надъ головой, да десятокъ метровъ земли, онъ уже не «пролетарій»... А что даетъ ему эта земля? Копается въ ней, копается, а какъ дѣло до расплаты дойдетъ, долги къ горлу подступятъ, такъ онъ на фабрику бѣжитъ. И ужъ тутъ не смотритъ, какія условія ему предлагаютъ, лишь бы гроши къ веснѣ напасти. Такъ, знаете, и говорятъ: «намъ бы только зиму перебиться, холодное время, а тамъ «земля» прокормитъ». А что земля даетъ? Земляникой торгуютъ, овощами—пустяки все... Но что вы съ такими господами подѣлаете, если это все «bornierte Bauernköpfe»? *) Сорганизуютъ ихъ за зиму, а весной ужъ и слѣдъ простылъ. Очень неудобный народъ, знаете»...

— «Да, да, вотъ и съ женщинами такая же исторія», перебиваетъ мужа бывшая модистка. «Большинство здѣсь занимается какимъ-нибудь ремесломъ, иначе не прожить семьѣ. Кто на фабрику ходитъ, а то все больше на дому работаютъ. Вяжутъ, цвѣты искусственные заготовляютъ... Только съ организаціей туго дѣло подвигается. Я какъ пріѣхала сюда, сгоряча набросилась. «Что это—стыжу товарищей—у васъ женщины какъ отстали? Работаютъ хуже скотовъ, а вы палецъ о палецъ не ударите, чтобы ихъ въ профессіональную борьбу вовлечь... У насъ въ Лейпцигѣ и тѣ женщины, что на дому работаютъ, въ союзѣ состоятъ»...

---

*) Тупоумныя мужицкія головы.

— «Попробуйте», говорятъ: «если что наладите—спасибо скажемъ». Вотъ, и бьюсь я уже цѣлый годъ. А чего достигла? Пять въ союзъ завербовала, да двухъ въ партію... Просто руки опускаются... Равнодушный народъ, жизни въ нихъ мало, потребностей нѣтъ... Какъ скоты работаютъ, да и живутъ по-скотски... Кстати, хотите я васъ завтра утромъ проведу въ сосѣднее мѣстечко, центръ цвѣточницъ? Я вѣдь теперь, съ тѣхъ поръ, какъ за него замужъ вышла»—на секретаря брошенъ влюбленный взглядъ—«стала только Hausfrau *), и времени у меня пока-что—достаточно».

V. Одинъ изъ «прежнихъ».

На порогѣ двухъ-этажнаго дома насъ ожидаетъ хозяинъ.

— «Добро пожаловать. У насъ вы превосходно выспитесь, а моя старуха васъ такимъ кофеемъ угоститъ, какого вы и въ гостинницѣ не получите».

Онъ—виноторговецъ, и его погребокъ тутъ же въ домѣ. Широкоплечій, съ добродушнымъ лицомъ.

— «Но раньше мы должны выпить винца. Вино—услада жизни. И отъ него не разбухаешь, какъ отъ пива. Вѣрно, товарищъ?» Фамильярно похлопываетъ меня по плечу и, освѣщая керосиновой лампой узенькій коридоръ, ведетъ въ свои покои. На столѣ уже приготовлено вино, рюмки. Комната со всѣми аксессуарами «приличной» бюргерской обстановки.

«Что вы думаете? Въ этой самой комнатѣ неразъ сиживалъ нашъ старикъ Либкхнетъ, вотъ на этомъ самомъ диванѣ. И Бебель у насъ ночевалъ. Мой

*) Хозяйка дома.

отецъ участвовалъ въ движенiи еще въ тѣ времена, когда самъ Лассаль «велъ насъ по нашему пути»... Отецъ и его зналъ лично. Большая была голова!.. А въ тѣ времена, когда насъ, «соци», какъ собакъ травили, отецъ, рискуя тюрьмой, отдавалъ свой погребокъ на тайныя собранiя... И здѣсь, у насъ говорили «великiе люди»... Я еще тогда молодъ былъ, но кажется, еслибъ они сказали: «Фрицъ! Иди за нами на висѣлицу!» пошелъ бы... Сила въ нихъ была. Такихъ что-то теперь не видать. И все для движенiя, все только о немъ думали. Вотъ и отецъ... Дѣло у него было солидное, капиталъ могъ нажить, а онъ чуть окончательно не разорился, почти въ долги влѣзъ, а все изъ-за партiи. Еле я съ долгами распутался послѣ его смерти. А еще, умирая, говорилъ мнѣ старикъ: «Смотри, Фрицъ, никогда не кори меня, что я тебѣ капитала не оставилъ, что придется тебѣ, быть можетъ, и по мiру итти. Помни, на великое, святое дѣло пошли наши деньги. Не ты, такъ ужъ сынъ твой дѣдушкѣ спасибо скажетъ». Твердо вѣрилъ старикъ, что не я, такъ ужъ внукъ,—а онъ особенно любилъ внука,—увидитъ den grossen Kladeradatsch... *). Да, да!.. Въ старикахъ-то было побольше вѣры... Впрочемъ, я и тогда, въ молодости, думалъ: только бы поналечь какъ слѣдуетъ, только бы понатужиться, смотришь и соцiализмъ насталъ. Оказывается, не такъ это просто»...

— Все потому, что старики не имѣли достаточной теоретической подготовки», наставительно поучаетъ секретарь: «школы» имъ не хватало... Это анархизмъ—воображать, что разъ, два, три,—и совершенъ историческiй переворотъ. Соцiальныя и экономическiя условiя»...

Долго, пространно и покровительственно поучаетъ

*) Великую катастрофу.

насъ «самовлюбленный» секретарь. Мы узнаемъ всѣ отличительные признаки анархизма, дешеваго «революціонизма» и истинно-прогрессивной и научно-обоснованной тактики медленнаго, но «неуклоннаго» реформизма...

Виноторговецъ не споритъ, онъ слушаетъ внимательно, терпѣливо и только изрѣдка вздыхаетъ...

— «Да да, все это такъ! А только хорошее было время, когда вѣрилось въ близость побѣды. И союзы, и коопераціи, и всякія тамъ реформы — все казалось пустяками, по сравненію съ «великимъ днемъ послѣдней битвы»... И даже на парламентъ мы, этакъ, косо смотрѣли. Политика—это лишь способъ вести агитацію. Бывало, провалится тамъ какой-нибудь законъ или какая-либо реформа, за которую мы же сами агитировали, кричали: нужна, необходима народу! а въ душѣ, какъ будто и радуешься. Провалилась? Тѣмъ лучше: пусть-ка народъ увидитъ, каково у насъ правительство, пусть-ка поучится, въ чьихъ рукахъ власть... Увидятъ и сразу на нашу сторону станутъ. Бывало, просто удивляешься, недоумѣваешь, какъ это подобные вопіющіе факты не гонятъ сразу весь народъ подъ наши знамена? Молоды были, неопытны, да и вѣра сильна была... Все думалось: чѣмъ хуже себя ведутъ г-да эксплуататоры и наше правительство, тѣмъ больше примкнутъ къ нашей «красной» гвардіи... Вѣдь ужъ чего таиться? Самъ я возставалъ противъ закона страхованія рабочихъ. «Подачка народу». «Ослѣпляетъ глаза»... Еще повѣритъ народъ въ «благожелательность» нашего правительства... Но, глядишь, проходятъ себѣ новые законы, одни получше, другіе похуже, третьи—никуда не годные, а движеніе идетъ своимъ чередомъ... Развивается, растетъ, что говорить, я не спорю... Только все иначе дѣлается, чѣмъ мы думали, чѣмъ ожидали старики»...

До моей спальни меня провожаетъ самъ хозяинъ.

Скрипучая, узкая лѣстница, и мы въ огромной, низкой комнатѣ съ игрушечно-малыми оконцами по обѣ стороны. Это «парадная горница»; открывается лишь по торжественнымъ днямъ. Чего, чего въ ней нѣтъ; напоминаетъ мебельную лавку: піанола, рядомъ кресло на колесахъ для больныхъ, пузатые комоды, рѣзная люлька, диванъ, величиною съ Ноевъ Ковчегъ, въ углу ассортиментъ удилищъ... Но, Боже мой, какой холодъ!

Видно, всю зиму не отапливали эту «парадную» комнату, и въ ней густой, зимній холодъ такъ и застоялся.

Хозяинъ ставитъ на стулъ, возлѣ моего парадна̂го ложа, гдѣ спали и Либкнехтъ, и Бебель, огарокъ свѣчи и, пожелавъ «доброй ночи», уходитъ.

Стою въ нерѣшительности: снимать, или не снимать пальто? Стынутъ руки, и дыханіе струится дымкой. Попробовать развѣ раскрыть окно? Ночь тихая, весенняя...

Туго, скрипя и сопротивляясь, поддаются петли окна. Вмѣстѣ съ вечерней свѣжестью вливается и мягкій свѣтъ убывающаго мѣсяца. Небо чистое, звѣздное. Тихо, сонно и мирно въ этой саксонской деревушкѣ, далекой отъ суеты культурныхъ центровъ... Дремлютъ темные силуэты домовъ, пятнами ложится свѣтъ мѣсяца на бѣлыя стѣны, тускло мигаютъ молочно-бѣлыя отъ отсвѣта оконца... Далеко заливается собака... Чьи-то одинокіе, тяжелые, неспѣшные шаги... И снова такъ тихо, что кажется услышишь, если звѣзда покатится по чистому, ясному, ночному небу...

Раннимъ утромъ меня будитъ равномѣрное шуршаніе по шоссе, частые звонки велосипедистовъ.

Мимо окна, обгоняя другъ друга, спѣшатъ непрерывной вереницей рабочіе на лежащіе въ окрестностяхъ заводы и фабрики. Многимъ приходится со-

вершать ежедневно часовыя и даже двухъ-часовыя поѣздки отъ предпріятія до дому.

— «Велосипедъ—наше спасеніе», говорили они мнѣ. «Иначе бы намъ пришлось жить отдѣльно отъ семьи. Теперь же мы возвращаемся ежедневно домой, на отдыхъ».

Усталость въ расчетъ не идетъ.

— «Пѣшкомъ—куда хуже, утомительнѣй»...

VI. Поселокъ цвѣточницъ.

— «Вотъ мы и пришли», говоритъ жена секретаря, когда мы равняемся съ первыми домишками поселка, гдѣ производятся «на дому», тѣ баснословные по дешевизнѣ цвѣты, которыми Wertheim, Kaufhaus Tietz и другіе торговые дома прельщаютъ покупателей.

— «Меня здѣсь знаютъ, но все-таки надо быть осторожнѣй, не ко всѣмъ удобно зайти. Народъ недовѣрчивый, самолюбивый. Не любитъ, чтобы вмѣшивались въ ихъ жизнь».

Деревенька, какихъ я уже много перевидала.

Пыльная улица, выбѣленные дома-избы, съ крошечными оконцами... Только садовъ и огородовъ меньше, чаще попадаются темные пустыри...

— «Сюда—можно».

Стучимся. Входимъ.

Сразу охватываетъ непріятная удушливо-сладкая атмосфера: пахнетъ клеемъ, красками, человѣческими испареніями. Передъ окномъ—столъ; навалены на немъ пестрая бумага, батистовые лоскутья, проволока. Въ корзинахъ на полу готовый товаръ—фіалки. Весна—и сезонъ требуетъ «фіалокъ».

Навстрѣчу намъ подымается высокая, худая бѣлокурая женщина съ повязаннымъ глазомъ.

Моя спутница объясняетъ, кто я.

— «Садитесь сюда»—и хозяйка сгребаетъ со скамьи заготовленный матеріалъ—листья. Только теперь замѣчаю малютку-мальчика, который съ помощью ножницъ ловко, по шаблону, выкраиваетъ зеленые листочки. Сидитъ онъ на табуреткѣ и складываетъ листья на скамейку.

— «Какъ ловко малышъ работаетъ... Сколько же ему лѣтъ?»

— «Christel! скажи барышнѣ сколько тебѣ лѣтъ и какъ тебя зовутъ?»

— «Christel Hecht, fünf Jahre und drei Monate» *), какъ заученный урокъ, равнодушно, не подымая даже головы, не отрываясь отъ занятія, рапортуетъ маленькій рабочій.

— «Онъ постоянно вамъ помогаетъ?»

— «О, да, онъ очень прилежный ребенокъ. Не то, что обѣ старшія... Съ тѣми бѣда! Вернутся изъ школы и такъ и наровятъ улепетнуть изъ дому... Этотъ пока въ школу еще не ходитъ, можетъ «основательно» мнѣ помогать. Съ нимъ дѣло идетъ вдвое скорѣе».

— «Но вѣдь для ребенка это очень вредно... Посмотрите, какой онъ у васъ блѣдный, вялый»...

— «Что же подѣлаешь! Одной—не справиться. Старшія же приходятъ изъ школы, когда уже сумерки близки. А при лампѣ какая работа? Цвѣтовъ не разберешь. Наклейка, да заготовка матеріала только и остается».

— «Сколько же вы зарабатываете?»

— «И не спрашивайте! Я старая цвѣточница, цѣны знаю, много лѣтъ на продажу работаю, а теперь просто понять не могу, отчего это цѣны на цвѣты такъ падаютъ? Какъ будто ихъ все больше и больше носятъ, спросъ большой, а все дешевѣютъ... Должно

---

*) „Кристель Хехтъ, пять лѣтъ и три мѣсяца".

быть много насъ, цвѣточницъ, развелось. Я сама помню, лѣтъ десять тому назадъ у насъ здѣсь всего три, четыре цвѣточницы работали на продажу, а теперь, поглядите-ка, въ каждомъ домѣ у насъ цвѣты фабрикуютъ... Прежде-то за гроссъ фіалокъ по 3 м., а то и по 4 м. платили, а теперь.. Не хотите-ли за тотъ же гроссъ 1 м. 20 пф.?!.»

— «А сколько въ гроссѣ цвѣтовъ?»

— «Двѣнадцать дюжинъ».

— «Не можетъ быть!.. Но вѣдь я сама видѣла, что въ магазинахъ пучекъ фіалокъ, въ которомъ едва-ли и дюжина цвѣтовъ наберется, стоитъ около 80 пф.—1 м. И то всѣ ахаютъ: какъ дешево! Сколько же вы времени работаете надъ гроссомъ?»

— «Это зависитъ отъ того, одна-ли я работаю или съ помощниками, съ дѣтьми. Одна—дня два, а то и больше потратишь, ну а съ дѣтьми, конечно, скорѣе».

Мужъ ея работаетъ на желѣзо-прокатномъ заводѣ, но тамъ работа поштучная. А онъ, какъ и большинство рабочихъ этого предпріятія, часто хвораетъ—суставный ревматизмъ. Бываетъ, что по цѣлымъ недѣлямъ ничего не зарабатываетъ; приходится ей тогда кормить семью; а ихъ пять душъ—поневолѣ засадишь и пятилѣтняго сынишку за работу.

— «Я его не весь день держу», какъ бы оправдывается она, «посидитъ часокъ, другой, я ему и говорю: «пойди, Christel, на улицу, побѣгай». Только онъ у меня тихій, не баловень. Нѣтъ, говоритъ, Mutti, я ужъ лучше посижу, хуже устаю, если бѣгаю. Ноги потомъ болятъ...»

Оглядываю комнату. Низкій потолокъ, убранство скромное, постель, вѣроятно, на всю семью, полка съ посудой и цѣлымъ ассортиментомъ красокъ и клеевъ для цвѣтовъ. На стѣнѣ печатные тексты изъ Библіи и рядомъ красный значекъ, вѣроятно побывавшій въ

петлицѣ у мужа на какомъ-нибудь соціалистическомъ празднествѣ.

— «Вашъ мужъ организованъ?»

— «Разумѣется. И я все хотѣла вступить въ партію, да трудно намъ это... Да и когда я на собраніе попаду? Днемъ работа, вечеромъ хозяйство свое, стирка, штопанье... Звали вчера меня на ваше собраніе, да ужъ очень глазъ распухъ. И голову все ломитъ».

Невольно беру ее за руку.

— «Да у васъ несомнѣнный жаръ! Вы больны...»

— «Должно быть... Знобитъ что-то, кости болятъ...»

— «Прилечь бы вамъ...»

— «Гдѣ тутъ! Завтра работу сдавать, а у меня и то всего двѣ корзины заготовлены... Невозможно». Она вздыхаетъ протяжно, глубоко. И, какъ-бы спохватившись о пропущенномъ въ бесѣдѣ съ нами времени, ловкими, быстрыми движеніями скручиваетъ нѣжные лиловые листочки будущихъ фіалокъ...

Собственное безсиліе давитъ; становится совѣстно за то малодушіе, которое охватило утромъ, послѣ ночевки въ нетопленной комнатѣ, когда вдругъ явилось желаніе, не закончивъ турнэ по деревнямъ, удрать въ городъ, вернуться къ привычнымъ удобствамъ, забыть о мелкихъ лишеніяхъ, неизбѣжныхъ при агитаціи.

Въ слѣдующемъ домѣ—за работой старикъ и двѣ дѣвушки-подростки, малокровныя, некрасивыя. Въ комнатѣ меньше порядка, чѣмъ у женщины съ подвязаннымъ глазомъ. Сушится бѣлье, развѣшенное поперекъ комнаты; на полу много лоскутьевъ, сору; почему-то посреди пола ведро и рядомъ пара стоптанныхъ дѣтскихъ башмаковъ... На стѣнахъ китайскіе вѣера и выцвѣтшія гирлянды цвѣтовъ, а между ними философски разгуливаютъ мои злѣйшіе враги—тараканы...

Старикъ шамкаетъ и говоритъ на непонятномъ мнѣ нарѣчіи. Дѣвочки оглядываютъ меня, когда я пробую заговорить съ ними, фыркаютъ и отворачиваются...

— «Этимъ плохо живется», вздыхаетъ моя спутница, когда мы выходимъ,—«заброшенныя дѣти, некому о нихъ позаботиться. Мать умерла, а отецъ — пьяница, Богъ вѣсть, гдѣ пропадаетъ. Старшій братъ— прикащикъ въ бакалейной лавкѣ, но тоже пьетъ, — наслѣдственное, такъ что семью—а еще есть младшіе братишки и сестры, тѣ въ школѣ сейчасъ,—кормятъ старикъ и эти дѣвочки. Никакой радости не видятъ. Ужъ такая сѣрая жизнь; развѣ отецъ вернется и поскандалитъ на всю округу... Да пьяный братъ побьетъ ни съ того, ни съ сего... Разъ, зимой, ко мнѣ прибѣжали спасаться, ночью дѣло было... Да, несчастная семья!..

Идемъ дальше. Повсюду та же безутѣшная, однородная картина. Судорожная борьба за скудное, безцвѣтное, безрадостное существованіе... Всюду — малокровныя, вялыя дѣтскія фигурки, со старческой «разумностью» на острыхъ личикахъ... И всюду горы этихъ нѣжныхъ, ласкающихъ взоръ фіалокъ, съ зелеными яркими лепестками, цвѣтовъ, говорящихъ о приближеніи радостно-ликующей весны... Кажется, я возненавижу теперь эти весенніе милые цвѣтики, съ ихъ сладкимъ запахомъ...

VII. Въ глухомъ углу.

Въ Grödel'ѣ собраніе назначено днемъ, въ виду праздника. День сѣрый. Временами накрапываетъ дождикъ, вѣтеръ мчитъ тучи и силится сорвать шляпу. Доро-

га, вязкая отъ весенней грязи, кажется безконечной. Сказывается и утомленіе отъ агитаціи, эти разстоянія, которыя приходится отмахивать пѣшкомъ, эта непрерывная смѣна впечатлѣній, нервный подъемъ, а главное пребываніе на чужихъ людяхъ...

Неохотно поддерживаю бесѣду со своимъ провожатымъ. А лицо у него славное, открытое, и эта складка «мыслителя» между бровями.

— «Вы должно быть устали? дайте же вашъ портфель... какой я недогадливый! Надо было давно его взять у васъ», и краснѣетъ, будто совершилъ огромную «неловкость».

Онъ—рабочій желѣзо-прокатнаго завода, того самаго, о которомъ я уже не разъ слышала нелестные отзывы во время этого турнэ, и вмѣстѣ съ тѣмъ секретарь мѣстной группы. Жалуется на затруднительность работы. Прежде всего мѣшаетъ большая разбросанность рабочихъ по мѣстечкамъ и деревнямъ; въ городѣ все сконцентрировано, и потому несравнимо легче вести агитацію. Къ тому же мѣшаетъ узость кругозора: интересы жалки, запросы слишкомъ скромны. Былъ бы сытъ, имѣлъ бы кружку пива... И все «счастье» представляется въ томъ, чтобы выпить здорово, пойти «къ женщинѣ» или дуться въ карты цѣлую ночь... Сплетни, мелкія обиды, дрязги... Много личнаго...

— «Впрочемъ, кое-чего и мы достигли». И, неожиданно оживляясь, онъ разсказываетъ мнѣ объ основаніи по его почину мѣстной, партійной библіотеки, про мелкія препятствія на пути къ ея осуществленію, про сопротивленіе сочленовъ группы, не желавшихъ тратить на это партійныхъ суммъ. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что въ списокъ книгъ увлекающійся юноша включалъ и «буржуазныя» сочиненія...

— «Зато теперь у насъ уже больше тысячи то-

мовъ. И есть очень хорошія книги... Конечно, народъ къ чтенію не пріученный; хотятъ позабавиться, просятъ чего-нибудь полегче, позабавнѣе, привыкли къ Schund'litteratur (лубочнымъ изданіямъ), и не такъ-то легко развить вкусъ къ «хорошему» чтенію... Напримѣръ, романъ Лаевица «На двухъ планетахъ», вы читали? Прекрасная книга. Я надъ ней много думалъ... Или еще «Мать» Горькаго... Вотъ, если-бъ у насъ были «такіе люди»...

— «Сколько у васъ читателей?»

— «Могло бы быть больше, конечно... Но надо радоваться и тому, что число ихъ не убываетъ, а растетъ... Надо же принять во вниманіе, что и времени-то для чтенія мало. На нашемъ заводѣ работаютъ въ двѣ смѣны по 12 часовъ, и два перерыва одинъ въ $1^{1}/_{2}$ ч., другой въ $^{1}/_{2}$ ч.; многіе еще живутъ далеко, пока домой доберешься... Гдѣ тутъ успѣть книгу проглядѣть? Хорошо, если за день газету прочтешь. Читаютъ больше во время болѣзни».

Разсказываетъ о санитарно-гигіеническихъ условіяхъ работы вопіющіе, безобразные факты. Самыя элементарныя требованія закона не исполняются; о самомъ существованіи этихъ требованій не подозрѣвали; узнали не такъ давно, когда агитаторъ прочелъ спеціальную лекцію на эту тему. Большинство рабочихъ періодически страдаетъ суставнымъ ревматизмомъ; нерѣдки случаи потери зрѣнія... Такова ужъ профессія! Приходится по недѣлямъ лежать неподвижно; въ это-то время, когда боли стихаютъ, книжка является желаннымъ товарищемъ. Многіе теперь благословляютъ библіотеку... Самъ онъ еще не отдалъ дани своей профессіи, а бываютъ дни, когда онъ объ этомъ мечтаетъ самымъ искреннимъ образомъ».

— «Почему собственно?»

— «Почитать бы могъ вдоволь... Свои знанія пополнить... Много вопросовъ накопилось; хочется ра-

зобраться, отдать себѣ отчетъ... Есть неясности, и это мучаетъ, гнететъ, а читать некогда».

Чтобы выполнять всѣ тѣ обязательства, которыя лежатъ на немъ, какъ на секретарѣ группы, ему зачастую приходится не спать по двое сутокъ. Онъ работаетъ въ ночной смѣнѣ; этимъ выкраиваетъ день для партійныхъ обязанностей... И сегодня онъ еще не ложился: наканунѣ было два собранія, группы и комитета по подготовкѣ выборной кампаніи. Послѣ собраній прямо на работу, а сегодня съ утра пришлось оповѣщать народъ о моемъ рефератѣ.

— «Побоялся, что не энергично работали тѣ, кому поручено было оповѣщеніе, и рѣшилъ самъ еще обойти «сомнительныхъ»... У насъ, кто ужъ въ работѣ, на того всѣ обязанности падаютъ... Остальные больше глядятъ со стороны, да критикуютъ. А газеты у насъ мало кто читаетъ. Потому и приходится оповѣщать людей лично. Впрочемъ, это и дѣйствительнѣе. Иной бы и полѣнился пойти на собраніе, но послѣ того, какъ «довѣренное лицо» лично его пригласитъ, неловко какъ-то дома остаться... Вотъ такъ жизнь идетъ и идетъ... Зимой думаешь: настанетъ лѣто, тогда для себя найду время; а лѣтомъ--на зиму возлагаешь надежды... Теперь выборы начнутся... Какъ же не помечтать о томъ, чтобы поболѣть хоть «недѣльки три? Сколько бы прочесть успѣлъ»...

Подходимъ къ мѣсту собранія. Помѣщичья усадьба, каменный домъ, паркъ, службы; тутъ же вѣтренная мельница и мѣстный трактиръ. Вдоль стѣны у входа цѣлая вереница велосипедовъ, у воротъ два шарабана. Видно изъ далекихъ окрестностей прибыли на собраніе. Секретарь ликуетъ. Давно уже не было такой удачи!

Публика еще толпится въ первой комнатѣ, возлѣ прилавка съ пивомъ. Молодой, безусый солдатикъ

дружно бесѣдуетъ съ группой рабочихъ; ему на собраніи, однако, быть не прійдется.

Секретаря перехватываютъ то одни, то другіе. Вижу, какъ его высокая фигура мелькаетъ во всѣхъ углахъ залы. Откуда-то притаскиваетъ кипу партійной литературы; у входа организуется продажа. Тщетно силится остановить его вниманіе женщина въ платочкѣ, съ озабоченнымъ, хмурымъ лицомъ.

— «Опять боленъ?» Она его поймала наконецъ и держитъ за рукавъ. «Не выдаютъ изъ кассы? Быть не можетъ. Это какое-то недоразумѣніе. Въ порядкѣ-ли бумаги? Хорошо, послѣ собранія самъ зайду къ нему».

И уже спѣшитъ на другой конецъ залы, на ходу пробѣгая газету.

— «Видѣли? Читали?» Онъ машетъ мнѣ газетой. «Добились таки! Въ Австріи женщинамъ дано право организоваться политически. Это вѣдь «наша побѣда»...

Публика обсуждаетъ новость. Больше скептическихъ возгласовъ. Что за польза соціалдемократіи? Какая же это «побѣда» партіи? Есть и «сочувствующіе»... Женщины — нѣмы и равнодушны. Сидятъ особнякомъ. Ихъ много сегодня—нѣсколько десятковъ, быть можетъ около ста. Темныя одежды, платки. Только въ дверяхъ жеманится и шуршитъ накрахмаленными юбками недурненькая дѣвушка съ подавляющимъ количествомъ накладныхъ волосъ. «Дочь мельника», поясняютъ мнѣ, «и пришла только изъ любопытства».

— «Genossin, не откажите по окончаніи собранія обойти женщинъ и предложить имъ записаться въ члены группы. Сегодня большинство неорганизованныхъ, а на нихъ всегда дѣйствуетъ, если самъ референтъ предлагаетъ вступить въ партію. Вотъ и листки».

И, вручивъ мнѣ листки для записи, бѣжитъ къ эстрадѣ.

Президіумъ занимаетъ мѣста. Мнѣ предоставлено слово...

VIII. Бурное собраніе.

Дискуссію открываетъ маленькій, плотный человѣкъ, съ торчащими усами. «Мастеръ» по профессіи и членъ комитета. Рѣчь пространная на тему о «пользѣ организаціи»; почти по пальцамъ высчитываетъ всѣ выгоды, какими можетъ прельститься человѣкъ, стоящій еще внѣ партіи: уменьшеніе налоговъ, пониженіе расходовъ на школьное образованіе дѣтей, а главное удешевленіе мяса, спичекъ, керосина, хлѣба... Стержень рѣчи—вздорожаніе мяса, къ этому пункту сводится и вся его «политическая мудрость». Насолить аграріямъ, добиться удешевленія припасовъ, переложить налогъ на ихъ «отъѣвшіяся» спины... Публика сочувствуетъ, рукоплещетъ, поддакиваетъ.. Циничная острота по адресу черно-синяго блока вызываетъ долгій, одобрительный смѣхъ. И только секретарь морщится, досадливо, нетерпѣливо передергивая плечами. Очередь за нимъ.

— «Товарищи! еслибъ вся задача нашей партіи сводилась къ борьбѣ съ черно-синимъ блокомъ, еслибъ нашимъ лозунгомъ являлось «удешевленіе мяса» и «отмѣна косвенныхъ налоговъ», какъ говорилъ только-что нашъ товарищъ, предыдущій ораторъ, я бы первый крикнулъ вамъ: Оставайтесь, гдѣ вы есть! Ради этихъ задачъ не стоитъ быть соціалистомъ».. Онъ взволновано проводитъ рукой по лицу и глазамъ... Найдетъ-ли нужное спокойствіе, самообладаніе?

— Неужели для насъ, товарищи, жизнь исчерпывается вопросами «питанія»? Неужели изъ-за того, что мясо вздорожало, можно стать соціалистомъ? Чортъ возьми! Есть и другіе способы обойти вопросъ. Отказаться отъ мясной пищи, напримѣръ. Я изъ убѣжденія не ѣмъ мяса, думаю, что и многимъ изъ васъ полезнѣе было бы питаться овощами и мучной пищей, чѣмъ тухлой колбасой... Такимъ путемъ и желудки бы уберегли и съэкономили бы пфениги на партійную газету».

Въ залѣ движеніе.

— «Не мѣшало бы также сократить неумѣренное потребленіе пива...»

— «Не желаемъ отказываться отъ пива!»

— «Pfui! Мы требуемъ мяса къ обѣду!»

— «Долой аграріевъ!»

— «Присоединяюсь къ вашему требованію: долой аграріевъ! Но я вѣдь не аграрій и даже до сихъ поръ не открылъ «овощной лавки», такъ что мои совѣты пока-что прибыли мнѣ не приносятъ... Если же я заговорилъ о мясѣ, то чтобы заставить каждаго изъ васъ поглубже разсмотрѣть вопросъ: что такое соціализмъ? И почему мы соціалисты?»

Онъ говоритъ о великихъ «культурныхъ» задачахъ соціалдемократіи. Сила рабочаго движенія не исчерпывается утилитарной стороной, завоеваніемъ матеріальныхъ благъ; въ немъ заключенъ неоцѣнимый идеалистическій моментъ: оно вырываетъ милліоны мужчинъ и женщинъ изъ ихъ вялаго, затхлаго, безрадостнаго существованія, оно даетъ имъ возможность понять общественную цѣнность ихъ труда, а черезъ это возвращаетъ имъ «гордеґливое» сознаніе собственнаго, человѣческаго достоинства, зажигаетъ въ сердцахъ жажду къ высшимъ духовнымъ благамъ... И въ мягкихъ, поэтическихъ образахъ рисуетъ онъ картину будущаго строя, того фантастическаго строя,

что грезится его мечтательной душѣ. «Братство по духу», побѣда высшихъ радостей надъ «утѣхами» плоти... Слушаютъ. Но, когда съ горечью вырывается упрекъ товарищамъ «за драки», за грубое обращеніе съ женами, за картежную игру, пьянство, за совращеніе «сестеръ своихъ же товарищей», тогда зала вдругъ наполняется протестующимъ гуломъ. Обличеніе должно касаться капиталистовъ, аграріевъ, поповъ, но не ихъ, не тѣхъ, что здѣсь присутствуютъ...

— «Ты не священникъ, чтобы читать проповѣди!»

— «Какъ онъ смѣетъ осуждать мою личную жизнь?»

— «Какое ему дѣло до моего поведенія?!»

— «Партія не монашескій орденъ»...

— «Я еще съ тобою посчитаюсь!.. Я понимаю, на чей счетъ тутъ намеки»...

Лица красныя, взволнованныя... Вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, грозятъ кулаками...

Безпомощно трещитъ звонокъ предсѣдателя... Голосъ его надрывается и тонетъ въ общемъ гулѣ... Наконецъ, дисциплина беретъ верхъ надъ разыгравшимися страстями; крикъ и гвалтъ переходятъ въ глухое ворчанье... Успокоились, разсѣлись по мѣстамъ.

Секретарь продолжаетъ прерванную рѣчь.

— «Насъ, соціалистовъ, учатъ ненависти». Голосъ звучитъ нервно, лицо блѣдное, а глаза горятъ фанатическимъ вдохновеніемъ. «Но я скажу вамъ, товарищи, этого мало! Одной ненавистью мы не побѣдимъ стараго міра... Чтобы покончить съ нимъ, мы, пролетаріи, мы должны стать «совершеннѣе», мы должны научиться не только ненавидѣть, но и любить... Да, любить другъ друга, какъ товарищи, какъ братья... Великая рабочая солидарность! Поймите, товарищи, сколько этимъ сказано! А какъ ея мало еще... Пусть буржуи погрязаютъ въ порокахъ, пусть грызутъ другъ друга и топятъ въ вѣчной погонѣ за

наживой, въ вѣчной конкурренціи... Мы же будемъ ковать неотразимый мечъ, которымъ сумѣемъ сразить и нашихъ враговъ: мечъ нашего моральнаго превосходства надъ ними... Товарищи! не варварами-разрушителями должны мы войти въ новый міръ, а служителями новаго бога—великаго, обновленнаго духа человѣческаго»...

Онъ кончилъ.

Въ залѣ недоумѣніе. Робкіе апплодисменты, неодобрительное ворчанье.

— «Хорошій малый»,—вздыхаетъ предсѣдатель — «дѣльный человѣкъ, работяга; надо же такое несчастье—ein verdrehter Kopf! *) И откуда у него берутся эти фантазіи?».

— «Малый-то опять за свои проповѣди принялся; придется его на свое мѣсто поставить. Зазнался...»

— «Es ist ein Skandal! So eine unsachliche Rede! **) Позоръ для секретаря...».

— «Я вамъ говорилъ, чтобы вы его не выбирали; я всегда видѣлъ, что у него въ головѣ хаосъ... Только людей смущаетъ»...

Недовольство замѣтное; большинство «осуждаетъ» секретарскую рѣчь. Только маленькая группка «друзей» обступила его и въ чемъ-то горячо убѣждаетъ. Но секретарь машетъ рукой и отходитъ.

IX. Вербовка членовъ.

Теперь предстоитъ самая непріятная часть программы дня: собрать свою «жатву», завербовать новыхъ членовъ. Обязанность не изъ легкихъ. Надо много сноровки и такта... Подсаживаюсь къ женщинѣ въ красной юбкѣ; лицо «бабье», незначитель-

---

*) Свихнувшаяся голова.

**) Чистый скандалъ! Такая неосновательная рѣчь!

ное, а скорбное; такихъ и въ Россіи много; авось столкуемся...

Заговариваю. Но она отодвигается молча; въ глазахъ не то испугъ, не то недоумѣніе. Напротивъ пухленькая краснощекая старушка; вяжетъ дѣловито, а глаза улыбаются, будто поощряютъ къ бесѣдѣ.

— «Вы гдѣ работаете?»

— «Богъ милостивъ, никогда нигдѣ не работала; я домохозяйка»—съ достоинствомъ.

— «Вы не организованы?»

— «А на что это мнѣ?... Вотъ развѣ прійти послушать, когда собраніе какое... Такъ вѣдь на собраніе всѣхъ пускаютъ. А вы, барышня, гдѣ же учились говорить? Гладко это у васъ. А все-таки г-нъ секретарь побойчѣе васъ; ужъ онъ совсѣмъ какъ пасторъ говоритъ»...

— «Гдѣ работаете? Замужемъ? Чѣмъ мужъ занимается?» перебиваю словоохотливую домохозяйку и обращаюсь къ обступившимъ меня женщинамъ. Большинство—«домохозяйки»; нѣкоторыя работаютъ на дому для скупщиковъ; фабричныхъ нѣтъ. Собраній не посѣщаютъ—гдѣ ужъ! Хозяйство, дѣти... Сегодня мужья отпустили; очень ужъ «господинъ секретарь» настаивалъ:

— «Почему не организуетесь?»

Ловлю себя на томъ, что подобно сегодняшнему оратору-мастеру перечисляю «выгоды» организаціи. Упоминаю даже о полученіи даровой «Gleichheit» *) для женщинъ...

— «Читать? Когда ужъ тутъ читать? У меня вторую недѣлю бѣлье не перештопанное лежитъ; никакъ не успѣваю за него взяться... Какое тамъ чтеніе».

— «И рада бы вписаться въ партію», поясняетъ другая, «да больно трудно намъ взносы нести. Семья

*) „Равенство“—названіе газеты.

большая. Мужъ и то въ три кассы вноситъ; марка въ недѣлю выходитъ; гдѣ же мнѣ изъ «хозяйственныхъ» денегъ удѣлять? Принесетъ онъ 10 м. въ субботу,—оборачивайся, какъ знаешь!..»

— «А развѣ каждая женщина имѣетъ право вступить въ группу?» освѣдомляется третья.

— «Конечно».

— «Почему же мужъ мой мнѣ этого никогда не говорилъ? Я вѣдь его спрашивала... Фридрихъ! Фридрихъ! Почему же ты скрывалъ отъ меня, что и я могу стать членомъ партіи?»

Фридрихъ сконфуженъ.

— «Развѣ я тебѣ этого не говорилъ?»

Женщина съ «бабьимъ лицомъ» и въ красной ситцевой юбкѣ продолжаетъ молча коситься въ мою сторону, но не отходитъ.

Снова говорю о пользѣ организованности, о томъ, что 20 пф., взносъ съ женщины въ мѣсяцъ, не обременяетъ и скромнаго бюджета... Много сочувственныхъ вздоховъ, но только двѣ руки протягиваются за листками.

— «Дайте и мнѣ!» вдругъ рѣшительно заявляетъ женщина въ красной юбкѣ: «5 пф. въ недѣлю, куда ни шло! Пусть лучше «онъ» кружкой пива меньше выпьетъ».

— «Ужъ и я такъ и быть запишусь», вздыхаетъ пожилая особа. «Пусть ужъ и мои 5 пф. людямъ на пользу пойдутъ... Ужъ очень хорошій человѣкъ господинъ секретарь, сына моего изъ большой бѣды выручилъ; да и многихъ знаю, кому онъ помощь оказалъ... Прекрасный молодой человѣкъ! Если такіе люди въ партіи, значитъ и самое дѣло должно быть хорошее... Запишите вы меня, я плохо грамотная— вдова Елизавета Шварцъ»...

— «Позвольте мнѣ листочекъ». Примѣръ заразителенъ. Передо мною молодая краснѣющая женщина.

— «Я не знаю еще, запишусь-ли, хочу посмотрѣть, обдумать... Надо съ мужемъ посовѣтоваться»...

— «Вашъ мужъ рабочій?»

— «Да, на желѣзо-прокатномъ».

— «Организованъ?»

— «О да! кассиръ группы».

— «И вы не организованы? Почему же?»

— «Ахъ, видите-ли»... смущается: «мужъ не хотѣлъ... У насъ дѣти, потомъ хозяйство... Онъ не любитъ, чтобы я изъ дому уходила».

— «Постойте, я съ нимъ переговорю. Онъ здѣсь?

— «Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не надо»—испуганно—«я потомъ, сама... А то онъ будетъ сердиться... Вѣдь можно и потомъ вписаться... Я передамъ секретарю... Г-нъ секретарь очень уговаривалъ мужа меня сегодня отпустить на собраніе. Стыдно, говоритъ, передъ людьми, если твоей жены не будетъ. Дурной примѣръ для другихъ. Вотъ я и пришла».

Удается завербовать всего пять новыхъ членовъ, но для такой глуши и это кое-что.

У выхода меня останавливаетъ дочь мельника, въ «модной» прическѣ. Протягиваетъ руку и покровительственно выражаетъ благодарность.

— «Очень рада съ вами познакомиться... Здѣсь такая трущоба... Такъ пріятно, наконецъ, увидѣть человѣка своего круга... Мнѣ надо кое о чемъ съ вами переговорить».

Почти торжествую — вотъ, пришла изъ пустого любопытства, а кажется заинтересовалась...

— «Съ удовольствіемъ. Вы еще не организованы?»

— «О нѣтъ! Я—невѣста. У меня очень состоятельный женихъ. Какъ только выйду замужъ, мы уѣдемъ изъ этой ямы... Можно съ вами поговорить наединѣ? Здѣсь много лишнихъ ушей и всѣ такіе сплетники...»

Отходимъ въ сторону.

— «У меня къ вамъ просьба... Видите ли, у меня есть тетушка... Она прекрасная женщина, только ужъ очень суровыхъ нравовъ. Конечно, это хорошо; она дала мнѣ прекрасное воспитаніе, не такое, какъ вонъ у тѣхъ женщинъ»—пренебрежительный жестъ въ сторону женъ рабочихъ. «Но у ней понятія устарѣлыя. Она совершенно не понимаетъ, что дѣвушка моего круга должна одѣваться по модѣ и что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Не правда-ли? Вотъ вы, напримѣръ, конечно особа изъ «приличнаго общества», а носите же блузку-кимоно.. Тетушка же увѣряетъ, что блузка-кимоно ein unanständiges Ding!.. *) Не правда-ли, странно? Вотъ я и хочу васъ просить, пойдемте сейчасъ къ намъ пить кофе. Наша семья для васъ самая подходящая компанія; не можете же вы общаться съ этими заводскими... So ein Pöbel!.. **) А тетушка по крайней мѣрѣ увидитъ, что блузки-кимоно носятъ и «приличныя» дамы»...

Отказываюсь отъ благопріятнаго случая распропагандировать тетушку и отправляюсь, въ сопровожденіи секретаря, на желѣзнодорожную станцію.

X. Идеалистъ.

— «Вотъ это-то самое обидное»,—говоритъ секретарь, когда мы съ нимъ по дорогѣ обсуждаемъ событія дня: «такое непониманіе кругомъ тебя... Что я имъ обиднаго сказалъ? Одну только голую правду. Не хотятъ видѣть себя такими, какъ они есть, а я радъ бы вѣрить въ ихъ превосходство, да не могу... Кричатъ «партія», «партія», а когда дойдетъ до дѣла—некому его поручить. У этого своя работа, у того

*) Неприличная вещь.

**) Такая чернь.

жена больна... А большинство просто въ кнейпѣ сидитъ. Двойную работу на себя взваливаешь, до одури дойдешь, а тебя еще попрекаютъ. «Streber! (карьеристъ) хочетъ выдвинуться, роль играть»... Обидно. Недавно преглупая исторія съ нашимъ кассиромъ произошла: надо въ ревизіонную комиссію отчетъ подавать, а онъ у него не готовъ; напуталъ чего-то... Вижу дѣло плохо; взялъ да за него отчетъ и передѣлалъ. Что же вы думаете? Обидѣлся. Чуть изъ группы не вышелъ... Потомъ только понялъ, что я не хотѣлъ ему дурного сдѣлать... А много горькихъ часовъ бываетъ. Конечно, мы не для себя работаемъ, и послѣдующія поколѣнія намъ свое спасибо скажутъ, а все-таки иногда трудно бываетъ... Почему это, товарищъ, люди такъ склонны объяснять каждый поступокъ такими низменными побужденіями? Неужели не понимаютъ они, что это же крайне оскорбительно? Затѣялъ я зимою Leseabend'ы для нашихъ женщинъ... Сами видѣли—отсталый народъ, хлопотъ съ ними было достаточно. Моя невѣста, ткачиха изъ Riesa, пріѣзжала помогать... Только стало налаживаться дѣло, пустили слухъ, гнусный слухъ, будто я только потому затѣялъ это дѣло, чтобы на партійный счетъ невѣсту сюда выписывать. Ну не обидно-ли? Или выдумаютъ, что я изъ-за матеріальныхъ выгодъ секретарствомъ дорожу... Подите, потолкуйте съ ними! Конечно, есть и такіе, которыми расчетъ руководитъ, когда они добиваются должности партійныхъ функціонеровъ, но меня-то здѣсь съ дѣтства знаютъ—неужто могутъ допустить, что я до такого паденія дошелъ? Нѣтъ, что ни говори, далеки мы еще отъ истинной солидарности; живемъ какъ волки, грыземъ другъ друга, а это буржуйному міру и на руку... Товарищества мало».

— «Не будьте такимъ пессимистомъ... Вспомните стачки, вспомните всѣ тѣ жертвы, какія несутъ рабочіе во имя общаго дѣла»...

Развиваю свою мысль, забѣгаю впередъ, въ далекое будущее, ищу тенденцію развитія соціальныхъ чувствованій изъ упрощенной формы рабочей солидарности.

— «Вы слѣдите за моей мыслью? Схватываете ее?»

— «Кажется. Хотя мнѣ, признаться, трудно за вами слѣдить. Вы говорите со мною, какъ со своимъ братомъ интеллигентомъ, а я вѣдь только пролетарій-самоучка, и притомъ весьма мало читавшій. Какія есть мысли, все больше изъ собственной головы родились». Откровенная, дѣтски-смущенная улыбка. «Я даже не всѣ ваши слова понялъ... Но это не бѣда! Мысль понятна. Да, въ періоды натиска на насъ нашихъ враговъ, въ насъ дѣйствительно просыпается лучшее, что въ человѣкѣ имѣется... Забывается вражда, мелкіе счеты; тогда мы—братья! Конечно, тогда и самый послѣдній пролетарій становится человѣкомъ... Люблю эти времена!.. Помню я, продѣлывали мы здѣсь одну стачку; голодали люди, а на душѣ у всѣхъ—будто праздникъ... Неужели нельзя такъ сдѣлать, чтобы и въ обыкновенное время люди дѣйствовали, жили, думали, какъ при такихъ, исключительныхъ событіяхъ?»

Мы стоимъ, опершись о шлагбаумъ. За полотномъ дороги стелятся поля; ихъ яркая зелень еще отчетливѣе на сѣромъ фонѣ облачнаго неба. Чуть пушится робкой зеленью молодая рощица...

Съ бѣшеной стремительностью, оглушая насъ шумомъ своимъ, разсѣкая воздухъ и обдавая насъ тепловатымъ вѣтромъ, проносится южный экспрессъ.

— «А хорошо должно быть ѣхать вотъ такъ, въ далекія неизвѣданныя страны, видѣть новыхъ людей, новыя мѣста... Сколько это должно рождать мыслей! Хотѣлъ бы я когда-нибудь міръ поглядѣть. Дальше Дрездена вѣдь я еще не бывалъ...»

На прощанье онъ проситъ меня писать.

— «Все-таки легче жить, когда знаешь, что есть гдѣ-то твои настоящіе единомышленники, «братья по духу»... Вотъ вы меня понимаете...»

Изъ окна вагона долго вижу, какъ онъ, стоя на перронѣ пустыннаго полустанка, машетъ мнѣ своимъ повидавшимъ виды картузомъ.

XI. Промышленное гнѣздо.

Riesa—промышленный горсдокъ съ 14.000 жителей. Послѣ глухихъ и тихихъ поселковъ, его освѣщенныя улицы, трамваи, витрины магазиновъ, звуки граммофоновъ, несущіеся изъ ресторановъ, вечернее движеніе по тротуарамъ—все это кажется мнѣ почти «столичнымъ» оживленіемъ и роскошью.

Обгоняемъ группу женщинъ.

— «На собраніе?» вопрошаетъ мой провожатый.

— «Да, да. И вы туда же?»

— «Разумѣется».

У входа въ помѣщеніе собранія приходится пріостановиться: вереница идущихъ, непрерывная, тѣсная... А залъ уже полонъ. Стоитъ густое жужжаніе голосовъ, какъ въ потревоженномъ ульѣ. Атмосфера собранія «нагрѣтая», приподымающая нервы. Совсѣмъ иная публика, чѣмъ въ деревняхъ... Женщинъ порядочно. Опредѣляю два разнородныхъ типа: опрятныхъ Hausfrau въ чистенькихъ бѣлыхъ воротничкахъ, съ неизбѣжнымъ вязаніемъ, сидящихъ по преимуществу возлѣ своихъ «повелителей», и работницъ, болѣзненныхъ, блѣдныхъ, съ неприбранными волосами, подъ платками, въ обносившихся одеждахъ... Среди нихъ много калѣкъ—у кого спина искривлена, кто хромаетъ...

У тѣхъ, что помоложе, явное желаніе принарядиться: яркія ленты у шеи, бусы, серьги, мелькаютъ даже шелковыя кофточки... Работницы, текстильщицы и съ кооперативной мыловарни, занимаютъ передніе столики, требуютъ пива... Держатъ себя непринужденно, бесѣдуютъ съ мужчинами, хохочутъ. Нѣтъ той робости на публикѣ, какая поражала въ деревняхъ.

Предсѣдатель—типичный саксонецъ, веселый, добродушный. Встрѣчаетъ шуткой, балагуритъ.

— «Вы попали въ хорошее время—недавно въ нашемъ городѣ исчезла послѣдняя преграда къ работѣ. Всѣ залы теперь въ нашемъ распоряженіи. Прежде не найти было помѣщенія—здѣсь квартировалъ полкъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ его увели, всѣ кнейпы—наши. Хоть каждый день собранія устраивай! Публика и набрасывается... А вы, пожалуй, полный залъ на свой счетъ отнесли? Напрасно! Ха-ха-ха... А мы даже имени вашего нигдѣ не выставили... Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—это, знаете ли, изъ предосторожности. Съ полиціей у насъ не все ладно... Могли придраться. А вы не желаете быть высланной изъ предѣловъ Саксоніи; что?

Когда я уже направляюсь къ трибунѣ, онъ останавливаетъ меня.

— «Смотрите, говорите не больше пяти четвертей часа. Не забудьте—народъ рабочій, и головы наши къ вечеру туманны и сонны, какъ послѣ хорошей кружки «Kulm'a»...

Живое, отзывчивое настроеніе залы заставляетъ найти «горячій» тонъ. Говорится легко. Слушаютъ внимательно. Не нахожу нужнаго нѣмецкаго выраженія—кто-то подсказываетъ. Ошибаюсь въ названіи города — поправляютъ. Публика сознательная, привыкшая «жить» въ собраніяхъ. Съ особеннымъ интересомъ слѣдятъ работницы, напираютъ другъ на друга, наваливаются грудью на столы, чтобы быть

ближе ко мнѣ... И жадно ловятъ каждое удачное мѣсто, киваютъ, улыбаются, подталкиваютъ другъ друга... Гляжу на Hausfrauen, на «женъ», которыхъ привели сюда для «назиданія». Вяжутъ себѣ мирно и прилежно, на лицахъ тупое равнодушіе...

Предсѣдатель шутливымъ движеніемъ подвигаетъ мнѣ свои часы. Пропустила срокъ—говорю уже болѣе часа съ четвертью.

— «Не буду васъ дольше утомлять, товарищи»...

— «Продолжайте, продолжайте!»

Предсѣдатель съ комически покорнымъ видомъ разводитъ руками и убираетъ часы...

Кривобокая, некрасивая женщина, мѣстная представительница женской организаціи жметъ мнѣ руку и выражаетъ признательность. Дѣла идутъ хорошо; въ группѣ 168 женщинъ, преимущественно ткачихи и работницы кооперативной мыловарни. Организуютъ женскіе дискуссіонные вечера, выписываютъ «Gleichheit»...

— «Кто проситъ слово? Нѣтъ-ли желающихъ заступиться за несправедливо обиженныхъ референткой господъ пасторовъ?» балагуритъ предсѣдатель. Ему отвѣчаетъ дружный смѣхъ.

На трибунѣ одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей профессіональнаго движенія. Въ Ріезѣ онъ проѣздомъ, но, конечно, спѣшитъ использовать и это собраніе въ цѣляхъ агитаціи. Мастерской рукой, съ цифрами и фактами, рисуетъ онъ колоссальные успѣхи профессіональнаго движенія, ростъ матеріальной и моральной силы съѣздовъ...

— «Реформистская болтовня», презрительно отзывается о немъ представительница женской партійной группы. «Сентиментальные охи и ахи! Эти профессіоналисты только на то и созданы, чтобы головы морочить и отвлекать людей отъ классовыхъ задачъ...

Сейчасъ я ему всыплю, посмотрите? Ее встрѣчаютъ дружными апплодисментами. Но это не смягчаетъ ея настроенія. Некрасивое лицо этой кривобокой женщины въ безвкусной, пестрой блузѣ ожило, освѣтилось внутреннимъ огнемъ... Борьба, нещадная, неумолимая, неослабѣваемая борьба съ врагами, безъ уступокъ, безъ ложнаго самообольщенія — таковъ лейтъ-мотивъ ея рѣчи. Рѣзкій, плохо тренированный голосъ не портитъ впечатлѣнія; выручаетъ внутренній огонь.

Факты за фактами, вопіющіе, жуткіе, выхваченные изъ окружающей дѣйствительности, звучатъ, какъ обвиненіе тѣмъ, кто еще вѣритъ въ возможность «сноснаго существованія» рабочаго въ предѣлахъ буржуазно-капиталистическаго міра... Примѣръ за примѣромъ: ткачиха съ семьей изъ четырехъ дѣтей и больного мужа — зарабатываетъ 10 м. 65 пф. въ недѣлю. Шпульница, вдова съ дѣтьми, и того меньше — 7 м. Картина «домашняго ада», картина санитарныхъ неустройствъ на фабрикѣ... Въ одной изъ крупнѣйшихъ мастерскихъ бѣлья въ городѣ уборка производится только передъ большими праздниками... А положеніе роженицъ? Въ Хемницѣ имѣются по крайней мѣрѣ родильные дома, а здѣсь—рожай хоть на улицѣ.. Выводъ: борьба, безпощадная, непреклонная борьба съ эксплуататорами, разрушеніе «стараго міра», и т. д.

Энтузіазмъ — отвѣтъ аудиторіи на страстную рѣчь «боевой» ораторши.

— «Молодецъ баба! О, она у насъ дѣльный человѣкъ»—ликуетъ предсѣдатель. «Теперь ваше заключительное слово».

Заключительное слово сказано, но сойти съ трибуны не даютъ. Женщины окружили тѣснымъ кольцомъ, жмутъ руки, разспрашиваютъ о Россіи. Каково положеніе работницъ? Проснулось-ли «самосознаніе»? Что говорятъ мужья?

Очень довольны разсказомъ о русской ткачихѣ Гуковской фабрики, моей пріятельницѣ, которая установила съ мужемъ очередь «дежурства по хозяйству».

— «Вотъ видишь, Männchen!*) И я дежурство введу», рѣшаетъ кто-то.

Мужья улыбаются снисходительно, но кажется боятся, а вдругъ и въ самомъ дѣлѣ захотятъ жены послѣдовать «неразумному» совѣту этой «русской» агитаторши?

На улицу высыпаемъ гурьбою. Рѣшено зайти въ кнейпу «съ музыкой», отпраздновать удачный вечеръ. Настроеніе у всѣхъ приподнятое — расходиться неохота.

XII. Мѣстные типы (Карменъ).

Мужья подхватываютъ женъ подъ-руку. Впереди вертлявая черноглазая дѣвушка, текстильщица, съ огромными серьгами и шарфомъ, кокетливо наброшеннымъ на голову. Идетъ, покачивая бедрами и перекидываясь шутками съ мужчинами. Мѣстная «Карменъ»—это ясно. Мужчины такъ и липнутъ къ ней; то одинъ, то другой пытается подхватить ее подъ-руку, но она ловко выворачивается и безцеремонно хлопаетъ ихъ по спинѣ: «чего пристаете?!» Смѣхъ ея дразнитъ, зазываетъ, а она идетъ себѣ впереди, одна, покачивая бедрами, и будто тѣшится своею властью. А женщины шипятъ, перекидываются ядовитыми замѣчаніями.

— «Чего та съ нами увязалась? Совсѣмъ ей здѣсь не мѣсто... Шлюха!..» досадуетъ кривобокая ткачиха.

Худая, со слезящимися глазами, работница съ мыло-

*) „Муженекъ“.

варни, выражается еще сильнѣе. Должно быть, ихъ слова долетаютъ до «Карменъ», такъ какъ поведеніе ея становится явно вызывающимъ; а мужчины довольны, поддерживаютъ взятый ею тонъ...

Разспрашиваю о дѣятельности Комиссіи по охранѣ дѣтей. Большеглазая молодая женшина, съ симпатичнымъ лицомъ, оказывается во главѣ этой партійной организаціи. Сообщаетъ интересныя свѣдѣнія и предлагаетъ завтра утромъ прійти на вокзалъ, чтобы поглядѣть на воскресный Ausflug *), организованный комиссіей для дѣтей школьнаго возраста. Много тепла въ ея разсказахъ; чувствуется, что человѣкъ вкладываетъ сюда «живую душу».

— «Мы уже шестой годъ женаты», разсказываетъ она, идя рядомъ со мной, подъ-руку со своимъ мужемъ-наборщикомъ: «а дѣтей у насъ нѣтъ. Вотъ я и нашла исходъ для своихъ материнскихъ чувствъ. Пока наша дѣятельность еще довольно безсистемная, безъ точной программы, что жизнь подскажетъ; но дѣло такъ само въ руки и бѣжитъ. Слѣдимъ за положеніемъ дѣтей въ ученичествѣ; безпризорныхъ стараемся обставить человѣческими условіями... Бываетъ, что вмѣшиваемся и въ семейную жизнь нашихъ товарищей; приходится натыкатьея на весьма прискорбные факты... Нравы еще очень грубы у насъ, и часто страдательнымъ элементомъ являются дѣти»...

— «Еще бы! Калѣчатъ дѣтей, мучаютъ... Еслибъ дѣтямъ не такъ плохо жилось, и люди были бы иными», вдругъ оборачивается Карменъ; повидимому, слѣдила за нашимъ разговоромъ. «Одно я въ жизни выносить не могу, если бьютъ, истязаютъ дѣтей».

— «Ха-ха-ха! Товарищъ Елена становится сентиментальной! Это забавно».

Мужчины хохочутъ.

---

*) Экскурсію.

— «Что вы, мужчины, понимаете! Скоты вы, и больше ничего».

— «Не гнѣвайтесь, товарищъ Елена; заключимъ миръ на сегодняшнiй вечеръ».

— «Съ вами-то?! Много о себѣ воображаете!»—и она съ такой силой отталкиваетъ подхватившаго ея маленькаго, плотнаго человѣка, что тотъ ударяется спиной объ стѣну.

Публика довольна, хохочетъ. Но вотъ высокiй юноша забралъ таки Елену подъ-руку, пошептался съ ней, и парочка сворачиваетъ въ темный переулокъ. Мужчины пускаютъ ей вслѣдъ циничныя замѣчанiя; теперь и они «не щадятъ» Елену.

На углу она еще разъ оборачивается и, будто дразня, кричитъ:

— «Желаю товарищамъ-женщинамъ такой же прiятной ночи, какая предстоитъ намъ, съ моимъ Schatz'омъ»...

— «Дрянь! Потаскушка»... шипятъ женщины.

— «Я буду не я, если не подыму вопроса объ ея исключенiи изъ группы.. Позоръ для партiи такiе типы», возмущается кривобокая ткачиха—«довѣренное лицо».

— «Совершенно напрасно вы, Genossin Марта, такъ нападаете на Елену», запальчиво вступается бѣлокурый юноша въ велосипедномъ костюмѣ, все время катившiй возлѣ насъ по мостовой своего «стального коня». «Елена—прекрасная душа. И вамъ это извѣстно. Достаточно вспомнить, какъ она работала во время послѣдней стачки... Вы сами тогда говорили, что ея примѣръ другихъ заражалъ. Я не знаю другого человѣка во всей партiи, кто бы былъ такъ отзывчивъ на чужое горе, какъ Елена»...

— «Отзывчива!» Насмѣшливо: «на ухаживанiя отзывчива—это такъ!»

— «Неправда!» вскипаетъ юноша и сердито хло-

паетъ по сѣдлу своего велосипеда. «Неправда! Это вы всѣ вашими елейными указками мучаете Елену, оскорбляете ее... Вы, вы всѣ хуже поповъ,—вотъ, что я вамъ скажу! Не смѣете вы бранить Елену и обзывать позорными именами; она—партійный товарищъ».

— «Дѣвка она, вотъ кто, а не партійный товарищъ, твоя Елена!»

— «А вы... вы—старая ханжа и лицемѣрка! Погрязли въ вашей старо-дѣвичьей добродѣтели, потому что всѣ мужчины на васъ, кривобокую, плюютъ, да и злитесь, когда другіе жить хотятъ»...

— «Ахъ ты, мальчишка! ахъ ты, молокососъ!.. Я—ханжа? Я—лицемѣрка? Да вотъ я тебѣ сейчасъ вихры надеру»...

— «Только троньте! Только троньте!»

Страсти разыгрались, и только увѣщанія товарищей не дѣлать «уличнаго скандала» и не позорить этимъ партію наводятъ порядокъ и заставляютъ спорящихъ разойтись, съ глухимъ ворчаньемъ другъ на друга.

Настроеніе испорчено, и часть публики удаляется, не дойдя до кнейпы «съ музыкой».

Въ кнейпѣ по субботнему оживленно и многолюдно. Густой дымъ отъ сигаръ, запахъ пива, взвизгиваніе нестройнаго оркестрика, пьяные голоса, хохотъ, вскрики... Кажется, что задыхаешься, что въ головѣ съ болью отдается весь этотъ пьяный, безтолковый шумъ...

Занимаемъ круглый столъ. Появляется пиво въ кружкахъ, въ бокалахъ, свѣтлое, темное... Предлагаю каждому разсказать, кто при какихъ условіяхъ сталъ соціалистомъ? Попутно разворачивается всегда весьма поучительная и любопытная картина.

Большинство не умѣетъ установить, что дало толчокъ ихъ самосознанію? Отцы были партійными; атмосфера была насыщена соціалистическими идеями; не представлялось иныхъ путей, иныхъ жизненныхъ пре-

дѣловъ. Одинъ утверждаетъ, что Бебель оказалъ на него рѣшающее вліяніе, другой вспоминаетъ избирательную кампанію 1903 года... Женщины почти всѣ утверждаютъ, что попали въ партію уже послѣ замужества, подъ вліяніемъ мужей. Есть, впрочемъ, и такія, какъ кривобокая ткачиха, которыя по наслѣдству отъ отца переняли партійность»...

Упорно молчитъ только бѣлокурый велосипедистъ, рыцарскій защитникъ Карменъ.

Пиво замѣтно дѣйствуетъ. Развязываются языки, и самое обращеніе другъ съ другомъ дѣлается «вольнымъ»... Мужья наваливаются плечами на женъ, обнимаютъ. Женщины хихикаютъ, хмѣльными, поблескивающими глазками поглядываютъ на мужчинъ. Парочки «законныя» обмѣниваются такими нѣжностями, отъ которыхъ мужчины «ржутъ» и хлопаютъ себя по колѣнкамъ...

Незамѣтно пробираюсь къ выходу.

— «Вы позволите васъ проводить до гостиницы?» Это—бѣлокурый велосипедистъ.

— «Разумѣется».

На улицѣ тихо, безлюдно. Первый часъ.

— «Я хотѣлъ предложить вамъ одинъ вопросъ: очень трудно стать ораторомъ?» озабоченно освѣдомляется онъ. «Долженъ вамъ признаться—это моя самая завѣтная мечта... Но я очень легко робѣю... Вы слышали Франка? Вотъ это ораторъ! Такъ, именно такъ и я хочу говорить... Можно этому выучиться?»

Подавляю улыбку. Вспоминаю дѣвочку, которая, видя, какъ я строчу, съ любопытствомъ освѣдомилась:

«А это очень трудно написать «книгу?»

Стараюсь дать добросовѣстные совѣты, указанія... Юная, довѣрчивая душа быстро распахивается, ищетъ сочувствія, опоры.

Маленькая, банальная жизненная драма, стоющая

много горечи молодой, неиспорченной, наивно-восторженной душѣ. Отецъ—желѣзнодорожный служащій, ярый монархистъ. Душѣ, рвущейся на вольный воздухъ, тѣсно, душно среди узкихъ традицій приличнаго бюргерскаго дома. Случайное знакомство съ «партійными». Тайное вступленіе въ партію. Наивное обремененіе лидеровъ личными жалобами, исканіе у нихъ отвѣтовъ на «всѣ» запросы и вопросы безпокойной, юной души... Понятное нетерпѣніе со стороны людей, заваленныхъ текущей работой, невниманіе обидное, непонятное для юности... Досадныя насмѣшки надъ безсиліемъ двадцатилѣтняго юноши избавиться отъ родительскаго гнета.

— «Еслибъ вы знали, какъ много я вытерпѣлъ отъ нихъ, отъ своихъ же единомышленниковъ... А развѣ я виноватъ, что мой отецъ монархистъ и что я принужденъ служить въ этой проклятой конторѣ? Развѣ же я не такой же пролетарій?» А они ругаются: «контористъ», «буржуа»—въ голосѣ дѣтская обида, почти слезы. «И потомъ я не терплю, когда наши начинаютъ судить людей такъ, какъ это дѣлаютъ die Kleinbürger... *) Развѣ мы не должны придерживаться передовыхъ воззрѣній въ морали? А вы послушайте-ка, что говоритъ товарищъ Марта! Могла бы руку моей матушкѣ подать... Мнѣ про Россію очень много разсказывалъ одинъ эмигрантъ, рабочій... Правда, что у васъ другіе нравы? что вы гораздо болѣе «передовой народъ» въ вопросахъ половой морали? Какъ же это произошло? Почему?»

Но мы уже у дверей гостиницы и вопросы любознательнаго велосипедиста остаются безъ отвѣта...

---

*) Мѣщане.

XIII. Дѣтская экскурсія.

Утро солнечное, какъ по заказу. На перронѣ станціи Ріеза необычное оживленіе: ликующія, радостныя дѣтскія мордочки, жужжаніе дѣтскихъ голосовъ. У мальчиковъ за плечами—горныя сумки, гордость обладателя. У дѣвочекъ плетенки и сумочки черезъ плечо. Матери и руководительница поѣздки хлопочутъ надъ провіантомъ. Вотъ и моя вчерашняя знакомая—большеглазая Genossin.

— «Намъ везетъ! погода лѣтняя... Не правда-ли, радостно глядѣть на эту «недисциплинированную банду разбойниковъ»? Бѣдовый народъ... Поглядите: всѣ опрятно одѣты, всѣ умыты, какъ слѣдуетъ... Это создаетъ культурныя привычки... Да и мамашамъ полезно... Незамѣтно, незамѣтно, а вытягиваемъ и ихъ изъ кухни. Сейчасъ варили «коммунистическій кофе»; пока дѣло дойдетъ до обобществленнаго производства, мы довольствуемся совмѣстнымъ потребленіемъ. Каждый несетъ, что можетъ... А проѣздъ на счетъ группы... Весь день пробудемъ на воздухѣ. Для этихъ городскихъ грибовъ—провѣтрить легкія—это полезнѣе, чѣмъ всякое лекарство. Ну дѣти, готовьтесь! Черезъ пять минутъ подойдетъ нашъ поѣздъ».

Мальчики толпятся возлѣ запасного паровоза, жестикулируютъ, о чемъ-то совѣщаются съ машинистомъ... Добродушно улыбаясь, подсаживаетъ онъ къ себѣ въ будку одного за другимъ любознательныхъ изслѣдователей... Сколько гордости—побывалъ на паровозѣ! Высовываются изъ окна, машутъ шапченками, зовутъ матерей, сестеръ...

— «Вотъ этихъ двухъ», говоритъ большеглазая Genossin, ведя за руку двухъ блѣдныхъ и вялыхъ мальчиковъ, «мы спасли отъ вѣрной гибели»... Она гладитъ ихъ съ нѣжностью матери. «Дѣти! Не

стойте же вы около меня... Пойдите тоже на паровозъ». Мальчики послушно отходятъ.

— «Мать ихъ алкоголичка и продала ихъ, именно продала за ничтожную сумму сапожному мастеру. У него они жили въ качествѣ «пріемныхъ дѣтей». Но что это былъ за ужасъ! Дѣти работали больше взрослыхъ, возвращались изъ школы и до ночи; питались Богъ знаетъ какъ, спали на полу... И били ихъ, били нещадно. У младшаго оказалось два ребра поломанными. А сколько намъ стоило хлопотъ ихъ оттуда вызволить!.. Какъ вспомнишь такіе факты, такъ и чувствуешь: не зря существуетъ наша Kinderschutz Kommission *). Конечно, хлопотъ много, говорить нечего... Съ полиціей непріятности... А главное косность самихъ родителей. Такіе бываютъ упрямые ослы, что хоть колъ на головѣ теши... Отсталый народъ!.. Будь я министромъ, я бы всѣ возжи распустила, дѣлайте, что хотите, косность и наша собственная тупость и консерватизмъ — лучшая гарантія, что міръ еще не такъ-то скоро обновится... Дѣти! Дѣти! Сюда! Поѣздъ идетъ...»

Руководительницы отбираютъ малышей, группируютъ по возрастамъ. Для экскурсантовъ цѣлый вагонъ IV класса.

— «Hallo! Hella! Adieu, Mutti! Lebewohl, Lotti!» машутъ платками, шапками, тѣснятся къ окнамъ.

— «Es lebe die Sozialdemokratie!» кричитъ маленькій смѣльчакъ, подбрасывая фуражку.

Хоръ дѣтскихъ, ломающихся голосковъ затягиваетъ пѣсню. Поѣздъ трогается. На перронѣ остается нѣсколько мамашъ съ младшими дѣтьми, «дошкольнаго возраста».

— «Да, да!» вздыхаетъ женщина съ огромнымъ животомъ, небрежно волоча за собою карапуза на

*) Комиссія по охранѣ дѣтей—партійное учрежденіе.

кривыхъ ногахъ, «теперь настали другія времена... Въ моей молодости развѣ съ нами стали бы вотъ этакъ возиться? На чужой счетъ катать? И въ голову бы не пришло... А кто его знаетъ, полезно-ли это? Балуются дѣти... А жизнь, небойсь, не побалуетъ».

— «Я сама такъ думаю», живо присоединяется другая, узнаю въ ней жену мѣстнаго редактора. «Конечно, наша обязанность заботиться о томъ, чтобы дѣти росли въ здоровой обстановкѣ... Каждая образованная мать понимаетъ это! Но давать имъ «волю», носиться съ ними, позволять имъ поступать, какъ они хотятъ, съ этимъ я никогда не соглашусь, какъ бы это ни проповѣдывали нѣкоторыя наши Genosinnen... Отъ этихъ теорій дѣтскія головы только свертѣться могутъ... Недавно я хотѣла своего сынишку за что-то отодрать, нельзя же безъ этого? А онъ всталъ въ этакую позу передо мною, да и говоритъ: «Ты не смѣешь меня бить! Ни одна «сознательная» мать своихъ дѣтей не бьетъ». Вы только подумайте, что дѣтямъ внушаютъ? Какая же послѣ этого дисциплина въ семьѣ будетъ?»

— «Вотъ, вотъ и у меня былъ такой же случай», вмѣшивается третья. «Мой Фрицъ такъ прямо мнѣ и заявилъ: «если ты меня хоть пальцемъ тронешь, я сейчасъ въ Комиссію пожалуюсь». Это все Genossin Анна намъ дѣтей портитъ»...

— «Ну да! а все потому, что у ней нѣтъ дѣтей; будь свои ребята,—быстро бы поняла, что безъ шлепковъ не обойтись... А теперь еще эту возню подняли, чтобы и въ школѣ дѣтей не наказывали... Слыханное ли это дѣло? Дѣтей слѣдуетъ учить», авторитетно рѣшаетъ жена редактора, и съ ней соглашаются всѣ остальныя.

Приходятъ къ выводу, что товарищъ Анна слишкомъ забрала «Комиссію» въ свои руки и вертитъ всѣми, какъ ей заблагоразсудится... Надо бы погово-

рить съ «толковыми» людьми по этому поводу, пусть бы поставили ее на свое мѣсто...

Бѣдная большеглазая Genossin Анна! Въ своемъ благодушномъ настроеніи, окруженная ликующими дѣтскими рожицами, она и не подозрѣваетъ, что тутъ же на перронѣ противъ нея составляется маленькій «комплотъ»...

XIV. Умирающій городъ.

Пустынно и темно въ узкихъ уличкахъ стараго текстильнаго гнѣзда Grossenhain'а. Насупились низкіе дома съ высокими, крутыми крышами; точно вымерла жизнь за ихъ темными, пустыми окнами. Ни кафе, ни оживляющихъ магазинныхъ огней, ни трамваевъ.

Унылая, пустая площадь; посрединѣ — мучной складъ. Безлюдно, беззвучно... Но это—не та убаюкивающая тишина деревни, за которой улавливаешь притаившіеся шорохи жизни, заглушенные звуки говорящей природы... Здѣсь тишина глухого, мертваго подземелья. И кажется, будто самое небо, беззвѣздное, тусклое, налегло на крыши домовъ и давитъ, и душитъ...

Когда-то, полъ-столѣтія тому назадъ Grossenhain былъ живымъ центромъ текстильной промышленности. Сюда изъ далекихъ странъ длинныя вереницы вагоновъ привозили тюки, туго набитые лучшими сортами хлопка. Отсюда увозили узорчатыя тонкія ткани съ замысловатыми рисунками, пестрыми и мелкими,—спеціальность Grossenhain'а. Кипѣла жизнь въ маленькомъ городѣ. Пыхтѣли фабрики, громыхали нагруженныя фуры, позванивали денежки...

Раннимъ утромъ къ фабричнымъ зданіямъ тяну-

лись тяжелой и вялой походкой съ безпросвѣтной покорностью судьбѣ «рабы капитала»... Это были дѣти «ткачей» Гауптмана. Кирпичное чудовище поглотило въ своей ненасытной утробѣ ихъ кормильцевъ, прекратило біеніе жизни въ сотняхъ ткацкихъ станковъ, что стояли въ родныхъ избахъ, разорило избы, разсыпало членовъ семей по бѣлу-свѣту... И, чтобы довершить униженіе, заставило и женъ, и дѣтей стучаться въ ворота къ «кирпичному чудовищу» и терпѣливо предлагать свое единственное достояніе—рабочія руки...

Но сюда же, въ это закопченое гнѣздо печали, гдѣ чахоточный кашель смѣшивался съ криками голодныхъ младенцевъ, долетали и первыя искры разгоравшагося «краснаго пламени». Сюда, одушевленные непоколебимой вѣрой въ близость побѣды, являлись люди другого міра, юныя, пылкія головы. Здѣсь, въ тѣсномъ кругу, въ надежной, дружеской кнейпѣ вели они свои воодушевляющія, пламенныя бесѣды... И въ сердцахъ вмѣстѣ съ искрой надежды разгорался протестъ, пробуждалась энергія, зарождалась новая, невѣдомая имъ самимъ сила...

Попрежнему, рано поутру тянулись длинныя вереницы рабочихъ. Попрежнему, потирая руки, сгребали позванивающее золото хозяева; но Grossenhain уже былъ не тотъ, что прежде.

Что-то таила глухо-роптавшая масса; что-то нарождалось тамъ, въ глубинѣ, за тусклыми окошками низкихъ, затхлыхъ перенаселенныхъ рабочихъ квартиръ... Въ маленькихъ домикахъ съ острыми крышами шла новая, тревожившая властителей города, жизнь... Тамъ формирвовалась и росла новая сила—организація рабочихъ...

Уже не разъ пришлось изумленнымъ хозяевамъ, привыкшимъ съ удобствами, «безъ помѣхъ», пользоваться по своему усмотрѣнію живымъ товаромъ,

столкнуться съ непонятной, жуткой «непокорностью» недавнихъ послушныхъ рабовъ. Уже не разъ среди бѣлаго дня, въ неурочное время, умолкали станки и пустѣли мастерскія... Уже не разъ разогрѣтая толпа угрожающе обступала фабричную контору и заставляла самого г-на директора, съ трясущейся челюстью, выходитъ къ ней для «окончательныхъ переговоровъ»...

Въ тусклыхъ жилищахъ текстильщиковъ забрезжилъ свѣтъ надежды... Позднѣе сталъ теперь гудѣть по утрамъ нудно-настойчивый фабричный гудокъ; раньше стали зажигаться огни въ квартирахъ рабочихъ. И родители рѣже выносили въ сумеречную пору крошечные дѣтскіе, плохо-сколоченные гробики...

Казалось, ласковое солнце надежды забросило свой мягкій лучъ въ закопченное гнѣздо и шептало о близости, о возможности избавленія.

Но новая бѣда уже сторожила у воротъ злополучнаго гнѣзда печали. Со всѣхъ сторонъ, тѣснымъ кольцомъ обступили, окружили текстильный городъ новыя предпріятія «усовершенствованнаго» типа. Величавыя фабрики съ громадными окнами, со сказочными изобрѣтеніями новѣйшей техники, безъ трясущихся подъ ногами половъ, безъ адскаго, безтолковаго грохота машинъ... Новые методы фабрикаціи товара, новые, невиданные сорта тканей... Не угонишься за ними!

Старый Grossenhain глядѣлъ сначала изумленно, обиженно, попробовалъ понатужиться, посостязаться, но быстро опустилъ свои отяжелѣвшія, старыя крылья. Вагоны, нагруженные заморскимъ хлопкомъ, все чаще и чаще останавливались теперь у сосѣднихъ мѣстечекъ и станцій, все рѣже увозили изъ Grossenhain'a пестрыя узорчатыя ткани—спеціальность умиравшаго города... Если жизнь не замерла еще окончательно, то только потому, что всю тяжесть «креста», выпавшаго на долю стараго города, хозяева пытались пе-

реложить на плечи снова притихшихъ, покорныхъ рабочихъ...

— Вотъ одна изъ послѣднихъ, не сдающихся пока крѣпостей, самое крупное предпріятіе города,—указываетъ мнѣ мой спутникъ на угрюмое, длинное фабричное зданіе, съ узкими, мелкими окнами и уродливыми трубами.

— Теперь такихъ чудовищъ больше не встрѣтишь. Прежде война велась въ открытую: мы — съ одной стороны, они—съ другой... Никакихъ сантиментовъ! Теперь же, со всей этой слащавой болтовней о соціальныхъ реформахъ, даже г-да фабриканты сбиваются съ тона и воображаютъ, что, если бумагопрядильня будетъ имѣть видъ увеселительнаго дворца, то классовые интересы сами собою смягчатся. Впрочемъ, старыхъ гроссенхайнцевъ сладкими словечками не купишь. У насъ ненависть въ крови, — съ молокомъ матери всосали... Четвертое поколѣніе во власти капитала,—это что-нибудь да значитъ! Я еще помню, какъ дѣдъ мой изъ упрямства просиживалъ ночи за своимъ станкомъ... И чуть отца не проклялъ, когда тотъ на фабрику отправился... Такъ и умеръ дѣдъ за станкомъ. Утромъ нашли его мертвымъ, а челнокъ въ рукѣ зажатъ. Съ челнокомъ и похоронили...

Мой спутникъ — предсѣдатель мѣстной группы. Старикъ, худой, высокій, держится прямо, гордо несетъ свою красивую голову съ широкой бородой и тонкимъ профилемъ. Волосы бѣлые, а брови и глаза живые, какъ у юноши, черные. Могъ-бы сойти за малоросса.

— Разумѣется, нашъ городъ умираетъ, — продолжаетъ онъ свой образный разсказъ.—Держимся только дешевкой... Дрянной товаръ стали вырабатывать, за то дешево. Конечно, и эксплуатація соотвѣтствующая... Чители вы книгу Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англіи? Не хотите-ли живую иллюстрацію

къ книгѣ? А еще говорятъ о томъ, что устарѣла, молъ, теорія обнищанія... На моихъ глазахъ измѣняется картина: нищенская плата, отвратительныя условія мастерскихъ, звѣрское обращеніе...

— Но почему-же рабочіе здѣсь остаются?

— Почему? Привычка къ мѣсту — это главное... Дѣдъ жилъ, отецъ жилъ... Да и куда пойдешь? Вы думаете, въ другихъ мѣстахъ слаще? Всюду тѣ же кровопійцы, всюду тѣ же порядки... Къ тому же—неизвѣстность, безработица... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, «свое», изведанное... Впрочемъ, молодежь и не остается, вотъ и мои сыновья всѣ разбрелись по свѣту... Но одни уходятъ, а другіе, изъ деревень, все еще тянутся сюда по старой памяти. Обратите вниманіе на собраніи, увидите два рѣзко отличающихся другъ отъ друга типа. Одни, это — мы, поколѣніе текстильщиковъ, нездоровыя и некрасивыя лица, чахоточныя груди... Другіе—деревенскіе парнишки, кровь съ молокомъ; не успѣла еще фабрика выѣсть изъ нихъ запасъ деревенскаго здоровья... Дѣти пахарей изъ Шлезвига, изъ Богеміи... Да, да наслѣдственность — великая вещь! «Естественный подборъ»... Вотъ вы, молодое поколѣніе, совсѣмъ невѣжды въ естественныхъ наукахъ, Дарвина и того не знаете... Въ наше же время каждый соціалистъ создавалъ себѣ прочный фундаментъ изъ естественныхъ наукъ... Поглядите на меня: если я не обратился къ своимъ шестидесяти годамъ въ дряхлаго старца, а еще ношу образъ и подобіе человѣка, то этимъ я всецѣло обязанъ своей матери и бабкѣ. Крестьянками были; дѣдушка и отецъ оба ѣздили за невѣстами въ деревенскую глушь, куда капиталъ еще не протягивалъ своихъ цѣпкихъ лапъ... Здоровыя были бабы; мать моя до 80 лѣтъ дожила и всѣхъ насъ въ повиновеніи держала, недавно и померла-то...

— Вы давно въ организаціи работаете?

— Скоро двадцать пять лѣтъ состою партійнымъ и союзнымъ функціонеромъ одновременно. У насъ тутъ дружно люди живутъ, нѣтъ этой безтолковой грызни; союзъ, партія — всѣ одному Богу служатъ; изъ-за чего же копья ломать?

Мы дошли. Залъ большой, но низкій. Невыносимо жарко, душно, накурено.

— Отчего такъ мало женщинъ?

— А на что онѣ вамъ? — иронически улыбается предсѣдатель, и его живые глаза загораются задорнымъ огонькомъ.—Неужто и вы «равноправка»?

— Мой образъ дѣйствій вамъ это подтверждаетъ.

— То, что вы агитаторша? Это ничего не доказываетъ. Исключенія всегда возможны. Но для массъ, для большинства женщинъ,—это вредная, недопустимая, безумная затѣя... Наивный утопизмъ и глупость, болѣе ничего.

— Какъ вы можете такъ разсуждать, когда сами прекрасно знаете, что именно въ вашей отрасли промышленности, именно у текстильщиковъ, женскій трудъ играетъ такую огромную роль?

— Что-же изъ этого? Что-же тутъ хорошаго, скажите на милость? Хозяйство запускается, квартиры обращаются въ свиные хлѣвы, дѣти мрутъ, а кто выживаетъ, тотъ становится воромъ, пьяницей, негодяемъ... На что похожа женщина, побывавшая на фабрикѣ? Поглядите, полюбуйтесь!.. Вы думаете, намъ мужьямъ это пріятно? Вы думаете, это поддерживаетъ любовь, когда жену уже къ тридцати годамъ отъ вѣдьмы не отличишь?—Глаза у старика горятъ: видно, задѣла больной вопросъ.—Моихъ дочерей я ни одну до этого паденія не допустилъ. Приходилось и голодъ терпѣть, но ни я, ни жена не сдавались...

— Но вы сами знаете: бываютъ случаи, и къ сожалѣнію частые, когда нѣтъ другого исхода, какъ

послать жену и дочерей на службу къ «кирпичному чудовищу»...

— Неправда! Ложь!—и кулакъ его тяжело ударяетъ по столу.—Кабы не женщины, никогда бы такъ низко не палъ нашъ заработокъ... Мужчины сумѣли бы себя отстоять; а эти бабы, эти вертихвостки, готовы бросить семью, домъ, продать себя капиталисту, чорту, кому хотите, изъ-за лишней тряпки; наше классовое дѣло страдаетъ... Вы думаете, я не агитировалъ за десятичасовой рабочій день для женщинъ? Ого! Еще какъ! Пусть-ка законъ имъ хвостъ поприщемитъ... У насъ тутъ по 11 часовъ работаютъ—не желаете-ли на 10 часовъ перейти изъ-за бабъ?.. Думаете перешли? Нѣтъ. Попросту стали бабъ разсчитывать. И прекрасно. Мужчины безъ нихъ лучше за себя постоятъ... Однако, начнемъ...

XV. «Женская долюшка».

На станцію меня вызвалось провожать нѣсколько женщинъ. Кажется, остались довольны, чувствуютъ, что для нихъ вела рѣчь.

А предсѣдатель иронически улыбается, пожимая мнѣ руку на прощанье.

— Молоды вы еще,—вотъ что я вамъ скажу, товарищъ! Думаете, старый дуракъ не пойметъ, въ чей огородъ вы камешки забрасывали, а? Противъ меня агитацію повели; бабьи интересы, значитъ, подъ защиту взяли... Ну, да Богъ съ вами; спасибо, что публику расшевелили. Другой разъ пріѣзжайте; мы вамъ полный залъ женщинъ наберемъ!.. Вишь, съ какой помпой васъ провожаютъ — эскортъ бабій!

Смотрите, не совратите вы ихъ окончательно, — шутливо грозитъ онъ пальцемъ.

Женщины закутались въ платки и шали. Неожиданно налетѣли холода; ночь вѣтреная, морозная... Лица у женщинъ нездоровыя, усталыя; старящія, уродующія борозды провели на нихъ заботы и жизнь...

— Вы говорите десятичасовой рабочій день? А гдѣ онъ соблюдается? десятичасовой день — это на бумагѣ, а у насъ все сверхъ-урочные часы... Говорятъ: это «временно», и всего-то полъ-часа лишнихъ... Для нихъ это незамѣтно, а для насъ то каково? А не согласна—ступай за ворота, — жалуется одна.

— А развѣ фабричная инспекція не слѣдитъ за правильнымъ исполненіемъ закона?

— Какъ же ей слѣдить? Сверхъ-урочные часы же не вписаны...

— Отчего вы не жалуетесь?

— Кому? инспектрисѣ? Нашли судью! Начнетъ насъ же увѣщевать: «вы плохія хозяйки; оттого у васъ и заработка не хватаетъ... У разсудительной да экономной хозяйки еще сбереженія бы получились. Вотъ пойдите на кулинарные курсы! Прекрасное учрежденіе», — передразниваетъ она испектрису. — «Всему васъ тамъ научатъ. Самъ господинъ пасторъ во главѣ стоитъ... Небесное жаркое учитъ готовить»... Нѣтъ. Мы съ инспекціей не связываемся. Если что надо, идемъ къ нашему довѣренному лицу отъ союза; это все же свой человѣкъ,—не подведетъ.

— Говорили, говорили соціалъ-демократы о новомъ законѣ для женщинъ. Не вѣсть какихъ благъ наобѣщали, а что вышло? Къ чему привело? — жалуется другая.—Насъ тридцать женщинъ на улицу выбросили, только и всего. Лучше, что ли, что я теперь надъ вышивками по тюлю слѣпну? Сколько за-

рабатываю? Скажу, такъ не повѣрите... Бываетъ, что и 4 марокъ въ недѣлю не получаю.

— Всѣмъ тяжело! ужъ не знаешь, кому и завидовать,—вздыхаетъ третья.—Мужья всѣ хвастаются: «я семью кормлю, я и хозяинъ». А какое тамъ кормитъ... Онъ-то 10 часовъ работаетъ на фабрикѣ, а я весь вѣкъ спины не разгибаю. Онъ семью кормитъ! Да если бъ я надъ каждымъ пфеннигомъ не дрожала, развѣ бы мы могли самъ-шестъ на 15 мар. въ недѣлю прожить? Все сама дѣлаю: сама мужу панталоны шью, сама дѣтямъ чулки вяжу, бѣлье... Это вы правильно сказали: двое мы за тѣ же несчастныя 15 марокъ въ недѣлю на капиталиста работаемъ.

— Я вотъ къ семейному очагу вернулась, какъ рекомендуетъ намъ предсѣдатель, а что хорошаго? Голодаемъ больше прежняго, только и всего...—горько усмѣхается четвертая. — Ничего не подѣлаешь. У каждаго свое горе... Мы въ красильномъ отдѣленіи работали, сестра да я... съ чаномъ что-то неладное приключилось,—вырвался паръ, да прямо на насъ... Ей все лицо, грудь, животъ обварило. Три недѣли промучилась въ больницѣ, да и померла. А мнѣ только плечо да лѣвую руку обдало, и то поправиться не могу. Видите, и сейчасъ рука въ бинтѣ? Язвы пошли, болячки; не залѣчиваются...

— Пособіе вамъ выдаютъ?

— Конечно. Я—организована. Да развѣ на это проживешь? У насъ дѣти, да и сейчасъ вотъ беременна опять. Это ужъ мужья скоты насъ награждаютъ... Угождай имъ, а не то сейчасъ къ дѣвкамъ побѣгутъ... И шелъ бы... Жаль, что ли? Да деньги туда снесетъ—вотъ бѣда, начнетъ пить... А мы—голодомъ сиди. Обидно. Возьмите хоть теперь меня: гдѣ ужъ мнѣ съ третьимъ ребенкомъ возиться? И тѣ-то ухода требуютъ. Я ему и говорю: «пожалѣй ты меня, Карлъ! вѣдь жена я тебѣ... и «товарищъ»...

Помнишь, вмѣстѣ съ хозяиномъ воевали? Тогда и полюбили другъ друга... Силъ моихъ больше нѣтъ... Больна вѣдь я»... Такъ нѣтъ вѣдь, на своемъ настоялъ.—«Если ты меня гнать будешь—къ дѣвкѣ пойду»...

Закутанныя въ своихъ толстыхъ платкахъ-шаляхъ движутся темныя, безформенныя женскія фигуры въ полутьмѣ вымершихъ улицъ тянутся до жути однородныя повѣсти «бабьей долюшки»...

— Помните Марію? Погибла дѣвушка, — спилась, говорятъ... Поневолѣ запьешь отъ такой жизни...

Тусклая мертвая станція. Кругомъ меня ни одного пассажира. Тепло жмутъ руки эти закутанныя фигуры съ усталыми, скорбными лицами. Благодарятъ.

За что? За то, что въ эти краткіе вечерніе часы позволила имъ забыть о тусклой безпросвѣтности ихъ темнаго существованія?

VI. ДАНІЯ.

I. Копенгагенъ.

Къ Копенгагену пароходъ нашъ подошелъ къ вечеру. Краснымъ отсвѣтомъ заходящаго солнца залитъ старый портъ; гавань полна жизни. Рядомъ съ военными пароходами послѣднихъ типовъ, величаво и плавно скользятъ, распустивъ свои потрепанные бурей паруса, рыбацкіе корабли, снуютъ лодки и пароходишки. Странно плоски фасады домовъ, рельефы отсутствуютъ, даже выкрашенныя въ бѣлую краску оконныя рамы, сливаются въ одну неразрывную со стѣнами линію и кажутся нарисованными, какъ на плохихъ театральныхъ декораціяхъ...

Съ трудомъ отыскиваемъ помѣщеніе въ отелѣ— все занято: послѣ завтра начало женской интернаціональной соціалистической конференціи, а за ней непосредственно и самый международный конгрессъ. Но уже завтра у насъ, делегатокъ женской конференціи, назначено частное совѣщаніе.

Съ утра поиски бюро конференціи. Стучимся въ помѣщеніе, гдѣ должна происходить конференція— пусто. Въ буфетѣ улыбающіяся, но абсолютно неосвѣдомленныя продавщицы, посылаютъ насъ въ редакцію центральнаго органа партіи.

Летимъ въ редакцію. Много рукопожатій, привѣтливыхъ улыбокъ, но и здѣсь никого изъ организаторовъ. Даютъ адресъ секретаріата партіи. Та же кар-

тина: милыя привѣтствія, рукопожатія, но никто не освѣдомленъ: гдѣ вечернее собраніе? Отъ кого зависитъ выдать намъ билеты? Куда передать мандаты? Достаемъ адресъ секретарши женскаго бюро по организаціи конференціи и летимъ на другой конецъ города на ея квартиру. Пусто. Сжалившаяся надъ нами сосѣдка, объясняетъ, что «фру Макъ ушла съ утра и до вечера не вернется». Возвращаемся въ секретаріатъ, усталыя, раздраженныя, критикуя отсутствіе «порядка», особенно поражающаго послѣ образцовой организованности Штутгартскаго интернаціональнаго съѣзда, гдѣ все и вся было приспособлено для удобства делегатовъ. Милая привѣтливость фру Макъ, ея энергичное розовое личико съ темными глазами и ореолъ золотистыхъ «сѣверныхъ» волосъ — стираютъ непріятное впечатлѣніе тщетныхъ поисковъ. Получаемъ отъ нея всѣ необходимыя свѣдѣнія и прощаемся до вечера.

Навѣщаю Цеткину. Она, какъ всегда, за работой— вмѣстѣ съ Монтефіоре переводитъ текстъ ею же составленной резолюціи по поводу судебъ Финляндіи. Вслѣдъ за мною—представительница отъ горныхъ рабочихъ изъ Колорадо,—миссъ Твайнингъ. Ея геройское поведеніе во время стачки шахтеровъ, ея арестъ и заключеніе въ тюрьмѣ наравнѣ съ уголовными, за подстрекательство «къ сопротивленію властямъ» — высшее преступленіе въ Америкѣ—мнѣ уже извѣстны. Съ удивленіемъ вижу передъ собою типичную американскую миссъ, стройную, въ модномъ платьѣ и парижской шляпѣ. Не столько красивое, сколько милое лицо, большая простота и «джентльменство» въ манерахъ, въ обращеніи. Сразу чувствуется «хорошій товарищъ».

Подходятъ еще нѣмецкія Genossinnen, уславливаемся насчетъ президіума, намѣчаемъ секретарей, обсуждаемъ выступленіе. Ожидается «сраженіе» съ англій-

ской делегаціей, членами независимой рабочей партіей и фабіанками. Монтефіоре патетически пересчитываетъ ихъ «преступленія» и отступленія отъ ортодоксіи. Цеткина готова уже сейчасъ «намылить» имъ голову... Она особенно нервна сегодня, особенно переутомлена.

— «Приходите, непремѣнно приходите сегодня вечеромъ на частное совѣщаніе», уговариваетъ она насъ по очереди, «надо поглядѣть, что здѣсь за публика, боюсь, что и датчанки намъ доставятъ хлопоты. Въ ихъ головахъ—сумбуръ... Остатки буржуазнаго фиминизма».

«Частное совѣщаніе» происходитъ вечеромъ въ партійномъ или народномъ домѣ, гдѣ завтра откроетъ свои засѣданія женская конференція.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ насъ фрау Макъ. Залъ освѣщенъ тускло. За длиннымъ столомъ посреди залы сидятъ человѣкъ сорокъ делегатокъ отъ сѣверныхъ странъ—датчанки и шведки. Все больше немолодыя лица, характерные народные типы, интеллигентки—исключеніе.

Вокругъ жестикулирующей и взволнованно-ораторствующей Цеткиной толпятся члены нѣмецкой делегаціи. Подхожу.

— «Вы слышали, какую резолюцію онѣ собираются вынести?» Цеткина быстро оборачивается ко мнѣ и указываетъ на датчанокъ и шведокъ. «Протестъ противъ законодательнаго запрещенія ночнаго труда женщинъ!.. Вы видите, онѣ еще всецѣло въ когтяхъ феминизма... Возмутительное ослѣпленіе... Буржуазная идеологія... Намъ предстоитъ серьезная борьба... Прошу васъ всѣхъ основательнѣе къ этому подготовиться»...

— «Говорятъ, англичанки привезли сюда свою «реликвію»—мистриссъ Деспардъ», таинственно сообщаетъ мнѣ одна изъ нѣмецкихъ делегатокъ, «будетъ

жаркая схватка!» И на ея лицѣ мелкаетъ жадное и ехидное любопытство.

Фрау Макъ подходитъ ко мнѣ съ высокой, хорошо одѣтой дѣвушкой, при взглядѣ на лицо которой сразу рѣшаешь: «это нѣкто». Умные глаза и что-то спокойное, рѣшительное и уравновѣшенное въ чертахъ, въ манерѣ, голосѣ.

— «Членъ Копенгагенскаго муниципальнаго совѣта,—фрекэнъ Кронъ, делегатка отъ наборщицъ».

Со спокойнымъ достоинствомъ разсказываетъ она мнѣ, что прошла она голосами соціалистовъ при первыхъ же выборахъ въ городской совѣтъ, на которыхъ участвовали женщины. Ей 25 лѣтъ, работаетъ она въ газетной, слѣдовательно, ночной типографіи. Въ періодъ съѣзда придется работать по ночамъ, а днемъ присутствовать на засѣданіяхъ; но трудъ не тяжелый и часы рабочіе ограничены «идеальной» 8-ми часовой нормой. Нашъ разговоръ все время прерывается запросами, которые летятъ къ фрекэнъ Кронъ со всѣхъ концовъ. Въ ея рукахъ, очевидно, «дирижерская палочка»...

Знакомлюсь съ маленькой, полной, сѣдой шведкой. Славное, поблекшее лицо и молодые, живые глаза. Одна изъ наиболѣе энергичныхъ агитаторшъ въ области женскаго соціалистическаго движенія Швеціи. Только что закончила турнэ по деревнямъ и седамъ, полна бодрящихъ впечатлѣній. «Женскіе соціалистическіе клубы» растутъ, какъ грибы, идея организаціи работницъ подъ знаменемъ соціализма расползается по всей странѣ... Къ движенію примыкаютъ даже старухи... Вотъ и она изъ ихъ числа: дѣти всѣ повыросли, мужъ умеръ, если бъ не работа въ партіи—была бы одинока и заброшена... Сейчасъ у ней всюду, въ каждой деревнѣ—«семья», женщины-единомышленницы.

Звонокъ предсѣдательницы заставляетъ насъ пре-

рвать бесѣду и занять мѣста. Подготовительное совѣщаніе объявляется открытымъ.

II. На женской конференціи.

Въ залѣ, гдѣ должна происходить женская конференція, царитъ то приподнятое, праздничное настроеніе, полное ожиданія, нервнаго подъема, неожиданныхъ «пріятностей», щекочащихъ честолюбіе, вмѣстѣ съ мелкими обидами и уже воспринятыми «уколами», какое сопровождаетъ каждое общественное начинаніе, гдѣ собрались такія разныя по возрасту, соціальному положенію, индивидуальнымъ особенностямъ личности, хотя и спаянныя одной задачей...

Радостные возгласы при встрѣчѣ, холодные поклоны съ тѣми, кто долженъ оказаться въ другомъ лагерѣ, несносная засада интервьюеровъ и «обстрѣливаніе» фотографовъ...

Въ нѣмецкой и сѣверныхъ делегаціяхъ преобладаютъ пролетарскія лица. У англичанокъ публика преимущественно интелегентская. Рѣзко выдѣляется американская делегація: изящные костюмы, женственныя манеры и отчетливый, дѣловой тонъ. Видно, что американки привыкли жить на публикѣ, на открытомъ собраніи онѣ у себя дома. Скромно толпятся делегатки отъ Финляндіи: вотъ и милое, своей солнечной улыбкой, лицо депутатки Сейма—Персинненъ.

Рядомъ крупная фигура Минны Силампэ. Вспоминается то собраніе, гдѣ эта своебразная наивная и страстная агитаторша, эта дѣвушка «изъ народа», эта бывшая прислуга, заставляла по произволенію смѣяться и плакать, плакать 3000 толпу... А вотъ и энергичная Ида Аллэ, членъ «исполнительнаго комитета» въ

трудные дни «великой финляндской забастовки» 1905 года.

— «Вы знаете, датчанки и шведки, несмотря на вчерашніе дебаты, рѣшили таки внести свою резолюцію—протестъ противъ охранительныхъ законовъ... Это возмутительно! Имъ послѣ того не должно бы быть мѣста въ этой залѣ», таинетвенно нашептываетъ мнѣ жена одного изъ нѣмецкихъ соціалистовъ, попавшая сюда только потому, что она «жена».

— «Съ англичанками не избѣжать бою—онѣ не примутъ нашей резолюціи объ избирательномъ правѣ», волнуется другая нѣмецкая делегатка.

— «А вы думаете, что нѣмецкія делегатки всѣ готовы подписаться подъ этимъ неуклюже составленнымъ, политически-безжалостнымъ текстомъ?» храбро заявляетъ маленькая «индивидуалистка» Фрау Г. и сжимаетъ свои характерныя, энергичныя губы, готовая принять нападеніе. И въ самомъ дѣлѣ, на нее обрушиваются со всѣхъ сторонъ сразу. Она ловко парируетъ удары, не покидая шутливаго тона, но шутки ея «задѣваютъ» противницъ, страсти разгораются, голоса повышаются, группа спорящихъ начинаетъ привлекать вниманіе...

На эстрадѣ уже откашливаются пѣвцы. Конференція начнется съ торжественной кантаты, исполненной мѣстнымъ хоромъ. Залъ затихаетъ; быстро занимаемъ мѣста... А утреннее солнце какъ будто съ любопытствомъ заглядываетъ въ нашу залу и то недовѣрчиво щурится и затихаетъ, то весело золотитъ всѣ эти наклоненныя, сосредоточенныя женскія головы, полныя одной общей мыслью, однимъ стремленіемъ...

III. Митингъ соціалистокъ.

Вечеромъ назначенъ женскій митингъ. Послѣ «работы» на конференціи трудно попасть на митингъ безъ опозданія. Митингъ въ полномъ разгарѣ. Большая часть рѣчей произнесена. Залъ набитъ плотно. Съ трудомъ проталкиваюсь къ эстрадѣ. Царитъ та атмосфера радостнаго сліянія аудиторіи съ ораторами, которая неуловимыми токами сообщается уже при входѣ въ залъ.

Налицо весь цвѣтъ женскаго «интернаціонала». Клара Цеткина только что покинула трибуну и, обтирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо, дѣловито совѣщается со старушкой Эммой Ирeръ, одной изъ основательницъ женскаго рабочаго движенія въ Германіи *). Цеткина уже успѣла за день сдѣлать нѣсколько дипломатическихъ «промаховъ», въ роли предсѣдательницы конференціи. Слышу, какъ Ирeръ съ упрекомъ, будто провинившейся школьницѣ, говоритъ своимъ низкимъ голосомъ: «Ah, Klara, Klara! aus dir wird nie etwas tüchtiges werden!» **) А Цеткина виновато оправдывается и, кажется, въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя школьницей...

Полна спокойнаго достоинства Адельгейдъ Поппъ, въ своемъ неизмѣнномъ черномъ платьѣ и съ гладкой прической, Поппъ, чье имя по популярности соперничаетъ въ Австріи съ самимъ старикомъ Адлеромъ. А вотъ и маленькая, черненькая Балабанова, соотечественница по происхожденію, здѣсь—делегатка отъ Италіи... Голландки, норвежки, единственная делегатка отъ Португаліи, американки, нѣмки,—какіе разнообразные типы!

---

*) Эмма Ирeръ умерла весною этого, 1911, года.

**) Ахъ Клара! Клара! Изъ тебя никогда не выйдетъ ничего путнаго.

На трибунѣ представительница отъ Швейцаріи—фрау Вальтеръ. Ея рѣчь окрашена сентиментализмомъ, можетъ быть въ ней слишкомъ ярко отражается мягкая женственность самого автора. За рѣчью слѣдуетъ нудный, разбивающій впечатлѣніе переводъ на датскій языкъ.

Очередь за мистриссъ Вудъ-Саймонсъ, члена центральнаго комитета соціалдемократической партіи Соединенныхъ Штатовъ. Мастерская, стройная, «мужская» рѣчь,—прекрасно тренированный голосъ и соотвѣтствующіе, выразительные жесты. Да, у американокъ несомнѣнно видна школа! Послѣ нихъ отсутствіе «школы» у делегатокъ стараго свѣта особенно бросается въ глаза.

— «Теперь—вы»,—и одинъ изъ распорядителей, не давая мнѣ опомниться, выталкиваетъ на трибуну.

Россія!.. Слишкомъ живы еще впечатлѣнія пережитыхъ въ ней «историческихъ бурь», слишкомъ много бодрящихъ надеждъ приносили съ запада перелетавшіе черезъ границу порывы «буйнаго вѣтра»... Ореолъ романтизма окружаетъ одно это слово—«Россія». И, когда говоришь отъ ея имени и о ней, слушатели настраиваются на особый ладъ: они заранѣе «сочувствуютъ». Въ воспоминаніи ихъ всплываютъ разсказы о темныхъ и свѣтлыхъ картинахъ недавняго прошлаго, проносится вереница героическихъ именъ... И въ лицѣ оратора отъ Россіи публика спѣшитъ привѣтствовать восходящій братскій классъ, изъ непонятной, но полной жуткихъ, романическихъ чудесъ страны...

Слѣдуютъ еще рѣчи, но послѣ пережитаго подъема въ залѣ кажется нестерпимо душно, и хочется на воздухъ, въ тишину...

Какая звѣздная, осенняя ночь, полная покоя!.. Идемъ по пустыннымъ улицамъ, гдѣ наши шаги звучатъ отчетливо и гулко... Еще сладко кружится

голова и не успокоилось сердце. Жадно пью прохладный вечерній воздухъ. А на душѣ такъ легко, такъ легко...

IV. Конфликты.

Онѣ сбились въ кучу, какъ стадо, завидѣвшее врага и, впереди, какъ отвѣтственный вожакъ, взволнованное, но полное стойкой рѣшимости лицо фрекэнъ Кронъ.

Возраженія, страстныя, гнѣвныя, похожія скорѣе на обвиненія, сыплются на нихъ со всѣхъ сторонъ. А онѣ, онѣ вѣдь только смѣлыя пролетарскія дѣти, піонерки, грудью своею пробивающія, впервые въ Даніи, путь женщины къ лучше оплачиваемому, квалифицированному труду въ типографіяхъ.

— «Вашимъ необдуманнымъ рѣшеніемъ отвергнуть нашу резолюцію, вашей защитой законодательнаго запрещенія ночного труда для женщинъ, для женщинъ *только*, вы играете въ руку капиталистическому міру, вы усиливаете тотъ соціальный гнетъ, что и сейчасъ въ достаточной мѣрѣ давитъ на наши плечи»...

Фрекэнъ Кронъ говоритъ, не подымаясь на эстраду; она остается въ залѣ, окруженная «своими», впереди...

— «Подумали-ли вы, товарищи, какихъ напряженій и силъ стоило намъ пробить себѣ путь и открыть намъ, дѣвушкамъ рабочаго класса, доступъ къ наборному станку? Капиталисты презрительно насъ отбрасывали: «вы—неучи»! Наши товарищи ревниво заслоняли собою доступъ въ мастерскія... Камни летѣли намъ въ слѣдъ, тѣмъ, кто рѣшились продѣлать весь

трудный искусъ ученичества, но теперь, теперь мы, какъ равныя съ равными, стоимъ у станка. Мы — не злостные конкуррентки мужчинъ, понижающія ихъ заработную плату нашими неумѣлыми, дешевыми рабочими руками, мы—равноправные товарищи, прошедшіе ту же томительную школу, товарищи, работающіе на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ... Исчезло дѣленіе на «мужчинъ» и «женщинъ», намъ платятъ за безличный трудъ, мы доросли, наконецъ, до «человѣческаго званія»... Въ трудѣ и въ борьбѣ мы, съ товарищами, идемъ рука объ руку... Какъ и они, несемъ мы обязанности организованныхъ пролетаріевъ, какъ и они, стоимъ на стражѣ общихъ классовыхъ интересовъ... Мы стали — людьми!.. За что, за что же, вы, наши заграничныя сестры, наши товарищи изъ другихъ странъ, подымаете мечъ свой на насъ? За что хотите однимъ необдуманнымъ постановленіемъ втолкнуть насъ снова во тьму женской, пролетарской доли, доли, которую мы сумѣли оставить далеко позади»?..

Лицо фрекэнъ Кронъ горитъ одушевленіемъ. Это не она говоритъ, это ея голосомъ взываютъ всѣ ея товарки, что тѣснымъ кольцомъ обступили своего оратора, это жалуются тѣ сотни піонерокъ, что послали ее на конгрессъ для защиты своихъ интересовъ...

— «Вы хотите увѣрить, что требуете отмѣны ночной работы ради блага и счастья пролетарской женщины? Но это ложь! иллюзія!.. Если въ нашемъ парламентѣ пройдетъ стоящій сейчасъ законъ о запрещеніи ночной работы женщинамъ, тогда всѣ, всѣ тѣ, что грудью своею пробили путь къ человѣческому существованію—окажутся выброшенными въ уличную грязь.. Мы имѣемъ 8-ми часовой рабочій день, мы получаемъ одинаковую плату съ мужчинами, что даетъ намъ возможность вести достойное человѣка

существованіе, мы обладаемъ досугомъ, позволяющимъ намъ работать для нашей великой задачи—для освобожденія рабочаго класса... И вы, вы сестры-товарищи, хотите насъ лишить всего этого? И только потому, что упрямо отказываетесь пересмотрѣть разъ выставленное требованіе?..

Нѣтъ! Если вамъ дорого классовое единство, вы не должны проводить этого дѣленія на мужчинъ и на женщинъ... Вы упрекаете насъ за то, что въ нашихъ головахъ еще «сидятъ остатки феминизма»... Но это вы, вы сами впадаете въ феминизмъ, когда проводите искусственную черту тамъ, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ ея не должно быть!.. Ночная работа вредна? Пагубна? Такъ требуйте ея отмѣны для обоихъ половъ! Развѣ наша резолюція защищаетъ ночной трудъ? Она только требуетъ *равенства* условій труда... Пусть законъ запретитъ ночную работу, но пусть запретитъ ее и для насъ, и для мужчинъ. Мы протестуемъ противъ непонятнаго, прискорбнаго факта, когда сами же наши товарищи выталкиваютъ насъ изъ мастерской, ставятъ нашъ трудъ въ невыгодныя условія и торжествуютъ надъ своими «конкуррентками»... Мы не хотимъ быть «конкуррентками», дешевымъ рабочимъ скотомъ, мы хотимъ стать равными, мы хотимъ сдѣлаться «товарищами»... Вы, сестры изъ другихъ странъ, вы должны бы помочь намъ... А вы толкаете насъ назадъ, въ ту бездну нищеты, изъ которой мы только что выбились, вы подрываете почву подъ нашими ногами. На васъ падетъ отвѣтственность, если мы снова очутимся въ рядахъ голодныхъ, если мы снова явимся злостными конкуррентками, если намъ придется искать позорнаго исхода—въ проституціи...»

Страстные апплодисменты датчанокъ и шведокъ покрываютъ рѣчь фрекэнъ Кронъ. Но со всѣхъ концовъ зала несутся протестующіе возгласы... Десятокъ делегатокъ бросается къ предсѣдательскому столу за-

писываться въ число оппонентокъ. Особенно волнуются нѣмки. Густой гулъ спорящихъ, перекрикивающихъ другъ друга голосовъ, заполняетъ залъ... Тщетно трещитъ звонокъ предсѣдательницы.

Кто-то вноситъ предложеніе закрыть списокъ ораторовъ. Датчанки требуютъ слова. Большинство делегатокъ покидаетъ свои мѣста, всѣ толпятся возлѣ президіума. Одна изъ датчанокъ взбирается на столъ и, покрывая стоящій въ залѣ гулъ, выкрикиваетъ добавочные аргументы въ пользу датской резолюціи... Одобрительные возгласы и апплодисменты шведокъ и датчанокъ, шиканье и протесты остальныхъ... Чувствуется, что для сѣверянокъ дѣло идетъ о всей жизни, объ осязательномъ, конкретномъ будущемъ. Эти молодыя, энергичныя піонерки женской самостоятельности грудью своей пробили путь къ сносному существованію—законъ о ночномъ трудѣ снова выброситъ ихъ за заповѣдную черту... Логика противъ нихъ, но сердце на ихъ сторонѣ, и больно будетъ голосовать противъ нихъ, а придется...

— «Вы, вы будете соучастницами нашей гибели», звучатъ въ ушахъ горькія слова Кронъ...

Передъ голосованіемъ настаетъ та настороженная тишина, которая рождаетъ невольныя надежды и увеличиваетъ страхи... Голосуютъ по странамъ: противъ резолюціи 13 странъ, за—2 страны... Съ опущенными головами расходятся сѣверянки по своимъ мѣстамъ. Битва проиграна. Есть основанія думать, что рѣшеніе международной конференціи ускоритъ проведеніе закона о ночномъ трудѣ женщинъ черезъ датскій парламентъ...

— — — —

Атмосфера понижается. Текущая работа конференціи умѣряетъ страсти.

Новый инцидентъ колеблетъ наставшее равновѣсіе. Англійская делегація считаетъ себя обойденной чисто-

формальнымъ упущеніемъ президіума. Рѣзкія, колкія замѣчанія съ обѣихъ сторонъ... Это лишь искра, упавшая на тлѣющія уголья обоюднаго недовольства и раздраженія.

— «При такомъ непарламентскомъ, пристрастномъ веденіи засѣданій, мы считаемъ для себя невозможнымъ дальше участвовать въ конференціи...» И вся англійская делегація покидаетъ залъ. Впереди статная фигура, въ художественно-задрапированномъ траурѣ— Мистриссъ Деснардъ. Ея сѣдые локоны, ея безупречная репутація самоотверженнаго борца за женское дѣло, ея чарующій голосъ и «небесные глаза»—были послѣдней ставкой англійскихъ соціалистокъ, сотрудничавшихъ съ суффражистками. Ихъ тактика встрѣтила на конференціи порицаніе и осужденіе... Формальныя ошибки президіума дали исходъ накопившемуся обоюдному раздраженію...

Нѣсколько минутъ непріятнаго, неловкаго молчанія... Чей-то нетактичный ненужный возгласъ: «давно бы такъ!» вслѣдъ уходившимъ англичанкамъ, — и прерванныя занятія возобновляются... Но «тѣни» не исчезли изъ залы, не разсѣялись. На душѣ чувство неловкости, досады... Радостное сознаніе плодотворной работы заканчивающагося конгресса омрачено досадными «конфликтами»... Большинство делегатокъ покидаетъ залъ, не дождавшись закрытія собранія...

— «Ведутъ дѣло «по бабьему»... Вносятъ, какъ всегда, «истерику»—ворчитъ одинъ изъ видныхъ соціалистовъ австрійскаго движенія, спускаясь съ лѣстницы...

Какъ бы въ отвѣтъ ему, звонкій, бодрый голосокъ пробѣгающей мимо датской работницы:

— «Нѣтъ, хоть мы и проиграли сраженіе, а всетаки конференція намъ много дала... Сколько я узнала новаго за эти два дня! Есть надъ чѣмъ призадуматься»...

Группами, бесѣдуя между собою, не спѣша спускаются делегатки со своими портфелями, будто медлятъ разстаться съ гостепріимными стѣнами «народнаго дома» на тихой улицѣ Яхтвей'а...

V. На открытіи международнаго конгресса.

На другой день — открытіе международнаго конгресса организованныхъ рабочихъ.

И снова залъ, на этотъ разъ вмѣщающій не сотни, а тысячи людей, и вся торжественная атмосфера европейскаго интернаціонала... Знамена, гирлянды, цвѣты... И снова радостныя и «холодныя» встрѣчи, дѣленіе на своихъ и на тѣхъ, что относятся «къ другому лагерю». Делегаты ищутъ свои мѣста. Дѣло не легкое въ этой огромной залѣ, гдѣ рядомъ со словомъ «Великобританія» почему-то красуется надпись «Finland», а возлѣ Соединенныхъ Штатовъ—славяне Балканскаго полуострова. Во всѣхъ углахъ залы мелькаетъ озабоченное лицо Гьюсманса...

Ищутъ знакомыхъ лицъ. Новичокъ на конгрессѣ особенно жадно отыскиваетъ «знаменитостей».

— «Это и есть Жоресъ, на эстрадѣ, возлѣ предсѣдателя?»

— «А это кто? Хайндманъ?

— «Нѣтъ, нѣтъ, Хайндманъ не пріѣхалъ... Это англичанинъ переводчикъ... Дѣйствительно большое сходство съ Хайндманомъ»...

— «У нѣмцевъ непріятное положеніе: всѣ «величины» отсутствуютъ... Каутскій тоже заболѣлъ и уѣхалъ. Ни Бебеля, ни Зингера»...

Въ самомъ дѣлѣ президентскій столъ кажется пустымъ и блѣднымъ безъ знакомой, импозантной

фигуры Зингера, безъ «львиной» головы Бебеля и юношески-живыхъ, умныхъ глазъ, скромно-жмущагося въ уголокъ, Каутскаго...

Члены женской конференціи разсыпались по своимъ делегаціямъ и тонутъ среди темныхъ пиджаковъ.

— «Обратите вниманіе», останавливаетъ меня делегатъ Соединенныхъ Штатовъ—металлистъ, «какъ мало здѣсь пролетарскихъ лицъ... Все «интеллигенція», все «идеологи»... И моя кандидатура прошла не безъ труда... Хочется г-дамъ литераторамъ проѣхаться на континентъ!.. Разумѣется имъ это легче «устроить», въ крайности и на свой счетъ отправятся, лишь бы мандатъ дали... Это несправедливо. Международные съѣзды должны быть для насъ, для практиковъ, для рабочихъ... Намъ—это школа. А вы свое образованіе и изъ книгъ дополнить можете.. Что? не согласны? Обидѣлись за интеллигентовъ? Какъ хотите, между вами и нами, дѣтьми нужды, всегда будетъ стѣна пока не рухнетъ капиталистическій міръ, конечно... Скрытое недовѣріе... И непониманіе... Что? Не согласны? Почему это вы всѣ, интеллигенты, боитесь въ этомъ признаться? Это все ваша «воспитанность», а по нашему—«неискренность», «фальшь»...

Движеніе въ президіумѣ. Делегаты спѣшатъ занять мѣста. Хоръ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, выстраивается на эстрадѣ. Торжественная кантата. Вмѣсто ожидаемой банальной безвкусицы произведенія «къ случаю», смѣлое, своеобразное трактованіе сюжета: революціонныя пѣсни различныхъ народовъ перефразированныя, претворенныя музыкальной фантазіей автора... Оттого ли, что съ этими звуками сплетены воспоминанія о родинѣ, оттого ли, что съ представленіемъ о Россіи у автора рождались теплыя звуки проникновенной тоски, но пассажъ, посвященный Россіи, щемитъ, хватаетъ за сердце...

— «А хорошо! дѣйствительно хорошо!» рѣшаютъ

за нашимъ столомъ, и снова торжественная, внимательная тишина. Ширятся, растутъ звуки... Сильнѣе словъ говорятъ они о торжественности молитвы, о томъ далекомъ будущемъ, о которомъ на разныхъ языкахъ, но одной мыслью грезится сегодня всѣмъ этимъ сотнямъ людей, собравшимся сюда со всѣхъ концовъ міра...

VI. «Нашъ день».

Шествіе демонстрантовъ растянулось такъ, что не видать ни начала, ни конца... Впереди — музыка, но ея почти не слышно за мѣрными звуками шаговъ тысячъ и тысячъ участниковъ процессіи. Знамена—красныя, синія, пестрыя, цѣлый лѣсъ знаменъ, мѣрно колышутся, сливаются въ пеструю, подвижную стѣну и исчезаютъ въ сѣрой дали безсолнечнаго дня... А за ними — все новыя и новыя эмблемы «рабочей солидарности», яркія, развѣвающіяся ленты и цвѣты, много цвѣтовъ... Они обвиваютъ знамена, и сбѣгаютъ, и тянутся гирляндами вдоль идущихъ, они извилистыми цѣпями окаймляютъ делегаціи, проводя между ними цвѣточную границу... Цвѣты на платьяхъ женщинъ, цвѣты на шляпахъ мужчинъ... И какъ обдуманно подобраны тона, не пестрятъ, не рѣжутъ глазъ «несочетаемыми сочетаніями».

А лица, лица участниковъ! Сіяющія, радостныя, торжественныя... И женщины,—ихъ много,—и дѣти... Снуютъ среди идущихъ, цѣпляются за юбки матерей и сестеръ, скачутъ сбоку, забѣгаютъ впередъ.. А процессія все движется непрерывной, стройной лентой... Есть ли ей конецъ?..

Строгія лица, темныя одежды, крупныя, мускули-

стыя фигуры, одни мужчины—это металлисты. Свѣтлыя блузы, однообразные картузы съ ленточками и непонятное знамя-эмблема,—соціалистическое велосипедное общество. Женщины молодыя и старыя, съ розовыми улыбающимися лицами, съ печальными, усталыми чертами—ремесленницы, швеи... А вотъ и знакомыя—группа наборщицъ, — идутъ въ ногу съ мужчинами... Строительные рабочіе, прислуга, хоровое общество, вечерніе курсы и снова делегаціи районовъ, союзовъ, кооперацій... Льется потокъ, колышутся знамена, гордо и радостно глядятъ лица и весело трепещутъ въ воздухѣ цвѣты и ленты, ленты и цвѣты...

— «Нѣтъ, знаете, это все слишкомъ шикарно, не по-пролетарски», замѣчаетъ соотечественникъ; «могли бы устроить демонстрацію безъ всѣхъ этихъ вѣнковъ и тряпокъ. Сколько это стоило, и къ чему»? Какъ бы въ отвѣтъ, голосъ проходящаго мимо насъ датчанина:

— «Что, товарищъ К., довольны вы нашей процессіей? Есть на что полюбоваться? Много это намъ стоило труда, зато теперь и глаза, и сердце радуются. Грандіозно и красиво! Увидите, теперь и буржуазная пресса расхвалитъ демонстрацію. Нельзя не похвалить нашего «вкуса»... Вѣдь мы, датчане,—эстеты». И пробѣгаетъ дальше, догоняя свой кадръ... А процессія все тянется, тянется. И уже кажется, что это не люди, а пестрый цвѣточный лугъ и на немъ, колеблемые вѣтромъ, цвѣтущіе кусты...

— «Да, это сила, это организованность», соглашаются теперь и недавніе «критики».

Случайная задержка—дрогнуло море головъ, столпились, заняли всю улицу, площадь и снова растянулись правильной лентой, и снова заколебались мѣрно, въ тактъ шагамъ, красныя, синія, пестрыя, голубыя знамена...

Мы, русскіе, рѣшаемъ обогнать процессію боковыми улицами и встрѣтить въ загородномъ паркѣ, гдѣ на открытыхъ трибунахъ ожидаются рѣчи.

Въ паркѣ разсыпанъ народъ. Тутъ же народныя увеселенія, гулянья, карусели, пиво... Долгія, тщетныя поиски платформъ. Публика бродитъ, какъ и мы въ «блаженномъ невѣдѣніи». Распорядителей не видать. Въ Штутгартѣ на нихъ приходилось натыкаться на каждомъ перекресткѣ, и до Кантштадта (мѣсто открытаго митинга) публику передавали изъ объятій въ объятія. Здѣсь передоставляется работать смекалкѣ. Счастливый случай позволяетъ намъ найти интернаціональную платформу; здѣсь выступятъ иностранные гости—знаменитости:—Жоресъ, Вандервельдъ, Плехановъ, Анселе. Передъ эстрадой полянка, но нѣтъ того простора, какъ въ Гайдъ-Паркѣ, и рождается вопросъ, какъ тутъ умѣстится эта многотысячная толпа демонстрантовъ?

И здѣсь не избѣжать интервьюеровъ!

— «Camrade К., не откажите отвѣтить на нѣсколько вопросовъ моему пріятелю, онъ хотя и корреспондентъ буржуазной газеты, но милѣйшій человѣкъ, и притомъ мы, датчане, смотримъ на это дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ вы, «ригористы». Мы считаемъ полезнымъ, если буржуазная публика хоть такимъ путемъ узнаетъ о соціалистахъ и ихъ истинныхъ задачахъ».

И это не первый фактъ; на женской конференціи, на общемъ конгрессѣ—буржуазная пресса работаетъ наравнѣ съ партійными органами и пользуется постоянно «частными свѣдѣніями». Непривычно послѣ Германіи, но «въ чужой монастырь»... И покорно вступаю въ бесѣду. Конечно, неизбѣжные «казаки», бомбы. Впрочемъ, сейчасъ вниманіе сосредоточено на Финляндіи — притомъ все-таки «Скандинавская страна»...—«Существуетъ ли вражда со стороны русскаго населенія къ финляндцамъ? Какъ высказываются

на этотъ счетъ «либералы?» Что думаютъ о судьбахъ Финляндіи русскіе соціалисты?».

Недавно пустая поляна, по которой бродили отдѣльныя, ожидающія группы, сразу превращается въ живое море головъ. Вливается потокъ демонстрантовъ, растетъ, ширится море... Запыхавшіеся, усталые, обтирая потъ, размѣщаются ораторы на трибунахъ. И, будто привѣтствуя ихъ, подхватываетъ многосотенный хоръ ту же кантату, что исполнялась при торжественномъ открытіи конгресса. И опять щемящая мелодія, говорящая о Россіи, о родинѣ...

Взрывъ ликующихъ апплодисментовъ, и снова тишина торжественная, выжидательная. Сейчасъ начнутся рѣчи. Вмѣстѣ со всей многотысячной толпой тянешься впередъ и чувствуешь, какъ въ единый, неразрывный клубокъ сливается вниманіе, какъ настроеніе «единаго» тонетъ, растворяется въ однородномъ переживаніи «цѣлаго»—массы. И гордой радостью наполняется сердце. Сегодня «нашъ день!»

VII. Народные митинги въ Копенгагенѣ.

Залъ переполненъ. Публика давитъ другъ друга, тѣснится. Половина стоитъ. Душно, и кажется, что потолокъ спускается все ниже и ниже, и все меньше остается воздуха.

Мы—ораторы—въ чинномъ порядкѣ сидимъ на эстрадѣ. Отъ всѣхъ націй «по единому». Картинная, сѣдая голова Кейръ-Харди, съ его благородными чертами и живымъ взглядомъ, индусъ въ бѣлой чалмѣ, миссъ Твайнингъ въ вечернемъ туалетѣ, а рядомъ громоздкая фигура шахтера Хайвуда, героя стачечной эпопеи въ Колорадо. За нимъ сухой профиль гол-

ландца П., черное платье Адельгейдъ Поппъ и добродушное лицо нѣмецкаго Genosse...

Душно и томительно. Эти нескончаемые переводы послѣ каждой рѣчи, напоминающіе «Berlitz-Scool» *), и эта смѣна языковъ одинаково непонятныхъ для публики и все же, какъ жадно прислушивается она къ ораторамъ, какъ силится уловить, угадать смыслъ рѣчи... И все пролетарскія лица. Женщины, подростки, старики... И сколько одушевленія, интереса! Въ нѣсколькихъ концахъ города идутъ одновременно митинги и всюду толпа, всюду залы набиты...

Насъ выпускаютъ, руководствуясь «высшими» соображеніями президіума. Сначала вступительное слово предсѣдателя, нѣчто въ родѣ «біографіи—рекомендаціи», затѣмъ пригласительный жестъ въ сторону очередного оратора, и онъ, покорно покидая свое мѣсто, становится у рампы...

Почему-то вспоминается зрѣлище въ нѣмецкомъ театрѣ-варіетэ: штукъ десять обезьянъ тѣсно жмутся на диванчикѣ и не сводятъ мигающихъ глазъ съ господина во фракѣ и съ хлыстикомъ.

— «Джекъ!» раздается его повелительный окрикъ, и обезьянка въ голубой курткѣ и такихъ же штанишкахъ, покорно, торопливо сбрасывая куртку, бросается къ рампѣ продѣлывать свои «фокусы».

— «Мими!» Новый окрикъ господина во фракѣ, и на мѣсто обезьянки въ голубомъ съ дивана торопливо соскакиваетъ обезьянка въ красной юбченкѣ...

— «Товарищу Александрѣ К. предоставляю слово», и подобно Мими, я покорно сбрасываю свой шарфъ и послушно подхожу къ рампѣ...

— «Что, что имъ скажу? Вѣдь ждутъ...»

И пока предсѣдатель говоритъ вступительное слово, «аттестуя», кивая и жестикулируя въ мою сторону

*) Уроки иностранныхъ языковъ по системѣ Берлица.

передъ глазами проносятся два видѣнья: воскресная демонстрація въ день открытія инернаціонала и памятное воскресенье... на родинѣ... Вступленіе къ рѣчи найдено! Ну, теперь бы скорѣе начать...

Послѣ меня—прекрасно построенная, живая рѣчь миссъ Твайнингъ. За ней—Хайвудъ. Широкими сильными мазками, простымъ, народнымъ языкомъ говоритъ онъ о проявленіи классовой борьбы въ различныхъ странахъ. Вся соціальная и политическая жизнь наиболѣе крупныхъ странъ за послѣднее десятилѣтіе проходитъ передъ глазами и по поводу каждаго событія, какъ рефренъ, заканчиваетъ онъ свою мысль выводомъ: «И это было лишь новое проявленіе все той же силы—классовой борьбы!»

Широко жестикулируютъ его огромныя, красныя руки, безпокойно ворочается его единственный глазъ (другой выбитъ во время стачки), потъ обильно стекаетъ на намокшій воротникъ, а голосъ гремитъ и повышается, и нѣтъ въ немъ и тѣни усталости. Мощный, тренированный голосъ народнаго трибуна, и самъ онъ, какъ бы олицетвореніе силы и мощи того класса, чьи интересы онъ такъ картинно защищаетъ... Умная, ядовитая рѣчь Адельгейдъ Поппъ, вся сотканная изъ блестковъ народнаго остроумія, гнѣва, шутокъ и угрозъ...

Хочется слушать еще, но организаторы митинговъ стоятъ «надъ душою».

— «Ну что вамъ стоитъ! Поговорите еще и на другомъ митингѣ... Только на одномъ еще!

Намъ телефонировали, что залъ переполненъ и просятъ привести васъ... Мы васъ мигомъ домчимъ на автомобилѣ... Только еще одну рѣчь!

Автомобиль уже у дверей, и черезъ четверть часа—другая эстрада и еще болѣе помѣстительный, но еще болѣе переполненный залъ... Царитъ повышенная, электризующая атмосфера...

Говоритъ Квельчъ, дѣловито спокойно, саркастически, не спѣша. За нимъ мистриссъ Саймонсъ Вудъ. Она сегодня не въ ударѣ, у ней больна маленькая дочка, и материнское сердце осталось тамъ, у кроватки, здѣсь только формальный исполнитель долга, рѣчь ея суха и холодна.

Монтефіоре долго разсказываетъ о страданіяхъ безработныхъ, но тема слишкомъ «спеціальна» для сегодняшняго дня и настроеніе въ залѣ на глазахъ потухаетъ и падаетъ... Холодомъ пробѣгаетъ по душѣ «безвѣріе» въ свои силы и уже является малодушное желаніе «отказаться»...

Но имя названо, и волна демонстративныхъ привѣтствій делегаткѣ отъ Россіи тепломъ подкатываетъ къ сердцу. У рампы сразу охватываетъ знакомое сладкое опьяненіе толпой,—и страховъ, сомнѣній, какъ не бывало... Видишь лишь эти жадныя, ждущія лица, для которыхъ сегодняшній день рѣдкій праздникъ среди сѣрыхъ, однотонныхъ рабочихъ будней...

И хочется одного: не обмануть ожиданій, слиться съ ними, услышать движеніе ихъ душъ, пережить въ униссонъ настроеніе залы...

VIII. Товарищескій ужинъ.

— «Нѣтъ, безъ закуски мы васъ не отпустимъ!» Организаторы окружили насъ, ораторовъ, и заставляютъ слѣдовать въ комнату, гдѣ уже ждетъ накрытый столъ. Все молодыя оживленныя лица. Тутъ же и «жены», но какая разница съ моими «друзьями» нѣмками! Живыя прехорошенькія, свѣжія личики, скромныя платья, но то неуловимое «нѣчто» въ одеждѣ, въ прическѣ, что говоритъ о вкусѣ, о стремленіи къ эстетикѣ.

— «Да, мы—эстеты», подтверждаетъ мое наблюденіе мой сосѣдъ по столу, по профессіи рабочій фарфороваго завода. «И это, кажется, коробитъ васъ, иностранцевъ?» Онъ лукаво улыбается. «Вы ужасные ригористы. Это мы знаемъ... Но ваши нападки насъ не смущаютъ. Мы просто опередили васъ на нѣсколько шаговъ, какъ маленькая нація, въ которой темпъ жизни болѣе скорый, чѣмъ въ крупныхъ и потому болѣе тяжелыхъ на подъемъ странахъ... Мы любимъ красоту, стремимся къ ней... Что остается въ жизни безъ красоты?»

Какое заключеніе! любому эстету впору, и эта литературная нѣмецкая рѣчь... Невольно вырывается вопросъ:

— Гдѣ вы учились?

— «Учился? Въ обыкновенной народной школѣ... А что я нѣмецкій языкъ знаю, такъ это потому, что я много читаю. Нѣмецкая литература гораздо богаче нашей. Я говорю не только о соціалистической литературѣ, но о беллетристикѣ... Эти новыя теченія...

— «Но, когда же вы успѣваете читать?»

— «Времени у меня достаточно». У насъ всего 9 ч. работы, вечеръ весь въ моемъ распоряженіи. А какъ вы относитесь къ нашимъ писателямъ: Іенсену, Ли? Завязывается чисто литературная бесѣда, гдѣ имена Гамсуна, Іенсена чередуются съ Ведекиндомъ, Шницлеромъ, Гофмансталемъ... Къ бесѣдѣ присоединяется миловидная особа съ льняными волосами. Оказывается жена моего собесѣдника.

— «Вы тоже работаете?»

— «Да, я работница на томъ же фарфоровомъ заводѣ, какъ и мой мужъ. Но, сейчасъ у меня пятимѣсячный младенецъ, и я, временно, покинула мастерскую.

— «Вы организованы?»

— «Еще бы! Какъ же иначе?»

— «Она—секретарь нашей группы въ третьемъ округѣ», поясняетъ, не безъ гордости, мужъ.

За столомъ идетъ оживленная бесѣда на всѣхъ языкахъ сразу. Пожилой рабочій, одинъ изъ мѣстныхъ генераловъ, занимающій предсѣдательское мѣсто за столомъ, не говоритъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, зато дружески всѣмъ улыбается и часто чокается, повторяя привѣтливо: «Scool!»

— «Это одинъ изъ нашихъ «отцовъ», тѣхъ, что вызвали въ жизнь профессіональное движеніе», поясняютъ мнѣ сосѣди. «Профессіоналисты здѣсь всѣ организованы и партійно, и между обѣими формами организаціи существуетъ неразрывное сотрудничество и единеніе»...

— «Отъ этого у васъ и партія проѣдена профессіонализмомъ», ворчитъ ортодоксальный нѣмецъ, прислушавшись къ нашей бесѣдѣ. «Вы, датчане, большіе оппортунисты»...

— «Оппортунисты?.. А покажите-ка мнѣ другую страну, гдѣ бы сельскій пролетаріатъ былъ такъ организованъ, какъ у насъ? А покажите-ка мнѣ, гдѣ вы увидите столькихъ соціалистовъ въ муниципальныхъ совѣтахъ? А возможно у васъ, чтобы товарищъ, соціалистъ, былъ выбранъ бургомистромъ столицы? Оппортунисты!.. Зато, половина пролетаріата у насъ организована, а у васъ»... Это задорно вступается за «своихъ» высокій, худой рабочій, ткачъ. Чѣмъ проявляете вы свой революціонизмъ? Тѣмъ, что критикуете всѣхъ, кто не желаетъ жить по вашей указкѣ? Тѣмъ, что тормозите всякое здравое начинаніе, если оно выходитъ изъ рамокъ вашего ортодоксальнаго катехизиса»...

Рѣзкая нотка спорящихъ заставляетъ разговоръ за столомъ оборваться. Глаза присутствующихъ обращены въ нашу сторону... Нѣмецъ уже не нападаетъ, онъ защищается... Но пожилой рабочій, изъ «отцовъ»,

безпокойно ерзаетъ на стулѣ. Онъ не понимаетъ словъ, но чувствуетъ, что разговоръ попалъ въ неподобающее русло.

Сегодня чествуютъ гостей—для споровъ и дискуссій имѣется другое мѣсто...

— «Уважаемые товарищи!» «Отецъ» стучитъ ножикомъ по стакану. Голоса умолкаютъ.

«Я не ораторъ...» начинаетъ онъ по-датски и приподымается со своего мѣста. Въ теченіе десяти минутъ льется его рѣчь, прерываемая дружными апплодисментами и смѣхомъ сѣверянъ, остальные безпомощно переглядываются и стараются «не опоздать» съ улыбками.

Слѣдуетъ переводъ. «Отецъ» осмѣиваетъ съ мягкимъ юморомъ свое безпомощное положеніе «нѣмого» среди «цвѣта» европейскаго краснорѣчія. Его утѣшаетъ лишь воспоминаніе объ одномъ историческомъ событіи, — постройкѣ Вавилонской башни, когда не одинъ, а всѣ строители очутились въ такомъ же «неловкомъ» положеніи, въ какомъ на блестящемъ «праздникѣ краснорѣчія» находится онъ, старикъ Ларсонъ... Къ тому же онъ сознаетъ всѣ преимущества своего положенія передъ древними вавилонцами: тѣ, послѣ «смѣшенія языковъ» побросали работу и разбрелись по свѣту. Башня такъ до небесъ и не доросла... «Мы же, соціалисты, приступаемъ къ ея постройкѣ уже послѣ смѣшенія языковъ и только послѣ того, какъ за эту работу взялись всѣ «языки», всѣ національности, видимъ мы, какъ колоссальный корпусъ «новой башни» поднимается все выше и выше, собираясь на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ достичь, если не небеснаго, то земного рая»... Рукоплесканіе и смѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ мы не вавилоняне?

Хайвудъ и Твайнингъ, которыхъ тоже привезли сюда заканчивать вечеръ, разсказываютъ американ-

скіе анекдоты, à la Маркъ Твенъ. Но хохочутъ лишь нѣсколько человѣкъ; слѣдуетъ переводъ на датскій языкъ—смѣются остальные. Все время «разговоръ съ пріятелемъ» при помощи переводчика... Часто весь столъ добросовѣстно отыскиваетъ какое-нибудь утраченное переводчикомъ слово, и смѣхъ, и шутки...

По окончаніи ужина подхожу къ группѣ женщинъ.

— «Вы организованы?»

Хоромъ поддакиваютъ.

— «Гдѣ вы работаете?» обращаюсь къ стройной дѣвушкѣ съ живыми, бойкими глазами.

— «Я? гладильщица, въ прачешномъ заведеніи»... Откуда же у ней эти непринужденныя манеры «барышни», эта женственная грація, это явное стремленіе къ «эстетикѣ» въ одеждѣ?

— «Она секретарь союза прачекъ и очень дѣятельная», поясняютъ товарки.

— «Сколько вы зарабатываете?»

— «Въ день по 3 кр., но такъ хорошо зарабатываютъ лишь немногіе, тѣ, у кого есть аттестатъ гладильныхъ курсовъ. Большинство гладильщицъ получаетъ около 2 кр. Прачки и того меньше»...

— «Сколько часовъ вы работаете?»

— «О! по тому, сколько часовъ работаютъ у насъ, вы не можете судить о длинѣ рабочаго дня прачекъ... Я работаю въ одномъ изъ крупнѣйшихъ заведеній города, гдѣ условія вообще исключительныя, обыкновенно же день прачекъ длится 13 часовъ».

— «А вотъ и ея женихъ», показываютъ мнѣ товарки на парня, толкущагося возлѣ двери. Бойкая гладильщица подхватываетъ подъ руку своего краснѣющаго, упирающагося жениха и, несмотря на его сопротивленіе, приволакиваетъ къ намъ.

— «Вотъ мой женихъ... Мы очень другъ друга любимъ, и онъ, навѣрное, будетъ хорошимъ мужемъ».

Гладильщица улыбается гордо и самодовольно. Краснѣющій парень неуклюже жметъ мнѣ руку и тотчасъ же, высвободившись отъ невѣсты, стремится улизнуть за дверь...

Прощаемся. Послѣдній обмѣнъ любезностей, благодарностей. Спѣшимъ въ отели. Уже два часа ночи; когда я попаду къ себѣ? А завтра снова выступленіе...

IX. Типы и встрѣчи.

— «Васъ спрашиваетъ русская дама», одинъ изъ распорядителей, съ красной повязкой на рукѣ уводитъ меня изъ залы засѣданія, гдѣ сейчасъ идутъ дебаты о милитаризмѣ. Въ вестибюлѣ черненькая особа, еврейскаго типа, спѣшитъ ко мнѣ на встрѣчу.

— «Товарищъ К., хотя вы, конечно, меня не знаете, но мы всѣ товарищи, и вы должны мнѣ помочь».

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Видите ли, я хочу знать, здѣсь ли товарищъ О. Д., писатель О. Д., вы, конечно, его знаете?»

— «Д. не соціалистъ, съ какой стати будетъ онъ на конгрессѣ?

— «Это, конечно, такъ... Но все-таки, здѣсь такъ много русскихъ. Все такіе знаменитые писатели... Я думала: вѣрно и О. Д. тутъ. Но, если его нѣтъ, вы мнѣ скажете его адресъ?»

— «Я съ Д. не знакома».

— «Но онъ же такой знаменитый писатель!.. Навѣрное вы знаете его адресъ».

— «Увѣряю васъ, что я не знаю».

— «Ахъ, Боже мой, какое несчастье! А я такъ на васъ разсчитывала... Вы вчера такъ хорошо говорили... И мы же всѣ товарищи»...

— «Въ чемъ же дѣло и почему вамъ такъ нуженъ Д.?»

— «Ахъ, это такое несчастіе!.. Я не хочу говорить дурного про такого знаменитаго писателя, какъ О. Д., но онъ очень дурно, очень дурно съ нами поступилъ...

— «Въ чемъ же дѣло, наконецъ?!

— «Нѣтъ, конечно, вы меня не знаете и еще подумаете — эта дама на О. Д. сердита, и потому она сочиняетъ Богъ знаетъ что... Но я не хочу говорить дурного, онъ, конечно, знаменитый писатель... И все-таки, мы съ мужемъ очень бѣдные люди... Мужъ мой служитъ въ конторѣ фирмы Зоненштейнъ... Вы вѣдь знаете эту фирму? Очень солидное дѣло... Но получаетъ онъ всего 80 кр. въ мѣсяцъ... А у меня еще сестра живетъ... Вотъ, если вы окажете намъ такую честь и придете къ намъ въ гости... Тутъ такъ мало интеллигентнаго русскаго общества... И такъ пріятно встрѣтить образованную русскую даму».

— «Но причемъ тутъ Д.? Простите, мнѣ некогда...

— «Ахъ, Д.!.. можетъ быть онъ и не хотѣлъ насъ обидѣть, но согласитесь сами, товарищъ К., нельзя же пользоваться тѣмъ, что мы—маленькіе люди... Вы знаете, онъ тутъ проѣзжалъ. И былъ такой любезный съ нами... А мужъ мой предложилъ сдѣлать для него переводъ одной пьесы, очень хорошей пьесы... И теперь переводъ готовъ, а Д. уѣхалъ и адреса не оставилъ, и денегъ не заплатилъ... И это такое несчастье...»

Выражаю сочувствіе, но спѣшу отвязаться отъ словоохотливой собесѣдницы.

— «Когда же вы къ намъ придете?» догоняетъ она меня снова, «это будетъ намъ такая пріятность, такая честь»...

По дорогѣ въ залъ меня останавливаютъ двое не-

знакомыхъ: дама въ глубокомъ траурѣ, характерный сѣверный типъ, и господинъ съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ.

— «Товарищъ К., мы къ вамъ отъ шведской делегаціи, согласитесь выступить у насъ въ воскресенье, на большомъ, открытомъ собраніи въ Мальмэ. Будутъ говорить Жоресъ, Вандервельдъ, Кейръ-Харди, Анселе... «Эта плеяда именъ нѣсколько смущаетъ, прошу день на размышленіе.

«Я радакторъ соціалистической газеты въ Мальмэ. Вотъ моя карточка. Отвѣтъ не позже завтрашняго утра».

Редакторъ удаляется, но дама въ траурѣ беретъ меня за руки и глядитъ на меня своими голубыми сѣверными глазами, въ которыхъ выражается печаль, даже когда они улыбаются, какъ въ нашихъ тихихъ финскихъ озерахъ...

— «Я сразу полюбила васъ, Genossin К., послѣ перваго вашего выступленія. Полюбила васъ за то, что вы изъ той страны, гдѣ такъ много печали и страданія, но гдѣ вы храбро не опускаете рукъ... И слушая васъ, я плакала, плакала не о тѣхъ, кто уже погибъ, а о всѣхъ тѣхъ молодыхъ жизняхъ, которыя обречены на то, чтобы себя принести въ жертву нашему большому, нашему свѣтлому идеалу... Но Боже мой, сколько наша великая цѣль требуетъ жертвъ! И какихъ... Я—жена Даніельсона».

Имя знакомое; одинъ изъ основателей соціалистическаго движенія въ Швеціи.

— «Мы любили другъ друга, Genossin, какъ только люди могутъ любить другъ друга на землѣ... Восемь лѣтъ мы работали рука объ руку, какъ товарищи, какъ единомышленники и какъ лучшіе друзья... И какъ любовники, Genossin... Потому что мы такъ любили другъ друга... Сколько гоненій мы вынесли... Сколько тяжелыхъ разочарованій... Для него я оставила семью

свою, старика отца—онъ былъ пасторомъ и, конечно, врагъ соціалистовъ,—своихъ всѣхъ друзей... Мы жили только дѣломъ и другъ другомъ... Но дѣло радовало. Оно росло... Мы основали соціалистическую газету, устроили партійный домъ... Мы несли на себѣ всѣ трудности работы на еще невспаханной нивѣ... И какъ онъ работалъ мой мужъ, мой Даніельсонъ! Ночью, бывало, проснется, вскочитъ и записываетъ свои мысли или дѣлаетъ подсчетъ... И всегда, всюду я была возлѣ него, работала бокъ-о-бокъ... Но развѣ у человѣка неисчерпаемый запасъ силъ? Онъ надорвался... Былъ уже боленъ, но не могъ отдохнуть... «Даніельсонъ, ты переутомленъ, ты боленъ, умоляю тебя, передохни, полѣчись ..»—«Нѣтъ, Анна, нѣтъ, ты сама знаешь, дѣло сейчасъ этого не позволяетъ. Вотъ поставлю на ноги эту новую организацію, тогда мы уѣдемъ съ тобою въ Италію»...

Но мы не уѣхали въ Италію... Въ ту же весну онъ умеръ... Это было десять лѣтъ тому назадъ, товарищъ К... Но для меня это всегда только вчера, только вчера... Я хотѣла умереть съ нимъ, но онъ не позволилъ. «Ты должна остаться на посту, Анна, тебѣ поручаю я наше дѣло»... Развѣ я смѣла послѣ того уйти съ нимъ? Я осталась «на посту», Genossin К., я работаю... Но это уже не то, не то... И я такъ устала! Но я люблю васъ всѣхъ, люблю за то, что всѣ вы служите тому же большому идеалу, который требуетъ такихъ жертвъ, который взялъ у меня самое дорогое—моего Даніельсона...

Она не плачетъ. Но мнѣ было бы легче, еслибъ она заплакала... Только бы исчезла эта неизбывная тоска изъ ея голубыхъ сѣверныхъ глазъ, напоминающихъ наши тихія, финскія озера...

«Пріѣзжайте въ воскресенье въ Мальмэ», говоритъ она, «и я вамъ покажу все, что сдѣлалъ мой Даніельсонъ»...

— «Товарищъ К., васъ ищетъ одинъ русскій господинъ», опять распорядитель съ красной повязкой. Вижу незнакомое, русское лицо; оказывается, корреспондентъ одной изъ газетъ.

— «Говорятъ, вы тутъ знакомы со всѣми англичанами и американцами... А эти черти иностранцы гоняютъ меня по всему зданію, лопочутъ, лопочутъ, ничего не понимаю... Посылаютъ къ какой-то американкѣ, англичанкѣ, чертъ ее знаетъ. Вы съ ней незнакомы?

— «Кто такая?»

— «Да что-то въ родѣ миссъ Фер... Миссъ Ферштендписъ...»

— «Да это же не барышня!..» среди невольнаго смѣха, «это недоразумѣніе!»

— «Не барышня, а недоразумѣніе? Ничего не понимаю!.. Кто же она въ концѣ концовъ? Видъ «оскорбленный».

Но отъ смѣха ничего не могу пояснить, и раздосадованный корресподентъ сердито уходитъ.

Спѣшу на собраніе русской делегаціи. Но не успѣла я присѣсть, какъ распорядитель съ красной повязкой уже снова манитъ меня пальцемъ...

— «Что такое? Опять спрашиваютъ?»

— «Да, опять та же русская дама.

— У дверей стоитъ жена неудачнаго переводчика.

— «Товарищъ К., какъ я слышала, сейчасъ засѣданіе русской делегаціи, я хотѣла васъ просить, проведите и меня туда.

— «Къ сожалѣнію это невозможно. Засѣданіе закрытое.

— «Тѣмъ болѣе итересно... Знаете здѣсь, въ Копенгагенѣ, у насъ, у интеллигентныхъ женщинъ, такъ мало случаевъ услышать что-нибудь умное, развивающее... Пожалуйста, пустите меня!»

— «Но увѣряю васъ, я этого не могу сдѣлать».

— «Но почему же нѣтъ? Вѣдь это была бы для меня такая честь... Я бы разсказала потомъ своимъ знакомымъ»...

— «Извините, но мнѣ право некогда...

— «Конечно, я вамъ вѣрю, разъ вы отказываетесь, значитъ вы этого не можете сдѣлать, но скажите мнѣ, къ кому изъ товарищей мнѣ обратиться, чтобы меня пустили? Вѣдь мы всѣ—товарищи...

Съ трудомъ отцѣпляюсь отъ нея и возвращаюсь на собраніе.

Въ трамваѣ, когда я протягиваю кондуктору деньги, онъ неожиданно схватываетъ мою руку и трясетъ, и трясетъ... Изумлена и смущена, что это значитъ?

— «Онъ нашъ, организованный», поясняетъ мой спутникъ.

— «Да, и я слышалъ васъ на митингѣ... Хочу поблагодарить... Передайте вашимъ русскимъ рабочимъ мой товарищеской привѣтъ». Улыбается во все лицо и снова трясетъ руку.

На улицѣ насъ догоняетъ старушка, въ темной шали и суетъ мнѣ букетикъ фіалокъ. Она тоже «слышала» и этимъ букетикомъ желаетъ выразить сочувствіе «русскимъ»... А за ней высокій и худой, какъ молодая спаржа, юноша краснѣетъ и робко тянетъ ко мнѣ свою руку.

— «Это мой внукъ», рекомендуетъ старуха.

— «Членъ юношеской организаціи, гдѣ вы будете сегодня», добавляетъ мой спутникъ.

Обѣденный часъ, и изъ магазиновъ повысыпали продавщицы. Увидя насъ, весело машутъ привѣтствіе. Это тоже «свои», организованныя... Положительно городъ соціалистовъ! Или это потому что «нервъ жизни» сейчасъ международный съѣздъ?

X. Собраніе молодежи.

Въ залѣ необычайная суета. Митингъ организованъ «соціалистическимъ союзомъ молодежи». Распорядители все юноши 17—18 лѣтъ, еще дѣтскія рожицы, съ напускной серьезностью и дѣловитостью. Очень много «волненія», суеты, шептанья... И среди всей дѣловитой важности, на-скоро въ углу полу-дружеская, полу-серьезная «потасовка» двухъ распорядителей со значками... И снова дѣловая бѣготня. Молодыя ноги нетерпѣливо носятся по залу, но гладкій паркетъ вводитъ «во искушеніе», и ноги сами собою начинаютъ выдѣлывать танцовальныя «па»... А выраженіе лица у ихъ владѣльца попрежнему «серьезное», «важное»...

Публика въ залѣ тоже все больше зеленая: юноши, дѣвицы, почти подростки, въ свѣтлыхъ платьицахъ и бантикахъ на волосахъ. Только въ первыхъ рядахъ, на почетномъ мѣстѣ возсѣдаетъ солидная публика: старики, опирающіеся на палочки и зонтики, старушки въ косынкахъ и шаляхъ... Это даже не отцы, а «дѣдушки» и «бабушки»; полу-снисходительно и добродушно, полу-недовѣрчиво пришли они сюда посмотрѣть, что могутъ сдѣлать «эти цыплята»?... Не потому ли такъ старается милая «зелень», чтобы митингъ вышелъ какъ «у всѣхъ», чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ скептическимъ дѣдушкой?

Насъ сегодня всего два оратора: голланецъ П., да я. Остальные всѣ отказались, не желая опоздать на прощальный вечеръ, въ честь конгрессистовъ въ городской ратушѣ...

— «Можетъ быть, вы не откажетесь говорить первымъ», прошу я голландца; «у меня сегодня что-то нѣтъ настроенія, и я хочу почерпнуть его въ вашей рѣчи».

— «Это меня хорошо устраиваетъ, такъ какъ я спѣшу въ ратушу».

Милая «зелень» толчется возлѣ насъ, усиленно предлагаетъ кофе, лимонаду.... Въ углу—шептанье и изъ рукъ въ руки передается букетъ съ красной лентой... Въ другомъ углу звенитъ дѣтски-безпричинный смѣхъ, отъ котораго давятся, захлебываются и снова прыскаютъ...

Дѣдушки и бабушки снисходительно улыбаются и качаютъ головами: «Ну какой же это политическій митингъ? Такъ, одна забава!»

Предсѣдательствуетъ одинъ изъ старыхъ членовъ партіи, учитель по профессіи и большой другъ молодежи. Онъ говоритъ длинную, наставительную рѣчь, рисуя серьезныя обязанности вступающаго въ жизнь юноши передъ классомъ и передъ своею совѣстью... Его слушаютъ съ благоговѣніемъ, пріоткрывъ рты, какъ желторотые воробьи...

За нимъ—голландецъ. Его тема—польза коопераций. Бываютъ же и среди соціалистическихъ задачъ такія, отъ которыхъ вѣетъ мертвящей скукой!.. Или это только у меня такая «идіосинкразія» къ кооперативному дѣлу?

Чувствую, что нападаетъ прямо неприличная зѣвота. А я-то еще надѣялась «почерпнуть настроеніе» въ рѣчи голландца!

Бѣдная, милая «зелень»! Они мужественно стараются сохранить «благоговѣйное настроеніе», но рѣчь голландца растягивается, разворачиваются безконечныя бухгалтерскія соображенія, подсчитывается «дебетъ» и «кредитъ», вычисляются проценты...

Чисто урокъ ариѳметики въ школѣ! И желторотые клювики раскрываются для откровеннаго зѣвка, а на послѣднихъ скамейкахъ—pardon!—въ послѣднихъ рядахъ—два участника политическаго митинга пыжатся и стараются столкнуть другъ друга со стульевъ...

Но апплодисменты послѣ рѣчи голландца шумные, дружные, можетъ быть рады, что «урокъ ариѳметики» пришелъ къ концу?

Теперь моя очередь. Но я уже знаю, что надо сказать имъ, этимъ маленькимъ романтикамъ, живущимъ въ области геройскихъ грезъ и мечтающихъ о рыцарскихъ шпорахъ» на поприщѣ соціальной борьбы... О Россіи, о трудностяхъ конспиративной работы, о тайныхъ собраніяхъ, объ участіи молодежи въ движеніи, о самоотверженной преданности дѣлу, такихъ же юнцевъ, какъ вотъ эта милая зелень, о трагической судьбѣ сотенъ и сотенъ... И о возвышающихъ душу идеалахъ, объ узахъ солидарности, объ «очистительныхъ» жертвахъ самоотреченія для «цѣлаго», для класса... И не надо быть трезвой сегодня, не надо «пессимизма», пусть диктуетъ сердце, не разумъ. Такъ мы лучше поймемъ другъ друга...

Когда я собираюсь уже сходить съ эстрады, предсѣдатель мягкимъ движеніемъ руки меня останавливаетъ.

— «Одну минуту, товарищъ К.», и, обращаясь къ публикѣ, въ дружескихъ словахъ выражаетъ мнѣ отъ лица датскихъ товарищей благодарность за ту «работу», которую я несла въ Копенгагенѣ въ теченіе конгресса. Работу? Эти выступленія на народныхъ собраніяхъ, эти рѣчи, подсказанныя ими же самими, воодушевляющей, симпатичной, вдумчивой аудиторіей, развѣ это «работа»? Это сліяніе съ датскими товарищами, наоборотъ, дало мнѣ самой новый источникъ вѣры и бодрости, вѣры въ неразрывность нашей общей задачи...

Но мой отвѣтъ не дослушиваютъ. Они—нетерпѣливы, эти юнцы! И уже передо мною красныя, смущенныя лица «депутаціи», подталкивающей другъ друга и протягивающей мнѣ слегка увядшій отъ чрезмѣрнаго «любованья», букетъ...

Меня провожаютъ гурьбою, конечно безъ шапокъ, въ безсвязной болтовнѣ. Усаживаютъ въ автомобиль... Слышу извиненія распорядителей: проводили бы охотно до ратуши, но сейчасъ «нашъ хоръ» (съ гордостью) исполнитъ революціонныя пѣсни, а затѣмъ... затѣмъ будутъ танцы! Гдѣ ужъ тутъ провожать до ратуши!..

XI. Прощальный вечеръ въ городской ратушѣ.

Автомобиль доставляетъ меня до дверей ратуши. Великолѣпный вестибюль въ выдержанномъ новомъ стилѣ, огни, швейцары въ ливреяхъ... На лѣстницѣ оживленныя, нарядныя группы. Доносится музыка—вальсъ, зовущій, заманчивый... И запахъ увядающаго букета въ рукахъ... Мнѣ надо дѣлать усиліе, чтобы понять, гдѣ я? Такъ себя чувствуешь въ молодости. когда сбрасываешь шубу передъ давно ожидаемымъ баломъ...

И сразу атмосфера радостнаго праздника. Гулъ голосовъ, шутки, звонъ стакановъ, посуды... Какія залы! одна «стильнѣе» другой. По истинѣ датчане художники, эстеты... Безконечные, накрытые столы со всякими тонкостями гастрономическаго искусства. Невѣроятные торты въ видѣ замковъ, замысловатые салаты въ высокихъ салатникахъ, разукрашенное перьями жаркое...

— «Надъ всѣмъ этимъ поработали наши товарищи: организованные кондитеры, колбасники, повара... Стоило это много труда, зато будете вы помнить наше гостепріимство, вы, иностранные товарищи!» объясняетъ мнѣ датчанинъ.

Вино льется обильно, «полными ковшами». И уже у многихъ пріѣзжихъ иностранцевъ невѣрная поступь и подозрительно затуманенные глаза...

— «Послѣ такого угощенья мы всѣ, пожалуй, сдѣлаемся муниципальными соціалистами», шутитъ одинъ изъ русскихъ делегатовъ. Другой осуждаетъ датчанъ за непростительное и ненужное «мотовство».

— «Говорятъ, сегодняшній вечеръ обойдется имъ въ 12 тыс. кронъ, шутка-ли? И къ чему все это? Очень надо пыль въ глаза пускать иностранцамъ... Очень ужъ пахнетъ отъ нихъ «буржуазностью»... Устроили бы скромную вечеринку...»

А въ большой залѣ, скорѣе крытомъ внутреннемъ дворѣ, въ которомъ тысяча человѣкъ гостей кажется разсыпанной горсточкой, играетъ оркестръ, и подъ звуки вальса изъ «Geschiedene Frau» кружатся пары за парой...

Были торжественныя рѣчи при открытіи вечера, пѣніе, концертъ—все это я пропустила. Но такъ даже лучше: сразу окунуться въ приподнятую праздничную атмосферу... Забыты всѣ мелкіе обиды, уколы, разногласія, забыта скрытая и откровенная вражда, неизбѣжная на поприщѣ большого, отвѣтственнаго дѣла... Сегодня — нашъ праздникъ. Завтра начнутся снова дѣловыя будни, завтра будутъ снова бороться, завидовать, добиваться, ненавидѣть... А сейчасъ—хочется забыть всю житейскую правду и вѣрить, что если возможенъ такой товарищескій праздникъ, значитъ близится и день нашего торжества...

— «Ну, скажите», пристаютъ ко мнѣ датчане, «вы—ортодоксы, скажите, гдѣ въ другой странѣ возможенъ такой праздникъ въ городской ратушѣ? Въ Берлинѣ? Въ Лондонѣ? А такой праздникъ, вы думаете, не импонируетъ буржуазіи? Не заставляетъ ее признать, что мы—сила?»

Мой букетъ растасканъ, въ рукахъ одна красная лента... Настроеніе дѣлается безтолково-шумное, немного пьяное... Хочется тишины... Мы выходимъ на балконъ. Здѣсь только прохладная, ясная, звѣздная

осенняя ночь, она и «мы»... Внизу стелятся тихія, ночныя улицы Копенгагена, мерцаютъ фонари... Изъ залы доносятся разорванные звуки оркестра... А на душѣ и радость, и щемящая грусть... Здѣсь—мы прощаемся...

Надо вернуться въ залъ.

Съ эстрады по очереди говорятъ шутливыя рѣчи Жоресъ, Адельгейдъ Поппъ, бельгійцы, нѣмцы... Пробуютъ затягивать національныя рабочія пѣсни, но хоры не налаживаются...

Величаво подъ руку съ очаровательной женой одного изъ бельгійскихъ журналистовъ разгуливаетъ по залѣ Вандервельдъ. Весело подпрыгивая, кружится со своимъ кавалеромъ всегда чопорная Оттилія Баадеръ, старая, видная работница женскаго движенія въ Германіи.

Цѣлая ватага товарищей всѣхъ національностей носится за тонкой, какъ тростинка, абиссинкой съ ея «экзотической» наружностью...

Статный американецъ, одинъ изъ редакторовъ крупной соціалистической газеты, наскоро собираетъ послѣднія «частныя свѣдѣнія»... Идетъ обычный обмѣнъ карточками и адресами... Тамъ и сямъ критикуютъ работы конгресса, но не улеглись, не осѣли еще впечатлѣнія, да и сейчасъ какъ-то не хочется думать о дѣлахъ... И къ удивленію видишь, что уже весьма «солидные» дѣятели и «вожаки» пускаются въ плясъ...

Но часы бѣгутъ, и распорядитель объявляетъ о закрытіи ратуши. Послѣдній обмѣнъ привѣтствій, пожеланій, послѣдніе дѣловые вопросы и справки. Уже тухнутъ огни, но конгрессисты вяло и неохотно движутся къ выходу, какъ будто каждый въ тайнѣ медлитъ вернуться къ будничной дѣйствительности, какъ будто не хочется очнуться отъ этого праздничнаго сна... Несмотря на всѣ «уколы», обиды, разно-

гласія, минуты большихъ, захватывающихъ, объединяющихъ переживаній, общей работы конгресса, давали ищущей и безмѣрно одинокой душѣ современнаго человѣка, ни съ чѣмъ несравнимое «утоленіе»... А за дверями ратуши, снова холодная, осенняя, звѣздная ночь... Сосущая тоска уже прокрадывается въ сердце... Неужели конецъ этимъ днямъ?

ШВЕЦІЯ.

I. Собраніе въ народномъ паркѣ.

Нашъ пароходъ безжалостно подбрасываютъ волны, хлещутъ за бортъ, разсыпаются по палубѣ... Льетъ мелкій, безпросвѣтный дождикъ... Неужели погода испортитъ народное уличное собраніе въ Мальмэ? Везущіе насъ изъ Копенгагена шведскіе товарищи-распорядители озабочены, огорчены.

Придерживая свои шляпы отъ порывовъ вѣтра, разгуливаютъ по палубѣ «въ интимной» бесѣдѣ Жоресъ и Вандервельдъ.

— «Вы тоже будете говорить? Отъ Россіи? На какомъ языкѣ? освѣдомляется Вандервельдъ.

Слѣдуютъ обычные разспросы о Россіи. Свѣдѣнія, мною сообщаемыя, ихъ заинтересовываютъ.

— «Ну, разумѣется, иначе и быть не можетъ! Должна же наконецъ Россія вступитъ на путь дѣйствительно массоваго рабочаго движенія. Всѣ эти «фейерверки» лишь ослѣпляютъ, не оставляя послѣ себя ничего кромѣ запаха сѣры»...

— «C'est de l'anarchisme» *)—киваетъ головой Жоресъ,—«въ русской соціалдемократіи есть не малая доля анархизма. Enfin! c'est inevitable chez un penple peu civilisé» **).

---

*) Это анархизмъ.

**) Но въ концѣ концовъ это неизбѣжно у мало-цивилизованнаго народа.

Разговоръ переходитъ на «тактику» соціалистовъ въ различныхъ странахъ. Жоресъ и Вандервельдъ съ удовлетвореніемъ констатируютъ, что собственно «le nommé revisionisme» *) побѣждаетъ по всей линіи. Послѣдняя побѣда ортодоксовъ былъ Амстердамъ.

— «Мы потерпѣли тогда пораженіе, формальное, только формальное. Моральная пcбѣда была за нами. Шагъ за шагомъ, сами того не замѣчая, ортодоксы съ тѣхъ поръ дѣлаютъ намъ уступку за уступкой... Вспомните Штуттгартъ, посмотрите на работу этого конгресса»...

— «Положимъ, въ Копенгагенѣ работа шла такъ гладко только потому, что отсутствовали главари германскаго движенія»,—быстро вставляетъ Вандервельдъ. «Будь тамъ наши нѣмецкія друзья,—пришлось бы выдержать не одну битву»...

Жоресъ соглашается; однако находитъ, что и въ головахъ нѣмецкихъ лидеровъ замѣтно нѣкоторое перемѣщеніе мыслей въ сторону «le nommé revisionisme».

На пристани въ Мальмэ насъ разсаживаютъ по допотопнымъ каретамъ и везутъ долго по пустыннымъ улицамъ провинціальнаго городка. Безнадежно текутъ сѣрые дождевые потоки...

Фру Даніельсонъ ѣдетъ со мной въ одной каретѣ. Она нервно комкаетъ свой платокъ и бранитъ погоду, которая «все, все можетъ испортить... А это такое событіе для жителей Мальмэ; когда еще дождутся они такого случая? Подумайте, столько лучшихъ международныхъ ораторскихъ силъ... Какое это имѣло бы огромное воспитательное значеніе! И не для однихъ рабочихъ; какой урокъ всей буржуазіи!.. «Если бъ мой Даніельсонъ былъ живъ!..»

Когда мы подъѣзжаемъ къ «народному парку»,

---

*) Такъ называемый ревизіонизмъ.

дождь неожиданно прекращается. У воротъ парка въ промокшихъ одеждахъ, съ текущими зонтиками тѣснится толпа. Мы пробираемся по мокрымъ дорожкамъ къ открытой эстрадѣ, гдѣ лѣтомъ происходятъ увеселенія въ жанрѣ «варіетэ».

— «Прекрасная погода для рыбъ и лягушекъ»— остритъ, равняясь съ нами Кейръ-Харди,—«но я бывалъ и въ худшихъ передѣлкахъ». Онъ обматываетъ свой красный вязаный шарфъ плотнѣе вокругъ шеи и, размахивая руками, снова обгоняетъ насъ.

На эстрадѣ ждетъ Брантингъ. Какое у него славное лицо, съ этимъ налетомъ душевной мягкости, какая не можетъ не подкупать. И эти ясные, дѣтскичистые глаза при его огромномъ ростѣ. Онъ привѣтливо жметъ намъ руки и говоритъ, что придется повременить съ началомъ, такъ какъ погода «задержала народъ».

Въ самомъ дѣлѣ, передъ эстрадой толкутся лишь небольшія группы. Но уже черезъ четверть часа аллеи отъ главнаго входа темнѣютъ отъ торопливо прибывающей публики, и передъ эстрадой образуется широкое море головъ, которому не видно конца. Сколько тутъ тысячъ? Не сосчитать!

Редакторъ Г. ликующе потираетъ руки.

И погода не помѣшала! Бо́льшаго успѣха нельзя было желать...

Среди темныхъ картузовъ и шапокъ свѣтлыми бликами выдѣляются бѣлыя студенческія фуражки.

— «Это все студенты сосѣдняго университетскаго города»,—поясняетъ фру Даніельсонъ. «Какъ хорошо что и они здѣсь! Вѣдь это «будущая Швеція!»

Вступительная рѣчь Брантинга. Затѣмъ рѣчи «свѣтилъ краснорѣчія». И какія рѣчи! Каждая ярко передаетъ индивидуальность ея автора, каждая въ своемъ родѣ перлъ.

Нападаетъ тотъ почти животный страхъ, когда

кажется, что если бъ предложили: «эшафотъ или трибуну», избрала бы первый...

— «Почему вы такъ волнуетесь? Ça ira!». Это жена Гьюсманса наклонилась ко мнѣ и ободряюще улыбается. Хорошо ей говорить «Ça ira», почти раздражаюсь на нее... Рѣчь Вандервельда изысканна, тонка, чуть-чуть афектирована. Онъ говоритъ о соціализмѣ, захватывающемъ все новые круги, все новыя «зоны», странъ, народностей, соціальныхъ слоевъ... Растутъ круги, ширятся, пока не обнимутъ весь міръ. Тогда радужнымъ свѣтомъ возсіяетъ день побѣды, день торжества.

Кейръ - Харди — простъ и величавъ. Его фразы кратки, отчетливы, безъ «цвѣтовъ краснорѣчія». Онъ привыкъ говорить «съ улицей», и вначалѣ его мысли кажутся элементарно-простыми, «нестоющими быть сказанными» съ трибуны. Но, по мѣрѣ того, какъ онѣ нанизываются одна за другою,—разворачивается яркая, выпуклая картина и выводъ, самъ собою напрашивается. Онъ говоритъ о томъ, какъ кровавыя войны раздирали народы; какъ королевскія семьи Скандинавіи и Великобританіи роднились между собою, чтобы прекратить потоки крови. Но вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ странъ, росъ и національный антагонизмъ; родство королевскихъ семей не измѣняло положенія: дочь короля посылала войско мужа на отца, братъ сражался съ братомъ... Боролись народы; боролись и классы... Казалось, міръ обреченъ погибнуть отъ собственнаго меча. Ни религія, ни ученіе гуманныхъ мыслителей не могли уже спасти человѣчества. Но жизнь сама родила новую, творческую силу—соціализмъ. Благую вѣсть спасенія несъ съ собою новый, свѣтлый идеалъ. И когда, въ мягкихъ тонахъ, безъ ложнаго пафоса, Кейръ-Харди объясняетъ, что такое «соціалистическій идеалъ», вдругъ дѣлается свѣтло и радостно на душѣ потому

что этотъ человѣкъ сумѣлъ собрать воедино все, что есть лучшаго, самаго свѣтлаго, благороднаго въ соціализмѣ...

Послѣ него—очень основательная богатая фактами и данными, очень «добросовѣстная» рѣчь партійнаго секретаря германской партіи—Молькенбура.

И сразу, какъ пріятный дивертисментъ, балагурящая, живая, дышащая народнымъ юморомъ рѣчь бельгійца—Анселе. Она полна привычныхъ понятій, знакомыхъ, выхваченныхъ изъ жизни рабочихъ картинъ.

За нимъ Жоресъ. Милитаризмъ и классовая политика современныхъ правительствъ, идея всеобщаго разоруженія и пролетаріатъ...

И тутъ же: раскаты классовой борьбы и приближеніе «de la lutte finale»...

Богатые, красочные образы, сила языка, яркія сравненія и модуляціи этого несравнимаго, могучаго голоса...

И послѣ него говорить—мнѣ?! Это жестоко!..

— «Слово принадлежитъ нашей русской camrade К.».

Какъ приговоренная, бреду по длиннымъ—мнѣ кажется—безконечнымъ мосткамъ, переброшеннымъ отъ эстрады до ораторской трибуны, въ самое сердце толпы...

Мелькаетъ въ памяти давняя картина дѣтства: такіе же деревянные, смолистые мостки ведутъ отъ купальни въ рѣку, и хочется броситься въ ея журчащія воды, и тутъ же охватываетъ жуткій страхъ передъ холодной струей. Замедляешь шаги, оттягиваешь моментъ купанья...

Трибуна. Дальше идти некуда. Мокрый красный кумачъ на перилахъ... А кругомъ внимательные, вопрошающіе глаза... Дружелюбныя улыбки и ободряющіе апплодисменты «въ кредитъ»... И довѣрчиво отдаю имъ себя...

II. Осмоторъ Мальмэ.

Когда я возвращаюсь назадъ по мосткамъ, они мнѣ кажутся совсѣмъ короткими... Кейръ-Харди фамильярно беретъ за руку.

— «Вотъ что вы, русскій товарищъ, вашей фамиліи я разумѣется не умѣю выговорить. Мы собираемся устроить по Англіи турнэ иностранныхъ агитаторовъ; у насъ очень узкій горизонтъ, ничего мы не знаемъ объ иностранномъ движеніи... Что вы скажете на наше предложеніе пріѣхать въ ноябрѣ — декабрѣ?»

Обмѣнъ адресами. Разспросы о Россіи. Все та же типичная англійская неосвѣдомленность...

Насъ ведутъ закусывать въ ресторанъ «народнаго парка». Снова накрапываетъ дождикъ. Жоресъ старательно укутываетъ шею, ораторы ругаютъ погоду и опасаются за голоса. Особенно недовольны французы: имъ предстоитъ еще рядъ выступленій по Швеціи.

Завтракъ типично шведскій: обиліе закусокъ и хрустящій кнеке-брэ всѣхъ сортовъ и оттѣнковъ. Мой сосѣдъ, Брантингъ, жалуется на черезмѣрное утомленіе, вызванное предсѣдательскими обязанностями на конгрессѣ. Говоритъ, что совершенно лишился сна. Много было закулистныхъ треній...

— «Да, плохіе мы еще соціалисты!.. Принципъ товарищества мы признаемъ лишь, какъ головное представленіе... Нѣтъ ему мѣста въ нашихъ сердцахъ... Не доросли!..» Послѣ закусокъ цѣлый рядъ національныхъ блюдъ: рыба, рябчики, простокваша...

— «Послушайте, товарищъ предсѣдатель, если вы позволите еще удлиннить «порядокъ дня» завтрака, мы рискуемъ сложить свои кости, не дождавшись la lutte finale... Я начинаю подозрѣвать здѣсь, «шведскую интригу»... шутитъ Жоресъ. Кто-то предлагаетъ тостъ.

— «Нѣтъ, ради Бога, безъ рѣчей... Дайте намъ поѣсть, какъ слѣдуетъ, по-человѣчески»,—протестуютъ со всѣхъ концовъ. И бесѣда снова распадается на интимныя группы.

Послѣ завтрака осмотръ достопримѣчательностей города. Опять допотопныя кареты шажкомъ везутъ по скучнымъ, провинціальнымъ улицамъ. Первая остановка—«партійный домъ», дѣтище умершаго Даніельсона.

Образцовая по порядку въ ней царящему, редакція, съ мебелью и убранствомъ въ стилѣ модернъ, все подобрано въ тонъ, до папокъ съ дѣловыми бумагами включительно...

— «А здѣсь рабочая комната фру Даніельсонъ» и редакторъ Г. пріоткрываетъ дверь въ небольшой кабинетъ, съ письменнымъ столомъ, качалкой, интимными портретами, книгами и картинами на стѣнахъ, цвѣтами, что придаетъ комнатѣ жилой и уютный видъ.

— «Это мой настоящій домъ», говоритъ фру Даніельсонъ, «тамъ, въ своей квартирѣ, я только ночую».

Надъ столомъ увеличенный портретъ самаго Даніельсона: энергичное лицо, умные глаза. Странное благоговѣніе охватываетъ всѣхъ насъ въ этой тихой рабочей комнатѣ, гдѣ живетъ эта маленькая скромная женщина со своимъ неизбывнымъ горемъ...

— «Я зналъ вашего мужа», считаетъ долгомъ сказать Жоресъ. «C'etait un brave homme!» *).

Банальная фраза рѣжетъ ухо... Молча, какъ будто покидая комнату покойника, мы возвращаемся въ редакцію и идемъ осматривать остальныя помѣщенія партійнаго дома.

Фру Даніельсонъ не слѣдуетъ за нами.

— «Если вы устанете отъ осмотра и захотите пе-

*) „Это былъ достойный человѣкъ“.

редохнуть, приходите ко мнѣ на квартиру», говоритъ она мнѣ, «я тамъ буду отъ 3 до 5 ч.»

— «Спасибо, я непремѣнно зайду».

Редакторъ остается, чтобы обмѣняться съ ней дѣловыми соображеніями; къ ней же спѣшатъ и двое новыхъ пришедшихъ въ редакцію товарищей. Неуловимая благоговѣйная почтительность сквозитъ въ отношеніи къ этой скромной подругѣ большого борца со стороны всѣхъ окружающихъ, нѣжная бережливость, будто каждый боится неумѣлымъ словомъ задѣть наболѣвшую, старую и все же сочащуюся рану...

— «Фру Даніельсонъ», говоритъ редакторъ Г., «особенный человѣкъ... Мы ее всѣ здѣсь любимъ такъ, какъ можно любить только мать... Она отдала все свое состояніе партіи... Больше того, она отдаетъ партійной жизни всю свою душу... Это—нашъ «добрый геній». Сколько тяжелыхъ конфликтовъ улаживалось благодаря ея такту... И сколькимъ мы всѣ ей здѣсь обязаны»...

«Партійный домъ» небольшой, но все, какъ полагается: зала для собраній, бюро, секретаріаты, ночлежка, столовая, библіотека.

— «Теперь осмотримъ мѣстный музей».

Приходится ѣхать въ каретѣ съ Жоресомъ и Вандервельдомъ. Подводимъ итоги работамъ конгресса. Высказываю свои впечатлѣнія: слабость, вѣрнѣе отсутствіе теоретическихъ силъ. Все «практики», все люди непосредственнаго дѣла, политики, профессіоналисты. Гдѣ же теоретики? Недостатокъ ихъ ощущался особенно остро при обсужденіи вопросовъ въ комиссіяхъ. Отсюда рядъ упущеній въ резолюціяхъ, особенно по чисто-экономическимъ вопросамъ, напр. о безработицѣ.

Жоресъ сначала протестуетъ и будто не схватываетъ моей мысли. Но Вандервельдъ киваетъ мнѣ и въ своей критикѣ идетъ еще дальше. Въ отсутствіи

теоретическихъ силъ онъ видитъ опасность для всего движенія.

Начинаютъ перечислять теоретиковъ соціализма и быстро осѣкаются. Ищутъ «корень зла»; достается «ортодоксамъ»; это они душатъ живую, новую, ищущую мысль... Но смущаются, когда на мой вопросъ, кого же они почитаютъ изъ теоретиковъ «ревизіонистскаго лагеря», исчерпываютъ списокъ именъ еще быстрѣе, чѣмъ при именованіи ортодоксовъ...

Городской Музей игрушечно малъ, но вмѣщаетъ все: историко-археологическій музей, «картинную галлерею», естественно-историческій отдѣлъ. Бѣгло осматривая, слѣдуемъ за хранителемъ Музея съ его любезной мимикой—языковъ онъ не знаетъ. Жореса приводитъ въ восхищеніе громадный, рѣзной шкафъ XIII столѣтія. Вандервельдъ не затрудняетъ себя осмотрами. Мы «бесѣдуемъ», т. е. я слушаю, какъ красиво, непринужденно, остроумно умѣетъ обо всемъ рѣшительно говоритъ представитель страны съ утонченной культурой, страны, давшей міру Метерлинка, Верхарна, Меніе... Музыка, литература, театры, этическія исканія—обо всемъ Вандервельдъ можетъ сказать свое слово...

Послѣ Музея насъ везутъ осматривать недавно построенную городскую школу—гордость Мальмэ.

— «Mais cela n'en fini pas» *), уже раздражается Жоресъ. «Всякая любезность имѣетъ свои границы... Надо же мѣру знать»...

Вандервельдъ старается найти «смягчающія обстоятельства».

Школьное зданіе дѣйствительно образцовое. Расположено оно на краю города, вокругъ распланированъ садъ, огородъ, площадка для игръ и гимнастики. Свѣтлыя, веселыя классныя, съ той обдуман-

*) Но этому нѣтъ конца.

ной простотой линій и убранства, которая говоритъ о несомнѣнной побѣдѣ новаго стиля. Стѣны увѣшаны таблицами для нагляднаго обученія и прелестными картинками изъ народныхъ сказокъ—все работа больщихъ мастеровъ-художниковъ. Гимнастическій залъ, съ идеально-лоснящимся поломъ и свѣтлыми, длинными, какъ въ храмѣ, окнами.

На конгрессистовъ нападаетъ мальчишеское желаніе испытать свою силу, ловкость, мускулы... Неожиданно принимаются они одинъ за другимъ влѣзать на трапеціи, вытягивать тяжести, прыгать черезъ брусъ.

Жоресъ пыхтитъ и отдувается... Кто-то изъ шведовъ вызываетъ апплодисменты, доказавъ свою ловкость.

У всѣхъ озабоченныя, дѣловыя лица, будто дѣло идетъ о выработкѣ отвѣтственной резолюціи, которую надо сумѣть «преподнести» собранію.

Только Вандервельдъ снисходительно улыбается, не выказывая желанія состязаться въ силѣ мускуловъ.

Солнце побѣдило тучи и теперь весело врывается въ школьныя помѣщенія.

Спускаемся внизъ; здѣсь огромный залъ—купальня, тутъ и бассейнъ для плаванія, и души, а главное штукъ двацать круглыхъ, бѣлыхъ ваннъ, вдѣланныхъ въ чистый, лоснящійся полъ; ванны всѣ сразу наполняются водой любой температуры, стоитъ лишь повернуть соотвѣтствующую рукоятку. Здѣсь, каждое утро происходитъ обязательное обмываніе всѣхъ школьниковъ.

Когда намъ демонстрируютъ, какъ эти ванны быстро наполняются голубоватой водой, какъ обильно струятся брызжущіе и играющіе на солнцѣ души, нападетъ неудержимое желаніе сбросить одежды и тутъ же, послѣ усталости и волненія пережитаго дня, окунуться въ эти теплыя воды...

— «Да, да», говоритъ Жоресъ, «это культура!.. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ во Франціи, даже въ лицеяхъ. Любая школа для дѣтей привиллегированнаго класса, и та могла бы позавидовать этому народному училищу... Да, сѣверяне быстро шагаютъ впередъ». Рѣчь его полна похвалы, но на лицѣ «тѣнь», будто его заботитъ какая-то неотвязная, непріятная мысль...

И вдругъ лицо его проясняется, и голосомъ полнымъ упрека онъ обращается къ шведамъ:

— «А это что-же у васъ? Библія? Библія въ такомъ образцовомъ классѣ?»

— «У насъ еще не произошло отдѣленія церкви отъ государства», добродушно отвѣчаютъ шведы.

— «И вы позволяете забивать такимъ образомъ головы вашихъ дѣтей?» горячится Жоресъ, будто только сейчасъ узналъ, что во всѣхъ странахъ «Законъ»—обязательный предметъ. «Нѣтъ, вотъ этого у насъ уже не встрѣтишь! Вотъ въ чемъ Франція опередила васъ всѣхъ на цѣлую голову... Въ смыслѣ матеріальной культуры вы еще можете съ ней состязаться, но въ смыслѣ духовной культуры она попрежнему впереди».

И будто, успокоившись и отогнавъ непріятную заботу, онъ уже любезно заговариваетъ съ однимъ изъ присутствующихъ школьныхъ учителей...

III. У фру Даніельсонъ.

До товарищескаго обѣда, даваемаго въ честь пріѣзжихъ ораторовъ, еще больше часу. Пользуюсь этимъ временемъ и, съ помощью приставленнаго ко мнѣ студента, отыскиваю жилище фру Даніельсонъ.

Узкая лѣстница, четвертый, быть можетъ пятый этажъ. Открываетъ сама фру Даніельсонъ. Квартира крошечная: комната, исполняющая всѣ назначенія и опрятная кухня. Въ комнатѣ портреты Даніельсона, въ различномъ возрастѣ и всякихъ позахъ.

— «Я живу одна, какъ видите, совсѣмъ одна... Но такъ мнѣ легче. Тамъ, я цѣлый день на людяхъ и себѣ не принадлежу. А когда я прихожу сюда, я могу отдаться своимъ мыслямъ, своимъ воспоминаніямъ... Только по большимъ праздникамъ, когда редакція закрыта, и у меня нѣтъ какого-нибудь обязательнаго дѣла въ «партійномъ домѣ»—тяжело... Не люблю я праздниковъ... Хотите кофе? Я сейчасъ сварю. Или можетъ быть умыться, причесаться? Вы вѣрно устали», прерываетъ она себя и ведетъ меня къ раковинѣ, гдѣ въ образцовомъ порядкѣ положены всѣ необходимыя туалетныя принадлежности. Пока я привожу себя въ порядокъ, она разсказываетъ о своей жизни.

У ней никогда никто не бываетъ, и она избѣгаетъ людей; только на дѣлѣ, на работѣ любитъ она съ ними общаться. И туда, въ редакцію, къ ней приходятъ всѣ. Дѣвушки, старики, юноши... Не только по партійнымъ дѣламъ, но и по личнымъ. Ей несутъ люди самыя разнообразныя горести; какихъ только исповѣдей не наслушается она за день... Можетъ быть потому, что люди чувствуютъ, что нести чужое бремя можетъ только тотъ, кто, такъ сказать, уже отрѣшился отъ земной жизни...

— «Знаете, я часто думаю, что въ католицизмѣ съ его принципомъ исповѣди кроется большая духовная сила. Какое облегченіе для человѣка, для всѣхъ насъ одиноко бредущихъ по жизненной пустынѣ, пойти къ человѣку, который стоитъ далеко,—по идеѣ по крайней мѣрѣ это должно было быть такъ,—отъ жизненной суеты и выложить ему все, все, чѣмъ набо-

лѣла душа... Вотъ въ Мальмэ, я исполняю роль католическаго духовника!» съ улыбкой разсказываетъ она, перетирая чашки и накрывая на столъ.

— «А только,—въ этомъ я признаюсь вамъ, только вамъ, вѣдь мы вѣрно никогда больше съ вами не увидимся,—иногда, когда мнѣ несутъ все новыя, новыя горести и печали, и все безъисходныя, гдѣ и помочь-то нельзя, гдѣ можно только сочувствовать, я вдругъ чувствую, что бремя это выше моихъ силъ и мнѣ хочется громко, дико закричать: «не могу больше! оставьте меня, не могу»!.. Тогда я бѣгу за городъ, туда, на его могилу и остаюсь тамъ долго, долго, до поздней ночи... И тамъ я обрѣтаю снова покой... Я говорю съ нимъ, разсказываю ему все, все, что наболѣло, жалуюсь, жалуюсь, какъ бывало прежде, и плачу... Что же такое, что онъ не слышитъ? Для меня онъ все еще живъ... я такъ ясно представляю себѣ звукъ его шаговъ, его голосъ, его привычки...» Руки ея упали на колѣни, мы долго молчимъ...

Она встряхиваетъ свою бѣлокурую, съ просѣдью голову и уже другимъ, шутливымъ тономъ добавляетъ: «Вотъ видите, какъ это странно! Мы съ вами знакомы всего нѣсколько дней и никогда больше не встрѣтимся, а между тѣмъ я съ вами говорю о томъ, о чемъ не стала бы ни за что говорить ни съ однимъ жителемъ Мальмэ... Васъ, именно потому, что вы «случайная встрѣча», я избрала себѣ въ духовники. И право это облегчаетъ»...

Она старается шутить, разспрашиваетъ обо мнѣ, и видимо хочетъ загладить впечатлѣніе своей невольной откровенности. Я узнаю, что она постоянная сотрудница мѣстной партійной газеты, основанной ея мужемъ, что составляетъ популярныя брошюрки, что библіотека «партійнаго дома» въ ея завѣдываніи. Женскимъ движеніемъ она не интересуется. Даніельсонъ былъ далекъ отъ него. Но, конечно, она признаетъ его пользу...

— «Дайте мнѣ вашу карточку,» прошу ее на прощанье.

— «Мою карточку? Да на что она вамъ? Или вы составляете альбомъ иностранныхъ знаминитостей?» отшучивается она.

Но я настаиваю.

— «Ну вотъ вамъ, одна изъ послѣднихъ, только я здѣсь очень польщена».

Но карточка ничуть не польщена, хотя на ней фру Даніельсонъ и значительно моложе; не передаетъ она всей красоты ея духовнаго облика, что скрывается въ интонаціи голоса, въ улыбкѣ, въ жизни глазъ...

Въ передней она вдругъ останавливаетъ меня, и, держа за плечи, внимательно, испытующе глядитъ мнѣ въ лицо.

— «Тоже свое горе? да?» тихимъ проникновеннымъ голосомъ. «Вотъ этой складочки у рта на конференціи не было... Что-нибудь случилось?» Я отшучиваюсь, но краснѣю.

— «Съ вами опасно имѣть дѣло... Если бъ вы жили въ средніе вѣка, васъ бы сожгли на кострѣ за чтеніе въ сердцахъ»...

— «Что же дѣлать! это мое ремесло»...

Мы долго цѣлуемся, такъ прощаются только друзья...

IV. На прощальномъ обѣдѣ.

Обѣдъ торжественный, чинный, по всѣмъ правиламъ. Послѣ обильнаго завтрака никому ѣсть не хочется, но приходится добросовѣстно слѣдовать «ритуалу».

Слѣва Жоресъ, направо бургомистръ Стокгольма, соціалистъ, напротивъ Вандервельдъ съ хорошенькой женой мѣстнаго редактора Г., француженкой по про-

исхожденію. Она вся расцвѣла отъ возможности поговорить на родномъ языкѣ и теперь бойко щебечетъ, задѣвая «все» и ни на чемъ не останавливаясь. А Вандервельдъ также легко подхватываетъ ея скачущую мысль и умѣетъ при каждой темѣ разсыпать блестки своего ума и краснорѣчія...

— «Беклинъ... Да, конечно, это нѣчто, что германскія народности подарили міру... Что касается Германіи, то она богата геніями музыкальными и крайне бѣдна художниками... У этого народа не хватаетъ красокъ... это нація съ «созерцательной душой», направленной внутрь себя... Ихъ глаза закрыты для міровой красоты...»

— «Беклинъ? Что такое Беклинъ?» вмѣшивается Жоресъ, онъ его не признаетъ. Краски его крикливы, въ нихъ не хватаетъ той теплоты тоновъ (couleures chaudes), которой характеризуется старая, классическая живопись. «Классическая», подчеркиваетъ онъ, «но не эти мертвые, деревянные прерафаэлиты».

— «А Ботичелли? А фра Беато-Анжелика?» вопрошаетъ маленькая бойкая француженка, знающая всѣ ходкія имена.

Ее поддерживаетъ Вандервельдъ. Но Жоресу художественныя бесѣды «не по вкусу»; на этой почвѣ онъ не особенно твердо себя чувствуетъ... Живо и образно разсказываетъ онъ рядъ своихъ злоключеній въ Копенгагенѣ, вызванныхъ незнаніемъ датскаго языка. Обсуждаемъ шансы «Эсперанто»...

Мой сосѣдъ, бургомистръ Стокгольма, интересуется работами женской конференціи. Самъ онъ не могъ на ней быть, но живо слѣдилъ за ея ходомъ.

Отклоненную нами резолюцію по поводу ночного труда онъ беретъ подъ свою защиту и обвиняетъ насъ всѣхъ въ узости и «прямолинейности».

— «Отчего это вы, женщины, такъ любите упрощать и схематизировать вопросы? Вамъ непремѣнно

надо либо категорическое «да», либо категорическое «нѣтъ»; все, что посрединѣ—отъ лукаваго. А большинство соціальныхъ проблемъ вовсе не такъ просты и шаблонны, чтобы ихъ рубить съ плеча, рѣшать безапелляціонно разъ навсегда и безъ оговорокъ... Неужели вы серьезно думаете, что отклонивъ резолюцію типографщицъ, вы послужили дѣлу женской эмансипаціи?»

— «Дѣло идетъ не о женской эмансинаціи, а объ интересахъ класса... Здѣсь налицо былъ конфликтъ между интересами профессіи и задачами класса... Не могли же мы, изъ-за того, что сейчасъ, вслѣдствіе особыхъ условій, датскимъ и шведскимъ наборщицамъ невыгодна отмѣна ночного труда для женщины, провозгласить принципъ ночной работы!..

— «Постойте, милый товарищъ, вы, какъ это съ вами, женщинами, часто случается не точны. Прежде всего, резолюція типографщицъ вовсе не провозглашала принципа ночного труда. Наоборотъ, она опредѣленно требовала его отмѣны, но только одновременно и для мужчинъ и для женщинъ. Это—разница, товарищъ, и существенная».

— «Но вы же прекрасно понимаете, что сейчасъ такого рода требованіе не болѣе, какъ абстрактное пожеланіе... Абсолютная отмѣна ночнаго труда для обоихъ половъ...»

— «Зачѣмъ же сейчасъ «абсолютная» отмѣна?» перебиваетъ меня бургомистръ. «Опять эти женскіе абсолюты!.. Вамъ не нравилась категорическая форма резолюціи? Тутъ я къ вамъ всецѣло присоединяюсь. Но что мѣшало вамъ выработать «компромиссную формулу», и рядомъ съ «принципомъ» выставить и практическія оговорки? «Въ тѣхъ производствахъ, гдѣ ночная работа можетъ безъ ущерба для производительныхъ силъ страны быть отмѣнена, (здѣсь вставить обдуманное перечисленіе производствъ), мы тре-

буемъ ея отмѣны не для однѣхъ женщинъ, но и для обоихъ половъ...» Выработка такой резолюціи заняла бы много времени? Допускаю! Но имѣете же вы въ виду вашими съѣздами достичь и жизненныхъ задачъ, не одна же это «дамская болтовня» на строго-ортодоксальномъ языкѣ! Знаете ли вы, товарищъ, кто у насъ главные иниціаторы законовъ о запрещеніи ночнаго труда женщинамъ? Представители профессіональнаго рабочаго движенія... Постойте, вы, кажется, готовы имъ апплодировать? Такъ позвольте же мнѣ разрушить ваши розовыя иллюзіи и показать вамъ, что за этимъ скрывается...»

И онъ набрасываетъ картину той растущей конкурренціи мужского и женскаго труда, того глухого антагонизма между полами, какимъ всегда богата стадія хозяйственнаго развитія страны, еще недавно вступившей на путь крупно-капиталистическаго производства. Въ Англіи, Франціи, Германіи боролись тѣмъ, что закрывали женщинамъ доступъ въ профессіональныя организаціи. Теперь это орудіе признано негоднымъ—оно ранитъ самихъ его носителей. Зато найденъ другой, скрытый способъ ослабить женскую конкурренцію—поставить ее въ худшія, по сравненію съ мужчинами, условія борьбы за существованіе. Предприниматель, имѣющій передъ собою женщину, надъ которой тяготѣетъ рядъ законодательныхъ запретовъ, и свободнаго мужчину, разумѣется выберетъ послѣдняго, даже, если его трудовыя руки ему обойдутся нѣсколько дороже. Надо, чтобы женщина предлагала свой трудъ по непозволительно-низкому тарифу, чтобы заставить предпринимателя предпочесть ее мужчинѣ.

— «И это говорите вы! Вы, иниціаторъ этихъ прекрасныхъ биллей объ охранѣ материнства? Объ устраненіи женщинъ изъ цѣлаго ряда вредныхъ производствъ? На этотъ разъ непослѣдовательны вы, уважаемый товарищъ!»

— «Постойте! постойте! Опять эта женская логика! Кто же вамъ сказалъ, что я отрицаю пользу законодательной защиты женскаго труда? Но, я ставлю границу тамъ, гдѣ такая односторонняя защита, вредитъ экономической самостоятельности женщины, гдѣ женщина...»

— «Но и охрана материнства, и всѣ ваши билли— это все односторонняя защита, если подходить къ вопросу съ вашей точки зрѣнія!»

— «При охранѣ материнства приходится выбирать между двухъ золъ—вырожденіемъ націи и ущербомъ, причиняемымъ извѣстной категоріи работницъ... Тутъ не можетъ быть выбора. Иное дѣло ночной трудъ. Тутъ, при деталировкѣ вопроса вы могли и «принципъ соблюсти», и не повредитъ интересамъ наиболѣе передового слоя работницъ... Не надо было только этой категоричности... Хотя я сторонникъ женской эмансипаціи, но, чѣмъ больше имѣю дѣло съ вами, представительницами прекраснаго пола, тѣмъ больше убѣждаюсь: много вамъ еще надо поучиться раньше, чѣмъ вы будете способны безъ вреда для человѣчества рѣшать соціальные вопросы... А, впрочемъ, Scool за скорѣйшую эмансипацію женщинъ!»

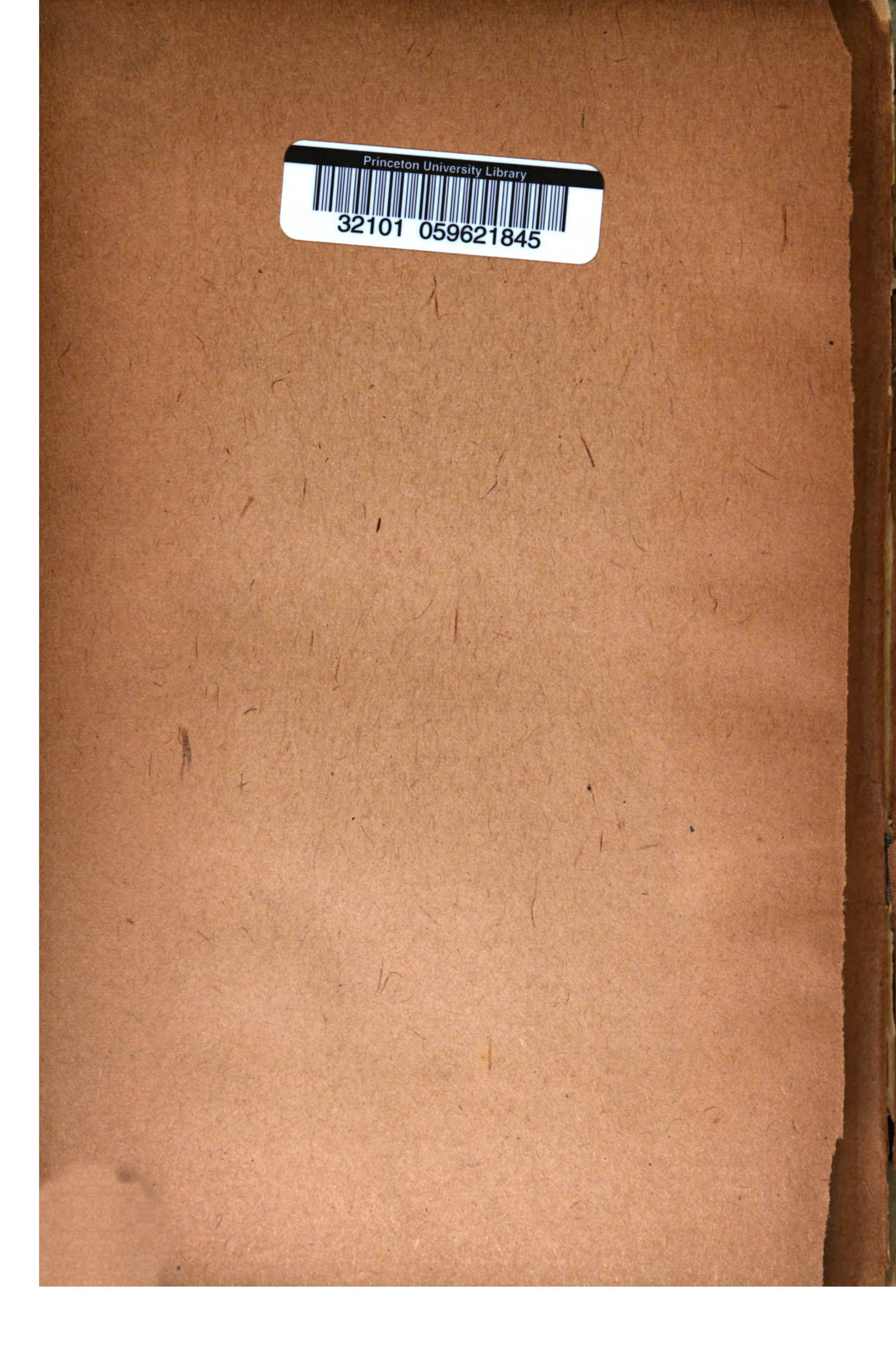
Своей шуткой онъ, какъ бы ставитъ точку нашему «принципіальному спору», слишкомъ уединившему насъ среди общей праздничной трапезы.

Черный кофе послѣ обѣда въ общемъ салонѣ отеля, любопытствующіе обитатели гостинницы, съ фланирующимъ видомъ прохаживающіеся мимо насъ и бросающіе на насъ «случайные», любопытные взгляды, и мы прощаемся. Кто спѣшитъ на поѣздъ, кто на отдыхъ.

На вокзалѣ наталкиваюсь на русскихъ, возвращающихся съ конгресса на родину. Прощанье теплое, и маленькая зависть—ѣдутъ въ Россію!..

Темное купэ бросаетъ изъ стороны въ стороны. Противъ меня дремлетъ Молькенбуръ, секретарь центральнаго комитета германской партіи. Но я не сплю... Закрываю глаза... Если бъ можно было сейчасъ не думать, не чувствовать, не жить... Закрытыя вѣки безсильны удержать капающія слезы...

Можетъ же и у агитатора быть свое горе, своя «боль», даже послѣ всѣхъ этихъ большихъ, бодрящихъ переживаній...

Princeton University Library
32101 059621845

